

ДОСЬЕ БЕЗ РЕТУШИ

АДМИРАЛ КОЛЧАК

ДИКТАТОР ПОНЕВОЛЕ

Н. А. ЧЕРКАШИН

**Москва
«ВЕЧЕ»
2005**

ББК 63.3(2)612.8
Ч 48

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, д. 24.
Издательство «Вече».

Телефон: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74
Тел./факс: 188-89-59, 188-00-73

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел. (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru

ISBN 5-9533-0518-4

© Черкашин Н.А., 2005.
© ООО «Издательский дом «Вече», 2005.

Автор выражает благодарность всем, кто помог делом и добрым советом в сборе и обработке материалов для этой книги:

таллиннскому историку российского императорского флота Владимиру Верзунову, московскому исследователю Владимиру Лобыцыну, петербургскому историку флота Владимиру Фотуньянцу, начальнику штаба Северного флота вице-адмиралу Сергею Симоненко, историку-архивисту Марине Черкашиной, сотруднице Библиотеки русского зарубежья Татьяне Корольковой, сотруднице ЦГА ВМФ Людмиле Спиридоновой, петербургскому историку Александру Смирнову, севастопольскому правозащитнику Владимиру Стефановскому, кинорежиссеру Сергею Юрженко, сотруднице музея Вл. Набокова Елене Кузнецовой, а также родственникам Александра Васильевича Колчака — Михаилу Александрову, родственнику Софьи Федоровны Колчак (Омировой) — Андрею Ткаченко, родственнику Анны Тимиревой — Илье Сафонову.

Приношу низкий поклон с молитвенной памятью — писателям Владимиру Максиму, Виктору Конечному и Валентину Пикулю, капитану 1-го ранга профессору Николаю Залесскому, протоиерею отцу Борису (Старку).

ОТ АВТОРА

У него ничего не было, кроме чемодана со сменой белья и парадным мундиром, а ведь ему приходилось командовать лучшими флотами России. Теперь им пугают детей, изображают негодяем ада, кровавожадным чудовищем с мертвыми глазами людоеда, а он всю жизнь мечтал о путешествиях и о тайном уединении в тиши кабинета над картами открытых земель.

Вл. Максимов. «Звезда адмирала Колчака»

Имя этого человека, брошенное на весы Фемиды, еще не остановило их чаши. Они качаются и поныне, хотя их так долго придерживал жестокий палец партийного цензора.

За последние восемьдесят лет злых и бранных слов об адмирале Колчаке сказано не меньше, чем восторженных за сорок шесть лет его жизни. Впрочем, минувшее десятилетие несколько уравнило чаши весов: о Колчаке вышла добрая дюжина толковых, отнюдь не хулительных книг, сняты фильмы художественные и документальные, написаны диссертации и пьесы. Спектакли об адмирале идут в Севастополе и Иркутске. На месте расстрела поставлен крест. В Кисловодском военном санатории «Благодать» открыт едва ли не первый в России музей Колчака, точнее, музейная комната, посвященная уроженке города Анне Васильевне Сафоновой-Тимиревой. Даже в Москве, в ограде храма на Соколе, можно прочесть имя адмирала Колчака на поминальной плите. Все это сделано стараниями энтузиастов, знатоков и ценителей отечественной истории. Официальные власти страшатся имени Колчака, то ли по преемственности от большевистских правителей, то ли от нежелания брать на себя еще одну заботу — увековечивать память «весьма спорного деятеля гражданской войны», как оценили личность адмирала петербургские чиновники, когда инициативная группа горожан предложила отметить

памятными досками дома, где жил и работал Александр Васильевич Колчак. В мемориальной прописке Колчаку отказали, как отказали и в реабилитации его по закону о жертвах политических репрессий. Его судебное дело отправили на правовую экспертизу в военный трибунал Забайкальского военного округа. По иронии истории делом Колчака занимался прокурор по фамилии Чапаев. Оттого ли, потому ли, но по всем статьям — лавина отказов: корабль назвать — отказ, восстановить на карте историческое название «остров Колчака» — отказ, повесить мемориальную доску на дом, где прошло детство, — отказ...

Однако среди самых выдающихся десяти полководцев России XX века россияне, утверждает далеко не самая лояльная к героям Белого движения газета «Новые известия», третьим после маршала Жукова назвали адмирала Колчака.

Лучшими памятниками адмиралу стали книги последнего времени, вышедшие, по счастью, без санкции Главлита. К их числу принадлежит биографическая повесть-хроника «Адмирал Колчак», написанная историком флота Константином Богдановым, «Огонь и пепел» (Неизвестный Колчак) Валерия Краснова, а также его двухтомник «Колчак. И жизнь, и смерть за Россию», монография Ивана Плотникова «Колчак», вышедшая в Ростове-на-Дону, книга алтайского исследователя Георгия Егорова «Последние дни Колчака», роман-эссе Юрия Власова «Огненный крест», роман Валерия Поволяева «Верховный Правитель», монография Валерия Синюкова «Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики», наконец, уникальное переиздание военных дневников отца и сына — Василия Ивановича и Александра Васильевича Колчаков «Севастополь — Порт-Артур», предпринятое петербургским историком Александром Смирновым, замечательная документальная повесть «Гранит во льдах» о Русской полярной экспедиции Юрия Чайковского, диссертационная работа авторитетного колчаковеда Сергея Дрокова... Все это составило многоплановую и яркую колчакиану, начатую эмигрантскими биографами адмирала Сергеем Мельгуновым, Михаилом Смирновым, Николаем Чириковым.

На долю автора этой книги выпало немного открытий в судьбе Колчака, хотя и довелось немало походить по его стопам и в Санкт-Петербурге, и в Лондоне, и в Севастополе, и в Таллинне (былом Ревеле), и в Хельсинки (тогдашнем Гельсингфорсе), и в Полярном (Александровске-на-Мурмане), и в Тикси, и во Владивостоке, и в Пирее, довелось зажечь свечу на месте гибели Колчака в Иркутске...

Впрочем, за героем этой книги все равно не угнаться. Вряд ли кто из россиян его времени поездил по миру, походил по морям столько, сколько он...

То, что открылось мне в беседах с бывшими офицерами русского флота — а мне посчастливилось застать в ясной памяти и мичмана с «Цесаревича» Альфреда Бекмана, и последних гардемарин Морского корпуса Александра Пышнова, Бориса Лобача-Жученко, Кербера — в беседах с сыновьями тех, кто знал Колчака очень близко по службе и в жизни: контр-адмиралов Георгия Старка и Михаила Черкасского, капитанов 1-го ранга Алексея Щастного и Сергея Влащева, с дочерью капитана 1-го ранга Петра Новопащенко и внуком контр-адмирала Бориса Вилькицкого, с племянницами вице-адмирала Адриана Непенина и племянниками Федора Матисена и Анны Тимиревой, все, что отозвалось в душе при чтении архивных документов, в тишине арктических снегов и на палубах ледоколов — все в этой книге.

За два года до гибели у него была возможность сказать «нет», и тогда бы жизнь его, вероятно, продлилась до естественных пределов, а имя украшало бы географические справочники, борта кораблей, титулы книг и уличные таблички. Но он сказал «да» — и выбрал тот путь, который на Руси издавна метился грозным перепутным камнем: «Прямо поедешь — убитому быть...» Да и мог ли он выбрать кружную дорогу, когда только по прямой лежал путь к главной цели его жизни — к Южному полюсу?!

Как бы там ни было, но из истории России его имя не вычеркнуть, как не вымарать его из ледяных скрижалей Арктики.

Часть первая

БЕЛАЯ КАРТА

Вместо пролога

ЛЕНИНГРАД.

МАЙ 1990 ГОДА

На Исаакиевской площади я сел в допотопный трамвайный вагончик с прямыми окнами в деревянных рамах, с дугой, изогнутой на манер спинки финских саней... Этот экскурсионный трамвайчик, трамвай-воспоминание, повлек меня по старому Питеру, погромыхая старинным железом... Вспоминала вслух молодая гидесса с копной нахимиченных волос. Она же перечисляла и экскурсионные маршруты: Петербург Пушкина, Петербург Блока, Петроград Ленина, Ленинград Кирова... Можно было пройтись по адресам Гоголя и Шалапина, Андрея Белого и Скрябина, Ахматовой и Гумилева. Но был — был и есть! — я знал это доподлинно, Петербург Колчака. Город молча помнил этого человека, сделавшего свой самый первый вдох под его неприветливым небом.

Быть может, и поручни этого трамвайчика помнили пальцы Колчака — гимназиста, гардемарина, офицера... Я ехал к тому дому, где прошло его детство: Поварской переулок, 6. Разумеется, его не было ни в каких путеводителях, как не было в них и второго весьма важного в его жизни адреса — Большая Зеленина, 3... Я постоял

перед обшарпанным, как и повсюду в округе, трехэтажным фасадом. Мысленно примерил на стену мраморную доску с золочеными буквами: «В этом доме прошли детские и гимназические годы выдающегося полярного исследователя, флотоводца и государственного деятеля России Александра Васильевича Колчака».

Право, доска бы эта смотрелась на этой ветхой стене, как драгоценный орден на жалком рубище.

Потом я поднялся по запущенной за семь десятилетий бездворничкого догляда лестнице и позвонил в его бывшую квартиру. Три бойкие старушки — соседки по коммуналке — провели неожиданного гостя на кухню, выслушали мое сообщение о прежних хозяевах квартиры и были изумлены и приятно польщены своей причастностью к имени этого известного всем человека.

Я тоже был удивлен: старушки, жизнь которых пришлось явно лишь на советские годы и которые ничего, кроме хулы, о Колчаке не слышали, были польщены тем, что жили в его стенах...

Два документа лежат на моем столе, знаменуя начало и конец жизни героя этих строк. Первый — выписка из метрической книги Троицкой церкви села Александровского Петербургского уезда: «У штабс-капитана морской артиллерии Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных родился сын Александр, четвертого ноября, крещен пятнадцатого декабря 1874 года».

И второй — радиограмма председателя Сибревкома И.Н. Смирнова: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивое положение советской власти в Иркутске, приказываю вам находящегося в заключении у вас адмирала Колчака... с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Между этими бумагами сорок шесть лет жизни. И какой жизни...

Глава первая

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ

В год тридцатый по завершении севастопольской кампании полковник морской артиллерии Василий Иванович Колчак собрался посетить места, где прошла его боевая бомбардирская юность. Для

его десятилетнего сына-гимназиста Саши эта поездка началась, как обычные сборы к бабушке в Одессу. Разве что на сей раз отец попросил его быть непременно в полной гимназической амуниции, при фуражке с эмблемой 6-й петербургской классической гимназии. Сам он тоже надел в дорогу белый флотский виц-мундир с севастопольскими медалями и солдатским Георгием на черно-оранжевой ленточке, полученным за меткую стрельбу с Малахова кургана, как полагал Саша, чуть ли не из рук самого адмирала Нахимова¹. И фуражку он взял не обычную — балтийскую с черным околышем и белым верхом, а припрятанную до случая черноморскую — белую всю.

В Одессу выехали поездом, взяв два купе в вагоне первого класса: в одном ехали Ольга Ильинична со старшенькой Катей, в другом сам Василий Иванович с Сашей. Раньше никогда так не шиковали — брали одно четырехместное купе во втором классе, но эта поездка обещала быть особенной с самого начала, и Василию Ивановичу очень хотелось, чтобы она стала праздником не только для него одного.

В Одессе полковник Колчак долго не задержался. Взял с собой сына и отправился в порт, где нашел старого приятеля, капитана грузопассажирского парохода «Гаджибей» Ивана Андреевича Порубко. «Гаджибей» совершал каботажные рейсы в Крым, Новороссию и дальше до самого Батума. Капитан Порубко — могучий грузный казачина в белоснежной флотской тужурке при золотых нашивках — с радостью взялся доставить Василия Ивановича в Севастополь. Ольга Ильинична с Катей провожали их на следующий день. Старшей сестре тоже очень хотелось попасть на судно; от досады, что ее не берут, она покусывала губы, но дело намечалось мужское, можно сказать, военное, так что морская прогулка ей никак не улыбалась. Они с мамой долго махали пароходу с причала платками, пока черный дым из одинокой прямой трубы «Гаджибея» не скрылся за мысом. Саша стал было отвечать им, сорвав со стриженной головы серую фуражку, но, поймав ироничный взгляд отца, водрузил головной убор на место, и, подняв, как и он, правую руку, степенно поводил ладонью из стороны в сторону.

Море источало такую синеву с таким радостным переблеском южного солнца на взгорбьях волн, что никакая печаль не омрачала душу, тем более что разлука намечалась совсем недолгой, тем более

¹ Знак ордена Святого Георгия прапорщику морской артиллерии Василию Колчаку вручил комендант Севастопольского гарнизона князь Васильчиков 4 августа 1854 года (Здесь и далее все примечания автора)

что за маяком пароход встретили дельфины, вылетая из воды стремительными сверкающими полукружьями, тем более что капитан Порубко пригласил их на мостик, откуда мир открывался совсем по-другому — высоко и просторно.

— Ну, что, господин гимназист, — обращался к нему повелитель этого лучшего на свете корабля, — батюшка-то ваш не рассказывал вам, как шли мы с ним в Севастополь на бочках с порохом? То-то был бы фейерверк, ежели бы турки нас зажгли! А, Василий Иванович? Тысяча пудов доброго артиллерийского пороха — то ж не фунт изюма?

— В Стамбуле бы услышали! — Не отрывался отец от подзорной трубы. Он разглядывал удаляющийся берег.

— Я тогда юнгой был в Николаеве, немного старше вас, а батюшка ваш в юнкерах хаживал... Ну, и отрядили нас в конвой порох в Севастополь вести на крытых фурах. А ведь пронюхай о том вражеские лазутчики, не сдобровать нам — один лишь ружейный выстрел и поминай как звали!

Саша не раз слышал эту историю от отца. Когда началась Севастопольская война, Одессу, где жила тогда семья дедушки Ивана Лукьяновича Колчака да и мамина тоже (правда, Ольга Ильинична Посохова еще не родилась к тому времени), обстреляли корабли англо-французской эскадры...

...Это случилось в Страстную пятницу — 9 апреля 1854 года, когда из всех одесских храмов выносили Плащаницу, символический саван Христа. Вдруг громом среди ясного неба бабахнул первый орудийный залп. Восемь английских и французских военных пароходов выстроились на внешнем рейде в боевую линию. Против них стояла лишь одна вооруженная 24-фунтовыми пушками береговая батарея прапорщика Щеголева, остальные являли собой лишь земляные насыпи, наспех возведенные ввиду назревавшей войны.

Русская береговая батарея открыла ответную пальбу, но быстро сбавила темп, поскольку ураганный огонь изрядно побил пушкарей. Тогда на помощь батареям бросились три лицеиста. Среди тех, кто подоспел к умолкающим орудиям, был и шестнадцатилетний Василий Колчак, выпускник одесского рিশельевского лицея (подобный ему был только в Царском Селе). Бой разгорелся не на шутку. Юноши наравне с канонирами всю орудовали у пушек — подтаскивали ядра, подносили заряды... Орудия умолкли лишь тогда, когда на батарею кончился порох.

Вражеские корабли, сжегши пристань и несколько купеческих судов, ушли, а хваткого смелого лицеиста оставили при батарею.

Василия Колчака зачислили юнкером в 44-й флотский экипаж. Вскоре поручили ему сопровождать в Севастополь артиллерийские припасы ввиду того, что главный театр военных действий определился в Крыму. Вести порох морем было нельзя — неприятель установил морскую блокаду побережья. Тогда из Николаева, где размещались флотские арсеналы, огнеприпасы были погружены на конные фуры и взрывоопасный транспорт двинулся под охраной казаков и моряков в дальний — полутысячеверстный путь.

В том воистину адском походе Василий и сдружился с судовым юнгой Ваней Порубко, по кличке Казачок, поскольку тот, как, впрочем, и юнкер Колчак, был выходцем из черноморских казаков и вместо матросского платья носил неизменную черкеску.

На обед капитан пригласил дорогих гостей в свою каюту, где и был накрыт стол на троих. И хотя в посвежевшем море «Гаджибей» изрядно покачивало — вестовой даже застелил стол мокрой скатертью, чтобы не съезжали тарелки — Саша, который вдруг почувствовал, как столь радужный доселе морской мир несколько поблек и стал весьма неуютен, все же заставил себя сесть за стол. Уха из султанок, сдобренная красным перцем и красным же луком, показала преотвратную настольку, что он едва не выскочил из-за стола без спросу и не бросился на свежий воздух. Отец насмешливо поглядывал на побледневшее лицо сына, видимо, вспоминая и свои первые морские ощущения. Он попытался приободрить его, рассказывая французский анекдот про некоего абсолютно лысого господина, у которого в ресторане вдруг в тарелку свалился сверчок. «Поскользнулся, милый?!» — спросил господин.

Саша вежливо изобразил подобие улыбки. Он стоически выдержал до конца обеда, отведав лишь зеленого кислющего яблока на десерт.

— А не постоять ли нам на руле, Александр свет Васильевич?! — великодушно предложил Порубко, поднимаясь из-за стола. Все трое сотворили послетрапезную молитву и покинули каюту.

На мостике, продуваемом свежим ветром, капитан велел рулевому матросу, рыжеусому дядьке в полотняной рубаше, передать штурвал «господину гимназисту». Саша, разведя до предела руки с трудом ухватился за отполированные ладонями рулевых до матовой желтизны деревянные рукояти.

— Ложись на чистый зюйд! — Скомандовал Порубко. — Так, чтобы эта стрелка смотрела на букву «S». — Пояснил он, постучав пальцем по стеклу путевого компаса.

— Ну, ворочай вправо! Смелее...

Саша изо всех сил приналег на рулевое колесо, и оно нехотя повернулось. Сразу же нос парохода, увенчанный бушпритом («Гаджибей» нес и парусную оснастку на двух мачтах), медленно пошел вправо, отворачивая от берега. Мальчик не сразу поверил, что вся эта железная машина с дымящей трубой и высоченными мачтами, подчинилась движению его рук; но она подчинилась! Пароход качался сильнее, подминая под себя встречную волну. Качка стала килевой, да Саша уже и не замечал ее — дурнота прошла сразу, как только он ощутил в своих руках власть над огнедышащим кораблем. Глаза сияли гордостью — видели бы его сейчас питерские одноклассники! Видели бы Катя, мама! Ведь это он сейчас сам — сам! — ведет большой пароход со множеством людей и грузов на борту. И никто из пассажиров даже не подозревает, что «Гаджибей» повернул на юг не кто иной, как гимназист третьего (уже переведен в третий) класса Александр Колчак.

Это упоительное счастье длилось с четверть часа, хотя мальчику и показалось, что он отстоял за штурвалом целую вахту.

— Ну что, теперь уж, верно, моряком будешь? — спросил капитан Порубко. Саша ответил не сразу. Ему не хотелось обижать этого замечательного человека, но он сказал то, что давно уже было им решено:

— Нет. Я, как папа, буду пушки делать.

Перед глазами встали огромные пролеты обуховских цехов. Поднятые на цепях стволы гигантских орудий — что там Царь-пушка! — медленно плыли под закопченными стеклами заводских кровель. Огромные зевластые — из них стреляли не люди по людям, а государства по государствам...

— Вы ведь читали сочинение господина Жюль Верна «Из пушки на Луну»? — спросил Саша. — Так вот и я хочу такую пушку построить, чтобы в снаряде до Луны долететь.

— Охо-хо, — засмеялся старый капитан. — Да зачем вам Луна, коли мы еще свою Землю-матушку как след не знаем?

— Как это не знаем? — изумился Саша. — Столько путешественников было, все карты давно составлены.

— Все да не все... — Порубко достал из шкафа глобус на резной подставке. — Вот видите у Земли две макушки, два полюса — Северный и Южный, а ведь ни одна живая душа туда не добралась, не посмотрела, как она, эта ось мира, через те полюса проходит, на каких таких подшипниках вертится? А вот вам, господин гимназист, целый застывший океан при полюсе, где люди только-только по самому краешку чуток прошли и все. А сколько ж там земель

еще не открытых, островов... Ого-го! А вы на Луну собрались. Да у нас еще тут, на Земле, столько делов! Ну, как, уговорил?

— Я подумаю, — дипломатично ответил мальчик.

— Ну, что ж, брат Пушкин, тебе виднее. Айда чай пить.

И они снова спустились в капитанскую каюту, где вестовой привинтил к столу маленький дорожный самовар-кубышку из надраенной до зеркального блеска латуни. Чай пили турецкий с колотым сахаром, миндалем и сушками. А Порубко с отцом приняли по стопочке старки за успешное завершение того «порохового похода», из которого они вернулись не отроками, но мужами...

В Севастополь «Гаджибей» прибыл к полудню, когда с полукруглого о двух ярусах белой Константиновской батареи гулко и туго рванула воздух полуденная пушка. Пароход стал под разгрузку в квадратный ковш Артбухты, а отец с сыном, оставив дорожные вещи в каюте («Гаджибей» собирался в обратный путь через три дня), сошли в город. Первым делом они поднялись на центральный холм, увенчанный белым храмом с цветными — красно-синие-зелеными — круглыми оконцами вроде судовых иллюминаторов. В наружные стены главного храма Севастополя были вделаны мраморные плиты с именами павших адмиралов. Сняв фуражки и взяв их, как положено, в левую руку козырьком вперед, Колчаки старший и младший поднялись на паперть. С замиранием сердца Саша вошел под высокие своды в полумрак, слегка расцвеченный цветными бликами. Слева по всей стене поблескивали золотом беломраморные доски с именами Георгиевских кавалеров, получивших эти знаки высшей воинской доблести во дни севастопольского стояния.

Купив свечи, Василий Иванович, забыв о сыне, стал возжигать их одну за другой перед заупокойным крестом, потом долго писал поминальный список: «Помяни, Господи, души убиенных воинов твоих: «Петра, Феодора, Степана, Алексея, Николая, Василия, Михаила, Карпа, Александра...»

Позже Саша прочтет в книге отца «Война и плен»:

«...Беспрестанно падавшие снаряды поражали то человека, то станок, то орудие, то, падая в толщу насыпи, разворачивали ее и превращали в безобразную грудку земли. Вот затлелись от бомбы туры и фашины. Солдат хватает мокрую швабру и, перекрестившись, влезает в забрасываемую снарядами амбразуру — пожар потушен, солдат убит. Впрочем, о смерти не задумывались, да и некогда просто было. Вот взвизгнуло ядро, пролетевши через самую середину амбразуры. Здоровый, красивый матрос, наводивший ору-

дие, с улыбкой что-то приговаривая к выстрелу, незаметно осел, съехался, согнулся — и медленно, почти плавно рухнул наземь. Ядро снесло ему полчерепа. Рядом стоящий товарищ сорвал с себя фуражку, нахлобучил торопливо на кровавую голову мертвеца и спокойно заступил на его место. Весь забрызганный кровью своего предшественника, он хладнокровно наводил орудия, держась правой рукой за клин и отдавая команду прислуге. Ни секунды не было потеряно, и ответный выстрел загремел в свой черед...»

Если бы прапорщик морской артиллерии Василий Колчак написал свою «Войну и плен» прежде «Севастопольских рассказов» поручика горной артиллерии Льва Толстого, его литературный успех в России был бы не менее заметен, чем дебют его собрата по оружию. Но он сподобился написать свою хронику лишь спустя полвека после пережитых событий.

Помянув соратников по Гласисной батарее, полковник Колчак спустился по приалтарной лестнице в крипт — нижний храм, где под напольным крестом из черного мрамора покоились останки великих севастопольских адмиралов — Лазарева, Истомина, Корнилова, Нахимова...

ОРАКУЛ-2000: Лежать бы и адмиралу Колчаку вместе с ними, если бы смерть подкосила его на три года раньше, чем пришла к нему. Но и останки великих адмиралов не пощадили: в двадцатые годы «археологи» из НКВД пытались обнаружить в усыпальнице адмиралов драгоценные ордена на истлевших мундирах, кортики и сабли с золотыми эфесами. До них это пытались сделать англичане с французами — сразу же по горячим следам по не остывшим от пожарищ севастопольским камням, в 1918 в гробнице шарили кайзеровские любители старины. В 1942-м фашистские офицеры. В 1992 году кости героев Севастополя шустрый питерский студент увез в коробке из-под бананов в Ленинград, еще не ставший Петербургом. Якобы на судебно-медицинскую экспертизу. Те ли черепа, не те — неизвестно до сих пор. Но в тот же год некий шофер из Иркутска заявил телерепортеру, что он знает, где лежит скелет адмирала Колчака.

Лихолетье России уравнило их истинные могилы в безвестье... Остались только кресты, где были первоначально похоронены севастопольские адмиралы, где был расстрелян Колчак, где была убита семья отрекшегося императора. Некрополь великих сынов России исчез, как град Китеж...

Из Владимирского собора Василий Иванович повел сына крутыми трапами-спусками в сторону вокзала, точнее в горную слободу Бомборы. Город еще хранил многие следы военного разрушения: то тут, то там попадались руины домов с пустыми глазницами, пробоины-проломы в каменных заборах, Саша набрал целый карман штукерных пуль и чугунных осколков.

Севастополь слишком долго, почти до скобелевских побед в Болгарии, простоял в развалинах, без права держать в своих бухтах военные корабли. И вот за шесть последних лет он стал оживать, отстраиваться заново. Год назад, пояснял Василий Иванович сыну, на стапелях севастопольского адмиралтейства были заложены первые в мире многобашенные броненосцы «Синоп» и «Чесма». Да и сейчас хорошо было видно с высоты, как дымили в Южной бухте военные пароходы, как белели паруса сновавших пакетботов.

Морская синева была ровно налита во все разрывы городского ландшафта. Местами она стояла выше крыш, местами пропадала за взгорбьями холмов. Колонна Затопленным кораблям белела как поминальная свеча в честь севастопольских героев.

— Куда мы идем? — спросил Саша, подбирая очередной осколок.

— В Бомборы, в слободу отставных бомбардиров. Там живет Павел Лукич Рогов, бывший канонир нашей Гласисной батареи. Я ему жизнью обязан.

Только тут Саша заметил, что отец несет в руке небольшой, но увесистый сверток.

Когда столичный гимназист увидел этот крутой склон, заросший айлантом, дерезой и прочей дикой зеленью, сквозь которую краснели углы черепичных кровель, он не сразу понял, что там живут люди. Как можно ютиться на такой крутизне? Носить туда воду, дрова, хлеб и прочую провизию? Так могут селиться разве что горные ласточки, чьи гнезда торчат одно из-под другого. Но так жили в Бомборах люди. Множество семейств осевших в Севастополе отставных солдат и матросов, большей частью из бомбардиров давно минувшей войны, освоили каменистый склон, как смогли, настроили домиков-мазанок, надели двориков с подпорами, насадили в долбленных ямах яблонь, абрикосовых, вишневых, грушевых, персиковых, ореховых деревьев и, похоже, вполне примирились с неудобствами косогора.

Домик старого канонира Павла Лукича Рогова они отыскиали без помощи местных пацанят, которые с нескрываемым восторгом взирали на гимназическую форму нездешнего мальчика и серебряные погоны полковника с острой черной бородкой и совершенно лысой головой. Они сопровождали столь редкостных гостей в Бом-

борах до самой верхотуры, где на третьем ярусе книзу крепился невесть как к скале белый мазаный домик в два голубых окошечка. На пронзительные вопли мальчишек вышел хозяин домика — дед Павлуха в белой холщевой рубаше с закатанными рукавами.

— Господи Сусе, Василий Иванович, ты ли, голубчик?! И с сыном никак?! Вот ведь радость-то какая вышла. Вот ведь случай сподобился!

Василий Иванович снял фуражку, и они облобызались, после чего старик почему-то заплакал. Но тут же пришел в себя и зычно крикнул домочадцев:

— Варька, Глашка — жив-ва стол накрывайте! Гляньте, кто к нам пожаловал-то!

Из домика выскочили обе снохи Павла Лукича, потом выплыла сама хозяйка, прелюбезная Марфа Карповна, и в крохотном двореке закипело столпотворение вокруг столика под куцым виноградным навесом. Откуда-то возник и старший внук отставного бомбардира Степка. Вихрастого Степку с облупленным конопатым носом совсем не смутило гимназическое великолепие юного гостя. Он тут же потащил Сашу еще выше — на самую макушку Бомбор, которую еще не успели застроить и где в рыхлых кремовых камнях у него были спрятаны главные сокровища: старое бомбическое ядро, жестянка с пуговицами от английских, французских, сардинских и русских мундиров, нерасплющенные штуцерные пули, здоровенные, как бутылочные пробки, английский тесак, два бомбардирских погона...

Отсюда, с новой высоты, город открывался в новом великолепии. Море входило в город глубоко и извилисто, всеми своими многорогими бухтами. В разрывах крон виднелись корабли и бастионы.

— Вона — там Лазаревские казармы, там матросы живут. А вон — Царская пристань, туда царева яхта приходит. А за ней Минная стенка — корабли при ней стоят. А дальше на том берегу — Михайловская батарея. А то — Павловская. А вона — Малахов курган!

Степка втянул воздух чуткими ноздрями и распорядился:

— Наши за стол садятся! Айда скорее, а то ничего не останется.

За столом, сколоченным из старых, но крепких корабельных досок, накрытых льняной скатеркой сидели под виноградной сенью гость и хозяин дома. Мальчиков посадили рядом, заставив Степку отмыть руки с мылом. У Саши ладони тоже почему-то оказались в ржавчине, глине, черной смоле... Он с восторгом оглядывал крохотный дворик и домик, как бы нависший над бухтой и городом. К тому же, как пояснил Степка, под черепицей жили белки, воро-

вавшие у деда и у соседей грецкие орехи, а на самой кровле грелись зобастые ящерицы-гекконы, похожие на маленьких китайских дракончиков.

Обед был великолепен! Во всяком случае, в Питере такого Саша никогда не пробовал: в глиняных мисках дымились наваристая уха из барабулек и бычков, приправленная сладким красным перцем, затем одна из снох поставила на стол большое блюдо с голубцами в виноградных листьях, политыми сметаной, затем появились оловянные парадные кружки, полные черешневого киселя. А посреди стола в граненом графинчике рдело вино из шелковицы. Рядом же возвышалась бутылка шустровского коньяка, привезенного полковником морской артиллерии из самого Петербурга.

Первую чарку Василий Иванович и Павел Лукич подняли за убитого пулей в сердце через амбразуру батарейного командира лейтенанта Юрьева, потом за славного тезку канонира Рогова и, конечно, за адмирала Павла Степановича Нахимова.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В роковой день 26 мая мы потеряли нашего батарейного командира лейтенанта Юрьева. — Сетовал в своих записках Василий Иванович Колчак. — Тяжела, мучительна была служба на кургане, да и всюду в Севастополе. Вконец подорванные непрерывными потрясениями нервы совершенно притупились, и только гнет какой-то лег на плечи. Этот гнет спаял в моем представлении все пережитые дни в одну сплошную, однотонную массу физических и нравственных страданий. На фоне ее резко выделились моменты сильнеешего подъема чувств. Одним из таких моментов для меня была смерть Юрьева. Проходя по батарее, он остановился у одной из 24-фунтовых пушек во время ее заряжания. Матрос вынул из принесенного кокора заряд (помню даже — в красном мешке), хотел вложить его в канал орудия, тяжело был ранен осколком гранаты, лишился чувств и уронил заряд на платформу. Юрьев моментально поднял заряд, схватил прибойник для заряжания и — незаметно, вдруг — склонился на дуло орудия. Он не произнес ни звука, ни стола. Смерть наступила мгновенно. Пуля через амбразуру поразила его в сердце».

Отдохнув с дороги и после сытного обеда, дождавшись, когда спадет полуденный зной, Василий Иванович и Павел Лукич в сопровождении Саши и Степки тронулись в путь к Малахову кургану. На сей раз Колчак-старший взял извозчика, на котором все вчетвером приехали в самый центр Севастополя. Степка первый раз ехал в пролетке и потому сидел притихший и гордый, поглядывая по сторонам в тщетной надежде узреть на тротуарах кого-нибудь из знакомых. Саша

полагал, что Малахов курган возвышается посреди города, как тот холм, на котором стоит Владимирский собор. Но оказалось, что до него еще добираться и добираться. Сначала они прошли сквозь невысокую, но торжественную колоннаду Графской пристани, спустились по гранитной лестнице к причалу, откуда, к вящей радости обоих мальчишек, пересели на небольшой катер-паровичок, который через полчаса доставил их на Корабельную сторону. Затем долго шли мимо Морского госпиталя до Апполоновой слободы, поднялись через одну из арок старинного лазаревского акведука в гору и, наконец, представили у подножия широкого, не очень, впрочем, высокого взгорбья.

— Вот тебе, Сашок, и Малахов курган! — сказал Василий Иванович, снял фуражку и размашисто перекрестился. То же сделал и Павел Лукьянович Рогов, который по случаю такого похода обрядился в старый бомбардирский мундир с унтер-офицерскими погонами.

— Пап, а кто такой Малахов?

— Шкипер был, пьяница несусветный при адмирале Лазареве еще... Жил под самым Курганом, с тем и попал в историю. Да не в нем суть. Роковое место этот курган: адмиралу Истомину оторвало ядром голову, потом тяжело ранило опять же ядром адмирала Корнилова, а потом пуля ударила в висок адмиралу Нахимову. Адмиральская Голгофа... Да и матросская тоже.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Жизнь на кургане становилась все тяжелее и мучительнее. Убыль людей увеличивалась со дня на день. От прицельных выстрелов мы еще в некоторой степени были защищены земляным бруствером толщиной около 20 футов и до 8 футов в высоту, но от навесного огня спасения не было...

...Посмотрел — весь низ моей шинели в клочки изодран осколками гранат, очевидно проскочивших у меня под ногами во время бега. И ни одной царапины. А ведь я слышал у самых ушей своеобразное порханье осколков, самого малого из которых вполне достаточно было бы, чтоб отправить меня к праотцам...

В этом же месяце Малахов курган лишился своего начальника, капитана 1-го ранга Юрковского. Обходя батареи, он направился к башне и встретил по дороге капитана Станиславского. Разговаривая с ним, Юрковский остановился у самого входа в башню. В это время близко над ними разорвалась бомба и осколками тяжело ранило в бок Юрковского. Станиславскому же оторвало пальцы на ноге. Ему два раза делали ампутацию, но он не перенес ее, несмотря на свое атлетическое сложение, и через две недели скончался от гангрены. Юрковский прожил всего несколько дней».

Они поднялись на самый верх по дорожке, окаймленной туями, бересклетом, акациями, — к оборонительной башне, со стен которой еще не исчезли выбоины от осколков вражеских бомб и ядер. Неподалеку стоял крест над братской могилой русских и французских солдат. На нем Саша прочитал вслух надпись: «Смерть примирила их здесь».

ОРАКУЛ-2000: Кто мог подумать, что в декабре 1917-го здесь снова прольется кровь русских морских офицеров? По наущению большевистских вожakov их будут расстреливать свои же русские матросы — «во благо мировой революции». Пройдет слух, что среди расстрелянных был и мичман Горенко, брат известной поэтессы Анны Ахматовой. Она откликнется на эту жуткую вест строчками, которые станут эпитафией всем, для кого Малахов курган стал офицерской Голгофой.

*Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.*

В ночь с 15 на 16 декабря кровавого 1917 года было убито 23 офицера, среди них — три адмирала и генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства, командующий Минной бригадой капитан 1-го ранга И. Кузнецов, частенько бывавший в доме Колчаков.

* * *

День завершился поездкой на Братское кладбище, чей пирамидальный храм, похожий на солдатский шатер, белел на том берегу главной бухты. Не было в мире более светлого, более солнечного кладбища, чем эта севастопольская Валгала, напоминавшая скорее дворцовый парк, чем некрополь. Среди вечнозеленых туй, стоявших меж белых обелисков и склепов, как зачехленные знамена,

разбегались по склону этого последнего бастиона, который не взять никому никаким приступом, дорожки, проложенные к полковым плитам. Лишь один раз вздрогнул Саша: из сухой прокаленной земли торчал корень, похожий на человеческий локоть.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Раздался крик: «Французы!» Карпов, проходивший около башни в свой блиндаж, велел пробить тревогу; но барабанщик был убит, и тревогу протрубил стоявший тут же горнист. Послышалась частая, будто горох сыпался из мешка, перестрелка. В момент приступа я находился на левом фасе Гласисной батареи, у крайнего 68-фн. орудия, заряженного мелкою картечью с ядром. Я видел, как ряды синих мундиров смешались и рассеялись после выстрела, но взвившаяся пыль и пороховой дым скрыли от меня остальное.

Несколько выстрелов, разумеется, не могли удержать движения одушевленных масс. Французы все шли и шли вперед к кургану. Я поднял первый попавшийся пальник с дымящимся фитилем, схватил ручную гранату и пробежал к правому фасу батареи. Но здесь не удалось сделать ни одного выстрела. Орудия были или засыпаны землею, или подбитые лежали на сломанных станках. Французы, вскочившие в ров, по лестницам быстро взобрались через амбразуры и бруствер на батарею. Началась рукопашная схватка. На площадках кургана наши солдаты отдельными группами боролись с подавляющею массою французов. Дрались с ожесточением — штыками, прикладами, банниками, кирками, лопатами, всем, что было под рукою, чем попало, даже камнями. Шагах в 10 от Гласисной батареи, близ башни, лежал генерал Буссау. Окруженный небольшим числом наших солдат и ополченцев, бросился он к батарее, но зуавы стреляли по ним почти в упор, как в мишень. На батарее Жерве, внизу, с правой стороны кургана, бился князь Багратион во главе дружины 47-го курского ополчения. Ополченцы с топорами бросились на французов. Неприятель подавил их только массою.

Рядом с нашей батареей, на правом переднем фасе кургана, был редан в 3 орудия: одно из них действовало по бывшему нашему Камчатскому люнету и два — на случай штурма. Командир редана, прапорщик конной артиллерии Постников, в первые минуты штурма долго защищался. Завязался страшный рукопашный бой. Нахлынувшая масса зуавов и венсенских стрелков бросилась на горсть мужественных защитников редана. Постников и его команда были буквально подняты на штуцерные тесаки (*sabre-baionette*), которые играли у неприятеля роль наших штыков. Как теперь помню симпа-

тичное, молодое, с еле пробившимися усами лицо этого храбреца. Постников недавно был выпущен из корпуса и по прибытии в Севастополь прямо назначен на Малахов курган. Он часто заходил в наш блиндаж по вечерам побеседовать и посмеяться после тяжелого, томительного севастопольского дня.

Не зная, что делать, я искал батарейного командира. Только хотел я спуститься с батареи по трапу, как вдруг наткнулся на колонну алжирских стрелков (*Tirailleurs IndigMies*). Их зверские черные лица дико смотрели по сторонам. Колонна шла скорым шагом, с ружьями наперевес, от батареи Жерве к башне. В глазах у меня запестрело от их красных, синих, белых плащей; капюшоны надеты на голову, придавая и без того свирепым физиономиям еще более грозный вид. Я инстинктивно бросился обратно, на левый фланг батареи. Тут все смешалось — матросы, солдаты, французы. В неприятельских траншеях еще раздаются сигнальные звуки труб и барабанов. Всюду звенят шомпола, слышен треск, стук оружия, крик, гам и стоны раненых. Вот уже на бруствере развевается трехцветное знамя!.. Вдруг я почувствовал сильный удар в плечо, упал, не мог подняться, но не терял сознания. Я видел, как минутой позже моего падения взошел на батарею по мостику, переброшенному через ров, французский генерал Мак-Магон. За ним шел довольно многочисленный штаб. Офицеры были в полной парадной форме, щегольски одеты, в новых блестящих эполетах, разноцветных востреных кепи, с обнаженными шпагами в руках. Почему-то они остановились около места, где я лежал. Видя, что я приподнимаюсь и не могу подняться, один из офицеров помог мне. Очутившись среди блестящей свиты Мак-Магона, я вдруг заметил, что сапоги мои и шинель в крови, и на правой руке рана. «Ура» то близилось, то глухо звучало вдали, мешаясь с криком: «Vive l'empereur!» Французы овладели уже Гласисной батареей. Между орудиями и около них валялись убитые и раненые, большею частью наши матросы и солдаты. Малахов курган был занят. На башне также развевался трехцветный флаг. Кто-то закричал, по-видимому отдавая приказание; ко мне подошли два молоденьких солдата, почти мальчишки, тоже раненые. Они отправлялись на перевязочный пункт и попросили меня за ними следовать. Но я так ослабел и чувствовал такую сильную боль в плече, что с трудом мог двигаться. С раннего утра я ничего не ел, а все, что пришлось пережить в эти истинно ужасные минуты, сжимало сердце томительною болью».

На обратном пути отец дал по рублю двум сторожам-ветеранам, несшим вахту у железных ворот.

— Эх, мне бы здесь лечь после трудов земных... — вздохнул Василий Иванович, оглядываясь на Братский стан. Будто чувствовал — не суждено ему иметь своей могилы. Успенское кладбище в питерском селе Мурзинка, где упокоят его останки в 1913 году рядом с могилой жены, снесут в советские времена, и на их безвестных костях возведут очередной жилой массив.

* * *

Обратно в Одессу возвращались на вполне родном уже «Гаджи-бее». Ночью Саша вышел из каюты на палубу. Экономя топливо, пароход шел под парусами, благо попутный ветер позволял идти почти той же скоростью, что и под парами. Падали звезды и паруса казались огромными сачками для ловли этих стремительных мотыльков. Верхушки мачт покачивались среди созвездий; туго обтянутые снастями мачты походили на стрелы, нацеленные лучником в небо. Переблесками лунной дорожки море таинственно роднилось с ночными светилами.

Весь Колчак, каким он известен миру — Колчак-Полярный, Колчак-Порт-Артурский, Колчак-Балтийский, Черноморский, Сибирский пошел от той самой первой детской встречи с Севастополем.

Военный риск отца, его умение преодолевать страх и делать под навесом смерти то, что нужно для боя, — все это, что коротко зовется словом «мужество», войдя в кровь отца, передалось генетически и сыну.

Много лет спустя, когда вице-адмирал Колчак командовал Черноморским флотом, он в урочный час велел шоферу ехать в Бомборы. Автомобиль с трудом одолел крутизну единственной в слободе проезжей дороги. Адмирал выбрался из авто с полпути и пошел пешком, повинувшись памяти детства. Домик старого бомбардира был еще цел, но самого хозяина Бог прибрал еще на исходе века. О Степке Рогове удалось узнать, что сложил он свою матросскую голову в Порт-Артуре на эскадренном броненосце «Севастополь», которым командовал тогда незабвенной памяти Николай Оттович Эсен.

Адмирал молча спустился к автомобилю.

ОРАКУЛ-2000: Мог ли предположить Василий Иванович, отбивая на Малаховом кургане атаки англичан и французов, что сын его станет британским офицером, внук — французским солдатом, а праправнук — американским? Но все произошло именно так...

Глава вторая

«НАДО КОЛЧАКА СПРОСИТЬ»

Осенью 1888 года 14-летний Саша Колчак впервые надел не матросский костюмчик, купленный мамой в конфекционе, а флотскую робу кадета, сшитую в швальне Морского кадетского корпуса портными-матросами. Из 3-го класса гимназии он перевелся в Училище «и по собственному желанию, и по желанию отца». Не возражала против выбора сына и мама — Ольга Ильинична, брат которой — дядя Сережа — был морским офицером.

«В канцелярию Морского Училища
Подполковника Колчака В. И.

ПРОШЕНИЕ

Желая определить на воспитание в младший подготовительный класс Морского Училища сына моего АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА, я, нижеподписавшийся, имею честь представить при сем метрическое свидетельство о рождении и крещении его, и мой послужной список.

Если по принятии Александра Колчака в Училище начальство оного признает нужным исключить его вследствие дурного его успеха или поведения, а также вследствие таких болезней, которые препятствуют службе на флоте, то я обязываюсь, по первому требованию Училища, без замедления взять его обратно на свое попечение.

Марта 22 дня 1888 года.

Подполковник КОЛЧАК

С.-Петербург,

Поварской пер., дом 6, кв. № 6»

Первое знакомство с будущими однокашниками вышло не очень веселым. Некий рослый и разбитной кадет-переросток, явно кичив-

шийся тем, что в Корпусе он, как у себя дома, стал раздавать направо и налево клички оробелым новичкам.

— Колчак? — переспросил он, когда Саша назвался. — Ха-ха! Стульчак! Колчак-Стульчак!

Саша побледнел, крепко сжал кулаки и негромко, но твердо заявил обидчику:

— Если вы еще раз меня так назовете, я ударю вас по лицу!

Рослый кадет несколько озадачился, но быстро нашелся:

— А зачем вам кличка?! У вас фамилия такая, что и клички не нужно — Кол-чак!

Откуда ему было знать, что древняя тюркская фамилия означала «боевая рукавица», что один из прапращуров погребен на почетнейшем кладбище янычаров в Стамбуле.

Необычная фамилия доставляла немало проблем и Сашину отцу, дружившему с композитором Бородиным. Василий Иванович много и подробно рассказывал ему то, что, правда, сам знал из исторических книг — о жизни половецких ханов и их воинов, про своего исторического предка трехбунчужного пашу Колчака. Бородин в тот год напряженно работал над оперой «Князь Игорь». Своего половецкого князя он назвал Кончаком по созвучию с древней фамилией друга. Каково же было его недоумение, когда после премьеры Василий Иванович не только не поздравил приятеля, но и вообще перестал с ним здороваться. Позже выяснилась причина его гнева:

— Как вы могли назвать половецкого хана Кончаком?! Это же в переводе — «штаны». Хан Штаны! Колчак — другое дело: это означает «боевая рукавица».

Звезда Александра Колчака начала свой взлет уверенно и круто. В Корпусе он шел все время первым, реже вторым.

В 1892 году Саша нашивает на свои погончики две золотистые лычки младшего унтер-офицера. Это его первое повышение в чине.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить». Это слова однокашника «ментора-энциклопедиста» Д.В. Никитина, ставшего контр-адмиралом.

И еще одно гардемаринское свидетельство человека, который с младых ногтей и до первой седины в волосах пойдет за Колчаком всюду, куда тот его позовет. Михаил Смирнов, кадет младшей роты, впервые увидев гардемарина Колчака с унтер-офицерскими лычками, назначенного в роту фельдфебелем, напишет, будучи контр-адмиралом, так:

«Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы, тринадцатилетние мальчики, чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

Питерский историк Константин Богданов отмечает:

РУКОЮ ИЗЫСКАТЕЛЯ: «В Корпусе его более всего интересовали военные науки, при этом морскую артиллерию он, помимо официальной программы, изучал на практике на Обуховском заводе. Бывавший на заводе и гостивший в доме отца английский промышленник миллиардер Армстронг, нажившийся на производстве пушек и удостоившийся впоследствии звания лорда, оценил знания морского кадета по пушечному делу и предлагал ему в будущем должность инженера на своем заводе.

Здесь же, на заводе, юный Колчак по собственной инициативе приобрел навыки слесарного дела».

В свой последний гардемаринский год Колчак принял настоящее морское крещение. Старый учебный парусник «Скобелев», на котором гардемарины выпускного курса пришли в Либаву, попал в жесточайший шторм близ шведского острова Готска-Санден. Та осень 1894 года могла стать последней в жизни не только героя этой книги, но и для тридцати будущих мичманов нового выпуска. У ветхого судна с маломощной паровой машиной почти не было шансов одолеть разбушевавшуюся стихию. Десятибалльный шторм вызвал такой прогиб корпуса, что сдвинулись паровые котлы. В Кронштадте, куда все-таки дотащился израненный «Скобелев», только ахнули, когда осмотрели старый пароходфрегат и сразу же поставили его, уже не на ремонт, а на разделку.

Этот шторм и этот последний поход «Скобелева» описал в одном из шведских журналов его участник, тогдашний гардемарин Арно фон Шульц, ставший впоследствии финским писателем. Вот отрывок из его воспоминаний.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Штакельберг (капитан «Скобелева») поднимает свое спокойное, уверенное лицо к небу. Его серые глаза следят за низкими тучами, а привычное ухо прислушивается к равномерному визгу фалов и сигнальных линий. Брам-стенгя и брам-рей стравлены на палубу и закреплены. Первые приготовления к встрече с крепким ветром сделаны. Пару минут он стоит неподвижно, потом кивает старшему офицеру, и тот тихо говорит мне:

— Гардемарин Шульц, всех наверх, поднять якорь.

У меня вырывается вздох облегчения: наконец-то!

Громким резким голосом, который прорывается сквозь вой ветра, я кричу:

— Унтер-офицеры к люкам!

«Фи, фи, фи, фи, фир-р-р!», — звучат дудки одна за другой; какое-то мгновение я даю унтерам, чтобы они успели собраться, и вот уже снова я слышу свой голос:

— Всех наверх, поднять якорь! — и дружный крик унтер-офицеров через люки: «Все наверх, поднять якорь!»

Целых два года мы тренировали голос. Не годится шептать, если хочешь, чтобы твои команды исполнялись в свежую погоду. Стены кают-компаний, где мы жили, звенели от наших пронзительных команд, а старые адмиралы в картинной галерее удовлетворенно кивали нам, когда мы дерзко кричали в юношеском высокомерии: «Отдать булины, фор-марса-рей поперек, грот-марса-рей на ванты» или что-нибудь в этом роде.

Я поворачиваюсь к старшему офицеру, отдаю честь и уступаю ему место: теперь он принимает командование кораблем, а я возвращаюсь на свое место на баке под началом старшего лейтенанта.

— Брашпиль пошел! — звучит команда для нас — тех, кто на баке. Матросы налегают на рычаги, и брашпиль медленно начинает вращаться, в то время как палы поют свое монотонное «клик-клик». Все быстрее и быстрее идет брашпиль. Мы бежим круг за кругом, подпрыгивая каждый раз, когда под нами оказывается якорная цепь, а она равномерно и неуклонно выходит вверх из клюза, где ее моют из брандспойта, а потом, через три четверти оборота брашпиля, скрывается в цепном погребе. Ветер сильный, цепь натянута и слегка дрожит. С бака, перегнувшись через борт, за цепью

следит старший офицер, между тем как она все медленнее и медленнее ползет через клюз. Вот он выпрямляется, поворачивается к капитанскому мостику, и его протяжный крик прорезает воздух:

— Якорь на пане-е-е-ере!

Спины на рычагах дугой выгибаются от напряжения, а цепь теперь ползет еле заметно, дюйм за дюймом. Рывок, и снова крик:

— Якорь поднят! На капитанском мостике старший офицер берет-ся за машинный телеграф, и вот уже начинает медленно вращаться винт, а команда торопливо поднимает ставший теперь легким якорь.

— Стоп брашпиль! Накат! — команды следуют одна за другой, но против обыкновения якорь сегодня не укладывают на подушку у планширя, а вытаскивают на палубу и тщательно закрепляют.

В воздухе пахнет штормом. «Шторм, слава Богу! — думаю я. — Наконец-то шторм!»

Новая команда прорезает воздух:

— На ванты, приготовиться травить марса-реи и стеньги!

«Это серьезно, — думаю я, — такого при нас еще не бывало...» — и становлюсь у вант фокмачты, чтобы бежать на свое место на фор-марсе, как только будет дана команда.

— На марсы и салинги! — снова звучит команда, и мы бежим вверх по вантам, каждый на свое место.

Там, наверху, ветер резкий и холодный. Мы медленно идем под парами к выходу из внешней гавани. Удивительный вид расстилается передо мной. Насколько хватает глаз, на западе до самого горизонта — бесконечный ряд пенящихся волн, которые несутся к югу; на севере — сплошной белый хаос, там волны яростно бросаются на пирс и, разбиваясь об огромные бетонные блоки, падают обратно.

Тяжело переваливаясь с носа на корму, «Скобелев» проходит мимо, выходя на курс норд-вест и наконец норд. Теперь мы идем почти прямо против ветра. Если и раньше он был сильный, то теперь просто бешеный: при встречном ветре невозможно дышать, а соленая вода, которую срывает с гребней волн, втыкает в лицо будто колючки.

Море бурное. Машина с трудом продвигает нас вперед против ветра и волн, которые раз за разом перекатываются через корабль и исчезают на корме в открытых шторм-портах и шпигатах. Теперь приходится держаться за штормовые леера, которые уже натянуты вдоль бортов.

Моя вахта закончена. С четырех часов утра я был на ногах, основательно устал и промок. Честь моему товарищу Колчаку, который принимает от меня вахту, и я ухожу с мостика, мокрый, но довольный и веселый: наконец-то, предстоит настоящий шторм. И Колчак кивает, довольный. Мы хорошо понимаем друг друга. За шесть лет мы подружи-

лись. Он, предками которого были турки, и я, потомок шведов, — для нас обоих всё это представляется большим приключением. Я сползаю вниз. Килевая качка ужасная. Старый корпус «Скобелева» трещит и скрипит; между грот-мачтой и палубой, то по правому борту, то по левому, открывается огромная щель, и мы забавляемся тем, что заталкиваем туда черные твердые галеты и смотрим, как они пропитываются соленой водой с палубы и раздавливаются. Камбуз потушен, нам приходится довольствоваться сухим пайком.

В кубрике гардемаринов воздух тяжелый; пахнет дымом от каменного угля, горелым маслом, сырой одеждой, рвотой. Здесь тоже сыро; то и дело шальная волна захлестывает трап, вода течет прихотливыми ручейками через мачтовое отверстие в палубе. Кое-кто из товарищей лежит и стонет, бледный как труп. Не каждый может привыкнуть к качке; и среди нас такие, кому придется покинуть Флот из-за морской болезни.

Наверху все иначе. Темно. Завывание в оголенных мачтах превратилось в сплошной рев. Над верхушками мачт с бешеной скоростью проносятся серые тучи; то и дело метеором мелькает какая-нибудь звезда и тут же исчезает. На мостике, каждый со своей стороны нактоуза, стоят Штакельберг и вахтенный офицер, крепко держась за перила мостика и вглядываясь вперед.

Мы пробираемся к мостику. Колчак, который, очевидно, занял место кого-то из товарищей в качестве вахтенного гардемарина, сияет; он орет мне в ухо:

— Шульц, фок-рей лопнул, фок-рей имеет трещину, его разбивает. Возьми концы и ваги и обмотай! Штормовые паруса поднять: кливер, бизань, грот-штаг, шторм-гафель!

Он кричит во все горло, но я его едва слышу. Мы вместе идем в сторону носа. Когда бак опускается в долину между волнами, мы бежим вперед; когда он поднимается, мы хватаемся за леера и, скользя, карабкаемся наверх.

На баке всю работу под надзором старшего офицера. Увязывают вместе ваги, выкатывают бухты концов и складывают их высокой грудой, чтобы поднять потом на фор-марс, где фок-рей теперь весело пляшет взад и вперед, поневоле следуя за движениями корабля. Он то и дело сопровождает эту пляску тяжелыми ударами, которые отчетливо слышны здесь, внизу, даже сквозь вой шторма. Прекрасный спектакль для меня и Колчака, тогда как старший боцман и старший офицер с тревогой обмениваются между собой:

— Не дай Бог, если эта сволочь треснет и свалится! Тогда уж зяблику конец!

На самом деле эта фраза состоит из соленых чертей.

— Эй, гардемарины, что вам так смешно?! Быстро на марс! Промотайте ваги как следует к рею там, где он треснул, а рей привяжите к мачте! Вперед!

Мы слишком хорошо понимаем резкий окрик старшего офицера, но что нам за дело до его тревог? «Падай, чертов фок-рей! Мы-то хоть посмотрим, как это будет выглядеть». Мы рьяно лезем по наветренным вантам; за нами карабкаются марсовые. Однако продвигаемся медленно. Приходится хорошенько держаться за ванты, чтобы не сдуло ураганным ветром; наши плащи-непромоканцы надуваются, как мячи. Фут за футом, и вот мы наконец наверху. «Бум, бум!» — молотит фок-рей по фок-мачте, а команда внизу осторожно бросит рей поперек корабля, не решаясь натягивать брасы слишком сильно, чтобы треснувший рей не развалился.

Мы ловим рей, освобождаем поднятые к нам ваги и концы и начинаем осторожно приматывать ваги в треснувшем месте рея. Дело движется медленно, хотя мы трудимся изо всех сил рядом с опытными марсовыми. Страшно? Право, нам все не по чем! Если бы черт утянул наш корабль на дно, я думаю, что и тогда бы мы с радостью отправились в этот путь. Мы действительно, не чувствуем ужаса происходящего — ни Колчак, ни я. Для нас все это лишь великолепное приключение.

— Давай, давай! Ах, что за шторм на Балтике! — горланим мы, и сами не слышим того, что кричим друг другу, между тем как пот льется градом, смешиваясь с дождем и соленой водой, которую шторм забрасывает даже сюда, на верхотуру марсовой площадки; мы видим, как «Скобелев» то зарывается носом в кипящие волны, то встает на дыбы, будто жеребец.

С нашего места на фок-рее, где мы лежим, распластавшись и вжавшись подошвами к опорам для ног, мы видим, как внизу шторм-кливер крепят к шторм-кливер-штагу и он медленно идет вверх. Штаг этот здоровенный стальной трос добрых семи дюймов в толщину. Мы освобождаем конец фала, которым выбирали штаг, и проводим его через блок, пока он не попадает к тем внизу, кто натягивает его таями.

Через пару часов работа на фор-марсе закончена, и мы спускаемся вниз. Спускаемся медленно: ветер то прижимает нас к вантам, то отрывает нас от них, так что нам стоит немалого труда удержаться. Толстые просмоленные ванты дрожат от страшного напряжения, а канаты, штаги и фордуны жалобно воют под ветром, словно живые существа. Едва мы успеваем на мостик со своим рапортом,

как получаем новое задание: ослабла обвязка пушек. Нечему удивляться: «Скобелев» — крейсер старого типа и его планширь не рассчитан на две современные дальнобойные 6-дюймовые пушки Кане, которые были установлены, чтобы мы, гардемарины, учились стрелять из современного оружия.

С грозового неба спускается темнота. Мы приближаемся к банкам острова Готска-Санден.

— Колчак, Шульц, — больше жестами, чем словами, командует вахтенный офицер, — на ванты, измерить высоту волн!

Мы медленно карабкаемся наверх: Колчак по подветренному борту, я — по наветренному. Мы держимся крепко: над планширем ветер адский. Взгляд ищет горизонт. Слишком низко, лезу повыше, еще выше.

Захваченный гигантским спектаклем, я на какую-то минуту забываю всё: корабль, офицеров, капитана, всё, всё. Серо-белая стена высотой от воды до неба со страшной скоростью надвигается на нас. На ходу она срывает гребешки волн. Воздух — сплошной кипящий, шипящий бело-серый хаос. Ближе, ближе, и вот этот хаос набрасывается на нас, как дикий зверь; гигантские серо-зеленые волны сдавливаются, «Скобелев» ложится на подветренный борт; вода потоком вливается через шторм-порты подветренного борта, и корабль скрывается в сплошном белом, пенящемся шквале. Меня прижимает к вантам с такой силой, что невозможно шевельнуться, невозможно дышать, невозможно думать. Все звуки исчезают; ураган поглощает всё своим ровным, оглушительным ревом, но я чувствую телом, как ванты, мачты и корпус дрожат, словно живые существа, охваченные диким страхом.

Все это длится одну бесконечную минуту, и вот шквал уже позади, и корабль снова поднимается, чтобы возобновить свою вечную качку: подветренный борт — наветренный, наветренный — подветренный. Еще один шквал, и снова тот же бело-серый хаос, и снова корабль дрожит от киля до клотика, как раненый зверь. Шквал за шквалом. Всякая работа внезапно прервана; все лица повернуты вверх; одна и та же мысль владеет всеми: поднимемся ли мы снова?

Едва шквал прошел, как на нас ринулись волны высотой с дом — еще более жесткие, еще более короткие, и «Скобелев» снова начал свою вечную качку, и снова такелаж воеет «у-у-у!», когда идет на подветренный борт, и «у-и-и-и!», когда на наветренный...

Бледные, потрясенные, серьезные слезаем мы с Колчаком вниз. Ладонь у виска немного дрожит, когда мы рапортуем: он 26 футов, я — 28 футов. И такой же бледный и серьезный, как мы, выходит

из рулевой рубки мой товарищ Эллис и докладывает углы крена при качке: 42° подветренный борт, 38° наветренный.

Доклады идут дальше от вахтенного офицера к Штакельбергу. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он смотрит на промокшие лоскуты штормовых парусов, смотрит на море, где надвигается новый шквал, белый как стена, и делает почти незаметный знак старшему офицеру, который при первом шквале взобрался на мостик и стал рядом с бароном Штакельбергом. Был ли это вопрос? Было ли это приказание? Так или иначе, он понимает и подходит к вахтенному лейтенанту, который берет рупор и кричит вниз, на палубу:

— Все наверх, поворот фордевинд!

Мы все понимаем, что это значит: поворот против ветра. Один из самых опасных маневров под парусами, он выполняется обычно в крайнем случае, когда поворот оверштаг невозможен. Теперь наша жизнь в руках всемогущего Бога! Медленно движется рука Штакельберга в подветренную сторону, останавливается, еще несколько бесконечных мгновений, и снова в подветренную сторону. Следуя малейшему движению этой руки, «Скобелев» уваливается. Под ветер, еще под ветер. Шкот осторожно потравливают, а подветренный выбирают шкотовыми таями. Волны жадно лижут ют правого борта; то и дело шипящая волна накрывает там всех. Корма поднимается, и вода, бурля и пенясь, прокатывается по шканцам к нам на бак и исчезает в штормпортах.

Неподвижная фигура на мостике повернулась лицом к корме и меряет глазами ветер, вершины и подошвы волн, в то время как рулевые отчаянно стараются держать корабль на курсе, когда мы идём в бакштаг галсами правого борта.

«Скобелев» страшно кренится; звук шторма переменялся и перешел в ровный вой. Ветер теперь с кормы. Все лица обращены к неподвижному человеку, который следит за работой на юте, где бизань взяли на гитовы, закрепили, а гафель стравили на палубу, тогда как маленький штормовой флажок подняли на наветренный нок бизань-рея.

Чего он ждет? Вот идет шквал. Снова всё вокруг — сплошной хаос в белых тонах. Фигуры на мостике исчезают, корабль бросает под ветер и отчаянно ворочает. И снова шквал проходит мимо. Долю секунды ждет человек на мостике, потом рука снова делает движение, жилистые руки быстро перехватывают рукояти штурвала, подветренные рулевые тали травят, наветренные выбирают, и с невозможной скоростью мы натягиваем вдоль корабля шкот штор-кливера, в то время как шторм бешено вырывает у нас это маленькое

полотнище. Мгновение я вижу угрюмого серо-зеленого великана с шевелящейся гривой, который поднимается за кормой; настигнет ли он нас? Корма поднимается высоко в воздух, шкоты левого борта шторм-кливера послабляются, шкоты правого борта выбираются, и мы уходим с попутным ветром, галсами левого борта, прочь от опасных подводных камней и отмелей Готска-Сандена, в сторону Германии, чтобы в крайнем случае искать укрытия в каком-нибудь порту южного побережья.

Радуюсь этому приключению, мы — Колчак, Зенилов и я — втайне желаем, чтобы шквал сорвал бы и штормовые паруса, тогда бы мы пережили новый спектакль!

Но штормовые паруса не желают рваться, они так и не порвались. Начальник склада в Кронштадте выдал «Скобелеву» для его последнего похода на Балтику новые крепкие штормовые паруса. Старик знал, что делал, он не хотел брать на себя риск. Возможно, это была и заслуга старшего офицера, или Штекельберга, что мы знаем об этом? Разве мы были капитанами? Разве отвечали за чужие жизни? Разве у нас седина в волосах? О нет: у Колчака волосы черные, как вороново крыло, так же как и его глаза; у Зенилова¹ — каштановые и вьющиеся, как у крымских овец у него на родине, а мои — скорее рыжие.

Поднявшись на мостик, мы, наконец, докладываем, что все сделано, а потом наивно спрашиваем, нет ли для нас еще какой-нибудь работы?

— Работы для вас? — делано рычит вахтенный офицер. — Марш в койки, да поскорее! И не задавайте вопросов, когда вас не просят! — добавляет он мокрый, усталый, но с добродушной ухмылкой.

«Хм, в койку... Легко ему советовать!» — думаю я. Внизу, в кубрике, такой запах, что и здоровый заболит, а здесь, наверху, так продует, что больной поправится. Куда же мне, черт возьми, податься?

Еще одна бесконечная ночь. Мы идем с попутным ветром под парусами и шторм-кливерами. Шторм понемногу стихает. Ветер переходит через юг на юго-запад, стеньги, марса-реи, брам-стеньги и брам-реи возвращаются на свои места, и под всеми парусами «Скобелев» снова идет на север, в Финский залив.

Двое суток длился шторм. И 48 бесконечных часов капитан барон Штакельберг не покидал мостика! Он-то знал, что было поставлено на карту.

¹ Николай Исакович Зенилов, будучи лейтенантом, героически погибнет на крейсере «Рюрик» во время боя с японскими кораблями в 1904 году, заменив убитого командира корабля. — Н.Ч.

Воскресенье. 8 склянок. Бело-голубой Андреевский флаг поднимается под гафель, дудки поют свое: «фи, фи, фир-р-р!».

На шканцах справа стоят в строю наши десять офицеров, включая механиков. Напротив — стоим мы, тридцать гардемарин. Бок о бок с нами — вахты правого и левого борта. В воздухе повисла мертвая тишина. Ветер слегка шелестит в фалах и штагах. «Скобелев» с наполненными парусами идет на восток; по левому борту медленно исчезают за горизонтом лесистые холмы Гогланда.

С капитанского мостика спускается барон Штакельберг и подходит к нам. Спокойные черты его обветренного лица серьезные, серые глаза смотрят в наши. Вот он подносит руку в белой перчатке к парадной треуголке, снимает ее, поднимает голову и говорит тихо и размеренно:

— Господа, благодарю вас!

Капитан надевает шляпу, идет вдоль фронта. Ни звука не слетает с наших губ. Мы стоим, словно окаменев. Но когда мы видим, как Штакельберг останавливается у вахты левого борта, снова приподнимает треуголку и степенно благодарит «Спасибо, вахта левого борта», наш слитный веселый крик «Рады стараться!» катится вдоль строя. Кажется, мы начинаем понимать, что вчера произошло нечто особенное, и это нечто удивительным образом связано со словами Штакельберга: «Господа, благодарю вас». Потому что никогда прежде наш командир не называл нас, гардемарин, «господа»...

Теперь очередь вахты правого борта.

— Спасибо, вахта правого борта!

И снова катится ответ:

— Р-р-рады стар-аться!

Вот командир поворачивается, и мы слышим его звонкое:

— По чарке!

И громовой ответ обеих вахт:

— Покорнейше благодарим!

«Фи-фи-фир-р-р-р!» — разливаются трели боцманских дудок. Команда расходится, веселая и довольная благодарностью Штакельберга и предстоящим угощением. Мы же тихо спускаемся в свою кают-компанию со странным чувством, что наша юность кончилась и началась новая жизнь. И суровое крещение для этой жизни произошло в соленой купели штормовой Балтики близ острова Готска-Санден».

15 сентября 1894 года Государя Императора Александра III Александр Колчак был произведен в первый офицерский морской чин — мичман. Главная радость этого года была омрачена смертью мамы.

Ольга Ильинична скончалась в одночасье, не дожив и до сорока лет. Ее отвезли на тихое Успенское кладбище в пригородном селе Мурзинка. Впервые Александр видел всегда веселого насмешливого отца плачущим. Да он и сам не сдерживал слез, против воли скатывавшихся по щекам.

Василий Иванович всегда полагал, что именно он первым покинет сей бранный мир. Он был старше жены почти на тринадцать лет. На похороны приехал из Одессы ее отец, дед Илья Андреевич Посохов, ее кузены капитан 2-го ранга Сергей Посохов (будущий контр-адмирал) и подполковник Андрей Посохов (будущий генерал-майор).

Второе событие, которое отметило тот черный год не только для мичмана Колчака, но и для всего флота, — было кораблекрушение броненосной лодки «Русалка». Она затонула в шторм на полпути из Ревеля в Гельсингфорс. Считалось до той поры, что море перед стальными кораблями с паровыми машинами — бессильно. Ан, нет... Потрясало и то, что никому не удалось спастись...

Деятнадцатилетний офицер прибыл в петербургский 7-й флотский экипаж. Весной 1895 года получил назначение на только что спущенный на воду крейсер «Рюрик».

В мичманах Колчак ходил три года. В декабре 1898 года он приколот на погоны лейтенантские звездочки. Но флотской жизнью своей был крайне недоволен: рутина, тина, тишь да гладь...

Глава третья

«НА ВАХТУ НАРЯЖЕН МИЧМАН КОЛЧАК!»

Ночь. Свеаборгский рейд. Крейсер «Рюрик», прикованный к морскому дну двумя становыми якорями, спит вполглаза. Ночную вахту — с полуночи до четырех утра, самую мучительную для человеческого организма и потому «собаку» — отстоял мичман Антонов. Буркнув сменщику мичману Матисену: «Все в порядке. На вахту свистали. Книга приказаний в рубке», он ныряет в палубный люк,

и не теряя минуты, блаженно засыпая на ходу, спешит в свою каюту. «Собака» хороша тем, что на ней меньше всего распоряжений и дерготни — начальство почивает и слава Богу. А вот на вахту мичмана Матисена приходится побудка, приборка, подъем флага да и спать хочется зверски — не меньше чем на «собаке». Но зато сменщику — мичману Колчаку — достанется пик утренней суеты.

Темна осенняя финская ночь. На шкафуте при тусклом свете электрических лампочек строится в две шеренги заступающее на вахту отделение. Новый вахтенный офицер выкрикивает номера матросов, распределяя их по постам огромного корабля.

Первый час этой вахты — самый тяжелый: голова сама собой клонится на грудь. Если присесть на минуту в рубке, хотя это и запрещено, то можно сквозь смеженные веки увидеть обрывки прерванного сна. Но только на минуту, делая вид, что читаешь книгу приказаний старшего офицера. И хотя большая часть приказаний относится к дневным вахтам, все же новый «вахтерцер» должен заглянуть в нее для порядка. Мичман Матисен, хоть и без году неделя на крейсере, но уже хорошо знает, как опасен соблазн посидеть в рубке. К черту книгу приказаний! Лучший способ прогнать дрему — сделать десять приседаний. И обойти всех вахтенных, а там и рассвет скоро...

За двадцать минут до склянок, с которыми закончатся его томительное бдение, Матисен подзывает вахтенного унтер-офицера:

— Доложи мичману Колчаку, что без 20 восемь.

Скатившись по трапу в офицерский коридор, бывалый унтер осторожно стучит в дверь колчаковской каюты. Тишина. Повторный более громкий стук не вызывает в каюте никаких шумов, свидетельствующих о жизни ее хозяина. Тогда вахтенный распахивает дверь и перешагнув комингс, решительно трясет спящего за плечо:

— Так что извольте вставать, вашблародь! На вахту вам! Без двадцати восемь!

Он сочувственно смотрит на свою жертву — в такую рань самый сладкий сон. Особенно, если лег за полночь. На столе у мичмана ученые морские книги, опять зачитался, как барышня...

— Однако, вашблародь...

— Уже проснулся... — обманчиво бодрым голосом откликается мичман. — Ступай себе...

Однако унтера не проведешь.

— Пожалуйте на вахту! Время выходит...

— Отстань! — сердится все еще спящий офицер. — Сказал же — встаю!

Сказал — еще не встал. Посланец вахтенного начальника подзывает вестового:

— Духопельников, не дай ему уснуть! Понял?! С тебя взыщется!

Матрос вырастает у изголовья оставленного на минуту в покое и потому крепко спящего барина. Он укоризненно смотрит на него, потом решительно стаскивает одеяло.

— На вахту опоздаете! Времечка-та вона сколько! — пугает он барина и тот, наконец, протирает глаза, хватается за часы и, убедившись, что на все про все остается 12 минут, проворно вскакивает в брюки, натягивает рубашку, бросается к умывальнику.

— Что ж ты, Духопельников, так миндальничаешь?! — сердится Колчак. — Я ж тебе наказывал — лей воду на грудь и кричи «Потоп!».

— Жалко вас больно...

— А то, что я сейчас без завтрака останусь — не жалко?!

— Успеем еще, Лександр Васильич, это мы за минуту управимся. Вестовой в мгновение исчезает. Колчак облачается в тужурку, хватается с вешалки шарф, кортик, фуражку и рысью в кают-компанию, где Духопельников уже поджидает его со стаканом горячего кофе, двумя булочками и ломтиком сыра с розочкой из чухонского масла. На бутерброд нет ни минуты, весь завтрак нужно прикончить за сорок секунд. Опоздание на вахту — единственное преступление в мичманском кодексе, которое не имеет никаких извинений, все остальные грехи подвержены компромиссам. Хрустящая хорошо пропеченная булочка исчезает во рту до половины и запивается обжигающим кофе. Вестовой сочувственно наблюдает за сверхскоростной трапезой — эх, не успеет барин булочку-то доест, вон уже старший офицер принимает доклад вахтенного:

— Ваше высокоблагородие, через пять минут подъем флага без церемонии.

— Доложи командиру, — кивает старший офицер, поправляя фуражку. Только тут он замечает мичмана, судорожно проглатывающего кусок булки.

— Александр Васильевич, ты на вахту?

На крейсере все офицеры на «ты». На «вы» переходят лишь тогда, когда отношения резко портятся или в сугубо официальных случаях.

— Так точно, Николай Александрович!

На вторую булочку остается двадцать секунд, но ее уже не съесть. Начинается инструктаж:

— Заступишь на вахту, спусти паровой катер, а номер «раз» подними. Второй гребной катер — послать на берег на песок, выдра-

ить его как следует. На нем же отправь мыть артиллерийские чехлы. Боцман знает какие. Маты тоже не забудь.

— Есть, есть!.. — отвечает мичман, пытаясь запомнить сквозь сонную одурь скороговорку распоряжений.

— И последнее: к 9 утра капитанский вельбот к трапу, командир едет к адмиралу. Не забудь «шестерку» послать за провизией пораньше. А то склады на обед закроют, а наши балбесы с ленточками «Рюрика» будут два часа по городу шататься, неровен час на начальство нарвутся.

Сверху доносится крик Матисена:

— На флаг! На гюйс! Смирно!!

Всё — пора наверх. Командир уже вышел.

— Флаг и гюйс — поднять!

Торжественно закурылкал медный горн. Все, кто на палубе, встали к борту с поднятыми к козырькам ладонями.

— Вольно! Свистать на вахту!

Это последняя команда Матисена, и он отдает ее с превеликим удовольствием. С первой же трелью боцманской дудки фуражка мичмана Колчака появляется над комингсом люка, поправляя кортик, он бодро подходит к однокашнику.

— Здорово, Федя!

— И тебя тем же концом... Принимай вожжи. Все распоряжения до подъема флага выполнены. Все о'кей! Второе отделение на вахте.

При слове «распоряжения» новый вахтенный начальник чувствует некоторое смущение, поскольку не совсем уверен, что запомнил все, что ему поручил в кают-компании старший офицер.

Уточнить бы у него еще раз, но это лишний повод дать ему понасмешничать. Староф и без того остер на язык. Да и поздно. Он уже у командира на утреннем докладе. Заглянуть в книгу приказаний? Это мысль! Но увы, в книге по его вахте еще ничего не записано. Что же делать? Он всего столько наговорил... Разве запомнишь на дурную со сна голову? Духопельников, верблюдов, поздно разбудил. Говорят, если хорошо растереть уши, то это обостряет память.

Мичман Колчак яростно трет уши, они горят рубиновым огнем, но кроме того, что капитанский вельбот к трапу да постирать чехлы, ничего не вспоминается. Последняя надежда — старший боцман Никитюк.

— Рассыльный, позвать старшего боцмана!

Но Никитюк сам идет вперевалку навстречу.

— Серафим Авдеич, не говорил ли вам старший офицер насчет работ на утро?

— Так точно, ваше благородие, говорили. Паровой катер спустить, гребной поднять. Чехлы мыть.

Да, да — поднять, спустить, молодец боцман. Но что-то еще было.

— И все?

— Кажись, все!

Ладно, начнем аврал, а там вспомнится. Колчак выходит на шкафут:

— Гини второго парового катера — развести! — командует он. — Свистать обе вахты наверх, на гини становись!..

Он поднимается на мостик, откуда виднее спуск тяжелого катера. Дело это опасное — легко покалечиться, а то и насмерть матроса придавить. Хорошо хоть не на волне...

— Готова, ваш блаародь! — докладывает боцман снизу.

— На гинях! Гини нажать. Ходом гини! — как учили в Корпусе нараспев командует мичман. Никитюк зорко следит за приподнимающимся с киль-блоков катером. Белая махина катера медленно вываливается за борт, покачиваясь над водой. Стопора сняты.

— Ги-и-и-ни травить! — тянет Колчак, будто впрягает свой голос в нелегкую общую работу. Десятки жилистых матросских рук удерживают на гинях трехтонную тяжесть парового катера.

— Легче, соколики, понемногу травить! На стопорах не зевай! — подправляет боцман ход аврала, зная по печальному опыту иных спусков, как сжигают тросы кожу на ладонях при самовольном сходе катера на воду. Но в этот раз все обошлось. Катер на плаву и на нем уже разводят пары.

— Раздернуть! Катер на бакштов!

Обратным манером поднимают второй катер. Теперь самое время подавать к трапу капитанский вельбот.

— На первый вельбот! Вельбот к правому трапу! — командует Колчак. — Рассыльный, доложи старшему офицеру и командиру, что вельбот у трапа! Запыхавшийся матрос бойко сообщает:

— Доложил, вашблародь, командир сейчас выходят!

— Четверо фалрепных на правую!

Первым появляется старший офицер. Он выходит на верхнюю площадку трапа взглянуть на гребцов. Дело серьезное — к адмиральскому кораблю идти. Там уж все на заметку возьмут.

— Фуражки поправить!.. Грести враз. Наваливаться как один. Ты уж присмотри, Фролов! — говорит он загорелому квартирмейстеру, сидящему загрбным.

— Не сумлевайтесь, вашсокродь, в чистом виде!

Колчак слегка уязвлен тем, что староф, как бы не доверяя ему, сам изучает гребцов и вельбот. Но с адмиралом шутки плохи. Командир и тот идет к нему на инструктаж с поджатым хвостом, и это не скрыть никакими молодецкими покриками.

Едва в дверях рубки возникает грузная фигура командира крейсера, как вахтенный начальник гаркает, что есть мочи:

— Смирно! Свистать фалрепных!!

Командир после контузии турецкой гранатой глуховат и всегда недоволен, что «командуют шепотом». Мичман Колчак, взяв под козырек, становится в затылок старшему офицеру, пожирая глазами, как положено, приближающегося командира. Как бы хотелось видеть в нем бравого морского волка. Но... Мичман Колчак обещает себе, что у него ни в какие лета не будет такого отвислого живота, такой свалившейся бороды, хоть и подбритой по щекам по случаю визита на адмиральский корабль.

Это всем известный храбрец боев на Дунае тогдашний лейтенант, а ныне капитан 1-го ранга Ш. По корабельному прозвищу Шабля. Ко всем прочим физическим недостаткам Шабля отчаянно шепелявит, но самое печальное то, что он не умеет держать себя с офицерами, то сбиваясь на явное амикошонство, то самодурно вмешиваясь в ход простейших событий. Сегодня Шабля встал в проникновенном расположении духа, поскольку пребывал в полной неизвестности причин адмиральского вызова. Всякий раз ему мнится, что флагман вот-вот объявит приказ о его увольнении в запас, ибо он давно уже выслужил все мыслимые для его чина сроки.

— Не беспокойтесь, господа! — бросает он грустную и ласковую улыбку встречающим его офицерам. — Я сам... Я сам...

Вельбот ощутимо проседает под его тяжестью. Шабля снимает парадную треуголку и осеняет себя крестным знамением.

— С Богом! — командует он.

Первый же взмах шести длинных весел выносит вельбот на добрую сажень от трапа, затем вторую, третью... И р-раз, и-два... Остроносое суденышко набирает скорость под дружные удары отборных гребцов-молодцов — гордости старшего офицера. Мичман Колчак, заглядевшись на красивую греблю, быстро спохватывается:

— Горнист! Захождение!

Печально-певучий медный глас величаво плывет над рейдом, будто крейсер прощается со своим повелителем.

После того как гребцы зашабашили веслами у борта адмиральского броненосца, жизнь на крейсере снова вернулась в рабочую колею. Вахтенный офицер в должном порядке распорядился отправ-

кой гребного катера с брезентами, чехлами, матами, ведрами и щетками на песчаный пляж.

— Матвиенко! — крикнул Колчак старшине шлюпки. — Набери песочка мелкого — сам знаешь для чего.

Матвиенко знал — для командирского кота, чтоб он утоп, прохвост гадливый! Сколько ж из-за него, подлеца, палубу перелопачивать приходилось. Шабля не прощала и малейшего пятнышка на палубе. В несвежей сорочке мог выйти на люди, но палуба на «Рюрик» всегда отливала ровной матовой поверхностью в цвет яичного желтка.

— Ваше благородие, разрешите обратиться? — за спиной мичмана стоял с поднятой к уху ладонью баталер Прошин.

— Обращайся, — весело откликнулся Колчак.

— Так что насчет провизии, дозволейте спросить. Будет ли шестерка на берег?

Мичман чуть не хлопнул себя по лбу: Боже, какой верблюд! Про песочек для кота вспомнил, а про провизию... Ведь старшой просил непременно пораньше, а сейчас уже — страшно на часы глянуть — одиннадцатый час!

Вполголоса — вахтенному:

— Свистать на шестерку, артельщиков и буфетчиков наверх — к левому трапу.

Авось, староф не заметит. Но вахтенный унтер-офицер после посвиста дудки, как нарочно, заорал с дурацким рвением:

— Ар-р-ртельщики, буфетчики, ходи к левому тр-р-рапу!

«Ну, что ж ты так орешь?!» — поморщился мичман. Но было уже поздно. Старший офицер быстро зашагал к нему.

— Александр Васильевич, что это значит? Ты только сейчас посылаешь шестерку?

— Виноват, Николай Александрович! Упустил из виду...

— Упускают бабы белье в проруби!.. — Острая бородака старшего офицера задрожала от негодования. Он резко перешел на «вы»:

— Не так уж много я вам поручал, чтобы забывать элементарные вещи! Это не прихоть и не каприз: сейчас они попадут в обеденный перерыв и будут шляться по городу. А потом пойдут толки, что у меня распущены люди. Понимаете, не у вас, и не у командира, а у меня, старшего офицера?!

От дальнейшего разноса Колчака спасает возглас сигнальщика:

— Вашесокродь, командир отвалили от адмирала!

Надо немедленно отзываться, надо править службу, как бы не снесдал его гневным взглядом староф.

— Горнист — наверх! — горестным голосом командует мичман. — Четверо фалрепных — на правую!

Хорошо Матисену, его вахта проходит под сенью ночи. Можно даже закурить в рубке, пряча огонек папиросы. А тут все утро в режиме чеховской Каштанки.

Вельбот несется, красиво рассекая волну. Белые усы под форштевнем взмываются вместе с шестью белыми всплесками ударяющих в воду весел. Гребцы откидывались почти навзничь, и в этот же момент вспыхивало облако брызг над разбитым гребнем. И-эх! Навались! И снова — назад вровень с бортом. Играет с ветром синекрестный флаг. Во всем мире нет красивее гребли, чем на русских капитанских вельботах. Школа!

Снова затянул протяжную величальную песнь горнист — захождение! Командир заходит. Замерли фалрепные на трапе, готовые в любую секунду подхватить командира, если гульнет под вельботом волна. Но Шабля тигром вспрыгивает на нижнюю площадку. От утреннего благодушия не осталось и тени. И староф, и вахтенный начальник вытянулись в струнку, ожидая бури. Мичман Колчак первым предстает перед гневливым начальником.

— Господин капитан 1-го ранга, на крейсере Его Величества «Рюрик» вахту править наряжен мичман Колчак!

Обычно Шабля не дослушивает рапорта, отделяваясь старческим «Не беспокойтесь!». На сей раз он внимательно выслушивает ритуальную фразу и разглядывает вахтенного начальника так, будто видит его впервые. Не отнимая руки от козырька фуражки, Колчак делает уставной шаг влево.

— Очень плохо, что на крейсере Его Величества болтается за кормой овечий хвост!

И не вымолвив больше ни слова, тяжело переваливаясь, командир скрывается в дверях рубки.

Мичман Колчак застыл в оцепенении: неужели свисает пустой конец?

— Командуйте «отбой»! — шипит старший офицер. — Чего вы ждете?

— Горнист, исполнительный!

Коротко вскрикнул горн, и Колчак опрометью бросается на ют. Но старший боцман, слышавший замечание командира, — это его позор! — опережает вахтенного начальника. Он же тычет кулаком под ребро дневального на бакштове, забывшего втащить конец, когда провизионная шестерка отвалила из-под кормы к левому трапу. Более позорного «гаффа» на вахте, чем конец, свисающий с кормы

боевого корабля, придумать трудно. Колчак, кляня судьбину и ставя в душе крест на морской карьере, возвращается на шкафут совершенно убитый. Однако жалкий шут, говорит он себе, должен доиграть свою роль до последней уставной точки. Слава Богу, не сняли с вахты! Тогда только закрыться в каюте и револьвер к виску.

— На палубе прибраться! — А за четверть часа до полудня долгожданная всеми команда:

— Пробу подать!

Старший кок в накрахмаленном колпаке и белоснежном фартуке шествует в чинном сопровождении старшего боцмана на шканцы. В руках серьезного до скорби кока-сверхсрочника — надраенный пуще солнечного сияния медный поднос, на нем ломоть ржаного хлеба, солонка и миска наваристого флотского борща с торчащим из темно-красной гущи шматком мяса при мозговом мосле. По докладу с вахты к ним выходят старший офицер и командир. Все, кто на палубе, замирают по стойке «смирно», дабы ничем не нарушить священнодействие. Командир берет с салфетки ложку, зачерпывает гущу и безбоязненно отправляет ее под рыжеватые усы — борщ в миске нагрет до той кондиции, когда снимающему пробу нет нужды дуть в ложку, а тем паче втягивать воздух на обожженный язык. Все предусмотрено, как и мозговая кость, торчащая посреди миски.

— Дозвольте ложечку, ваше высокоблагородие! — заботливо воркует старший боцман и ловко выбивает в нее сгусток костного мозга — любимого лакомства Шабли. Никитюк перехватывает благодарный взгляд мичмана Колчака: спасибо, братец, умаслил дракона по первому разряду! Теперь злосчастный «овечий хвост» будет, наверняка, забыт.

Зажмурив глаза, командир слизывает с ложки нежную консистенцию и расчувствованно уступает миску старшему офицеру. Тот при всей своей худобе обладает отменным аппетитом. Да и что может быть вкуснее флотского борща, приготовленного полтавскими коками, на свежем морском воздухе? Миска пустеет в мгновение ока. Оставив на белоснежной салфетке томатный след своей эспаньолки, старший офицер снова переходит на дружеское «ты».

— Корми людей, Александр Васильевич!

— Свистать к вину и обедать!

В ту же секунду раздольно и радостно залились по палубам «соловьи»: дудки боцманматов, созывающих «пьющих» к ендове с ромом. Крейсер недавно вернулся из заграничного плавания и потому в винном погребе стоят недосыгаемые для таможни бочки с ромом.

Старший офицер, утолив первый голод, степенно спускается в свою безраздельную вотчину — кают-компанию. Шабле накрывают в его салоне. Согласно вековой традиции обедать в кают-компании он может только по приглашению офицеров. Но зная его неровный нрав, офицеры редко пользуются своим правом. Командир тоже может приглашать к своему столу своих соплавателей, усмотрев в том особую причину. Шабля не любит трапезничать в одиночестве и сомнительное удовольствие делить с ним хлеб-соль чаще других выпадает старшему доктору. При этом Шабля, как капризный ребенок, которому каждую ложку нужно сопровождать сказкой, непременно требует от доктора сведений о пользе того или иного блюда, поданного на стол. Доктор, устав от лекций по биохимии пищеварения, стал сводить разговоры к страшным медицинским историям о прободных язвах желудка и циррозе печени, стараясь испортить сотрапезнику аппетит. Но нашел на свою беду очень терпеливого и заинтересованного слушателя

— Да, да, цирроз... — поддакивал он, — вот у моего цесця так разнесло печень, что ему пришлось удалить совершенно здоровое легкое, поскольку печень уже не вмесилась в животе.

Старший доктор округлял глаза и наклонял голову:

— Однако...

Старший офицер пребывал с командиром в весьма официальных отношениях, поэтому приглашения на совместные обеды получал редко. Зато в кают-компании он витийствовал:

— Вестовые, что у нас на закуску?

Буфетчик Козлов перечислял яства и, если среди них оказывалась жареная навага, старший офицер расцветал так же, как Шабля при виде жареной печенки, которую терпеть не мог староф. Это было одной из причин их очень сдержанных отношений.

Окинув орлиным взором безукоризненно накрытый стол, он приглашал толпившихся в салоне офицеров.

— Господа офицеры, прошу!.. Батюшка, благословите!

Корабельный священник отец Константин, откинув рукава подрясника, осенял стол святым крестом:

— Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им всем пищу во благовремени, и отверзаеши щедрую руку Твою и исполняеши всякое животное благоволение... Аминь!

Так наступило главное событие дня.

Мичман Колчак пришел к столу последним, поскольку сдавал вахту. «Комод» — закусочный столик с тремя графинчиками «хлебного вина №18» или попросту водки — уже опустел. Мичман налил

себе полрюмки, *споловинил* ее и поддел на вилку одинокий гриб, спрятавшийся под смородиновым листом. Позабыть поскорее мурторную вахту. Стоило для того, чтобы печься о песке для командирского кота, быть первым в Корпусе все три года...

Матисен по-дружески придвинул стул на мичманском «шкентеле» — самом дальнем конце стола. Он, как старший из мичманов, председательствует здесь так же, как старший офицер на «барском» конце общего стола.

— Зайди ко мне, получил свежую почту...

О том, что командир был у адмирала и что флагман весьма скептически отнесся к боевой выучке «рюриковцев», каким-то образом дошло и на мичманский «шкентель». Здесь не было двух мнений: Шаблю давно надо менять и если он еще командует новейшим крейсером со своими марсофлотскими понятиями о современной тактике, то это только потому, что грудь его украшает густой «иконостас» за дунайские подвиги. Но все попытки старшего артиллериста, старшего штурмана и старшего механика изменить боевые расписания применительно к новым скоростям и дальности стрельбы, натыкались на непоколебимую веру Шабли в мудрость тех, кто правит флотом из-под «шпица» — золоченого шпица над питерским адмиралтейством. Скорая война на Дальнем Востоке заставит заплатить за эту косную «мудрость» страшной ценой.

СУДЬБА КОРАБЛЯ: Спустя несколько лет крейсер «Рюрик», правда, с другим командиром, не Шаблей, — капитаном 1-го ранга Трусовым примет мученический кончину в бою с японскими кораблями близ острова Цусима. Мичман Колчак узнает о том, как погиб корабль его мичманской юности, лишь в Петербурге после возвращения из японского плена.

В знаменитом бою отряда владивостокских крейсеров «Рюрик» разделил геройскую судьбу «Варяга», только еще более горшую. Истерзанный снарядами, едва управлявшийся корабль остался один на один с японской эскадрой из шести вымпелов.

После гибели командира офицеры «Рюрика» по старшинству сменяли друг друга в боевой рубке. Они поднимались туда, как на эшафот, залитый кровью своих предшественников. Капитану 1-го ранга Трусову оторвало голову, и она перекатывалась в такт качке по скользкой палубе рубки; старший офицер кавторанг Хлодовский лежал в лазарете с перебитыми голенями. Заступивший на его место старший минный офицер лейтенант Зенилов простоял в боевой рубке недолго: сначала был ранен осколком в голову, а затем разорван

снарядом, влетевшим под броневой колпак... Настал черед лейтенанта Иванова-Тринадцатого. Оставив свою батарею левого борта, он поднялся в боевую рубку — броневой череп корабля. Мрачное зрелище открылось ему: исковерканные приборы, изуродованные трупы... Не действовал ни один компас.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «...Несомненно, крейсер был обречен на гибель или пленение, — вспоминал Иванов-Тринадцатый. — Только одна мысль, что окруживший нас противник из шести вымпелов постарается овладеть нами (как ценным моральным призом), заставляла возможно быстрее принять какое-то решение, так как наше действительное положение было такое, что достаточно было прислать с неприятельских судов четыре баркаса с вооруженной командой и они с легким и полным успехом могли подойти к крейсеру и овладеть им, так как при том разгроме, который царил на «Рюрике», не было никакой возможности оказать им должное сопротивление: артиллерия была вся испорчена и молчала; абордажное оружие было также перепорчено, а живая сила команды, обескровленная пережитым боем, сделалась непригодной к серьезному сопротивлению. Не теряя времени, я отдал приказание мичману, барону Шиллингу, взорвать минное отделение крейсера с боевыми зарядными отделениями мин Уайтхеда. Боясь за неудачу или задержку отданного приказания, а времени уже терять было нельзя, так как кольцо неприятельских судов без единого выстрела все суживалось вокруг «Рюрика», тут же я отдал приказание старшему механику, капитану второго ранга Иванову, открыть кингстоны затопления крейсера и об исполнении мне доложить. Выбежав на верхнюю палубу, я объявил о принятом решении и отдал распоряжение о спасении раненых из недр корабля. Но не насмешкой ли звучало мое приказание? Какое же спасение раненым и оставшемуся экипажу я мог предоставить? На этот раз только тихие и глубокие воды Японского моря в 40—50 милях от берега и те плавучие средства, кои представляют пробковые матрасы коек и спасательные нагрудники. Ни одной шлюпки не было в целости, все гребные и паровые суда были побиты в щепки. Часть команды начала доставать и расшнуровывать койки, другие начали выносить раненых из нутра судна на верхнюю палубу, прилаживать к ним спасательные средства и прямо спускать за борт. Надо было посмотреть на матросов и вестовых «своих благородий», которые с полным самоотвержением в ожидании ежеминутно могущего произойти взрыва прояв-

ляли заботу о раненых офицерах, устраивая то одного, то другого к спуску на воду. Я помню несколько эпизодов из этой заключительной сцены нашей драмы.

На юте с левой стороны лежал на носилках вынесенный с перевязочного пункта наш старший офицер капитан 2-го ранга Николай Николаевич Хлодовский. Он был совершенно голый, грудь его высоко поднималась от тяжелого дыхания, ноги с сорванными повязками представляли ужасный вид с переломанными голенями и торчащими костями. Около него возился вестовой матрос Юдчицкий, старающийся приладить под носилки несколько пробковых поясов, но это оказалось напрасным. Хлодовский, приподнявшись на локтях, открыл широко глаза, глубоко вздохнул и скончался на своем корабле. Идя дальше, на шканцах я наткнулся на лежащего ничком на палубе командира кормового 8-дюймового плутонга лейтенанта Ханыкова. Тело его было обнажено, и на спине, ниже левой лопатки, зияла громадная круглая рана, обнажавшая переломанные ребра, сквозь которые ясно было видно трепетанье левого легкого. Увидя меня, Ханыков умоляюще попросил меня его пристрелить, но так как при мне не было револьвера, я мог только его утешить, сказав: «Потерпи еще минуту, а там будет общий конец».

Тут же под кормовым мостиком полулежал наш младший доктор Бронцвейг, у него были перебиты обе ноги в щиколотках. Обещав сделать распоряжение приставить к нему людей для помощи, пошел дальше и вдогонку услышал: «Не надо, все равно я пропавший уже человек». Тут же навстречу попался наш старший механик капитан 2-го ранга Иванов, доложивший, что четыре главных кингстона затопления уже открыты. Я приказал травить пар из котла и застопорить обе машины. Больше я его не видел, он потонул при крушении. В это время явился ко мне мичман барон Шиллинг и доложил, что взрыва минных погребов произвести не удалось, так как нет подрывных патронов. Действительно, часть из них хранилась в особом помещении рулевого отделения, уже затопленного, а другая часть взорвалась в боевой рубке. Я ответил, что теперь это безразлично, так как кингстоны открыты, крейсер наполняется водой, и мы не попадем в руки неприятеля. Дал ему поручение проследить за порядком спуска на воду раненых и за возможно быстрым исполнением этой задачи.

Крейсер уже заметно стал садиться в воду с дифферентом на корму и креном на левый борт. Я должен был, как последний командир корабля, еще раз обойти палубу крейсера, чтобы запечатлеть живее в памяти всю обстановку, а также посмотреть, много ли

еще живых душ томится в его недрах и нуждается в помощи. Зайдя в боевую рубку, окинул ее и тело командира капитана первого ранга Трусова прощальным взглядом. Каким-то могильным холодом повеяло на меня. Тут же вспомнил, что на последнем из живых офицеров лежит обязанность выбросить за борт тут же лежащий мешок со всеми сигнальными секретными книгами, шифрами и документами, а также и с колосниками для тяжести, с трудом вытащил на крыло мостика и выбросил его за борт. Конечно, в нашей обстановке, при гибели судна на глубине около 300 сажен, такая мера и не требовалась, но я уже не рассуждал и от физического переутомления, контузий и всего морального потрясения, пережитого во время боя, действовал автоматически и по инерции, не считаясь со здравым смыслом. На мостике я наткнулся на труп матроса, лежавшего на палубе, уткнувшись лицом в лужу сгустившейся крови, и вдруг он приподнимая голову, обратился ко мне с вопросом: «А скоро ли конец, ваше благородие, и потопляться-то будем?» Я привожу этот случай, так как вид его запечатлелся у меня на всю жизнь и много преследовал в сновидениях и ночных галлюцинациях. Кожи и мяса на его лице почти не было, на меня смотрел единственный уцелевший глаз, казавшийся необычайных размеров, вставленный в голый череп смерти. Другая часть была совершенно разворочена. Это было черное, нечеловеческое лицо. Невольно отпрянув в сторону, я решил успокоить его, сказав, что сейчас пришло за ним, и быстро спустился по поломанному трапу на верхнюю палубу, оттуда через носовой люк в батарею 6-дюймовых орудий, с намерением спуститься в следующую жилую палубу, но в этот момент почувствовал легкие содрогания корпуса судна и ясно ощутил, что крейсер быстро начинает валиться на левый борт, а дифферент сильно увеличивается на корму. Пробежав по батарейной палубе к корме, я через грот-люк выскочил на палубу, где с юта навстречу мне представилась картина бурлящей воды, поднимавшейся волной на верхнюю палубу, стоять на которой из-за сильного крена на левый борт, все быстрее увеличивающегося, было почти невозможно; я подполз к правому борту, где через барбет средней 75-мм пушки перешагнул через планширь борта, очутившись на наружном борту, поскользнулся и, усевшись на него, поехал, как на салазках с горки, но, дойдя до медной обшивки подводной части, уже обнаружившейся из воды, зацепился одеждой за какую-то медную заусеницу обшивки, и меня точно неведомая сильная рука прижала к корпусу судна, застелила зеленоватая масса воды, и я почувствовал, что державший меня крейсер увлекает

в свою водную могилу. Когда через несколько мгновений швырнул на поверхность воды, перед глазами на миг я увидел таран крейсера, вставшего на попа на корму, и, перевернувшись на левый, он исчез под водой, а вдоль тихого, спокойного моря раздалось громкое, потрясающее «ура» плавающей на воде команды».

Все это будет через несколько лет. А пока на «Рюрик» объявлен благословенный «адмиралский час». Все разошлись по каютам добирать до «основного» сна законные полста минут. Мичман Колчак же направился в офицерский коридор левого борта, где в каюте под барбетом противоминного орудия квартировал мичман Матисен. В корреспонденции, которую доставляли ему с берега, частенько бывали свежие номера «Морского сборника» и «Известия Императорского Русского Географического Общества». Все, что касалось гидрологии морей, прочитывалось обоими мичманами с жадностью и жаждой новых сведений.

Море... Это только для несведущего человека оно лишь грандиозное скопище воды. Колчак еще в Корпусе был захвачен тем, что Океан — это живая оболочка планеты, что так же разнообразен, как земная суша со всеми своими горами и степями, пустынями и ледниками, саваннами и джунглями... В нем струят свой бег глубинные реки и бушуют подводные гейзеры, он многослоен, как пирог, и каждый слой живет по своим гидрофизическим, гидробиологическим законам, таинственно связанным с движением Луны и других светил. В его чудовищной толще вздымаются огромные внутренние волны или же возникают вдруг мощные вертикальные токи — апвеллинг... Океан могуче дышит меж двух ледяных чаш — Арктики и Антарктики; так меж двух разнополярных пластин струятся токи, рождающие невидимую силу, могущую сжигать и освещать, согревать и морозить, держать и двигать, убивать и воскрешать... В начале века еще не было термина «гидрокосмос», но именно он-то и манил молодого моряка, именно о нем-то он и вел речь с единственным на крейсере офицером, которому все это близко и понятно — мичманом Матисеном.

Был и еще один замечательный товарищ, к которому Колчак относился хоть и несколько покровительственно, поскольку тот был выпускником младше, но с затаенным уважением — мичман Костя Случевский. Сын известного русского поэта Константина Случевского Случевский-младший также писал стихи и притом неплохие. Младшие офицеры «Рюрика» порой вставляли его строфы в свои любовные послания. Однако музу мичмана Случевского питала морская стихия. Его эпиграммы на Шаблю и старшего офицера

пользовались большим успехом, делая жизнь отважного пиита весьма рискованной.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Константин Константинович Случевский, мичман выпуска 1892 года, служил с Колчаком на «Рюрик» без малого четыре года — с 1895 по 1898-й. В 1900 году перешел в Гвардейский экипаж на императорскую яхту «Полярная звезда». Погиб лейтенантом в цусимском сражении на эскадренном броненосце «Император Александр III». Успел выпустить книгу стихов «С моря», которая хорошо была принята поэтической общественностью. На гибель флотского поэта Игорь Северянин откликнулся стихотворением:

*Здесь лейтенант Случевский, в цвете лет,
Пел красоту природы прибалтийской,
Но послан в бой по воле злой царийской
У берегов японских пал поэт.*

Александр Колчак назвал в честь друга мыс на острове своего имени.

После «адмирального часа» была сыграна боевая тревога и начато общекорабельное артиллерийское учение. Мичман Колчак назначен помощником командира plutонга противоминных орудий правого борта. Командир батареи в береговом госпитале, и Колчаку приходится исполнять все его обязанности. Он обходит орудия plutонга, проверяет установку прицелов по стрелкам циферблатов, управляемых электрическим током из боевой рубки.

— Горыня! — подзывает мичман артиллерийского квартирмейстера. — Подать беседку со светящимся снарядом.

Горыня резво бросается к переговорной трубе и дует в амбюшур так, чтобы сигнальный свист услышали в артпогребе. Но погреб молчит.

— У погреби! У погреби! — вызывает квартирмейстер к совести старшины перегрузочного отделения, известного лодыря, которому осталось служить до увольнения в запас всего три месяца. Офицеры в погреб, расположенный глубоко под ватерлинией, заглядывают редко. В этом укромном, хотя и небезопасном, месте боцманмат Терещенко может позволить себе многое из того, за что любого матроса, попавшегося на глаза начальству, непременно поставят под винтовку («стрелять рябчиков»), а то и отправят в карцер: например, дрыхнуть

во время учений или нюхать махорку (не курить ума, слава Богу, хватает) или читать про похождения графа Нулина.

— Терешшенко! Кому говорю... — надывается Горыня.

— Чиво надо? — откликается наконец хозяин снарядного погреба.

— Накати светящийся!

— Да кто приказал? — недовольно гудит переговорная труба. —

Надо же, только устроился на боковую, теперь выискивай на стеллажах светящуюся дуру в полпуда весом.

— Да ён приказал!

— Кто это ён?

— Ну ён же... Палутонговый! — Горыне неловко объяснять, кто именно отдал ему приказ, так как мичман Колчак стоит рядом, раздраженно поигрывая темляком сабли. Он сам подходит к латунному раструбу:

— В погребе! Старшина!

— Есть, вашблародь! — бодро доносится из недр корабля.

— Долго я буду ждать светящийся?

— Есть подать светящий!

И тут же взвыла лебедка, подающая беседку.

— Три раза повторить подачу! Десять секунд на каждую! Товсь — ноль!

Под конец учений к борту крейсера подвалила та самая шестерка с провизией, которую забыл во время отправить мичман Колчак. Теперь перегружать с нее бочки, мешки, корзины, ящики — забота сменившего мичмана Колчака вахтенного начальника лейтенанта Петрова-Девятого. Это самый опытный вахтерцер на крейсере, любимец старшего офицера, который всегда ставит его в пример молодым мичманам вроде Колчака. Лейтенант правит вахту, как распорядитель бала — виртуозно, с шиком. Правда, сейчас предстоит не самое престижное дело — надо поднять бочку с кислой капустой. Петров-Девятый приказывает завести пару дополнительных оттяжек и бочка уверенно ползет вверх под мерный скрип талей. Но тут со шканцев раздается шепелявый голос:

— Лейтенант Петров, как вы поднимаете боцку?

— Стропом, господин капитан первого ранга!

— Кто-то из нас не знает, что такое строп.

— Никак нет, это строп!

— А я говорю — не строп!

У Шабли послеобеденное несварение желудка, он раздражен и крайне опасен. Однако лейтенант Петров-Девятый проявляет безрассудное упорство.

— И все-таки это строп, господин капитан 1-го ранга!

Перечить командиру? Да это почти бунт в глазах дунайского ветерана.

— Та-а-к! — угрожающе тянет Шабля и, отыскав взглядом старшего офицера, спешит к нему.

— Николай Александрович, — меняя тон на обиженный, просит командир. — Смените лейтенанта Петрова с вахты!

— Есть, — без особого энтузиазма отвечает староф и подзывает кивком головы невольного свидетеля инцидента мичмана Колчака. — Александр Васильевич, примите, пожалуйста, вахту на оставшиеся полчаса.

Лейтенант, которого впервые за всю службу так нелепо снимают с вахты, взбешен. Он молча сдирает с себя шарф, кортик...

— Продолжайте поднимать провизию стропом! — делает он ударение на последнем слове.

Его бешенство передается командиру.

— Николай Александрович, — топает он ногой, — арестуйте лейтенанта Петрова на сутки! И приставьте к его каюте «пикадора».

— Мичман Колцак, чем вы будете поднимать боцки?

Колчак медлит с ответом — злополучная «шестерка» возвращается на его голову, как промахнувшийся бумеранг. Но кривить душой на миру?

— Стropом, господин капитан первого ранга.

Шабля вытаращивает глаза. Это явный заговор против него. Отправить под арест дерзкого мичмана? Но он уже сам чувствует, что переборщил с Петровым.

— Вот, Николай Александрович, — ищет он защиты у старшего офицера, — вот видите, как заразительно вольнодумство! Я не ожидал... Не ожидал-с!

Голос его слезливо дрожит, он резко разворачивается и скрывается в рубочной двери. Старший офицер бесстрастно отдает распоряжение:

— Александр Васильевич, продолжайте подъем провизии... Стropом! — неожиданно добавляет он.

Ужин в кают-компании против обыкновения проходил без шуток, подначек, смеха. За обеими концами стола — «барским» и «шкентелем» — обсуждали вполголоса последнюю выходку Шабли. Все сочувствовали без вины пострадавшему лейтенанту Петрову-Девятому. Но пострадал еще и мичман Матисен, которому вместо съезда на берег, где его поджидала некая дама, приехавшая на свидание из Питера, выпало теперь заступать в караул, поскольку при арестованном на корабле офицере начальником караула должен быть тоже офицер, а не унтер, как при обычном течении дел.

— Хочешь я тебя подменю? — приходит на выручку приятелю мичман Колчак. У него нет пока знакомых дам, и он почти не сходит на берег, вникая во все нюансы корабельной службы. Договариваться о замене они идут к старшему офицеру вместе. Тот играет в вист со старшим штурманом и доктором. В ответ на просьбу мичмана Колчака он задумчиво роняет:

— А возле шестого орудия на палубе масляные пятна...

— Но комендоры подкладывают брезент при смазывании пушек, Николай Александрович, — осторожно вставляет Колчак.

— А что толку, когда обе стороны брезента вымазаны тавотом, — не отрывает глаз от карт староф.

На помощь мичману неожиданно приходит старший штурман:

— Комендоры обязаны мыть только чехлы пушек.

— Знаю, но палуба грязная... Не все ли равно по какой причине...

Это надо понимать как отказ в благородной просьбе. Вирус вредности передался от Шабли старшему офицеру. Мичман Матисен идет заступать в караул, а мичман Колчак, взяв в штурманской рубке стопу лощей, располагается в своей каюте для удобного чтения.

... Как бездарно проходит время. Вот и еще один день уволокся за солнцем на запад... Он остро чувствовал счет своим дням, ибо они и в самом деле были сочтены, и сочтены коротко.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не мог никогда согласиться со многими деталями постановки... дела у нас во флоте. Я не буду здесь разбирать причины этого, хотя главное основание всех недостатков и неудобств военно-морской службы я вижу в малой подготовке личного состава, ничтожной практике, истекающей из огромной материальной стоимости плавания современного судна и происходящей из этих двух оснований характера чего-то показательного, чего-то такого, что не похоже на жизнь. На наших судах служат, но не живут, а мнение мое, что на судне надо жить, надо так обставить все дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одной службой, на которую каждый смотрит как нечто переходящее, как на средство, а не как цель...»

Цель у него была — великая цель: пройти к Южному полюсу планеты.

У него не было времени на рутинный ход строевой службы... Сбежать бы от нее! Но куда?

Взгляд мичмана падает на прикопленную к переборке общую карту мира. Да хоть бы в Антарктиду! К пингвинам...

Этот вопрос — куда сбежать от прозябания в он будет задавать себе не раз и не два... Куда деваться от таких командиров, как Шабля?

А хоть бы под пули британской пехоты, высадившейся на земле буров, как когда-то в Крыму высаживалась шотландская пехота — под барабанную дробь и вой волынок...

Пройдет время, и мичман Колчак станет нести вахту «без тумана», то есть без сучка и задоринки. Более того, начнет учить сам других — молодых — вахтенных начальников.

Командир учебного клипера «Крейсер» капитан 1 ранга (впоследствии контр-адмирал) Г. Цывинский был весьма доволен своим младшим штурманом мичманом Колчаком. За четыре года почти непрерывных плаваний Александр съел добрый пуд морской соли.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Один из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю почти всех европейских флотов и морских сражений».

А тот отчаянно тосковал и тяготился набившей оскомину строевой службой — через день на ремень.

Но где же выход?!

Глава четвертая

К ЗЕМЛЕ САННИКОВА!

Об этой загадочной земле толковали в России и царь, и псарь. Ее миражные отроги маячили сквозь летние туманы и зимние бураны за краем известного людям света — с глухотоманных необитаемых островов Восточно-Сибирского моря.

Впервые увидел эту марь сибирский купец-промышленник, добытчик песка и мамонтовой кости Яков Санников аж в 1810 году. С той поры эта неведомая и недоступная земля лишила покоя многих людей — сильных духом и трезвых разумом.

Странное дело, мало ли в России земель, мало ли у нас больших и малых островов, островков, острожищ? Но почему-то так не хватает ей именно этой призрачной земли Санникова в непроходимых морях. Чем же манили так россиян заснеженные кручи в пропащей дали? Добро бы золотые жилы там по распадам змеились, как на Клондайке, или простирались бы лежища тучного морского зверя, или хотя одна бухточка не замерзала в зиму, или... Но ничегошеньки, ровным счетом ничего та ускользающая земля не сулила. А на Москве и в Питере серьезные люди, не праздные мечтатели, не мальчишки-романтики, а все больше ученый народ — штурманы, геологи, гидрографы — ломали головы, как достичь заветных берегов.

Будто бы и в самом деле огромная — в шестую часть света — страна была бы неполна без этой пригрезившейся Санникову земли. И Государь-император Александр III в шутку ли, всерьез молвил на очередном выпуске Морского корпуса: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать будет. Дерзайте, мичмана!»

И мичмана, став лейтенантами, дерзали... Лейтенанты Коломейцов и Матисен, лейтенант Колчак, лейтенант Брусилов, старший лейтенант Седов...

Досужая публика недоумевала — чего ради?.. Ее вопросы замечательно сформулировал известный географ Ф.Ф. Врангель (это в его честь назван огромный остров в Чукотском море, чудом не переименованный большевиками), а потом сам же на них и ответил:

«Разве нет задач более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных мертвых неприглядных областей вечного снега?

...Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли... Все это выказывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно».

Все это так!

Но был один резон в экспедиции, в который не посвящали репортеров и широкую публику. Уголь!

Еще американец Де Лонг обнаружил на острове Беннетта залежи бурого угля. Барон Толль предполагал, что третичные угленосные пласты острова Новая Сибирь простираются до Беннетта и дальше — до Земли Санникова, ежели таковая существует.

Зачем же искать уголь так далеко? Ведь в России огромные запасы его и в Донецком бассейне, и даже под Тулой. Не вывозить же черное топливо из Арктики? Во что станет такой перевоз?

А вывозить-то и не надо. Главное, чтобы туда его не завозить! Главное найти бы его там, в тех медвежьих углах. Тогда суда, идущие из Архангельска во Владивосток Северным морским путем, смогли бы пополнять запасы топлива как раз на середине великой трассы «из варяг в японцы», из Поморья в Приморье, с Крайнего Севера да на Дальний Восток. Ведь плавание паровых судов во льдах — это прежде всего двойной расход топлива. Если бы устроить на острове Беннетта или на Земле Санникова угольную станцию, то и броненосцы смогли бы огибать Чукотку и попадать во Владивосток не вокруг Африки да Цусимским проливом, а кратчайшим да к тому же почти внутренним российским путем.

Идея такой переброски судов как военных, так и торговых, вынашивалась дальновиднейшим адмиралом Макаровым, да и великий муж науки Дмитрий Иванович Менделеев предрекал важнейшую будущность Северного морского пути.

И вот первый серьезный шаг в эту сторону — Русская полярная экспедиция (РПЭ).

Президент императорской академии наук Великий князь Константин Константинович, он же председатель Комиссии по подготовке экспедиции, докладывал Государю о маршруте будущей экспедиции. А Государь был молод. В свои тридцать два он бы и сам с превеликой охотой отправился искать затерянные миры. Тем более после полукругосветного плавания в Японию на броненосном крейсере «Память «Азова» считал себя в глубине души моряком и к флоту дышал неровно.

Земля Санникова досталась ему по наследству — от отца. Александр III благоволил господам изыскателям. Их стараниями Россия прирастала без всяких войн и завоеваний. Главное, чтобы на этой обетованной, но еще не открытой земле не взвился первым иностранный флаг, о чем все время болел душой патриарх отечественной географии Петр Семенов-Тянь-Шанский: «Недалеко уже то время, когда честь исследования... Земли Санникова будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России». Ему вторил и Великий князь Константин Константинович: «Экспедиция на Санникову Землю была бы теперь особенно своевременна...»

По Высочайшему повелению Императора Николая II министерство финансов выделило на Полярную экспедицию 240 тысяч рублей, сумму по тому времени внушительную. Но денег никогда много не бывает, тем более что за покупку и переоборудование шхуны в Норвегии надо было уплатить 60 тысяч рублей. Однако предприя-

тие барона Толля вызвало в России волну энтузиазма, и многие ведомства, учреждения и просто состоятельные люди помогали экспедиционерам всем, чем могли.

К барону Толлю просились десятки dobroхотов со всех концов российской империи. Его стол был завален рапортами флотских офицеров и прошениями студентов, чиновников, гражданских моряков. Попытал счастья и новопроизведенный лейтенант Колчак. Куда там... Барон вежливо выслушал его и сухо заметил, что офицерский штат на «Заре» уже набран, что двух лейтенантов для небольшой шхуны более чем достаточно, что Колчак еще весьма молод и успеет еще сходить не в одну экспедицию.

То был второй удар судьбы. Первый Александр испытал в мае, когда, вернувшись в Кронштадт из морей на крейсере «Крейсер», первым делом поспешил в штаб-квартиру вице-адмирала Макарова. Великое нетерпение подгоняло лейтенанта. Там, в военной гавани, стояли под парами готовые к отплытию на Шпицберген ледокол-красавец «Ермак» и военный транспорт «Бакан». На «Ермаке» уже развевался вице-адмиральский флаг Макарова. Именно он должен был вести экспедицию в Арктику.

— Ваше высокопревосходительство, возьмите с собой!

Степан Осипович был наслышан о молодом офицере, который по своему почину стал вести гидрологические замеры в Желтом и Японских морях.

Степан Осипович поглаживал бороду и смотрел на Колчака почти что ласково. Он видел в этом лейтенанте с горящими глазами самого себя лет эдак двадцать назад... Разве он сам в том же чине и в том же возрасте, тяготясь стационарной службой в Константинополе, не начал вот так же dobroхотно измерять скорости верхнего и нижнего течений в Босфорском проливе?

— Дражайший Александр Васильевич, взял бы вас без сомнений. Но не в моей власти выдернуть вас сейчас с боевого корабля. Пока оформят все бумаги, мы уже за Нордкапом будем. Вы же знаете, как штабная улита едет...

С тем и вернулся лейтенант в отцовский дом в Петровском переулке.

— На все воля Божья, Сашок! — утешал сына отец. — Да и наплавался ты вдосталь. Пора своей гаванью обзавестись.

Василий Иванович, уйдя сначала в отставку, а теперь и на пенсию, давно уже по земляческим каналам высмотрел сыну невесту. Это была статная, красивая, не в меру серьезная выпускница Смольненского института благородных девиц Софья Омирова, дочь по-

койного начальника каменец-подольской Казенной палаты. Круглая сирота, она зарабатывала на жизнь домашней учительницей.

Александр, как и большинство молодых людей, не любил, когда родители активно вмешиваются в личную жизнь, навязывая своих кандидаток в созидательниц семейного счастья.

— Сам-то ты не очень спешил! — заметил он, намекая, что сам Василий Иванович женился лишь в тридцать с лишним лет.

— Не надо повторять ошибки отцов... Тем не менее я свой долг перед пращурами выполнил. Явил миру продолжателя рода, и, похоже, неплохого продолжателя...

— Катя старше меня, она пусть первая продолжает.

— На сестру не кивай. С ней наша фамилия уйдет. А ты мне наследника подавай, чтоб Колчаки вовек не вывелись. Теперь ты за это отвечаешь. Служба службой, наука наукой, а пресекать род наш не имеешь права!

Знакомство, однако ж, состоялось.

Вопреки скептическим ожиданиям, София оказалась отнюдь не кисейной барышней. Ладная, спокойная, с прямым взглядом из-под высокого чистого лба, она была начисто лишена манерности столичных девиц. Собственный заработок придавал ей ту уверенность в жизни, которую ценил в себе и сам Александр. Они на равных вели беседу, вольно или невольно экзаменуя друг друга на остроту ума, эрудицию, пристрастия... Колчак мысленно вывел своей собеседнице высший бал. София приятно удивляла начитанностью, здравостью суждений, выяснилось, что она в совершенстве владеет английским, французским, немецким и чуть хуже итальянским, польским языками, превосходно музицирует, небезуспешно пробует свои силы в живописи акварелью и маслом.

Он тоже старался не ударить в грязь лицом, живо и с юмором рассказывал ей о морях и странах, в которых довелось побывать, о забавных случаях из корабельной жизни. То был совершенно неведомый Софии мир, и она слушала бывалого морехода, широко раскрыв красивые глаза, что весьма подкупало рассказчика. Более того, она с неподдельным интересом расспрашивала его о том, что интересовало не всякого сослуживца. О Земле Санникова, о Южном полюсе, о пропавшей экспедиции лейтенанта Де Лонга...

Саше было семь лет, когда в Арктике разыгралась очередная трагедия, потрясшая читателей газет во всем мире. Лейтенант американского флота Джордж Де Лонг отправился к Северному полюсу на паровой яхте «Жаннета». Увы, в июне 1881 года паковые льды раздавили хрупкий корпус суденышка, и смельчаки остались один на один с

белым безмолвием высоких широт. Но прежде чем лейтенант Де Лонг и большая часть команды погибли от голода и стужи, отважный лейтенант успел назвать три новооткрытых острова в честь своей возлюбленной — Генриетты, в честь несчастной яхты — Жаннеты и в честь издателя газеты «Нью-Йорк Геральд» Гордона Беннета, снарядившего экспедицию на свои деньги. Так они и остались на карте русской Арктики — острова Де Лонга: Генриетты, Жаннеты и Беннета.

— Если я когда-нибудь открою новый остров, я назову его вашим именем, — сказал Колчак на прощание.

— Спасибо, — без тени улыбки ответила София. — Только не пропадайте во льдах, как Де Лонг.

...Он сдержал свое слово. Небольшой остров в Восточно-Сибирском море, названный Колчаком именем невесты, и поныне существует не только в Ледовитом океане, но и на картах Арктики, как и мыс Софии на острове Беннета.

Как-то прощаясь, он ей сказал:

— Если бы я был капитаном экспедиционного судна, я непременно взял бы вас с собой.

Это было объяснением в любви.

Потом, спустя двенадцать лет, полярные командоры и в самом деле станут брать с собой невест — что Русанов — Жюльетту Жан, что Брусилов — Еремению Жданко. И всякий раз это будет кончаться трагично.

Спустя время Колчак узнал о своей невесте, о ее предках не меньше, чем о своих.

Она родилась на Украине — в старинном городке Каменец-Подольске, в тех краях, где был пленен прадед ее будущего мужа — турецкий генерал Колчак-паша. Пленил пашу брат ее пращура по материнской линии, екатерининский вельможа фельдмаршал Миних. Со стороны матери — Дарьи Федоровны Каменской — числился еще один воинственный предок — генерал-аншеф М.В. Берг, громивший войска Фридриха Великого в Семилетнюю войну. На баталиях генерала Максима Берга учился Александр Суворов.

По отцу же, Федору Васильевичу Омирову, начальнику подольской Казенной палаты, предки были куда более мирные — из духовного сословия.

«Мой умный, добрый и строгий отец! — восклицала она на склоне лет. — Нас было у него двенадцать человек, я — одиннадцатая».

В крови Софьи Федоровны боролись «лед и пламень»; лед духовного смирения, законопочитания и пламень высокой воинской удали. Годы, проведенные ею в Смольнинском институте благородных девиц, дос-

тойно ограничили ее сложный характер. Она вышла в свет со знанием семи языков. Причем английским, французским и немецким владела в совершенстве... Писала маслом и акварелью, превосходно музицировала.

Дед ее из подмосковных священников носил чисто духовную фамилию — Омиров, первоначально звучащую как Гомеров. В дословном переводе имя героини этих срок вкупе с девичьей фамилией означает — «мудрость Гомера». Но не нашлось в XX веке своего Гомера, который смог бы в полной мере постичь, воспеть и оплакать ту трагедию, в которую ввергнута была Россия на семнадцатом году нашего века.

С предложением руки и сердца Александр не спешил. Идти под венец — только с ореолом героя. Как отец. Однако судьба не спешила выводить его на поле чести. К величайшему своему унынию, лейтенант Колчак ввиду нехватки офицеров был назначен вахтенным офицером на старый и потому учебный крейсер «Князь Пожарский». Подобный удар он пережил два года назад, когда попытался перевестись на канонерскую лодку «Кореец» (тот самый «Кореец», который разделил участь «Варяга» в бою при Чемульпо), ухотивший к Командорским островам. Вместо вожделенной экспедиции в северную часть Тихого океана — назначение на осточертевшую должность вахтенного начальника на допотопный клипер «Крейсер», возвращавшийся в Кронштадт. И вот опять тот же кунштюк.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Кроме желания плавать на севере Тихого океана, у меня явился интерес к южным полярным странам, касающийся одной из самых малообследованных областей, заключающей в себе земли Императоров Александра I и Петра Великого, впервые посещенной Беллинсгаузеном и Лазаревым, но этот интерес пока мог быть только платоническим, так как, чтобы попасть туда, надо было снаряжать экспедицию, а для этого я не имел ни опыта, ни средств.

Проплавав четыре года на военных кораблях, из которых один был в то время первоклассным крейсером, а второй представлял собой уже не имеющий боевого значения парусный клипер, я вынес довольно скептическое отношение к плаванью на военных судах и много раз еще во время пребывания в Тихом океане подумывал о выходе из военного флота и службе на коммерческих судах. Тем не менее я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место...

...Я попал во внутреннее плавание на «Князе Пожарском», что для меня было худшее, что только я мог представить в этом роде. На «Князе Пожарском» вахтенным начальником плавал лейтенант

Стральман — мой приятель, с которым я был всегда в хороших отношениях. Я убедился по нескольким опытам, что в военной службе осуществить свои желания едва ли когда удастся, я бросил свои занятия по гидрологии, и мои стремления пришли к форме искания просто-напросто, как говорилось в Тихом океане, «типов и ощущений», то есть к авантюризму, короче говоря. Борис Стральман также находился в таком состоянии, и, беседуя с ним во время плавания по портам Балтийского моря, я пришел к готовности оставить службу и отправиться в кампании со Стральманом в Клондайк, не для искания золота, конечно, а просто, чтобы найти обстановку и жизнь, отвечающую более нашим потребностям, чем та, в котором мы оба находились. Мы порешили осенью идти в Тихий океан и там выйти в запас и отправиться куда хотели.

По окончании плавания на «Князе Пожарском» я перешел на эскадренный броненосец «Полтава» и через несколько недель на его «Петропавловск», ухотивший в Тихий океан.

Стральман куда-то уехал, и я более с ним не видался. Прекрасное, новое боевое судно первое время вернуло меня к прежним занятиям, но скоро я убедился, что здесь то же самое, что и на всех других броненосцах и крейсерах. Здесь есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Итак, броненосец «Петропавловск» уносил мятущегося лейтенанта все дальше и дальше от полночных стран. Посреди пути он и вовсе надолго застрял в афинском порту Пирее.

Пирей. Сентябрь 1899 года.

Пирей — прескверный городишко. Во всяком случае, таким он был в конце девятнадцатого века: полуамфитеатр унылой равноэтажной застройки с еще не выветрившимся налетом турецкой провинции, обнимал весьма просторную бухту. Русские корабли облюбовали этот далеко не самый благоустроенный порт лишь потому, что все остальные удобные и в стратегическом, и в стояночном отношении гавани уже давно были обжиты кораблями английского и французского флотов. Не было баз у российского флота на Средиземном море, был лишь этот стационарный пункт, где корабли могли подолгу стоять на якорях ввиду берегов вполне дружественного греческого королевства, поскольку королева эллинов Ольга, бывшая русская принцесса, душевно благоволила к морякам с неблизкой родины.

Осенью 1899 года на рейде Пирея встал на якорь новейший эскадренный броненосец «Петропавловск», шедший с Балтики на Дальний Восток. Вечный вахтенный начальник лейтенант Колчак,

весьма удрученный неудачными попытками попасть в полярные экспедиции, пребывал в мрачайшем расположении духа. И строки его дневника вполне созвучны настроению лермонтовского героя.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не знаю более скверного и противного места для меня, чем этот порт сквернейшей страны, какой я знаю и где наши суда стоят неизвестно зачем очень долго...»

Его душа рвалась подальше от этой земли, туда, где кипели живые события — в Южную Африку, в Трансвааль, в Оранжевую республику. Там шла война... Там «работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце делается лишь примерно» — изливался он своему дневнику.

Но в Пирее, слава Богу, есть телеграф... И стук корабельного почтара в дверь каюты:

— Ваше благородие, вам телеграмма!

Колчак схватил бланк с греческими почти русскими литерами. Первая мысль — от Кати, что-то с отцом. После смерти Ольги Ильиничны он сильно сдал...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На Рождество, когда я сидел у себя в каюте и обдумывал вопрос о том, чтобы кончить службу и уйти в Южную Африку для занятий военным делом, мне принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Матисеном, где мне предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции...»

Нет, то была не телеграмма, то была повестка судьбы. Свершилось! Там, на небесах, услышаны его молитвы!.. Вспышку подобной радости он испытал разве что когда был зачитано Высочайшее повеление о производстве в офицеры. Он ликовал так, как будто сам Жюль Верн прислал ему приглашение лететь из пушки на Луну.

Все к черту! Если не отпустят — немедленно рапорт о выходе в запас.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я немедленно ответил полным согласием на все условия и отправился к командиру капитану 1-го ранга Грехе поговорить о своем решении. Я прямо сказал ему, что решил выйти из военной службы, если она явится препятствием для поступления моего в состав экспедиции, и, конечно, Грехе, вполне сочувствуя моим желаниям, посоветовал мне немедленно подать в запас, так как иначе списание мое с «Петропавловска», да еще ввиду перевода моего в Сибирский экипаж, затянется и броненосец должен скоро уходить в Порт-Саид.

Я телеграфировал лейтенанту Матисену, которого считал за командира судна, что подаю в запас и еду, как могу скорее, в Петербург. Но выйти в запас мне не пришлось, благодаря участию президента Академии наук великого князя Константина: высшее морское начальство телеграммой потребовало моего списания с «Петропавловска» и возвращения в Петербург. Все устроилось лучше, чем я ожидал. На первом пароходе Русского общества, простившись с броненосцем честь честью... я в первых числах января ушел из Пирея в Одессу...»

В Одессе перед поездом на Санкт-Петербург он заскочил к Посоховым, материнской родне. Дед Илья Андреевич видел внука не часто. А уж в морском облачении и вовсе впервые. Люб был казачьей душе внук при мундире и сабле.

— Хоть и не в нашу породу ты пошел, Сашка, но глаза у тебя посоховские, материны глаза... Невестой-то не обзавелся?

— Есть на примете.

— Дай знать, когда свадьба. Все брошу и приеду.

ОРАКУЛ-2000: Кто из них мог предположить, что свадьба будет за тысячи верст от Одессы да и Петербурга — в Иркутске, и что из всей родни приехать туда сможет лишь один неугомонный Василий Иванович? Как-никак его стараниями свадебка сладилась.

Кто из них мог представить себе, что и деда Илью, потомственного дворянина, городского голову Одессы, большевики расстреляют в один год с внуком — Верховным Правителем России — в 1920-м?..

Санкт-Петербург. Январь 1900 года.

Наступал новый век — двадцатый от Рождества Христова. 2 января в газете «Московские новости» будет напечатано редакторское эссе: «С последним полуночным ударом часов 1900 года наступает новый век. На смену отжившего прошлого является новое XX столетие со всеми своими жгучими запросами настоящего и неизвестностями будущего... Кто знает, может быть, именно отечеству нашему суждено стать той силой в которой народы увидят оплот международной справедливости, равновесия и мира?»

... Но если эта миссия возложена на нас Провидением, то для исполнения ее мы должны в новом веке еще старательнее вдумываться в смысл великих национальных основ своих и еще более свято хранить и возделывать их». Неизвестно, попадались ли на глаза Колчаку эти строки, но суть их определила весь ход жизни этого человека.

Итак, по ходатайству великого князя Константина Константиновича лейтенант Колчак был прикомандирован к Императорской Академии наук. Правда, время производства в следующий чин — капитана 2-го ранга — резко отодвигалось¹ (в лейтенантах ему пришлось ходить восемь лет), но это его мало заботило. Его военная карьера еще наверстает упущенное небывалым скачком: за три года он из капитанов 1-го ранга станет вице-адмиралом.

Перед бароном Толлем лейтенант Колчак предстал не без душевной робости. Что значили его любительские опыты по гидрографии в сравнении с научным багажом полярника, уже побывавшего там, где погиб лейтенант Де Лонг, а главное, своими глазами видевшего легендарную Землю?

Да, в экспедицию 1886 года Эдуард Толль с северных утесов острова Котельный ясно видел на горизонте контуры четырех гор, координаты которых примерно определялись как 77° 09' северной широты и 140° 23' восточной долготы. Дальний берег простирался именно там, где указывал Яков Санников. Мог ли после этого барон Толль не верить в успех новой экспедиции, снаряженной специально, чтобы достичь тех заветных пределов?

Глава пятая

«ЗАРЯ» ПЛЕНИТЕЛЬНОГО... СЧАСТЬЯ?

Как ни ревновали россияне Арктику к норвежцам, все же именно норвежец — великий полярный путешественник Фритьоф Нансен — отнесся к русской экспедиции с большим участием. Он щедро делился с ее командором — бароном Толлем, давним своим приятелем, тем уникальным опытом, который почерпнул в ледовых плаваниях на «Фраме». Именно он присмотрел для россиян подходящее судно — китобойный барк «Гаральд Харфагер». Плотно сбитый овальный в

¹ В 1900 году на русском флоте было только четыре офицерских звания. мичман, лейтенант, капитаны 2-го и 1-го рангов.

сечении корпус понравился барону с первого взгляда, и барк после переделки под научное судно был перенаречен в «Зарю».

Именно он, старый полярный волк, напутствовал Толля добрым письмом: «Дорогой друг!.. Мне нет необходимости говорить Вам, что, за исключением Вашей превосходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я».

Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович 10 марта 1900 года утвердил состав экспедиции, куда помимо Э.В. Толля были включены:

«Капитан шхуны «Заря» Н.Н. Коломейцов — лейтенант флота; геодезист, метеоролог и фотограф Ф.А. Матисен — лейтенант флота; гидрограф, гидролог и гидрохимик А.В. Колчак — лейтенант флота; зоолог экспедиции А.А. Бялыницкий — Бируля — старший зоолог Зоологического музея С.-Петербургской Академии наук; астроном и магнитолог Ф.Г. Зееберг — доктор физики; врач-бактериолог и второй зоолог Г.Э. Вальтер — доктор медицины. В состав команды также вошли: боцман Н. Бегичев, старший механик Э. Огрин, матросы-рулевые С. Евстифеев, С. Толстов, А. Семашко (заменен впоследствии П. Стрижевым), И. Малыгин (заменен С. Расторгуевым), В. Железняков, Н. Безбородов, второй машинист Э. Червинский, старший кочегар И. Клуг, второй кочегар Г. Пузырев, третий Т. Носов, повар Ф. Яскевич».

Без этого похода не было бы Колчака, во всяком случае такого, каким он вошел в историю...

Этот барчук, по нашим стереотипам, генеральский сынок, мог прожигать жизнь наравне со своими сверстниками из числа «золотой молодежи». Но визжащий вой полярных метелей влек его сильнее, чем иных — рыданье кабацких скрипок... Она уже зажглась, она уже горела на его небосклоне, старинная Прикол-звезда — Полярная, ведущая точно на север. Поморское ее название — Прикол — престранным образом вобрало в себя половину его фамилии. Потом и вовсе она станет частью его имени — Александр Васильевич Колчак-Полярный. Это про нее, случалось, пел он под рокот гитарных струн — «Гори, гори моя звезда...» На исходе века его любимый романс нечаянно продолжится в песне, написанной к кинофильму «Земля Санникова» — «А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг...»

«Ослепительный миг» растянулся для Колчака на добрых три арктических года...

А пока гидролог и второй магнитолог аккуратнейшим образом вел почти школярские конспекты в Павловской обсерватории.

Затем свои познания в специальных науках он пополнил и расширил в Христиании — подлинной Мекке полярных изыскателей.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Еще в Петербурге барон Толль рекомендовал мне повидаться с профессором Нансеном и воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии. Нансен был у нас на «Заре» короткое время, и я имел случай несколько раз повидаться с ним в его университетской лаборатории, где профессор с большой предупредительностью и любезностью сообщил и показал свою методу по определению удельных весов воды и изложенную в недавнем вышедшем труде...»

Нансена очень интересовала проблема «мертвой воды». «...Дело в том, — писал великий норвежец барону Толлю, — что за кораблем на тяжелом нижнем соленом слое воды, образуется особая волна опресненной воды, которая затрудняет движение судна». Такое явление характерно только для Северного Ледовитого океана, где холодная пресная вода, выносимая великими сибирскими реками, смешивается с теплыми и солеными струями Гольфстрима. Вот эту «мертвую воду» и предстояло изучать гидрологу экспедиции лейтенанту Колчаку. Как в старой сказке, предстояло «добру молодцу идти за «мертвой водой».

РУКОЮ КОЛЧАКА: «...На «Заре» я сколько мог следовал указаниям профессора Нансена, хотя обстоятельства, при которых мне пришлось работать, не всегда позволяли это делать. Очень интересны, по-моему, были показанные мне Нансеном определения удельного веса при помощи ареометра с переменным грузом и постоянным объемом, где влияние поверхностного натяжения, составляющего основную причину всех ошибок метода ареометров с переменным объемом, совершенно устраняется — я не знаю, получил ли этот новый способ практическое применение. В университете же я познакомился с доктором Хиортом, специалистом по океанографическим и зоологическим работам. Доктор Хиорт с особенной любезностью и вниманием показал мне приборы для газового анализа морской воды, получившего в последнее время такое важное значение. Прекрасные работы доктора Хиорта хорошо известны всем специалистам, и я не буду говорить о них; в этот год профессор Нансен и доктор Хиорт собирались уйти в S-ую¹ часть Атлантического

¹ Зюйдовую (южную) часть океана. Здесь и далее Колчак для обозначения сторон света будет помечаться на морской лад. — Н.Ч.

океана для зоогидрологических исследований на специальном судне... Недостаток времени не позволил мне посетить это судно, где меня особенно интересовала лаборатория; я не знаю, насколько удобно было работать над химическим анализом в постоянно взволнованной области океана.

...В Петербурге я поселился вместе с Ф.А. Матисеном и продолжал заниматься снаряжением своей части и работами с нашими инструментами в Павловской физической обсерватории при значительном участии и помощи начальника обсерватории В.А. Дубинского. Свое гидрологическое снаряжение я заказал частью в Англии, частью в Швеции, частью в России. Были заказаны глубоководные термометры, лоты, глубомер для 5000-метровой системы.

Я заказал огромное количество склянок и банок из особого жесткого и трудно растворимого стекла Ритману в Петербурге; кроме того, я все время ездил по всем инструментальным мастерам и заводам для дачи заказов всяких предметов по гидрологическому снаряжению. Барон Толль не стеснял суммами, и я должен сказать, что снаряжение по гидрологии отвечало всем возможным работам до самых больших океанских глубин. К сожалению, многим не пришлось воспользоваться. Примерно 10 апреля была собрана вся команда, и я с Матисеном и нижними чинами по Финляндской железной дороге уехал через Гангсуд в Стокгольм и далее через Христианию в Ларвик, где на элинге известного строителя «Фрама» Колина Арчера вооружалась под наблюдением командира Н.Н. Колмейцова «Заря». Вооружив судно, мы должны были привести его в Петербург и в начале июня, приняв грузы, все снабжение и ученый состав, идти в Ледовитый океан».

Шел последний год девятнадцатого столетия — века, в котором самое крупное в мире географическое открытие совершили русские моряки — Беллинсгаузен с Лазаревым открыли в южном полушарии целый континент — Антарктиду. Лейтенант Колчак надеялся совершить нечто подобное в северном полушарии. Уже было известно имя этого нового континента — Земля Санникова. Оставалось лишь нанести на карту ее координаты. Точнее, подтвердить те, что уже вывел барон Толль.

Ларвик. 1900 год.

Ни к одному из своих кораблей, на которых Колчак служил доселе, не был он так придиричиво строг и затаенно нежен, как к этому деревянному парусному зверобою. Еще бы — на нем идти испытывать судьбу, добывать славу, рисковать жизнью...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Одной из слабых сторон нашей экспедиции была крайняя сиюминутность ее, мы все время торопились как на пожар, в очень многих случаях приходилось поступать, даже не думая о выборе: скорее, скорее. Эта черта, насколько я знаю, погубила многие экспедиции...

По приезде в Ларвик мы были встречены Н.Н. Коломейцовым и поселились вначале на берегу, так как каюты еще не были готовы; команда поселилась на судне. «Заря» стояла в это время в плавучем доке, с первого же осмотра судно оставило очень симпатичное впечатление. Это был китобойный, или, вернее, тюленебойный барк выработанного уже давно типа для плавания во льду, одного с «Вегой» и прочими судами последних экспедиций. Он был вооружен сначала барком, но ввиду малочисленной палубной команды в семь человек Коломейцов снял реи с грот-мачты и оставил прямые паруса только на фок-мачте, то есть вооружение «Зари» отвечало шхуне-барку или баркентине. Постройка судна внушала полное доверие к крепости его корпуса; это судно строилось на чисто эмпирических основаниях и обладало огромным запасом прочности; обшивка из сосны, дуба и наружная ледяная чуть не однофунтовые в квадрате бимсы, необыкновенной толщины правильные брусья и ватервейсы и массивные сплошь забранные дейдвуды, не оставляли желать лучшего. В средней части корпуса в нижнем трюме были поставлены через шпангоуты от концов флот-тимберсов; к бимсам — контр-форсы для усиления прочности корпуса против напора льда и поставлен в двух палубах ряд пиллерсов. Кормовая рубка, бывшая жилым офицерским помещением, была переделана в лабораторию для научных занятий, а для помещения офицеров и членов экспедиции была построена рубка между фок — и грот-мачтой, на которой находились мостик и небольшая штурманская рубка. Оценивая критически переделку «Зари», я считаю, что Н.Н. Коломейцов применил весь свой опыт и знание морского дела: новый прекрасный первый брашпиль, рулевой привод, установленный в рубке — все вооружение судна было сделано практически и хорошо. Опыт трех компаний во льду Полярного океана подтвердил это. Но конечно, были и недостатки: на первом месте стояли помпы; «Гаральд» был снабжен двумя деревянными старыми шхун-помпами, бравшими воду из льяла позади грот-мачты; Н.Н. особенно почему-то стоял за эти помпы и считал их совершенно достаточными и вполне удовлетворяющими своему назначению, на деле оказалось несколько иначе; второй недостаток состоял в старых канатах, новых такого размера в Кронштадтском порту не оказалось, а време-

ни на заказ новых не было. Впрочем, эта часть на практике оказалась совершенно удовлетворительной, и мы впоследствии выдерживали огромный напор льда без всяких случайностей и ни разу не потеряли канатов или якоря. Некоторые посещавшие наше судно моряки считали недостатком отсутствие у нас подъемного руля, но эта вещь, по-моему, не имеет особого значения, так как руль приходится убирать очень редко, да и заменить в случае его повреждения новым запасным нетрудно; гораздо важнее иметь складные новые рулевые петли, повреждение которых крайне неприятно — петли на «Заре» были старые и порядочно разработанные, но и с ними у нас не было недоразумений, стало быть, и толковать о них нечего. Впоследствии я пришел к убеждению, что для ледяного плавания надо иметь возможность брать якоря на палубу — при высоком льде все время приходится опасаться за них; moreover, при плавании вблизи сибирского берега отмелость моря и риск постоянно выйти на банку противоречат этому положению, и каждый моряк, вероятно, предпочтет сорвать с рустов якорь и даже потерять его, нежели, не имея якоря, готового к отдаче, вылезти вблизи льда на банку. Проводка штуртрасса по планширю была сделана для того, чтобы иметь штуртрос на виду и оградить его от обледенения или загромождения каким-либо палубным грузом; но должен сказать, что завод выполнил эту часть довольно небрежно и грубо, шкивы были прямо топорной работы, и нам самим впоследствии приходилось подрубать их и исправлять, равно как бывали на практике случаи забивания соединений прутowego железа за небрежно расположенный палубный груз. Впрочем, весь привод выдержал в плавании в Ледовитом океане много очень суровых испытаний, и ни разу не было ни поломок, ни серьезных повреждений.

На «Заре», как второй помощник, я исполнял обязанности ревизора, лейтенант Матисен — старшего офицера. Выработанный и привычный нам режим военного корабля вообще применялся у нас, насколько это было возможно. Работали мы все дружно и весело и по окончании конопатки судна и обжигания и тировки подводной части вышли из дока. В первых числах мая мы должны были идти из Ларвика в Христианию принять заказанный уголь и кое-какие предметы полярного снабжения. У нас в первые же дни по выходе из дока была течь, обычная для деревянного судна, да еще после конопатки, когда последняя не успела разбухнуть и плотно сжаться несколько раздавшимися пазами обшивки; мы были совсем почти без груза и сидели около 13½ (футов. — Н. Ч.) ахтерштевнем».

Наконец, все было готово к отплытию — сначала в Петербург, а потом на Север. Колчак весьма сдержан в своем дневнике. Но в каждой строчке бьется скрытое ликование, моряцкая гордость... Важна каждая деталь, любая мелочь, всякое обстоятельство этого великой исторического плавания. Разделим же и мы эти тревоги и заботы 26-летнего лейтенанта.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Мы вышли из Ларвика в Скагерак и вошли в Зунд в Копенгаген. В Скагераче и Каттегате мы встретили свежий ветер, противный конечно, и по пути под парусами зашли исправить небольшое повреждение в машине. В Копенгагене мы простояли несколько часов, приняли сети и рыболовный снаряд и ушли сейчас же по окончании приемок в Мемель, где также должны были принять запас снаряжения, одеял, белья, а также ковры и другие мелочи, заказанные в Германии. В Мемеле же мы должны встретить барона Толля и прийти с ним в Петербург. На переходе в Мемель мы несли паруса и убедились в прекрасных парусных качествах «Зари». Несмотря на уменьшенную парусность, она отлично делала повороты, затруднение составляло крайне ограниченное число рабочих рук; впоследствии мы привыкли к этому, но вначале, имея семь человек на палубе, управляться было трудно. В Мемель мы пришли без всяких случайностей, простояв там два дня и, приняв барона Толля, пошли в Петербург. Погоды стояли тихие и большей частью ясные. Мы пришли на Кронштадтский рейд и стали на якорь близ форта «Меньшиков», после отдания обычных формальностей мы пошли каналом в Петербург и вечером стали на бочку у Николаевского моста. При нашей слабой машине, нехватке рабочих рук и отсутствии малых шлюпок нам стоило порядочной возни подать на бочку канат, один раз пришлось отдать якорь. Стоящая в нескольких саженьях от нас большая паровая яхта... под флагом Императорского яхт-клуба, по-видимому, ограничилась одной критикой. Я упоминаю об этом только потому, что, плавав ранее за границей, я привык везде видеть более внимательное отношение со стороны стоящих судов к приходящим на рейд. На другой день по приходе мы перешли к набережной Васильевского острова и ошвартовались против 14-й линии».

Они стояли напротив зданий Морского корпуса, откуда вышли все три офицера «Зари». В этом было нечто ритуальное — начать свой дальний и опасный поход от стен альма матер. Сюда же приходила и София. Однако ее жених был начисто поглощен лихорадочной подготовкой к арктическому плаванию. Свидания были кратки

и без особых сантиментов. Правда, экспедиционный фотограф лейтенант Матисен, понимая, какое значение в жизни своего приятеля обрела эта девушка, сделал несколько снимков Александра и Софии. София подарила ему в поход образок и английскую открытку с репродукцией картины прошлого века: мичман в треуголке и молодая леди в чепце, за спиной мичмана маячит парусный корабль, с которого он отпросился на часок. Леди потупила взгляд, потому что мичман только что сказал ей что-то очень важное и сокровенное...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Начались дни погрузки и приемки всевозможных запасов и провизии. Шлюпки отправили в адмиралтейство для исправления; кроме того, Морское министерство дало нам один спасательный вельбот, одну четверку и одну двойку. Мы мало пользовались первыми двумя шлюпками даже во время плаванья, зато двойка оказалась наиболее пригодной при нашей малочисленной команде; почти все разъезды, весь промер на рейдах мы делали на двойке. Кроме этих шлюпок, мы имели еще два китобойных вельбота; эти, построенные из дуба с очень толстой обшивкой, были в высшей степени пригодны для плаванья во льду, и наша рабочая шлюпка была одним из этих вельботов; легкий и слабый вельбот военного образца с обшивкой кромка на кромку не годится для работы во льду, повредить его очень легко, а исправление из-за такой обшивки всегда будет ненадежно, надо менять чуть не всю обшивную доску. Был также на «Заре» и паровой катер с котлом Фильда; первый год плаванья мы пользовались им главным образом во время стоянки в норвежских портах и во время вынужденной стоянки в заливе Миддельфорд, где были блокированы льдом; подъем и спуск его требовал порядочной возни; кроме того, требовалось много угля, который для нас обходился очень дорого. Вообще для полярного плаванья паровой катер, по-моему, лишняя роскошь при небольшом судне и малом числе рабочих рук; как показал опыт, нам надо было иметь три крепких небольших вельбота¹ (вельботы «Зари» были немного тяжелы и велики), из которых один — на случай оставления судна в открытом море, один — запасной и один — рабочий и две легкие шлюпки вроде бывшей у нас двойки на случай разъездов, мелких работ, промера и т.п. Паровой катер и четверка были для нас совершенно лишним грузом. Я уже говорил

¹ Для 20 человек, составлявших экспедицию, меньше вельботов было иметь нельзя.

о нашем снабжении по части навигационной и гидрографической; я вообще должен сказать, что при снаряжении нашей экспедиции ни одно учреждение не оказало столько внимания и предупредительности, как Гидрографическое управление; с величайшей заботливостью оно снабдило нас всем, чего только мы могли пожелать, не отказывая ни в одной просьбе. Особенно признательны мы были в двух последних плаваниях за меркаторные сетки крупного масштаба (4,5 мили в дюйме) районов Ледовитого океана, где нам пришлось плавать; отсутствие карт, часто невозможность иметь обсерваций, постоянные перемены курсов льда и глубин придают особое значение счислению и прокладке при этих условиях. Благодаря этим сеткам мы все время могли вести прокладку, уточнять глубины и свои собственные съемки, и они принесли нам пользу; вычислять и особенно выстраивать точки сетки на «Заре» было положительно невозможно. В полярном море нет на тысячи миль ни одного промера и в то же время глубины таковы, что рискуешь каждую минуту сесть на банку да еще ввиду движущегося льда... Да и вообще все тяжелое и суровое плавание, какое нам пришлось испытать, заставляет особенно дорожить всем, что хотя бы немного облегчить его трудности и вот почему, вспоминая наше навигационное снабжение, вспоминая, что ни разу за все время мы не испытывали увеличения трудностей плавания от недостатков или неимения каких-либо инструментов или приборов. Я так много говорю о них; каждый из членов экспедиции помимо одних работ готовил снабжение своей специальной части. Часть приборов была получена и принята в Петербурге, другую часть, состоящую из глубомера и всех приспособлений для океанского промера и некоторые другие инструменты должны были быть присланы в Берген. В Петербурге же мы тянули таке-лаж. Наконец все было готово».

Все, кроме одного очень важного обстоятельства, сыгравшего, быть может, роковую роль....

Эдуард Васильевич, геолог от Бога, разбирался не только в камнях, но и в людях. Все три лейтенанта, отобранных им для опасного многотрудного дела — Коломейцов, Матисен, Колчак — как нельзя лучше отвечали суровому духу его предприятия. Лишь с Коломейцовым вышел сбой, но не профессиональный, а чисто психологический. Толль не учел того, что офицер, назначенный командиром корабля — не важно какого, хоть самоходной баржи — будет следовать Морскому уставу, по которому он, командир, в море — первый после Бога. Все остальное — команда, а экспедиция, будь это сам барон Толль со своими докторами наук — пассажиры. На бере-

гу — воля ваша, но на палубе, на мостике, будьте любезны, господа, оставлять последнее слово за капитаном, за командиром.

Барон Толль видел же в «Заре» лишь транспортное средство, плавучую научную базу, не более того. Командир шхуны — разновидность извозчика, куда скажут, туда и повезет. Вот на этой почве с самого начала и начал вызревать роковой конфликт между научным руководителем экспедиции и командиром судна.

Толль почувствовал это с самого начала, едва возник, казалось бы, чисто теоретический вопрос — под каким флагом пойдет «Заря» в море: под гражданским триколором или под военным Андреевским?

РУКОЮ КОЛЧАКА: «...Военный флаг — вещь крайне неудобная для такого рода плавания, какое нам предстояло, и практика показала, что военный флаг крайне стеснителен по многим обстоятельствам: во-первых, уже потому, что связанные с ним военные положение и порядок трудно применимы при малочисленной команде, условиях зимовки и проч. Толль никак не мог согласиться на это уже потому, что тогда он фактически терял на судне всякую власть как не моряк и не могущий фактически командовать кораблем. Это было уже предвестником всего того, что имело быть в течение всей экспедиции, основная ошибка в организации которой состояла в том, что на судне и всем характере жизни, связанным с этим судном, главным распорядителем было лицо, не знающее морского дела...

...Накануне ухода нашего из Петербурга было заседание в Академии в присутствии Великого князя Константина Константиновича. На этом заседании были Толль, Коломейцов и я. Еще ранее Коломейцов настаивал на выяснении и точном определении прав и положения его как командира судна по отношению к начальнику экспедиции, я лично мало интересовался этими вопросами, считая их лишними, и полагая, что все мы, во имя одного дела и связанные одними идеями и желаниями, можем обойтись без формальных бумаг и инструкций, да и, кроме того, у меня не было времени вникать и обдумывать вопросы, казавшиеся мне маловажными. Последствия, однако, показали, что эти вопросы имели большое значение и отразились на ходе всей экспедиции. На этом же заседании была выдана коротенькая инструкция, в сущности говоря, ровно ничего не поясняющая да еще могущая быть истолкована в различных смыслах; ни научной программы, ни научных инструкций у нас никаких не было. С одной стороны, это казалось очень удобным, но на практике недостатки такой системы также обнаружились; инструкции и программы не нужны только тогда, когда они совершенно

ясно и в определенной форме выработаны руководителем предприятия — у нас этого не было. Основное противоречие, ясно осознанное мною только впоследствии, лежало в том, что начальником предприятия, носящего чисто морской характер, являлся человек совершенно не знакомый с управлением судна. Начальник полярного или арктического предприятия, конечно, должен иметь полную власть над всеми частями его и участниками; но власть тогда только власть, когда она существует реально; власть же юридическая в подобных делах бессмысленна и является на практике совершенной фикцией. Какую фактическую власть может иметь на корабле человек, не могущий ни определиться, ни вести счисления, не могущий отдать якоря, дать ход машине, править рулем и не знающий всей той массы очень простых и, так сказать, органически привычных для моряка вещей? Конечно, раз судно плавает, фактически начальником его и всех, кто на нем находится, является командир, как лицо компетентное во всех вопросах, связанных с плаванием и жизнью корабля. Смешно читать, например, Нансена или даже в отчетах Толля выражения: «Я снялся с якоря» или «Я изменил курс», когда эти «я», вероятно, не сумели бы выходить якоря и даже скомандовать рулевому, чтобы привести судно на желаемый румб. Англичане, как моряки, всегда прекрасно понимали эти вопросы, и последняя Антарктическая экспедиция на «Нет названия» ушла под начальством командира лейтенанта Скотта, германский «Нет названия» ушел так же, как и мы, под начальством Дригальского, но что из этого выйдет — покажут результаты. Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой; я полагаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цель предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющей никакого отношения к ходу самого дела, — это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь побольше способностей управлять и руководить всем делом, входить в жизнь и внутренние мелочи хозяйства, а не «экскурсировать» с «казенными» целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или «научные задачи». Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того чтобы выполнять и руководить ходом морского предприятия, прежде всего надобно быть моряком; а затем — что значат «научные работы» в море? Хороший боцман сумеет поднять тяжелую драгу или трал на палубу лучше всякого ученого, не знающего, как и сколько положить шлагов линия на барабан лебедки, как наложить стопор. И это научная или ненаучная

работа? Вот разбор трала или драги — дело другое, но оно и не имеет никакого отношения к судну, разве только к смачиванию и мытью палубы. Я знаю, что думаю и вывел из собственного опыта и подобных предприятий и работ. Но перейду к делу.

Последнее заседание, в общем, ничего не прояснило... Мы прощались с Великим князем и членами комиссии и на следующий день должны были уйти в море или, вернее, в Кронштадт, где надо было принять уголь, хронометры и инструменты из Морской обсерватории и затем уже идти в Ревель, где барон Толль хотел нас оставить и приехать на «Зарю» в Бергене.

Все время перехода нашего в Петербург и во время нашей стоянки в Неве мы текли до 20 дюймов (по глубине трюма. — *Н.Ч.*) в вахту; знаменитые шхунпомпы, к которым был сделан привод к лебедке, по очереди чуть не каждый день требовали исправлений, вытаскивания клапанов, течь становилась все значительнее; занятые днем, мы не придавали этому особого значения, тем более что времени на исправление и изыскание причин течи и на устранение ее не было; раздражали нас проклятые помпы, но вода все-таки выкачивалась и не переходила из льяла и межбортовых каналов в нижний трюм, то есть не поднималась выше 28—30 (градусов).

В Кронштадте мы наполнили весь нижний трюм углем; твиндек был совершенно заполнен провизионными и всякими другими запасами, часть ящиков пришлось разместить на верхней палубе; кроме всего этого нам предстояло принять на верхнюю палубу в Норвегии пять тонн брикетов, а в Екатерининской гавани — груз рыбы и 60 собак. Однако впоследствии все разместилось.

Нельзя сказать, чтобы проводы «Зари» были особенно торжественны, нас провожало небольшое общество добрых и близких знакомых, и только; вообще в Петербурге, не говоря уже про всю Россию, многие не знали про нашу экспедицию, но так как большинство «интеллигентного общества» едва ли знает о существовании Ново-Сибирских островов, а многие едва ли найдут на карте Таймыр или Новую Землю, то было бы странно претендовать на иное отношение.

Интересовалось нами, конечно, Морское общество, но и оно ограничивалось лишь немногими компетентными в морском деле представителями, такими, как адмирал Макаров, полковник А.Н. Крылов, капитан Цвингман...

Я забыл упомянуть об одном важном обстоятельстве, имевшем место в Петербурге. Первое плавание из Норвегии сразу выяснило недостатки и непригодность некоторых людей из команды и дало основание для удаления их и заменой другими. Перемена весьма

важная, и уже одно это указывает на необходимость хотя бы короткого пробного плавания, где лучше всего выясняются на деле как достоинства судна, так и пригодность личного состава.

В Кронштадтском порту мы встретили полное содействие и гостеприимный прием адмирала С.О. Макарова, который в день до выхода нашего судна из Кронштадта лично с супругой провожал нас до выхода за бочки Большого рейда».

Кто-то, а старый морской волк прекрасно понимал, куда и на что, на какой риск и какие испытания уходит за тридцать полярных земель небольшое судно. Как бы он хотел, чтобы и его сын Вадим, пока что кадет Морского корпуса, походил на одного из этих отважных лейтенантов...

ОРАКУЛ-2000: Спустя 19 лет в Перми, там, где Верховный правитель России добывал орудия для своей армии, к вагону адмирала Колчака подошел морской офицер.

— Прошу доложить адмиралу, — попросил он дежурного адъютанта, — что лейтенант Макаров Вадим Степанович просит его принять. Только доложите, пожалуйста, чин, фамилию и имя-отчество.

Озадаченный неожиданной просьбой, адъютант доложил. Он удивился еще больше, когда обычно хмурый адмирал просиял и велел немедленно провести к нему лейтенанта.

— Это сын погибшего адмирала Макарова! — пояснил он недоумевавшему адъютанту и сам вышел навстречу невзрачному офицеру. Крепко обнял слегка растерявшегося лейтенанта.

— Очень рад, Вадим Степанович, что вы в нашем стане. Батюшка ваш, несомненно, одобрил бы ваш выбор... В Порт-Артуре он пожалел меня и назначил на крейсер. Я же, увы, ничем не могу облегчить вашу участь. Не хочу обижать вас предложением перейти в походный штаб. Ведь не пойдете же?

— Никак нет, Ваше превосходство...

— Полноте! Где и кем вы у нас?

— Помощник флагманского артиллериста Камской флотилии.

— Ну, с Богом!

Третьего мая 1919 года Камская флотилия начала кампанию под флагом контр-адмирала М. И. Смирнова. Все двенадцать вооруженных пароходов подняли Андреевские флаги. На штабном теплоходе «Волга» отслужили молебен...

Спустя три недели под селом Святой Ключ флотилия приняла жестокий бой. Осколки и пули пощадили сына любимца Российс-

кого флота. Лейтенант Вадим Макаров кончил свои дни в Нью-Йорке в пятидесятые годы...

Старший лейтенант Вадим Макаров на всю жизнь сохранил любовь и уважение к своему военному вождю. Там, в нищете эмиграции, он чем сможет станет помогать вдове адмирала. Однажды он пришлет бедствующей вдове 50 долларов — все, что смог наскрести из своих доходов. В ее полунищенской жизни это было грандиозным событием.

«Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович! Получила через барона Бориса Эммануиловича Нольде (тоже бывший офицер ее мужа по ледокольному судну «Вайгач». — *Н. Ч.*) чек на 50 долларов, т.е. 1.888 франков, 5 сантимов, была поражена так, что обалдела от изумления, и как неисправимая мечтательница дала волю своему воображению».

«Неисправимая мечтательница» всю жизнь хранила снимок Матисена, сделанный им у борта «Зари». А сын адмирала Макарова до последних дней хранил фотопортрет, подписанный ему Колчаком в Сибири.

А пока что над шхуной развевался вице-адмиральский флаг Макарова. И белобородый патриарх морских наук и флотовождения творил про себя тихую молитву в помощь идущим в неведомое.

— Даст Бог, господа, свидимся! — сказал он на прощание. Они свиделись через три года, но, увы, не все...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На пути Н.Н. Оглоблинский (флагманский штурман. — *Н. Ч.*) dokonчил уничтожение девиации наших компасов: наконец, и он простился с нами и на катере отвалил от борта. К вечеру мы прошли мимо Гогландского маяка, а к утру случилось повреждение питательного клапана котла, и пришлось прекратить пары и вступить под паруса; ветер был очень слабый, остовый, и мы только через сутки отдали якорь на Ревельском рейде, где стоял в это время артиллерийский отряд. Барон Толль и В.И. Бианки, провожавшие нас до Ревеля, съехали с «Зари», и мы через несколько часов пошли далее. Один за другим появлялись и исчезали знакомые еще с первых кадетских плаваний мысы и маяки...

Мы вышли в Балтийское море и, имея все время спокойную погоду, подошли к Зунду и прошли Копенгаген, не останавливаясь. На другой день в Каттегате мы встретили свежий... ветер и небольшое волнение; при слабой машине «Зари» мы еле продвигались вперед, паруса помогали мало; не желая терять времени, Н.Н. Коломейцов изменил курс и лег не на горизонт Скаттуденского маяка, а на Фрид-

рихсгамн — небольшой датский порт на О (Ост-восток. — Н.Ч.) — берегу Ютландии, за мысами которого мы и стали рано утром. Здесь мы запаслись свежей провизией, немного отдохнули, ветер стих и отошел к..., и после полудня мы уже шли вдоль берега Ютландии. Под вечер, обогнув Скаген, вышли в Скагеррак и пошли к норвежскому берегу.

Режим у нас был следующий: стояли мы и команда на три вахты, причем Коломейцов стоял вахты с четырех до восьми утра и дня, а остальное время Матисен и я сменяли друг друга. Завтракали мы в 12, в три дня пили чай и в шесть вечера обедали. Стоянка на три вахты вообще нелегка, у нас на военных судах обыкновенно стоят на пять, при четырех уже жалуются на тяжесть вахтенной службы, но, простояв два арктических плавания на две вахты, я считаю, что при трех офицерах стоять вахты можно даже с командиром, так как через день представляется возможность спать и отдыхать целых восемь часов подряд.

Свободное от вахты время у меня уходило на всякие приспособления, разборку, укладку инструментов и другие подготовительные работы. Где можно, мы несли паруса, хотя погода мало благоприятствовала парусному плаванию, было большею частью тихо или не маловетрие от противных курсам румбов. Мы держались, чтобы иметь больше свободы для парусов, вдали от берегов».

Глава шестая

«ГРАНИЦЫ РОДИНЫ С ГРАНИЦАМИ ТВОРЕНИЯ...»

В «академической надстройке» на корме тесная гидрологическая лаборатория Колчака соседствовала с научным кабинетом зоолога Бялыницкого-Бирули. С этим обстоятельным и добродушным белорусом у них с первых же дней похода установились самые дружеские отношения. Бируля обещал даже назвать какой-нибудь новый вид морского рачка именем своего соплавателя — «колчакиус».

— Нет уж, увольте меня от такой чести! — отмахивался лейтенант от любезного предложения. — Назовите лучше в честь Толля — «толлиус» или в честь Матисена. А я меньше чем на остров не согласен.

Остров именем Колчака назвал сам барон Толль в знак признательности за неустанный и самоотверженный труд гидрографа и вахтенного офицера.

«Наш гидрограф Колчак, — отмечал он в своем дневнике, — прекрасный специалист, преданный интересам экспедиции... Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединять обязанности морского офицера с деятельностью ученого».

На проводах «Зари» был и поэт Константин Случевский-старший. Он был, пожалуй, первым из русских поэтов, писавших Север с натуры, ступив на его голые скалы.

*И подумаешь, бросив на край этот взоры:
Здесь когда-то, в огнях допотопной земли,
Кто-то сыпал у моря высокие горы,
И лежат они так, как когда-то легли!*

Случевский, поэт мистический, печальный, философический, подарил Толлю томик своих стихов. Его поэзия как нельзя лучше отвечала духу; увы, последней для барона экспедиции.

Сколько раз, разглядывая утесы нового острова, вспоминал Эдуард Васильевич эти совершенно «ландшафтные» строки:

*Неприветливы, черны громоздятся уступы...
То какой-то до века погасший костер,
То каких-то мечтаний великие трупы,
Чей-то каменный сон, наводнивший простор!*

Книжечка ходила по рукам. Случевский был незримым участником плавания. Колчак, всегда равнодушный к образному слову, порой смотрел на льды и скалы сквозь призму поэта и призма эта замечательно дополняла подзорные трубы и экспедиционные бинокли:

*Из тяжких недр земли насильственно изъяты,
Над вечно бурною холодною волной,
Мурмана дальнего гранитные палаты
Тысячеверстною воздвиглися стеной...*

— Такие строки мог написать только геолог! — восторгался Толль. — Право, он был прирожденным землеведом! — И читал в кают-компании за вечерним чаем на память:

*И пробуравлены ледяными ветрами,
И вглубь расщеплены безмолвной жизнью льдов.
Они ютят в себе скромнейших из сынов
Твоих, о родина, богатая сынами.*

— Это о ком это он? О поморах? — спрашивал Матисен.

— Да хоть о поморах, хоть о самоедах, о долганах, нганасанах... Лучше не скажешь — скромнейшие из сынов.

— Так оно так, да только шибко огненную воду любят, — приземлял разговор Коломейцов.

— Да, вы послушайте, — восторгался обычно сдержанный барон, — как замечательно сказано!

И заложив страницу пальцем подносил книгу поближе к керосиновой лампе:

*Здесь русский человек
Пред правдой лицемерья
Того, что Божиим веленьем сведена
Граница родины с границами творенья...*

— Вот они пред нами — границы творенья, по которым не ступала нога человека, — взмахивал рукой Толль, — и они же все эти мысы, бухты, утесы — естественные границы России. Позволю себе заметить — самые свободные границы в мире...

— Поскольку здесь не ступала нога таможенника и жандарма, — продолжал мысль командора Бируля к всеобщему веселью.

Александровск-на-Мурмане. 1900 год.

Это старинное поморское селение, всего как год получившее статус города, должно было стать точкой старта их броска к Земле Санникова. Дальше — будут только льды и тысячи верст никем не населенных берегов то горной, то заболоченной тундры, птичьи базары на скалах да лежбища тюленей, ледяные поля да дымящиеся в стужу полыньи...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Екатерининская гавань, получившая за год до нашего прибытия официальное значение военного порта и уголь-

ной станции, представляет из себя узкий фиорд, окруженными крутыми, скалистыми, по большей частью сглаженными каменистыми берегами, поднимающимися с высоты... (гора Энгельгардта). Отсутствие растительности придает безжизненный вид каменистым холмам и склонам, среди которых в самой глубине бухты находится вновь построенный небольшой городок, состоящий из немногих домов местной администрации, церкви и около 10—15 частных построек. Это небольшое селение производило приятное впечатление прекрасными дорогами, чистотой и внешним видом новых построек. Быть может, это обуславливалось только новизной и недавним их существованием. Деревянная пристань у города, другая такая же, но меньших размеров в SO-й части бухты да две-три бочки на рейде представляли все удобства для стоянки судов. Стоянка в гавани имеет недостаток из-за неважного грунта; у пристаней приходится считаться с порядочным приливом. Приглубость берега несколько искупает узкость рейда, где современным первоклассным крейсерам стоять тесновато. Течения в глубине бухты не сильны и не представляют неудобств. От волнения бухта совершенно закрыта. В Екатерининской гавани имеется склад превосходного угля, часть его была в сараях, другая лежала прямо на воздухе; по качеству этот уголь был смешанный...

Население гавани, или, вернее, города, состояло из нескольких человек администрации и небольшого количества поселенцев, ссыльных, среди которых были и поляки. По свойствам это поселение, состоявшее из отбросов и всякой сволочи, не особенно гармонировало с новым портом. В O-й части бухты расположены постройки научно-промысловой мурманской экспедиции (состоявшей тогда под начальством Книповича), пароход которой «Андрей Первозванный» мы застали стоящим у пристани экспедиции. Кроме него, на рейде стоял небольшой казенный пароход «Печора», пробиравшийся на эту реку.

Прийдя на рейд, мы узнали, во-первых, что собаки наши уже прибыли в Екатерининскую гавань... Второе известие касалось нашей шхуны, зафрахтованной в Архангельске и долженствующей доставить нам груз угля в Югорский Шар в бухту Варнека. Оказалось, что шхуна при первой попытке встретила лед, пройдя Калгуев, получила повреждение и вернулась в Архангельск. Таким образом расчет на пополнение запасов угля в Югорском Шаре становился более чем сомнительным, и случай этот подтверждал известие, полученное в Трансе от промышленников, что в этом году Ледовитый океан по состоянию льда крайне неблагоприятен для плавания.

Сейчас же по приходе к нам приехал начальник мурманской экспедиции Книпович и помощник его Брейтфус. Книпович предложил

желающим выйти на «Андрее Первозванном» в море для производства гидрологических и зоологических работ, что крайне приятно для нас и любезно со стороны Книповича. На другой день вечером Толль, Бируля и я ушли на «Андрее Первозванном» в море для производства гидрологических работ, «Андрей Первозванный» представляет из себя современный стальной траулер, построенный в Германии и прекрасно приспособленный для научных работ. Зоологические работы кроме обычных тралов, драг и планктонных сетей производятся с помощью персероновского трала и особенно — огромными буксируемыми траулерами на большом ходу до шести-семи узлов... Книпович был так любезен, что произвел все работы, как зоологические, так и гидрологические, причем последние не представляли для меня чего-либо нового ни по приборам, ни по методам наблюдения...

На «Андрее Первозванном» не исследовали воды, брались только пробы, а анализ на содержание хлора и даже ареометрический метод определения удельного веса приводился на берегу на станции. Мы работали в Мотовском заливе и в Ара-губе; было поймано немного трески, глубоководных окуней, скатов, камбал и проч.

Вообще «Андрей Первозванный» в смысле организации работ производит очень хорошее впечатление — все было налажено, делалось скоро, удобно и хорошо. За наше отсутствие «Заря» ошвартовалась у пристани и хотела принимать уголь, но последний в складе, расположенном у пристани, оказался дурного качества, и Коломейцов решил перейти к другому складу у пристани, где стоял «Андрей Первозванный».

При нашей малочисленной команде пришлось для ускорения работы нанять какую-то сволочь из местных обывателей, которых через несколько часов работы пришлось рассчитывать и доканчивать работу самим. Наполнив трюмы углем, мы получили осадку 18,5 футов. Течь усилилась, каждые два часа необходимо было откачивать воду. На палубе негде было повернуться, все было завалено рыбой — пришлось около 30 тонн оставить на берегу, так как ее решительно некуда было сунуть. Оставалось принять собак и идти дальше».

ОРАКУЛ-2000: Пройдет всего тридцать лет и три года, и Александровск-на-Мурмане, переименованный в Полярный (не иначе, как честь любимой звезды Колчака) станет столицей Северного флота России, другой России — советской. Ничто — ни камень, ни крест не скажет о том, что отсюда в начале века стартовала отчаянная и героическая экспедиция на Землю Санникова. Отсчет времени здесь начнут вести не от РХ — Рождества Христова, а от ШЗ — штурма Зимнего. Гору

Энгельгардта переименовуют в гору Ленина, который севернее Гельсингфорса так и не побывал, на берегу чудом не переименованной Екатерининской гавани станет на двадцать лет памятник «создателю Северного флота» Сталину; в отличие от Ильича он все же посетил эти суровые края.

Но в этом узаконенном государством беспамятстве найдутся трое полярников — два брата Иванишкина, инженеры с местного судоремонтного завода и рабочий Василий Суров — которые в брежневскую-то пору отыскиали на одном из маяков старый колокол с бывшего храма Александровска-на-Мурмане, того самого храма, в котором лейтенант Колчак просил всех своих небесных заступников о помощи в опасном предприятии, о даровании успеха и благополучном возвращении. Многопудовый колокол с превеликим трудом был перетащен в Полярный и поставлен на камень, на котором было выбито имя легендарной к тому времени шхуны «Заря». Эта рискованная акция памяти была предпринята еще в 1978 году. В год столетия города колокол был поднят на колокольню возрожденного храма.

Иногда на якорных стоянках — в нечастую свободную минуту — обычно после вечернего чая, заводили в кают-компанию новомодную европейскую новинку — фонограф, который барон Толль привез из Ревеля. Со сменных тон-валиков звучали романсы — такие странные под северным сияньем и такие вдруг многозначительные. Лейтенант Колчак слушал их, опустив голову, так что отросшая черная борода вращалась в грубую вязку норвежского свитера (бриться опасной бритвой в качку — опасно, а безопасное лезвие «жилетт» будет изобретено только в следующем — 1901 году). Ему казалось, как, впрочем, и каждому из его однопоходников, что каждое слово, летящее из раструба чудо-аппарата, — про него, про ту, которая осталась ждать...

*И много лет прошло
Томительных и скучных.
И вот в тиши ночной
Твой голос слышу вновь.
И вижу, как тогда,
Во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь,
Что ты одна — любовь...*

Потом, оставшись в тесной каютке наедине с собой, крохотным откидным столиком и листком почтовой бумаги, он быстро, почти,

не выбирая слов, писал: «Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной вся картина нашей встречи, так мучительно и больно, как будто это было вчера, на душе.

Сколько бессонных ночей я провел у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных... без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Вы были для меня больше, чем сама жизнь, и продолжить ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я нес к Вашим ногам, как к божеству моему, все свои силы я отдал Вам.

Я писал Вам, что думаю сократить переписку, но, когда пришел обычный час, в котором я привык беседовать с Вами, я понял, что не писать Вам, не делиться своими думами — выше моих сил. Переписка с Вами стала для меня вторым «я», и я отказываюсь от своего намерения и буду снова писать Вам — к чему бы это меня ни привело. Ведь Вы понимаете меня, и Вам может быть понятна моя глубокая печаль».

Однако вовсе не всегда в кают-компании «Зари» царила безмятежная атмосфера доброго путевого товарищества. Все чаще и чаще охлаждалась она льдом взаимного неприятия барона и командира, Толля и Коломейцова...

Глава седьмая

«ТАМ, ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ, ЕСТЬ БЛАЖЕННАЯ СТРАНА...»

Москва. Июнь 1990 года.

На дворе еще большевистская власть со всеми своими лубянками, идеологическими отделами, институтами марксизма-ленинизма, а на Волхонке — в Доме науки и техники — вечер, посвященный землепроходцу русского севера Александру Колчаку, первой Русской полярной экспедиции. Афишу с большим скандалом удалось разместить только в вестибюле. Тем не менее зал был полон:

пришли моряки, историки, журналисты, географы... Вечер вела на свой страх и риск (она же его и организовала) поэт Тамара Пономарева. С ее легкой руки я и познакомился с профессиональным путешественником биологом Юрием Чайковским, который более чем кто-либо исследовал документы экспедиции Толля и пришел к нестандартным выводам.

Юрий Чайковский считает, что именно этот конфликт между бароном и лейтенантом Коломейцовым и погубил самого Толля.

РУКОЮ ИЗЫСКАТЕЛЯ: «Ссоры с Коломейцовым внешне не было, и отослан он был вроде по необходимости — обеспечить для «Зари» угольные склады, но все догадывались, что дело глубже. Когда прощались, Коломейцов со всеми обнялся, только барон протянул ему руку. Потом Коломейцов с Расторгуевым вернулись обмороженные, не найдя дороги, все высыпали на лед встречать их, один барон Толль ушел мрачный в каюту. И снова отослал, другой дорогой. Списал на берег. А в каюте Коломейцова собак поселил. В результате «Заря» осталась без командира и без угля. Дело в том, что Толль поставил перед Коломейцовым в качестве обязательной задачу, которую до этого экспедиция вовсе не ставила — в течение двух летних сезонов создать два угольных склада (на Диксоне, что у устья Енисея, и на Котельном). Коломейцов предлагал начать с Котельного, поскольку без этого «Заря» не могла вернуться с «Земли Санникова» на Диксон, но Толль настоял на складировании угля сперва на Диксоне. Этим он избавил себя от встречи с Коломейцовым на Котельном и погубил экспедицию, ибо на два склада денег у Академии не нашлось. Во время плавания Матисен и Колчак валились с ног, чередуясь на вахте. «Оба офицера нуждаются в восстановлении своих сил», — записал Толль в дневнике уже на четвертый день навигации, но попытки вернуть командира не сделал. А склад у Диксона так и пропал зря.

Матисену, тоже отличному моряку, спорить с начальником экспедиции было, видимо, не под силу. Лишь однажды проявил твердость — когда не смогли подойти к Беннетту и, еле вырвавшись изо льдов, сумели войти в отличную бухту на Котельном. Шторм, снег, море того и гляди встанет, в трюме течь, помпы надо чистить, главную машину тоже, угля в обрез, оба офицера с ног валятся (да и команда), а барон Толль решил — снова идти на Беннетта. Увидел на берегу отличную просторную поварню и загорелся: разберем, перевезем на Беннетта и там зазимует вчетвером. Идея безумная, туда и пеший едва ли прошел бы, а тут — много тяжелей-

ших нарт, миль 15 по невесть какому льду. Вот тогда-то Матисен и положил начальнику на стол список неисправностей — так и так, мол, выйти в море нельзя. Барон и тут уступил не сразу. Дал шесть дней на ремонт, отказался от перевозки поварни, зато загорелся новой (совсем уж сумасшедшей) идеей — идти на Беннетта с четырьмя нартами, в расчете на голодную зимовку. Хорошо, что море встало, и вопрос надолго отпал.

Академия предложила Толлю, в ответ на его просьбу о втором складе угля, сократить круг работ, Толль же предпочел просто бросить «Зарю». Лейтенант Матисен, которого Толль назначил командиром, писал: «Толль не хотел больше плавать на судне, или просто хотел от него избавиться». Этот крик души был извлечен биографом Толля П.В. Виттенбургом из академического архива, а в официальных отчетах, публиковавшихся регулярно в «Известиях» Академии, все вроде бы шло гладко. Ознакомившийся с ними увидит полную нелепость: пока судно движется, Матисен, метеоролог, ставший фактически начальником экспедиции, ни на миг не может покинуть мостик, поскольку другой офицер (Колчак) — впервые в Арктике, а ледовая обстановка сложнейшая. Почти всю научную работу ведет (между вахтами) лейтенант Колчак, ему помогают наиболее грамотные и умные матросы и ссыльный студент-медик (присланный из Якутска взамен умершего судового врача), а других научных сотрудников на научном судне не осталось. «Заря» идет неизведанными водами, вдалеке виден неизвестный остров, но ничего нельзя исследовать, ибо весь уголь приказано тратить на то, чтобы вновь и вновь искать во льду щели, быть может, ведущие к Беннетту. В любой день «Заря» может быть раздавлена льдами, так что Матисен приказал держать документы, еду, одежду и нарты наготове в палубной надстройке — спасатели готовы стать потерпевшими, а им-то помочь не сможет никто.

Что ж, избавиться от «Зари» Толлю удалось, но ведь от себя не избавишься».

ТАЙМЫРСКАЯ ОДИССЕЯ

Таймыр. Апрель-май 1901 года.

Коршун с крыльями широкими, как охотничьи лыжи, кружил над таймырской гундрой. Он следил за двумя крохотными фигурками, которые отчаянно пробирались вглубь гиблой земли, и вещая птица чувствовала, что эти живые пока существа — чуждые суровому здешнему миру — очень скоро могут стать неживыми. Еще рань-

ше — ослабевшими настолько, что легко станут его добычей. Существами, которых выслеживал коршун, были два человека, забредших туда, куда не ступала нога их соплеменников: высокий, идущий впереди — барон Толль, пониже и также подавшийся вперед — Колчак. Оба помогали отощавшим собакам тянуть сани с поклажей. Тридцатые сутки брели они по тундре в поисках продовольственного склада, который Толль устроил на одной из приметных сопкок специально, чтобы пополнить запасы еды на обратный путь — на возвращение к «Заре».

В эти изнурительные санные (большей частью — пешие) походы по материке барон Толль отправлялся для сбора геологических образцов, а также и для того, чтобы не оставаться на шхуне в гостях у ее капитана Коломейцова. В тундре, за сотни верст от ближайшего человеческого жилья, в шаткой брезентовой палатке он чувствовал себя так же покойно, как в своей ревельской квартире. Вскоре и его спутник понял, что тундра для человека с полным патронташем и коробкой спичек, и в самом деле, может стать, если не домом, то вполне обитаемым пространством. Это только на взгляд из столичных окон таймырская глушь — могила без стенок. Выжить тут можно, особенно если с тобой рядом бывалый и отважный человек, вроде Эдуарда Васильевича. И даже забывчивость его простительна — будь ты штурманом о семи пядей во лбу, а запомнить место в этих уныло схожих сопках среди одинаковых озерков и закрученных в неразличимые загогулины речушек весьма непросто, даже если ты и сложил на вершине сопки гурий — приметный знак. Гурий над ящиком с консервами они соорудили три недели назад из кривой рогатины, с насаженным на нее черепом оленя. И теперь до куриной слепоты высматривали в белой замяти нескончаемой пурги этот спасительный знак. При одной только мысли, что в консервных банках — щи, гречневая каша с топленым маслом, горох со свиной тушенкой, желудок стискивали голодные судороги.

За 41 день они прошли 500 верст, дошли до мыса Челюскин, и весь этот путь лейтенант вел маршрутную съемку, делал магнитные наблюдения.

Как-то целые сутки им пришлось провести в палатке — снежный буран бушевал так, что носа не высунешь. Они и не высовывали. Лежали в спальных мешках, положив промерзшие сапоги под голову. Курили трубки, чтобы глушить голод и иллюзорно согреваться хотя бы табачным дымом, благо табака хватало. Ждали того часа — единственного за все сутки, когда можно будет разжечь примус и вскипятить чай, а в него бросить пригорошню сухарных

крошек да сахарных осколочков, а потом хлебать эту сладковатую, а главное горячую тюрю, чувствуя, как с каждой ложкой в тебя входит жизнь. Палатка, обросшая изнутри махровым инеем, ходила ходуном под порывами ветра. Воздух, нагретый дыханием и пламенем примуса, выдувался мгновенно.

Изобретателю примуса следовало бы поставить памятник. Без его изобретения не состоялось бы на заре XX века походов к Южному да и Северному полюсам планеты.

Только голубой венчик экономно горящего бензина позволил полярным первопроходцам выживать в ледяных пустынях Арктики и Антарктики. Канистра с бензином позволяла запастись тепловой энергией на переходы в тысячи верст.

Обычно не слишком словоохотливый Толль весь день был чрезвычайно говорлив. Он рассказывал даже о своей жене Эммелине, оставленной невесть на сколько в Ревеле, но которая все равно его дождется...

— А у вас есть невеста? — спрашивал он Колчака.

— Есть. Презамечательная девушка, — отвечал лейтенант. Отсюда, из мрачных пустынь Таймыра София казалась по меньшей мере живой богиней.

— Это очень хорошо, что вас кто-то ждет... Раз ждет, значит, молится. Ведь наши жизни здесь порой на честном слове висят...

Там, под вой пурги и заполюшенный трепет брезента на ветру, Колчак слушал великолепные лекции по геологии, подобно тому, как его отец постигал науку о земных недрах в Горном институте. Даже в этом он шел по отцовским стопам.

Говорили о многом, чтобы забыть о промозглом холоде, донимавшем обоих. Но самое главное — и это остро припомнилось Колчаку, спустя двенадцать лет, — Толль утверждал, что, судя по простиранию геологических структур, севернее мыса Челюскин должны быть большие острова. Так оно потом и оказалось!

В 1913 году экспедиция Бориса Вилькицкого открыла огромный архипелаг, не нанесенный на карту Арктики. То была земля побольше, чем та, что ожидал увидеть Санников. Вилькицкий назвал ее Землей Императора Николая II, большевики переназвали ее Северной землей. На сорок две тысячи квадратных километров приросла Россия. Это было последнее великое географическое открытие на планете.

Тогда, в 1901-м, они с Толлем были совсем рядом от этой неоткрытой земли. Всего два суточных перехода отделяло их от того, к чему они так отчаянно стремились. Ведь ширина пролива, отде-

лявшего ближайший остров этой земли от материка, составляла всего 28 миль. Пешком можно была по льду добраться, не говоря про собачьи упряжки. А они поутру свернули палатку, уложили поклажу на сани и двинулись совсем в другую сторону, туда, куда манил их призрак пригрезившейся Санникову и Толлю неведомой земли¹.

Колчак с трудом тащил ноги — давал знать голод, почти все время они шли на урезанном вдвое пайке. Заветный знак продовольственного склада — олений череп на рогатине — все чаще представлял ему в образе Костлявой с косой. Глубокий снег и встречный ветер уносили последние силы. Каждый уже тихо прощался про себя с земной юдолью. А склада с припрятанными продуктами все не было и не было...

ОРАКУЛ-2000: Продовольственный склад барона Толля на Таймыре был найден лишь спустя семьдесят лет экспедицией Дмитрия Шпаро, организованной в семидесятые годы редакцией газеты «Комсомольская правда». Шпаро доставил прекрасно сохранившиеся банки с консервированными щами и мясом в Москву. Некоторые открыли и попробовали — вполне съедобно. Вечная мерзлота сохранила продукты не хуже любого холодильника. И автору этих строк довелось попробовать кашу из запасов барона Толля. Судьбы вещей и даже продуктов не менее причудливы, чем судьбы их владельцев.

Они возвращались на «Зарю», как на остров спасения. При этом Толль не без удивления отмечал, что его спутник, пожалуй, даже более бодр и энергичен, чем он сам, он, бывалый и закаленный полярник. Кому суждено сгинуть в полынье, тот не умрет от голода.

По ночам прежде, чем забраться в палатку, Колчак творил ежевечернюю молитву, как наставляли его дома и в Корпусе. Он крестился прямо на звездное небо и каждое слово его молитвы отзывалось всполохом полярного сияния:

«В руце Твои, Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой...»

Это был самый прекрасный храм во всем мире — с куполом, разверстым во всю Вселенную. Казалось, быть ближе к Богу уже невозможно, что Он сам смотрит на тебя глазами звезд, что Он

¹ Сегодня считают, что Земля Санникова представляла собой скопление песка и пакового льда, которое к началу XX века было разнесено подводными течениями.

непременно приведет тебя к спасению — к борту обледеневшей заснеженной шхуны, чьи мачты вздымались над белым безмолвием, как три поклонных креста...

Этот отчаянный переход превосходно описан в научной книге Валерия Синюкова «Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики»:

«Страшный шторм бушевал целую неделю. По утрам приходилось откапывать полуживых собак, нарты, палатку, собачьи хвосты замерзали в лед.

Нередко нарты тащили лишь пять собак, остальные бежали рядом. Пришлось Лайку и Крошку освободить от ужасных страданий выстрелом из ружья. А до «Зари» оставалось еще 200 км. В лучшем случае их можно было пройти за девять дней. Хватит ли сил у людей и собак?

22 мая Толль записал, что питания для собак осталось на три дня, а для полярников — на 5—6 дней. Э.В. Толль по своей фанатичности чем-то напоминал Седова, который ушел к Северному полюсу явно без каких-либо шансов вернуться. В критических ситуациях бывает, что полярники переоценивают свои возможности, не считаясь со здравым смыслом. Однако А.В. Колчак никогда не терял голову, его рассудительность и вдумчивость не раз помогали Толлю принять правильное решение. Например, Толль намеревался пройти вдоль побережья, чтобы уточнить и исправить данные топографической съемки, полученные ранее. Колчак убедил его, что для измученных людей такая работа непосильна. Постоянная сырость в палатке, влажные спальные мешки, вечно мокрые ноги — все эти тяготы совсем измотали людей.

«Сегодня съели последний сухарь, — пишет Толль 28 мая, — осталось немного крошек, которые бережем в качестве приправы к супу... Мы оба обессилили, питаюсь в штормовом лагере одной четвертью рациона. Чувствую себя особенно плохо — болит голова и наступила апатия, а также потерялся голос. Гидрограф (Колчак. — В.С.) бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте».

Собаки гибли одна за другой от голода. Колчак особенно любил собаку по кличке Печать, он предложил не пристреливать ее, а ослабевшую и полуживую довести на нартах до «Зари». На нартах уже лежала Леска, привязанная сверху, чтобы не свалилась в пути. Колчак и Толль впряглись в лямки и потащили нарты вместе с несколькими собаками в упряжке, не желавшими двигаться, когда им не помогали. Полярники сами еле переступали, нестерпимо болели руки, ноги, все тело.

В эти тяжелые дни ни Колчак, ни Толль не были уверены, что им удастся добраться до шхуны. Ах, если бы встретился медведь или олень, тогда все были бы спасены. Вот о чем они больше всего мечтали! Движение с каждым днем становилось все медленнее. Рацион собак сократился в 3—4 раза. Собаки, везущие нарты (их было шесть), получали по целой рыбе, остальные четыре, идущие рядом, по половине.

30 мая в четверг экспедиция достигла мыса Миддендорфа и направилась к Таймырскому проливу. Собаки узнавали свой старый след, приободрились. Но тут полярники из-за тумана прошли мимо своего продовольственного склада, который остался позади в пяти километрах. А до «Зари» было еще 35 км. Решили не возвращаться, а двигаться к шхуне. Люди уже более суток ничего не ели. Все, что у них осталось, отдавали собакам.

31 мая в пятницу Толль и Колчак все-таки дотянули до «Зари». Последние 10 км были особенно трудными. Вместо еды для подкрепления сил выкуривали по трубке. И лишь когда увидели мачты шхуны, поняли, что спасены, что дома и живы!»

Да, они живыми вернулись на «Зарю», которая показалась им райским оазисом посреди ледяного ада. Долго отсыпались в тепле, отогревались чаем с мадерой (из личных запасов барона), потом засели за научные отчеты. Все пережитое осталось между скупых и точных строк. Перо барона Толля каллиграфически выводило:

«Наша экспедиция продолжалась всего 41 день, из которых 9 пошли на стоянки во время сильной пурги, а 4 — на безуспешную работу по раскопкам депо. В течение остальных 28 дней мы совершили около 500 верст.

Лейтенантом Колчаком была проведена маршрутная съемка, опиравшаяся на 9 астрономических пунктов. В первое время нашего пути им же производились на каждой стоянке магнитные наблюдения, но на десятый день, ввиду необходимости облегчить нарты, пришлось оставить инклинатор, который мы закопали вместе с некоторыми излишними вещами в снежный откос на берегу моря.

...Спрашивается, каковы будут результаты всех пережитых трудностей и невероятных лишений? Пока произведена только съемка побережья на небольшом протяжении к северо-востоку, причем установлено, что... Таймырская бухта ни в коем случае не фиордообразная. Далее, брошен беглый взгляд вглубь полуострова, на скрытый туманами пустынный ландшафт. О геологии этих мест не удалось составить себе ясного представления. И это небольшое стоило нам полных лишений более 40 дней тяжелой работы и жизни нескольких собак!

Вчера после долгого времени я увидел маленькую стайку из пяти-шести пуночек, пролетавшую в двух километрах отсюда вглубь страны. В остальном все мертво».

Гидрограф Колчак составлял тем временем кроки будущей «Карты Таймырского пролива с частью Берега Лейтенанта Харитона Лаптева».

В благодарность за совместно пережитые тяготы и риск Толль назвал его именем один из открытых ими островов у берегов Таймыра. Остров Колчак находится между 68°—70° восточной долготы. Лейтенант, весьма польщенный такой наградой, сам нанес его на карту. Самую северную оконечность его он нарек мысом Случевского... В честь друга-поэта.

Вот уже более полувека острова Колчака на картах нет. Есть остров Расторгуева, переименованный в 1939 году ВСНХ СССР в угоду времени и его временщикам. Все попытки научной и военноморской общественности докричаться, дозвониться, донести до Президента СССР, а потом и президентов России мысль о справедливости возвращения острову в Таймырском заливе имени Колчака, остаются без ответа уже четырнадцатый год...

* * *

Колчак и на второй зимовке времени даром не терял. Шхуна стояла недалеко от берега и он покидал ее при каждом удобном случае, как астронавты покидают свою небесную станцию, уходя в открытый космос. Втроем, вдвоем, а то и в одиночку отправлялся он изучать огромный остров Котельный. Он пересек его весь, перебрался на соседнюю Землю Бунге, открыл новый остров, который назвали островом Стрижева.

В эту вторую зимовку лейтенант ощутил себя заправским полярником: он научился управлять собаками, свежевать убитого оленя, бить гусей в лет, спать в снегу...

Он никогда не думал, что езда на собаках требует знаний не менее изощренных, чем езда на автомобилях или хождение под парусом.

Кто мог подумать, что хорошая упряжка с двумя седоками может преодолеть до 250 километров в сутки?

Полозья нарт для лучшего скольжения можно намораживать, а чтобы лед лучше держался, надо полозья предварительно покрывать жидкой кашицей из торфа, глины или оленьего навоза при помощи заячьей лапки.

Даже было странно, что столько людей в родном Санкт-Петербурге живут и не подозревают о том, что при движении по морско-

му льду с солью собакам на лапы надевают чулки из выделанной оленьей кожи с отдельно вшитой подошвой. Надо следить, чтобы они не сжирали чулки. В сильные морозы собакам на паховую область надевают меховые набрюшники.

При ночевке на плотном снегу каждой собаке надо вырывать отдельную ямку, чтобы пес мог укрыться от ветра.

Что нарты бывают колымские и чукотские. Что собаки погоняются длинной палкой с наконечником — хореем, а тормозят короткой толстой палкой — остолом или торилом.

При пуговой упряжке в пути надо время от времени менять местами собак, так как самая тяжелая работа для них — сзади, в «корню», а передовые утомляются больше всего при глубоком снеге. Самые лучшие в мире каюры — якуты, чукчи и русские северяне. Вожак понимает их с голоса.

Вожак идет в паре со второй после него по качеству собакой — подвожаком, вожак выбирает дорогу, заставляет весь потяг преодолевать препятствия, удерживать других собак от погони за пробегающим зайцем.

На ночь собак привязывают к длинной цепи короткими — в аршин — цепочками; ремни перегрызут. Кормят только вечером раз в сутки. Суточная норма сухого корма (крупы, галеты, пеммикан) — до килограмма, а мороженого мяса — до двух килограммов. Упряжка из десяти собак за двадцать дней пути съедает вес груза, который могут тянуть. Во время пережидания пурги — норма та же.

Упряжка не может идти против ветра, дующего со скоростью 7—8 метров в секунду.

Весьма и весьма расширил он и свои теоретические познания. Барон Толль сумел превратить шхуну в своего рода плавучий университет, где регулярно проводил научные беседы с командой «Зари». Выступал перед матросами и Колчак с докладами по своей тематике, зоолог Бируля, магнитолог Зееберг... По вечерам в кают-компании разгорались диспуты по самым разным предметам — от философии до военно-морской стратегии...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: Поначалу «лейтенант-гидрограф, — Бялыницкий-Бируля имел в виду Колчака, — придиричивый к матросам, с собаками был и вовсе строг, а дикого зверя и птиц рассматривал лишь через прорезь своего винчестера. В поездках с Толлем он впервые полюбил лающую и скулящую братию и под конец даже сам уговаривал Толля не убивать больных собак, класть их на нары — авось отлежатся. А в усаых моржей прямо-таки влюбился и на мушку не брал».

Больше всех из команды сдружился Колчак с боцманом шхуны Никифором Бегичевым.

* * *

Барон Толль верил в свою звезду, верил, что с ним ничего страшного случиться не может. Кто внушил ему эту веру? Но именно она помогала ему решаться на самые рискованные предприятия. Он часто говорил о ней, когда его пытались остановить перед очередным «безумством».

Всякий раз, слушая романс «Гори, гори моя звезда», Колчак вольно или невольно вспоминал своего Командора, у которого вопреки словам поэта, не было никакой могилы, но звезда его все-таки горела над белой пустыней Арктики. Как горела и его, Колчака, звезда — Полярная. Видно, была она для них одной на двоих, бесследно сгинувших в Сибири, но успевших зажечь свои погребальные звезды...

Глава восьмая

«ПРИЗРАЧНО ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ БУШУЮЩЕМ...»

Со дня выхода «Зари» из Екатерининской гавани прошло почти два года...

Краткая хронология многомесячного похода «Зари» уложится в несколько строк: в первое экспедиционное лето шхуне удалось пересечь Карское море, зайти ненадолго на Диксон и выйти к берегам Таймыра, где пришлось стать на зимовку в бухте Колин-Арчера близ острова Норденшельда в Таймырской губе. Зимовка растянулась на 11 месяцев. Только 30 августа 1901 года «Заря» сумела вырваться из ледового плена и пересекла море Лаптевых, дойдя до острова Котельный. Если представить, что к Земле Санникова — в высокие широты — ведет некая лестница, то остров Котельный будет первой, начальной ее ступенькой. Следующая ступень — остров Фаддеевский, затем — остров Новая Сибирь, и, наконец, стар-

товая площадка к Земле Санникова — остров Беннетта. Отсюда ее и увидел в синей дымке барон Толль в первую свою экспедицию, здесь же, на северной кромке острова, кончалась и карта северных владений Российской империи. Но выйти на эту финишную прямую (остров Беннетта — Земля Санникова) было совсем непросто. А в тот год и вовсе невозможно из сплоченных льдов, наглухо преградивших «Заре» подход к острову.

Вторую зимовку во льдах — унылую, безрассветную и бесконечную, как вой пурги в обледеневших снастях, — экспедиция Толля провела в лагуне Нерпалах на западном берегу острова Котельный. Барон с нетерпением ждал лета, их третьего арктического лета, когда можно будет совершить решающий бросок к заветной цели. Для себя он решил не возвращаться домой, не открыв Земли Санникова. Он записал это в своем дневнике, как рыцарскую клятву: «Только бы мне достигнуть цели!.. Как туго натянутые струны, напряжены мои нервы...»

Нервы были напряжены у всех: вторая арктическая зимовка — это очень трудно. Голод витаминный, световой, информационный сказывался на каждом — люди сделались сонливы и раздражительны. Тем не менее, как и во время первой зимовки, жизнь на «Заре», во многом благодаря лейтенанту Коломейцову, была подчинена твердому корабельному распорядку. Барон Толль попытался подогнать течение корабельной жизни под график научных исследований. Их и без того непростые отношения обострились еще больше. Колчак оказался между двух огней. С одной стороны, он принимал правоту Коломейцова как командира корабля, с другой, прекрасно сознавал, что строевой уклад жизни на судне — не самоцель, шхуна пришла в эти края ради дела науки. И истинный командор экспедиции — барон Толль. Может быть, поэтому лейтенант Коломейцов с горечью отмечал в своем дневнике, что Колчак «на всякую работу, не имеющую прямого отношения к судну, смотрит, как на неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью». Зато Толлю его второй магнитолог и гидрограф нравился все больше и больше: «Колчак не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии... Научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого...

... Во время обеда ведется обычно интересная застольная беседа, в которой принимает участие главным образом гидрограф, человек очень начитанный... Беседую и забавляюсь горячим спором между

Матисеном и Колчаком; они неизменно придерживаются противоположных мнений, но благодаря добродушию Матисена остаются в дружбе, несмотря на частое раздражение гидрографа».

Лейтенант Матисен держался того же мнения о бароне Толле, что и командир шхуны, разве что не высказывал его вслух, но поверял лишь дневнику:

«Толль не раз говорил..., что он всецело придерживается высказанного А.Ф. Миддендорфом взгляда на экспедиционное судно как на временное жилище и склад продовольствия, которое должно вести экспедицию по возможности дальше к северу и в случае необходимости должно быть оставлено... Начальник экспедиции не имеет права покидать судно и личный состав экспедиции. Пример Нансена не может служить оправданием для такого поступка, так как, несмотря на исключительно счастливое окончание экспедиции, он в принципе заслуживает порицания».

* * *

К концу мая 1902 года барон Толль понял, что ждать у моря «ледовой погоды» больше нельзя. Запасы угля на шхуне оставляли желать лучшего, а льды не только не собирались расступаться перед форштемнем «Зари», но и спланивались все плотнее, все непроходимее. На пути стояли гигантские стамухи — ледяные баррикады, взгроможденные силой океана и арктических штормов... Изрядно потерянная льдами шхуна не могла подобраться не то что к Земле Санникова, но даже к острову Беннета.

И что же? Возвращаться ни с чем? Говорить в свое оправдание банальное — «льды не позволили пройти»? Признать, что отпущенные Академией наук огромные средства (в кредит!) истрачены впустую? Предстать в глазах коллег, в глазах Эммелины и двух дочерей прожектором-неудачником? Это после грома фанфар, под которые отправлялась экспедиция, после всех заверений и обещаний под звон банкетных бокалов...

О нет, барон поставил на белую карту Арктики воистину все — и свое доброе имя, и свою жизнь. Он решил идти к Земле Санникова, не дожидаясь, когда это позволят льды и погода. Именно по тем же мотивам старший лейтенант Георгий Седов, спустя десять лет, ринется в самоубийственный бросок к Северному полюсу. Долг чести!..

В спутники барон Толль выбрал себе астронома Фридриха Зееберга и двух сынов здешней тундры — эвена Николая Протодыяконова, по прозвищу Омук, и якута Василия Горохова, по прозвищу Чичак. Оба

охотника не раз летовали на арктических островах, добывая мамонтовую кость, соболей и рыбу. Бывало, и с медведем сходились один на один. Одного боялись — открытой воды. Однако плавать не умели...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Толль допускал, что вода без края и конца может их пугать, а потому готов отпустить сопровождающих, и дальнейшее путешествие намеревался осуществить вдвоем с астроном Ф. Г. Зеебергом. Толль считал, что залогом успеха любого предприятия должно быть добровольное участие, и если по каким-либо причинам человек высказывает нервозность и раздражение, лучше с ним расстаться, — отмечал в своем дневнике врач экспедиции Николай Катин-Ярцев. — Вечером барон Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг, каюры Протодяконов и Горохов покинули лагерь «Зари» и на 3-х нартах, из которых одну рассчитывали бросить на Новой Сибири, ушли в неизвестность...»

Лейтенант Колчак провожал своего Учителя без лишних слов. Он прекрасно понимал *к у д а* уходит Толль, как понимал и *з а ч е м* он уходит.

Спокойное, почти сдержанное прощание барона с теми, кто оставался на «Заре», стало еще одним уроком мужества для молодого офицера. Много лет спустя адмирал Колчак столь же спокойно и столь же мужественно отправится в свой последний путь на берег реки Ушаковки...

Перед уходом Толль, отдав все необходимые распоряжения остающимся, оставил в своей каюте с полдюжины бутылок шампанского, чудом сохраненного за два года пути и зимовок. Именно этим радостным напитком собирался он отметить открытие легендарной земли. Увы, вино это стало поминальным зельем...

Вот уже сто лет, как нет никаких вестей о судьбе отважного первопроходца и его спутников.

Однако тогда, в лето 1902-е, на «Заре» ждали их возвращения или же готовились илти за ними на остров Беннета, если позволят льды...

ЖЕЛЕЗНЫЙ БОЦМАН

Колчак с мичманских времен берегся от такого офицерского греха, как панибратство с нижними чинами. Не делал он исключения и для боцмана Бегичева, несмотря на его особое положение как главного смотрителя и хозяина корабля. Хмурый немногословный волжанин, чья флотская служба началась в один год с офицерской службой Колчака (они были ровесниками) мало-помалу расположил к себе строго-

го лейтенанта. Однако, как часто бывает, прежде чем подружиться, надо хорошо поссориться. Стычка между лейтенантом-гидрографом и боцманом произошла во время второй зимовки у острова Котельный. Видимо, сказывалась общая усталость затянувшегося плавания.

Биограф Бегичева, известный полярник и литератор Никита Болотников, пишет: «Как-то Бегичев и матросы обкладывали снегом борт судна. Из кают-компания вышел Колчак и позвал вахтенного Железникова, которого раньше послал привезти несколько бревен в домик для магнитных наблюдений. «...Зовет меня, — описывает Бегичев этот инцидент, — и говорит: «Где у тебя вахтенный?» Я говорю: «Вы его куда-то сами послали». Он меня обругал, я очень озлился на несправедливость и обругал его... Раз офицер его величества так ругается, то мне, наверное, совсем можно. Он сказал: «Я на тебя донесу морскому министру», а я сказал: «Хотя бы и императору, я никого не боюсь». Он крикнул: «Я тебя застрелю!» Я схватил железную лопату и бросился к нему. Но он тут же ушел в каюту».

После этой ссоры Бегичев решил оставить «Зарю». Боцман понимал, что еще одна подобная стычка, и он, несмотря на свое подчиненное положение, не простит обиды. Заметив Колчака, возвращавшегося с магнитных полей, Бегичев подошел к нему и заявил о своем желании списаться с судна. Решительный тон Бегичева подействовал. Гидрограф понял, что боцман не шутит, добьется своего, и постарался замять инцидент».

Да, Колчак извинился перед боцманом. Могли ли они оба представить себе в пылу ссоры, что очень скоро не просто сдружатся — сроднятся настолько, что горячий лейтенант попросит Бегичева быть свидетелем на его свадьбе? Более того, отправятся вместе на фронт в Порт-Артур...

В советские времена Никифору Бегичеву, конечно же, пытались припомнить дружбу с Колчаком. Может, потому он и не вылезал из своих северов, кочуя из одной экспедиции в другую. Однако слаби-ну дал «железный боцман», пытаясь облегчить свою участь.

Как ни кололо глаз партийным властям сподвижничество Бегичева с Колчаком, а памятник железному боцману все-таки поставили. Далеко от Большой Земли — на острове Диксон.

Итак, последним распоряжением барона Толля, ставшим по воле судьбы и его завещанием, было — увезти «Зарю» в устье Лены (запасы топлива на шхуне кончались), доставить в Петербург со-бранные материалы и коллекции и готовить новую экспедицию.

Матисен и Колчак выполнили последнюю волю командора. В декабре 1902 года лейтенант Колчак наконец выбрался из сибирских

буранов в Петербург и сделал экстренный доклад в Академии наук о работе экспедиции и отчаянном положении барона Толля. Счет жизни, если барон со своими спутниками были еще живы, шел на сутки, в лучшем случае — на недели. Впрочем, обмороженный докладчик уповал на лучшее; он очень надеялся, что вся группа, добравшись до Земли Беннетта, зазимовала там в снеговой хижине. Сам адмирал Макаров вызывался идти спасать на своем «Ермаке» отважного барона. Но сопоставили стоимость угля с риском зимовки большого судна во льдах — и отказались. Колчак просил Академию выделить ему минимальные средства для организации спасательной экспедиции, он уверял ученый совет, что доберется до Земли Беннетта не на шхуне, бессильной перед льдами, а по разводьям на легкой шлюпке, перетаскивая ее через полыньи между полями. Седовласые мужи науки смотрели на него как на мальчишку в лейтенантских погонах и толковали о том, что сподвижник Толля подвержен какой-то особой форма безумия — северомании, какой страдал, видимо, и сам барон, двинувшийся на лыжах в ледяной ад Арктики. Но запальчивость молодого офицера подкреплялась такой верой в успех дела, столько непреклонной воли сквозило в каждом его слове, что ученый совет сдался и предоставил ему полную свободу действий.

На следующий же день, едва было получено разрешение, Колчак выехал в Архангельск. Там (шел уже январь 1903 года) он подобрал себе шесть спутников — двух матросов и четырех мезенских добытчиков тюленей. С ними и отправился через Якутск и Верхоянск — маршрут, изматывающий даже сегодня на трассах Аэрофлота, — в стойбище, где ожидал с партией в сто шестьдесят ездовых собак ссыльный студент московского университета Оленин. На собаках добрались они к устью Лены, где стояла «Заря» под командованием лейтенанта Матисена, сняли с нее вельбот, поставили на нарты и протащили его по льдам на Новосибирские острова.

Надо ли говорить, что это был за поход?! Двигались в крошечной тьме на морозе под сорок градусов, да еще по торосистому льду. Уж на что выносливы северные собаки, и те больше шести часов не выдерживали — падали в снег с высунутыми языками.

И все-таки они добрались до открытого моря! Оленин с якутами и тунгусами остались на островах, а лейтенант Колчак с шестью гребцами вышел на малом вельботе в Благовещенский пролив.

Не могу себе этого представить: сорок двое (!) суток на шлюпке в Ледовитом океане! Отнюдь не тщеславие рекордсменов подвигло их на этот риск и эти муки — они спешили на помощь. Шли и днем, и ночью, то на веслах, то под парусом, если позволял ветер. Лавирова-

ли между льдинами и в туман, и в снежные заряды. Полтора месяца в непрсыхающем от брызг и захлестов платье, без горячей пищи, на одних сухарях и консервах. Правда, были еще шоколад и водка. Но все же от простуды спасало весло — ломовая работа гребца.

Не было в истории полярных путешествий такого плавания.

«Экспедиция, состоящая из 17 человек с 10 нартами и вельботом, с всего лишь трехмесячным запасом продовольствия, минимумом снаряжения, совершила, казалось бы, невозможное. Добравшись до моря и дождавшись его частичного вскрытия, Колчак и его товарищи то под парусами, то работая веслами, то впрягаясь в лямки и перетаскивая вельбот с тяжелым грузом через массы льда, добрались через несколько недель (4 августа) до острова Беннетта. Начальник экспедиции в полной мере со всеми делил напряженный сверх меры физический труд. Нередко приходилось добираться с вельбота до берега по ледяной воде вплавь. К исходу одних из последних двенадцати суток изнурительной гребли в крайне опасном плавании утлого суденышка в полярных океанских водах подул южный попутный ветер, совпавший со встречей, казалось, с очень надежной большой льдиной. Погрузились на нее. Ветер крепчал и гнал ее на север, к цели. Все были довольны, что «едут на казенный счет», представилась возможность отдохнуть. Поставили палатку, все устроились в ней, легли и уснули как убитые. Не спалось почему-то лишь боцману Н.А. Бегичеву. Только было он стал засыпать, как почувствовал нечто тревожное, заставившее его вскочить на ноги.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Только что я стал засыпать, — вспоминал он, — сильным порывом ветра ударила о льдину волна и окатила всю палатку. Я выскочил и увидел, что льдину у нас переломило пополам по самый вельбот. Другую половину льдины унесло, и вельбот катится в воду. Я стал всех будить, а сам держу вельбот, не пускаю его упасть в воду. Все быстро вскочили и вытащили вельбот подальше на лед. Льдина стала маленькой, саженей 70 в квадрате, но толстая: от поверхности воды будет аршина полтора. Ветер усилился. Временами волна захлестывает далеко на льдину. Решили остаться переждать погоду. Палатку и вельбот перетаскивали на середину, и вельбот привязали вокруг палатки. Один конец я взял к себе в палатку, для того, чтобы если льдину еще переломит и вельбот станет погружаться в воду, то мы услышим и быстро проснемся. Все устроили и заснули как убитые».

В память Колчака также врезалось это событие, чуть было не стоившее жизни им всем.

Шестого августа 1903 года вельбот под командованием лейтенанта Колчака достиг Земли Беннетта — безжизненной скалистой суши, придавленной льдами. Она считалась неприступной с моря, эта навечно вымерзшая земля. Мыс, на котором высадились отважная семерка, Колчак назвал Преображенским, ибо 6 августа было днем Преображения Господня.

На средневековых картах эти места, совершенно неведомые географам, обозначались одним словом — «Tartaria». Отсюда и выражение — провалиться в тартары. Колчак провалился в тартары в буквальном смысле.

Этот заветный остров открылся Колчаку так.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Наконец, на вторые сутки на прояснившемся туманном горизонте вырисовывались черные отвесно спускающиеся в море скалы острова Беннетта, испещренные полосами и пятнами снеговых залежей; постепенно подымающийся туман открыл нам весь южный берег острова... Под берегом плавала масса мощных льдин, возвышавшихся над водой до 20-ти — 25-ти футов; множество кайр и чистиков со стаиками плавунчиков лежали кругом, с необыкновенным равнодушием к вельботу... кое-где на льдинах чернели лежащие тюлени».

«Ветер стих, мы убрали паруса, — писал Колчак, — и на веслах стали пробираться между льдинами. Без особых затруднений мы подошли под самые отвесно поднимающиеся на несколько сот футов скалы, у основания которых на глубине 8—9-ти сажен через необыкновенно прозрачную воду виднелось дно, усеянное крупными обломками и валунами. Неподалеку мы нашли в устье долины со склонами, покрытыми россыпями, узкое песчаное побережье, где высадились, разгрузились и вытащили на берег вельбот».

Ничто не выдавало здесь следов Толля. Надо было идти вглубь этой гибельной суши. По счастью, наметанный глаз экспедиционера заметил гурий — рукотворную горку камней, придавливавших медвежью шкуру. На следующий день они наткнулись на обломок весла, торчавшего из груды камней, а в камнях увидели бутылку, из которой вытряхнули листок с запиской Толля и планом острова, где была помечена хижина. Шли к ней торопясь, спрямляя порой путь через лед бухты. Прихваченный летним солнцем ледяной покров разошелся под сапогами Колчака, и тот ухнул в полынью с головой. Его вытащил боцман Бегичев. Возвращаться в палатку лейтенант отрез отказался. Промокшую одежду сушил на себе, согреваясь скорым шагом по крутизне берега... Наконец увидели хижину, сложен-

ную из плавника и камней, крытую медвежьими шкурами. Подошли с замиранием сердца, ожидая увидеть скелеты, обгрызенные леммингами и песцами. Нашли же — пустоту, забитую лежалым снегом. Разгребли, чем могли, и извлекли ящик с образцами пород, ненужные в дороге вещи, последнее письмо Толля — не жене, — президенту Академии наук. И от письма, и от этой унылой хижины веяло таким самоотречением во имя суровой землеведческой науки, что у Колчака и его спутников невольно повлажнели глаза.

Барон сообщал в письме, что, израсходовав продовольствие, он принял отчаянное решение возвратиться пешком на Новосибирские острова к главному складу, где хранилась провизия. Последняя запись была помечена концом ноября 1902 года. Оставалось только догадываться, что могла сделать с полуголодными людьми полярная ночь вкупе с сорокаградусной стужей.

Однако надо было знать точно: добрался ли Толль до Новосибирских островов? И Колчак повторил свой немыслимый путь в обратном направлении.

Склад провизии, к которому пробивался барон, оказался никем не тронутым. Спасатели сняли шапки и перекрестились. Прими, Господи, отважные души!

Выждав на острове Котельном, когда замерзнет море, Колчак в октябре перешел по льду на материк в Устьянск, не потеряв ни одного из своих верных помощников. Всех семерых, целых и невредимых, встретил в Устьянске Оленин, терпеливо дожидавшийся их всю осень. На его отдохнувших собаках два месяца добирались в Якутск, куда и прибыли 3 января 1904 года.

Так закончились обе полярные экспедиции, на которые лейтенант Колчак положил без малого четыре года лучшей поры своей жизни.

Лишь спустя несколько лет — уже после русско-японской войны — он обобщит результаты полярных изысканий в печатном труде «Льды Карского и сибирских морей». Это исследование и по сей пору считается классическим по гидрологии Ледовитого океана. В 1928 году американское Географическое общество переиздало его в переводе на английский — «Проблемы полярных изысканий».

Известна ли сегодня эта работа соотечественникам автора? Боюсь, что, как и все, что вышло из-под пера Колчака, она была заточена в какой-нибудь спецхран. Но специалисты знают, должны знать, обязаны знать! Ибо это не досужие записки путешественника и не кабинетные построения теоретика, а живой опыт полярного морехода, положивший начало освоению великой магистрали вдоль северных земель России. И те, кто шел за «Зарей» следом — «Святой Фока» и «Святая

Анна», ледоколы Вилькицкого «Таймыр» и «Вайгач», — и те, кто в советское время осваивал стратегический Главсевморпуть, папанинцы и «челюскинцы», вознесенные сталинской пропагандой так, что имена предшественников растаяли в тумане фимиама — все они так или иначе прибегали к ледовой лоции лейтенанта Колчака-Полярного.

За свою подвижническую научную деятельность Александру Колчаку была вручена весьма необычная в мирное время для молодого офицера награда — орден Святого Владимира 4-й степени. Академия наук и императорское Географическое общество удостоили его большой золотой медали, которой до Колчака были награждены всего лишь два исследователя.

Казалось, жизнь его определилась раз и навсегда — гидрографический факультет Морской академии, а там новые экспедиции, новые открытия, новые труды и новые награды...

Однако карьере моряка-ученого не суждено было стать...

Ленинград. Июль 1990 года.

Школьная истина о том, что «атом неисчерпаем до бесконечности», воплотилась для меня в этом человеке — Андрее Леонидовиче Ларионове, с его загадочной профессией — «хранителя корабельного фонда»¹, с его воистину неисчерпаемой родословной. Продолжатель старого моряцкого корня, женатый на племяннице «иртышского затворника», последнего гардемарина Пышнова, оказывается, приходился по материнской линии и племянником Федору Андреевичу Матисену, командиру толлевской шхуны «Заря», соплавателю Колчака и даже его командиру по корабельной службе в тех самых первых арктических плаваниях нашего века.

Рассказывая об этом, Ларионов не преминул извлечь один из бесчисленных своих фотоальбомов, и я увидел Колчака таким, каким вряд ли его кто видел, кроме товарищей по походу да обладателя редкого снимка. Попадись этот портрет в тридцатые годы следователю НКВД, уж тот бы точно не заподозрил в этом чернобородом полярнике, облаченном в меховые одежды, будущего Верховного правителя России.

СТАРОЕ ФОТО. В самом деле, трудно узнать в этом джекклондовском первопроходце адмирала Колчака, знакомого нам лишь по последним сибирским снимкам: усталый адмирал с тяжелым взглядом. Меховой капюшон обрамляет красивое, мужественное лицо, взгляд отрешенный, мягкий, чуть мечтательный и все же твердый.

¹ Центрального Военно-Морского музея.

Еще не пролегли по этому лбу жесткие складки жестоких забот и решений, морщины гнева и отчаяния, еще не обтянуты скулы злой тоской безнадежности, а свет в глазах не выели дымы Порт-Артура, Ирбен, Зонгул-дака, Уфы и Омска...

На втором снимке Колчак сидит в кают-компании «Зари». И опять же никто не узнает в нем будущей грозы самураев микадо и крестоносцев кайзера, янычар султана и красных комиссаров. Сидит некий молодой коротко стриженный человек, врастающая черная борода в полярный свитер. Современное лицо — ни дать, ни взять — молодой физик из Новосибирского академгородка.

Кохтла-Ярве. 1991 год.

Я приехал в «столицу сланца» из Таллинна на автобусе.

Здесь, на задворках городского тепличного хозяйства, в заброшенном родовом имении, в уголке старинного парка, чернеет осколок Земли Санникова — гранитная глыба символической могилы барона Эдуарда Васильевича Толля.

Земля Санникова... Ее искали парусники и ледоколы — «Седов», «Фрам», «Мод», «Таймыр» и «Вайгач», «Садко», «Ермак» и даже «Иосиф Сталин»... Вплоть до 1954 года.

ОРАКУЛ-2000: Николай Николаевич Коломейцов остался верен себе и флотскому Уставу. После неудачного для него плавания на «Заре», он, как и Колчак, как и Матисен, как и боцман Бегичев, отправился на русско-японскую войну. В Цусимском сражении командовал миноносцем «Буйный», именно ему выпала отчаянная миссия снимать тяжело раненного флагмана Рождественского вместе со штабом с эскадренного броненосца «Суворов»...

Старый холостяк Коломейцов женился аж в 42 года на Нине Дмитриевне Набоковой, на родной тетке Владимира Набокова, ставшего известным писателем.

Контр-адмиральский чин он получил раньше, чем Колчак — в 1913 году. Однако бывший его соплавателю и вахтенный офицер все же обогнал его в чинах, получив на год раньше второго орла на адмиральские погоны. Коломейцов стал вице-адмиралом всего за две недели до октябрьского переворота.

Он четко шел по строевой линии: после «Зари» командовал ледоколом «Ермак», в Цусиму ушел командиром миноносца «Буйный», потом служил старшим офицером на линкоре «Андрей Первозванный»... Колчак привлек его к строительству парохода ледо-

кольного типа «Таймыр», того самого, на долю которого все-таки выпадет открытие подобное так и ненайденной «Земли Санникова», то бишь Земли Императора Николая II (Северной Земли).

Перед Первой мировой командовал линкором «Слава».

После 17-го был арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. В конце 1918 года бежал в Финляндию по льду Финского залива, благо пригодился полярный опыт. У белых на Черном море возглавлял группу ледоколов.

Эмигрировал во Францию, где в 1944 году трагически закончил свой жизненный путь. Тем не менее Николай Николаевич немало пережил своих соплавателей по «Заре». Если бы не американский грузовик, который сбил 77-летнего старика в только что освобожденном от немцев Париже, возможно, он разменял бы и девятый десяток. Его похоронили на Сен-Женевьев де Буа.

Лишь ему одному из офицеров «Зари» довелось лечь под могильным крестом. Другим же — барону Толлю, астроному Зеебергу, лейтенантам Матисену, Колчаку — эпитафией стала строчка из песни «Варяг» — «не скажет ни камень, ни крест, где легли во славу мы русского флага...»

Несмотря на «белогвардейско-эмигрантское прошлое», имя Колмейцова многократно увековечено на карте: тут и остров в архипелаге Норденшельда, и бухта в море Лаптевых, и река на Таймыре, и гора на острове Расторгуева (Колчака), и проливчик в шхерах Минина. И даже гидрографическое судно названо в его честь — «Николай Колмейцов», которое и по сию пору бороздит те самые воды, в которых когда-то и штормовала, и зимовала «Заря».

ОРАКУЛ-2000: Колчак и Матисен... Два капитана. Вот сюжет для будущего романиста.

Родились они в одном городе — Санкт-Петербурге. Учились в одних стенах, только в разных ротах: Колчак — в младшей, Матисен — в старшей. Один — православный, другой — лютеранин. В крови первого гуляли «турецкие гены», характер второго умерялся шведской сдержанностью. Но обоих поманила призрачная Земля Санникова. И оба пошли на край света за неистовым до самозабвения геологом-первопроходцем Эдуардом Васильевичем Толлем... Для молодых офицеров он один стал кумиром, вожатым, учителем. Они не клялись ему в верности, не произносили громких слов, но когда он сгинул в ледяной пустыне, оба, не щадя жизни, искали его, как ищут самого родного человека. И до конца дней своих читали его имя, верили в его дело.

Яхта «Заря» и в самом деле оказалась для них зарей жизни. Матисену выпало быть командиром судна, Колчаку — подчиненным. Они не всегда ладили, друзья-соперники, много спорили. Но они вытянули из флотской фуражки один и тот же жребий: север.

Судьба ненадолго развела их в русско-японскую войну. Колчак попал в Порт-Артур, а Матисен пошел в Цусиму старшим штурманом на крейсере «Жемчуг»...

После Порт-Артура военная звезда Колчака пошла на взлет все выше и выше... Матисену не довелось добыть в Цусимском походе громкой славы.

Спустя пять лет жизнь снова свела их в одном рейсе. Они снова шли штурмовать Арктику: Колчак — командуя «Вайгачем», Матисен — «Таймыром». Восемь месяцев вели свои ледоколы через три океана и множество морей во Владивосток. И даже успели в Берингов пролив, за мыс Дежнева заглянуть. Но открывать новые земли выпало другим. Как в бильярде: оба сделали великолепную подставку своим коллегам — Вилькицкому и Новопащенко — и надолго ушли в тень фортуны. Обоих отозвали в Петербург по служебной надобности.

Рухнули надежды взять у Арктики реванш за гибель Толля, снова помериться силами с Ледовитым океаном. В прах рассыпалась и ставка на большую науку. Надвигалась новая война, и заново предстояло начинать карьеру, но не ученых-гидрографов, а боевых офицеров. Оба стартовали примерно с одной и той же отметки: Матисен — командиром канонерской лодки «Ураган», Колчак — командиром эсминца «Уссурийца». Закончили же войну на разных высотах: Колчак — вице-адмиралом, командующим Черноморским флотом, Матисен — каперангом, командиром вспомогательного крейсера «Млада», бывшей яхты княгини Шаховской.

В восемнадцатом Колчак пошел спасать Россию с тем же безумным риском и с той же самоотверженностью, с каким спасал когда-то Толля. Он спасал корабль российской государственности по всем правилам борьбы за живучесть, латая его бреши полками, бригадами, дивизиями...

Матисен не пошел за Колчаком в гражданскую. Гордость не позволила? Принял сторону большевиков? Ни то и ни другое. Просто ушел от всякой политики в дебри Восточной Сибири в гидрографические изыскания на все годы братоубийственной смуты. Он ненадолго пережил своего соревнователя. Умер от сыпного тифа в том же Иркутске, где погиб Колчак. Начальные и конечные точки их жизненных траекторий совпали географически точно, как совпадали некогда курсы «Вайгача» и «Таймыра».

Может быть, неспроста нет у них обоих — вечных странников, вечных искателей — могил, пригвождающих бранные останки к определенному географическому пункту, как нет их у Седова, Русанова, Брусилова — всех, кто положил свои жизни на ледяной алтарь Арктики.

Они ушли в Ойкумену, в свою последнюю и вечную экспедицию. И строчки их современника Бориса Пастернака стали общей им эпитафией:

*Жизнь на свете только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.*

Санкт-Петербург. Январь 2000 года.

В поисках следов своего героя заглянул я в санкт-петербургский музей Арктики и Антарктики. Увы, музей этот был вовсе не петербургский, а по-прежнему ленинградский, даром, что прошло лет десять после упразднения КПСС, даром, что расположен он в бывшем старообрядческом храме, на бывшей Николаевской, ныне улице Марата. Экспозиция музея как была очерчена в сталинские годы, так и по сию пору возвеличивает самого главного покорителя Арктики — Ивана Папанина. И не где-нибудь, а в алтаре стоит папанинская палатка со всем своим историческим инструментарием, включая и мясорубку. Мясорубку в алтарь положить не забыли, забыли лишь поместить в арктический пантеон портреты тех, кто уходил в высокие широты без радио и самолетов, кто первым на заре века пришел в эту белую пустыню, кто прирастил территорию России на тысячи квадратных верст. Ладно, гидрограф Александр Колчак. Но Сибиряков, но Вилькицкий! Уж семь лет прошло с тех пор, как стало возможным листать страницы полузасекреченной нашей истории без оглядки на партийного цензора. Уж и год 97-й самым президентом объявлен годом гражданского примирения. А Сибиряков, Вилькицкий, да сколько еще подвижников Арктики как числились в белоэмигрантах, так в них и остались. И не знают ленинградские музейщики никакого гражданского примирения.

— А что мы можем сделать?! — воскликнула на мои упреки сотрудница музея Арктики, — когда у нас нет ни рубля на обновление экспозиции?!

— Да много ли нужно средств, чтобы повесить в зале несколько фотографий? За семь лет можно было хотя бы имена вписать?

Согласилась сотрудница, что не в средствах дело.

ОРАКУЛ-2000: В конце двадцатого века, который начался для русской Арктики под посвист ветра в снастях «Зари» и шорох санных полозьев экспедиции Толля, в эти же места, по полярным льдам ушли в высокие широты лыжники под водительством офицера российской армии, подполковника Владимира Чукова. Они шли все к той же цели, под той же Приколл-звездой, что манила и светила всем русским северопроходцам.

В отличие от всех прочих лыжных экстремалов Чуков шел со своей группой без какой-либо поддержки с воздуха, в режиме полной автономности, как шли по здешним льдам Толль с Колчаком, как шел Колчак с Бегичевым, уповая только на свои силы и «Господи помилуй!».

«Воин должен быть почти святым», — утверждал Прудон. Это и про Чукова тоже.

Он и его парни шли к Северному полюсу, теряя товарищей, шли по самой кромке жизни, как по кромке льда, и делали это вовсе не для того, чтобы установить очередной рекорд для Книги Гиннесса. Чуков, с заиндевелой бородой и бровями, чем-то похожий одновременно и на барона Толля, и на лейтенанта Колчака, признался однажды:

— Полюс для меня — святое место. Именно там, в истязательном паломничестве к нему и происходит очищение души. Ведь все великие души были воспитаны на страдании.

Глубоко верующий человек, Чуков уходил и уходит в ледяные пустыни постигать Бога в своей душе. Не затем ли отправлялся туда и лейтенант Колчак?

Странное дело: прошло сто лет — и каких лет, какими только походами-экспедициями не прогремевшие — а в конце двадцатого столетия вдруг снова заговорили о той почти безвестной на фоне потрясающих свершений века ничего толком не открывшей шхуне «Заря». Вдруг стали выходить книги одна за другой, посвященные барону Толлю, лейтенанту Колчаку, киноленты, видеофильмы... Вдруг стало почему-то важным узнать и осознать каждую деталь, каждую подробность той отчаянной экспедиции, завершившейся трагической гибелью своего командора и его сподвижника. Может быть потому, что она была самой первой попыткой века познать свое время и свое пространство, открыть не столько новые земли в морях, сколько новые вершины в человеческих душах? И на этой незримой карте рядом с пиками Толля и Зееберга встали пики Колчака и Бегичева.

Но только сейчас стал ясен providенческий смысл той экспедиции. То была экспедиция Стратегического назначения. Она прово-

дидась скорее в интересах Военно-Морского флота, нежели в интересах Академии наук. Да, они искали Землю Санникова, но они искали и выходы каменного угля, для того, чтобы кораблям, переходящим с Запада на Восток, из Мурманска и Архангельска на Камчатку и во Владивосток было чем заправлять свои бункеры на середине пути. Правда, к тому времени, когда такие походы стали проводиться кораблям, уже требовался не уголь, а жидкое топливо — соляр. Но гидрограф Колчак и его сотоварищи весьма основательно изучали льды Арктики — их движение, толщину, природу образования, плотность... Изучали столь скрупулезно, будто наперед знали, что именно льды, ледяной панцырь Северного океана станет последним щитом России, ее последним бастионом. Почему последним и почему щитом?

Да потому что последним рубежом обороны от наседающего Атлантического блока, последним прибежищем подводных ракетодромов России, ее подводных атомных крейсеров с баллистическими ракетами в шахтах, стали паковые льды, под которыми они сохраняют свою, как говорят военные люди, «боевую устойчивость», то есть неуязвимость. Сквозь толщу паковых льдов не проникают «щупальца» поисковых электронно-лазерных систем. Не проложены там и кабели для донных гидрофонов-слухачей. А российские подводники освоили подледное пространство настолько, что могут всплывать практически в любой его точке.

«Начиная с 1991 года, — утверждают военные аналитики, — внимание командования ВМС США и НАТО к Арктике, как наиболее возможному району боевых действий атомных подводных лодок, резко возрастает... При определенных вариантах развития военно-политической обстановки в мире Арктика может стать наиболее вероятным океанским театром военных действий и даже основополагающим центром и причиной полномасштабной войны».

Мы оставили наивыгоднейшие плацдармы в Европе. Мы рассекретили ракетные установки железнодорожного базирования. Утратили скрытность почти всех наземных шахтных установок, десятки их взорваны по условиям международных договоров.

И только потому, что Россия в конце двадцатого века все еще сохраняла возможность ответного ракетного удара из-под арктических льдов, с ней так и не посмели разговаривать на языке «стелсов» и «томагавков». Ледяным щитом прикрылась Россия на исходе кровавого века, и на том щите оставлены имена тех, кто пришел сюда на «Заре» в 1901 году.

Часть вторая

БЕЛЫЙ КРЕСТИК

Глава первая

«ИДУ НА ВОЙНУ ИЗ ИРКУТСКА...»

Иркутск. Март 1904 года.

Когда в деревянный, занесенный снегами Якутск, где Колчак с сотоварищами отогревался и приходил в себя после ледовой эпопеи, докатилась весть о начале войны с Японией, молодой офицер немедленно отбил телеграмму в Академию наук с просьбой откомандировать его обратно во флот. Вторая депеша полетела в Главный морской штаб. Податель ее испрашивал разрешения отправиться из Якутска прямо в Порт-Артур. Смысл пространного ответа из Академии сводился к тому, что Колчак не будет отпущен во флот до тех пор, пока не представит подробного отчета о второй экспедиции. Садиться за письменный стол, когда в Порт-Артуре горят русские корабли и гибнут его однокашники?! Именно о невозможности такого положения телеграфировал он лично президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу. И тот его понял, и разрешил отсрочку с предоставлением отчета до окончания войны. Сдав Ленину все собранные материалы и оставшиеся

деньги для доставки в Петербург, Колчак начал новый — тысячеверстный — путь из Якутска в Порт-Артур. До Иркутска добирался на перекладных лошадях. В Иркутске его ждал сюрприз, и какой: отец, несмотря на преклонные годы, приехал обнять сына — единственного! — быть может, в последний раз, да не один — добрался в глубь Сибири с Сонечкой Омировой.

Стоял март 1904 года. Грустным было это весеннее венчание в Градо-Иркутской Михайло-Архангельской церкви: ведь наутро ждало новобрачных отнюдь не свадебное путешествие, — ждала военная разлука. Лейтенант Колчак уезжал в осажденный Порт-Артур прямо от свадебного стола.

Мог ли он подумать тогда, что смертная пуля поджидает его не на порт-артурских сопках, а здесь, в этом городе, где над ним только что держали свадебный венец? Пройдет всего шестнадцать лет, и не японцы, не турки, не германцы, — свои, россияне, такие же мужики, с какими он делил все тяготы полярной одиссеи, выведут его на берег Ангары и бездумно вскинут винтовки по взмаху чужой руки.

Но пока его ждало, как тогда говорили, новое поле чести — румбы Желтого.

* * *

Впервые после Синопа, после полувека со дня последней блестящей виктории российского флота под флагом адмирала Нахимова, русским морякам выпадало крупное военное дело — сражения с японскими эскадрами. Мог ли лейтенант Колчак, которого с младых ногтей готовили к такому предприятию, остаться в стороне от главного дела флота, мог ли он в такое время разбирать в кабинетной тиши материалы экспедиции, изучать движение льдов, когда по всем восточным морям России началось движение бронированных эскадр? Да он бы в жизни себе не простил такого малодушия, и отец бы не простил, да и в глазах Софьи его ореол полярного героя, наверное, куда как потускнел бы...

В Порт-Артур Колчак прибыл не заурядным лейтенантом. О нем здесь слышали, его знали. Теперь славу полярного первопроходца предстояло подтвердить боевой доблестью корабельного офицера. То, ради чего он рвался на юг Африки, поджидало его здесь — на Дальнем Востоке.

В Порт-Артуре лейтенант Колчак предстал перед своим нечаянным покровителем — командующим флотом вице-адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым. Всегда чуравшийся высоких про-

текций, молодой офицер на сей раз надеялся, что адмирал, весьма благоволивший к его научным работам, не откажет в назначении на миноносец — корабль, которому по роду службы чаще всего приходится встречаться с противником. Однако вид у соискателя активной боевой жизни был столь изможденным после северных передраг, что адмирал Макаров решил дать отчаянному лейтенанту передышку и назначил его на пятитрубный крейсер «Аскольд». На большом корабле быт более устроен.

Боцмана Бегичева адмирал Макаров определил на миноносец «Бесшумный». Там в пылу боя за расторопные и бесстрашные действия в аварийной обстановке боцман был награжден Георгиевским крестом.

То была их последняя встреча — Макарова и Колчака. Флагман порт-артурской эскадры броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине... Гибель Макарова потрясла всех, даже японцев.

В Порт-Артуре кругами по воде расходились мистические слухи. Колчак был потрясен одним из них. За несколько минут до рокового взрыва художник Верещагин, делая зарисовки на мостике, произнес такую фразу: «Я принимал участие во многих баталиях и всегда выходил сухим из воды». Через несколько минут последовала страшная кара за бездумную похвальбу: самонадеянный художник навсегда остался в морской пучине.

Многие порт-артурцы приносили свои личные клятвы отомстить за адмирала — самую светлую голову русского флота. Дал такую клятву и лейтенант Колчак. И вскоре выполнил ее.

Сразу же после трагического сообщения он подал рапорт о переводе на минный заградитель «Амур». Еще через какое-то время он наконец добился того, чего просил у Макарова, — его назначили на миноносец. Командиром на «Сердитый». Он рвался в бой, но судьба сыграла злую шутку. Здоровье, подорванное полярными лишениями, не выдержало новых встрясок: командир «Сердитого» слег в госпиталь с жесточайшим двусторонним воспалением легких. Валяться на госпитальной койке с боевым ранением — куда ни шло, но с заурадной обывательской пневмонией?! Сознать это было невыносимо для офицерской чести, и лейтенант с лицом аскета, едва спал жар лихорадки, вернулся на мостик «Сердитого».

Порт-артурские миноносцы — кораблики довольно шуплые, в свежую погоду на приличном ходу волна порой перехлестывала через невысокий мостик. Эти соленые купели, а может, и недавние ночевки во льдах тоже не прошли даром. Острый суставной ревматизм чуть не вынудил его снова слечь. Пневмония стала хро-

нической. Но возвращаться в госпиталь лейтенант Колчак отказался наотрез.

И словно в награду за стойкость военное счастье ему улыбнулось. На подходах к Порт-Артуру «Сердитый» выставил группу мин. На них, точь-в-точь как «Петропавловск», наскочил и подорвался японский крейсер «Такасаго».

Лейтенант Колчак сдержал свое обетное слово.

За уничтожение крейсера — чисто морскую операцию — Александр Колчак получил Георгиевское оружие.

Спустя многие годы военные историки, итожа первое двадцатилетие двадцатого века назовут четырех лучших адмиралов русского флота: адмирал Макаров, адмирал Эссен, адмирал Непенин и адмирал Колчак. Эта плеяда продолжит славное созвездие XIX века — Ушаков, Лазарев, Сенявин, Истомин, Нахимов, Корнилов...

Глава вторая

КОМАНДИР БАТАРЕИ СКАЛИСТЫХ ГОР

Порт-Артур стал паролем нового офицерского братства, из которого потом выйдут и новые комфлоты, морские министры, и новые начальники и друзья Колчака — Эссен, Непенин, Подгурский... В Порт-Артуре находился и лейтенант Сергей Тимирев, чья будущая жена станет земной звездой Колчака. А пока надо было собираться в море.

Здесь Александр примерил на себя севастопольскую славу отца. Была она тяжела, дымна и кровава...

К весне 1905 года судьбу Порт-Артура решал береговой фронт. Командир «Сердитого» покинул лишившийся боевой работы миноносец и ушел на береговую батарею морских орудий, вольно или невольно повторяя военную судьбу отца на Малаховом кургане. Даже Взрывы неприятельских снарядов метили их одинаково: та же контузия и то же ранение в руку.

Позицию Александр Колчак не покинул и до самых последних залпов, в бинтах, командовал двадцати-миллиметровой батареей в секторе Скалистых гор.

Осажденный Порт-Артур был подобен «Варягу». Батарея Скалистых гор была одним из плутонгов этого непотопляемого, но увы, берушегося на abordаж броненосца.

Лишь после падения крепости он позволил отвести себя в госпиталь. Оттуда в апреле был переправлен японцами в Нагасаки. Раненым пленным офицерам микадо разрешил возвращаться на родину без каких бы то ни было обязательств. И вскоре Колчак отправился в Петербург рейсовым пароходом через Канаду...

Одна общая боль мучила их всех: почему огромная Россия проиграла войну маленькой Японии. Листовки, которые чья-то вездесущая рука разбрасывала еще в Японии по лагерным баракам, по эшелонным теплушкам, по судовым кубрикам, объясняли военное поражение России «прогнившим царским режимом, приведшим страну к экономическому развалу и военному краху». Но как можно было верить их авторам-анонимам, если за год до начала войны Россия в рекордные сроки закончила строительство самой длинной в мире железнодорожной трассы — Транссиб — в 9 с лишком тысяч верст? Как можно было говорить об «экономическом крахе» России, когда страна добывала в 1900 году больше всех нефти и была главным экспортером зерна? Страна начинала двадцатый век на взлете своего экономического подъема и потому пугала темпами развития своих недругов, как в Европе, так и за океаном. Чтобы сбить рост добычи нефти в России (в 1898 году страна обогнала в добыче «черного золота» США), на Кавказе с помощью агентов британских спецслужб (их было заброшено туда около двухсот) стала нагнетаться «революционная ситуация»: летом 1904 года в Баку случился небывалый наплыв дервишей из Ирана — около двухсот человек. Бродячие старцы вещали на базарах и во дворах мечетей, предрекая скорую гибель русского царя, поражение России в дальневосточной войне, пожары и прочие бедствия... Они призывали не исполнять указания «гяурских» властей, изгонять из города армянских торговцев и русских инженеров. В Баку стало неспокойно. А вскоре запыхали деревянные нефтяные вышки «Черного города». После чудовищного пожара, после жестокой национальной резни и прочих невзгод, которые предрекли дервиши, старцы быстро исчезли, а добыча нефти на бакинских промыслах (других в России пока не было) упала в восемь раз.

Япония — азиатская Британия — будучи островной державой, как и Англия, в немалой степени повторяла поведение «туманного Альбиона». Если бы у командиров японских крейсеров жили в каютах попугаи, они бы кричали вовсе не «Пиастры! Пистры! Пиастры!», а «Колонии! Колонии! Колонии!».

Как в 1853—1856 годах Россия вынуждена была воевать не с одной лишь Турцией, а со всей объединенной Европой (исключая Германию и Скандинавию), так ровно полвека спустя севастопольская драма повторилась в Порт-Артуре. За Японией стояли все те же союзники по Крымской войне, к которым прибавились Соединенные Штаты Северной Америки с мощной финансово-дипломатической поддержкой антироссийского альянса.

Только спустя 85 лет были обнаружены факты того, как «русская революция 1905 года» готовилась на деньги японских спецслужб. Оглашать их было не выгодно ни японским властям, ни советским историкам, живописавшим кровавые бунты 1905—1906-годов, как «стихийный гнев рабочих и крестьян против самодержавия».

Колчак не знал точных выкладок, но он сердцем чувствовал ложь этих листков, которые совали солдатам, матросам, казакам на всех узловых станциях Сибири.

* * *

ОРАКУЛ-2000: В свой родной город он прибыл почти одновременно с человеком, который спустя пятнадцать лет подпишет ему смертный приговор. Этот человек был старше его на четыре года. Рано облысевший в бдениях над книгами и весьма поднаторевший в словесных политических баталиях, он прибыл в Питер с запада; из-за границы, — из Германии. Колчак приехал с востока — крайнего и дальнего. Они не знали друг друга. Пока они были всего лишь географическими антиподами. Оба лет пять не хаживали по приневским набережным и проспектам, оба то и дело оглядывались: один — с радостью узнавания родных мест, другой — с опаской человека, вернувшегося во вражий стан. Быть может, они даже разминулись в потоке на Невском, слегка соприкоснувшись рукавами новомодного лондонского пальто и черной флотской шинели.

За спиной одного стояли отели, кафе, квартиры Лейпцига и Мюнхена, Лондона и Женева... За плечами другого — зимовья Тикси и Якутска, тесные каютки шхун и миноносцев, бетонные казематы

береговых батарей и вагонные купе великого в своей бесконечной дорожной тоске транссибирского железного пути...

Та уютная ссылка в Шушенском, куда угодил помощник при-
сяжного поверенного из Самары, с доставленным роялем и нужны-
ми книгами, с охотой от скуки на зайцев и выписанной к себе
молодой женой, не идет ни в какое сравнение с трехлетними испы-
таниями в безлюдье Крайнего Севера, на которые обрек сам себя
Александр Колчак.

Можно выстроить хронику их жизней по месяцам и даже не-
делям, и тогда вдруг престранно откроется, что в то время как
один шел сквозь льды на выручку первопроходцам Арктики,
другой за чашечкой кофе или кружкой пива до одури спорил об
идейных особенностях большевистской партии. В те дни, когда
один из них спорил со смертью на фортах Порт-Артура, другой
сидел под зеленой лампой Британской библиотеки; в те дни,
когда один прикрывал Петроград от прорыва германских дредно-
утов, другой витийствовал вдали от фронтов и минных полей в
тихой Швейцарии на предмет разжигания в тылу воюющей Рос-
сии гражданской войны.

Немцы не раз и не два доставляли на подводных лодках к
берегам Британской империи племенных вождей, которые под-
нимали мятежи и восстания и в индийском доминионе, и в аф-
риканских колониях. Ту же тактику они применили и против
России в апреле 17-го. Разве что вместо субмарины был заплom-
бированный вагон... И человеку с русским именем, еврейским
отчеством, калмыцкими скулами, марксистскими идеями и гер-
манскими кредитами удалось сделать то, чего от него ждали в
Генеральном штабе кайзера, — вывести Россию из войны, зак-
лючить сепаратный договор на ультимативных началах и разжечь
чудовищную гражданскую войну на три изнурительно долгих
обескровливающих года.

Они сойдутся друг с другом, как вожди схватившихся намертво
армий: Красной и Белой. Известно, чем кончилась эта схватка.
Но мало кому известна расшифровка той телеграммы, которой пер-
вый — решил судьбу второго:

«Ленин — Склянскому

Пошлите Смирнову (РВС-5) шифровку (шифром): Не распро-
страняйте никаких вестей о Колчаке. Не печатайте ровно ничего.
А после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную
телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего при-

хода поступили так (то есть расстреляли Колчака. — *Н.Ч.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин

Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Все было сделано по-большевистски архинадежно и иезуитски скрытно...

А пока оба они вдыхали сырой воздух питерской осени, ничуть не догадываясь, что идут навстречу друг другу с разных концов света...

МЛАДОФЛОТЦЫ

Осень 1905 года. Санкт-Петербург.

Появляться на Невском проспекте во флотской фуражке было рискованно. «Самотопы!» — это далеко не самое обидное слово, которое могли бросить морскому офицеру из публики.

Взбурдаженное неудачной войной и революционными взрывами общество не могло ни объяснить, ни тем более простить катастрофу морской мощи государства, столь грандиозную, что подобий ей не могли припомнить ни в ближнем времени, ни в дальних веках.

Известно: сильные натуры обращают горечь поражения в энергию борьбы, воссоздания, даже если начинать приходится заново.

Колчак, больше чем кто-либо из его сослуживцев, мог без ущерба для чувства личной чести уйти в чистую науку и безбедно строить карьеру гидрографа, географа. Большая Константиновская медаль открывала перед ним блестящую академическую будущность.

Но он в третий раз сменил освоенное поприще на новую стезю. С группой таких же деятельных и честолюбивых офицеров Колчак сколотил своего рода мозговой центр, который должен был выработать главные идеи преобразования Российского флота, возродить его из руин и превратить в осязательную морскую силу. Движили ими не только национальные амбиции, но и предощущение новой, вызревающей, небывалой в мире войны, к которой лихорадочно уже готовились Англия и Германия, Франция и Турция, Италия и Австро-Венгрия... На верфях трех континентов закладывались дредноуты и подводные лодки, авиаматки и скоростные эсминцы...

Мозговой центр именовался скромно — кружок, дабы не раздражать адмиральский синклит морского ведомства непомерной дер-

зостью нового дела, за которое самодеянно, а не по высочайшему повелению и не по министерскому приказу взялись молодые офицеры, среди которых самым старшим по чину был капитан-лейтенант Колчак; но и он, вопреки привычной службистской логике, не возглавлял Санкт-Петербургский военно-морской кружок, а был лишь помощником председателя — лейтенанта А.Н. Щеголева. И масштаб проблем, за которые взялись кружковцы, был совершенно им не по чину — создание новой морской стратегии, разработка современной тактики боевых действий на море, определение перспектив развития вооружений флота, выработка концепции судостроительной программы, реорганизация структуры морского ведомства.

Будущее показало, что кружок с полным правом мог величать себя могучей кучкой (тем более что в ее состав входил и лейтенант В. Римский-Корсаков, родственник знаменитого композитора). Когда младореформаторы осмелились подать через головы начальства государю императору проект создания Морского генерального штаба, призванного стать подлинным мозгом флота, авторы записки пережили немало томительных дней. Или с златого шпнца Адмиралтейства сорвутся испепеляющие молнии, или... Готовились к худшему — к увольнению за вольнодумство и самоуправство. Тем ошеломительнее оказался результат. Монаршая резолюция гласила: создать незамедлительно.

К весне 1906 года Морской генеральный штаб был сформирован. Начальником ведущего — Тактического — отдела назначили отнюдь не маститого адмирала, а героя этой книги — капитана 2-го ранга Александра Васильевича Колчака. Ему не было в ту пору и тридцати двух лет.

Не оставляя службу и на день (как и всякое новое дело, она требовала предельного напряжения), Колчак находил время, чтобы читать лекции в Николаевской Морской академии по курсу «Служба генерального штаба во флоте».

Морской генеральный штаб, или Генмор, как его называли в обиходе, взял в круг своей деятельности весь спектр военно-морских проблем, столь актуально намеченных кружком. И не было ни одной сколь-нибудь крупной разработки Генмора, в которой не участвовал бы всегда собранный, современно и остро мыслящий начальник тактического отдела.

Полярный первопроходец, боевой командир перевоплотился в первоклассного штабиста, аналитика, организатора. Более того — в блестящего публициста, умевшего заворочить и слушателей, и

читателей. Именно в эти предвоенные годы, когда заново решалась судьба русского флота — нужны ли вообще России боевые корабли, а если нужны, то какие? — в «Морском сборнике» и гражданских журналах появлялись одна за другой боевитые полемические статьи, подписанные: «Капитан 2-го ранга — А.В. Колчак».

Трудно представить себе более сложную — нервную, разноречивую и откровенно враждебную аудиторию для оратора-мариниста, чем члены только что учрежденной Государственной думы, «думы народного гнева». Не боясь депутатского гнева, как не страшился он ни арктической стужи, ни японской шимозы, в зал входил худощавый, не улыбкающийся морской офицер и занимал место за лекторской кафедрой, как когда-то — мостик миноносца. Своей искренней верой, железной логикой, ясным слогом докладчик заставлял своих влиятельных слушателей всерьез задуматься о морской силе державы. И, как отмечал наблюдатель того времени, «постепенно скептическое отношение членов думы и общества к флоту сменилось полным сочувствием». Можно смело утверждать, что переменой атмосферы флот был обязан в значительной мере влиянию работы капитана 2-го ранга Колчака. Это было горячее время борьбы за возрождение флота и за реорганизацию наших судостроительных заводов.

Впрочем, у Колчака были серьезные оппоненты и во флотской среде. Предметом ожесточенных споров стали подводные лодки. Колчак, как и многие военные теоретики того времени, недооценивал их роль в грядущих морских сражениях, относя их к вспомогательным, второстепенным силам флота. Однако первые же эпизоды мировой войны, когда германская субмарина «U-9» потопила три английских крейсера один за другим, когда в считанные минуты исчез с поверхности моря русский крейсер «Паллада», торпедированный из-под воды «U-26», заставили считаться с подводными лодками, как с мощным наступательным оружием. Колчаку самому пришлось потом создавать противолодочную оборону на Черном море. И тем не менее он до конца оставался сторонником сильного линейного флота. Возможно, довлел над ним порт-артурский опыт, возможно, авторитет британских стратегов, признанных законодателей морской войны. Впрочем, «линкорофилия» не сыграла роковой роли в деятельности Колчака как флотоводца.

Нет худа без добра. Страшно представить себе, что было бы, если бы Россия вступила в мировую войну с кораблями, построенными еще в конце XIX века или даже в начале XX века. А ведь все эти

«цусимские» и «порт-артурские» броненосцы вполне могли дотянуть до 1914 года, как дотянули до нее легендарный «Варяг» и менее известные «Пересвет» и «Полтава».

Таким образом, в мировую войну Россия вступила пусть и не с великой армадой, но с наисовременнейшим флотом. Не беда, что дредноуты еще не успели войти в боевой строй. В ходе войны со стапелей русских верфей успешно сходили скоростные эсминцы, новейшие линкоры, подводные лодки последних проектов.

Даже после чудовищного флотокрушения в годы гражданской уособицы остатков того — «царского» — флота хватило для новой мировой войны: и эсминцы-«новики», и *все* линкоры дореволюционной постройки, и некоторые подводные лодки вступили в боевые действия Великой Отечественной.

Начальник первого оперативного отдела Колчак был автором принятого в марте 1912 года Оперативного плана Балтийского флота. В нем была детально разработана для Балтики концепция создания Центральной минно-артиллерийской позиции. В этом же документе Колчак предложил новые виды разведки — радиотехническую и авиационную, без использования которых весь план терял свой смысл.

КОЛЧАК ПРЕДЛОЖИЛ ТАКЖЕ ОСНАЩАТЬ САМОЛЕТЫ РАДИОСТАНЦИЯМИ.

Государственный совет без обычных проволочек ассигновал нужные средства. Это была еще одна малозаметная победа худошавого офицера, фамилию которого произносили теперь с почетной прибавкой — Полярный.

В 1912 году Колчак не выдержал кабинетной работы и, решив что ключевые проблемы подготовки флота к войне решены, отпросился в моря, на строевую должность. Морской министр, посчитав этот служебный курбет своего рода передышкой перед новыми трудами, дал свое согласие. Адмирал Эссен, командующий Балтийским флотом, назначил Колчака командиром эсминца «Уссуриец», а затем перевел его на свой любимый «Пограничник», велел исполнять в то же время и обязанности флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом. Проще говоря, всегда держал его под рукой, весьма ценя советы и предложения недавнего стратега.

После барона Толля новым вожаком по жизни стал для Колчака Николай Оттович Эссен. Ни того ни другого Колчак не называл высокопарно Учителем. Просто шел за ними, верил им, восхищался ими.

У Эссена не было ни Чесмы, ни Синопа, ни других впечатляющих викторий. Его победы были одержаны в иной сфере — в войне умов. Эссен брал не калибром орудий и не числом выведенных в линию дредноутов: он умел предвидеть, предугадывать ходы противника, а это подиум любой победы.

Те, кто знал его, отмечали: Эссен «взял верхнюю ноту на патристически настроенных струнах душ подчиненных офицеров и команд». Камертоном были — погребальные колокола Цусимы.

Адмирала Эссена преследовал в его последние годы один навязчивый сон: новые германские дредноуты «... калибром крупных орудий и бронированием уже низводят нашу бригаду линейных кораблей типа «Севастополь», еще не вступившую в строй, на второстепенное место».

Русские верфи катастрофически не успевали достроить новые линкоры. Отчасти сон командующего Балтийским флотом оказался пророческим. Ибо Германия не во сне, а наяву — в декабре 1913 года заложила сверхдредноут нового типа «Баден» с калибром в 15 дюймов.

Германия днем и ночью вела дноуглубительные работы в стратегическом Кильском канале, чтобы по нему можно было перебрасывать новейшие линкоры из Северного моря в Балтийское и наоборот.

Но в тот в последний день последнего мирного года Император одобрил совместный доклад морского министра И. Григоровича и начгенмора князя А.А. Ливена, в котором рисовалась диспозиция будущего возрожденного и усиленного российского флота на шесть лет вперед — вплоть до 1919 года. Заглянем и мы в сей чрезвычайно секретный документ. Он утверждал, что для «...надежной охраны полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути России необходимо иметь до 1919 года по обе стороны Константинопольского канала (то есть Босфора и Дарданелл) эскадры Черноморского и Балтийского флота. Причем 12 двенадцать черноморских линкоров должны были базироваться непосредственно на Константинополь, а 8 балтийских на французскую базу в Бизерте». Фактически это означало, что Россия прорубала вторые ворота не только в Европу, но и в Африку, но и в Переднюю Азию.

Такая установка следовала из «Программы усиленного судостроения Балтийского флота на 1912—1916 гг.», над которой изрядно поработал капитан 2-го ранга Колчак. Химера?

ОРАКУЛ-2000: По горькой иронии судьбы в Бизерту и в самом деле на постоянное базирование пришла русская эскадра, но только не балтийская, а черноморская. Она прибыла туда в конце 1920 года, как скопище разноклассных кораблей, ушедших из Севастополя от красных воителей мировой революции.

Однако же спустя тридцать лет после того, как последний русский корабль в Бизерте был продан на слом, в Средиземном море обосновалась та самая эскадра «активного флота», которую предрекал Колчак в своих оперативно-тактических наметках. То была так называемая 5-я оперативная эскадра, ставшая со временем флотилией, которая более четверти века непрерывно пребывала в средиземноморских водах в интересах «надежной охраны полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути» советской России. И объединяла она в себе корабли и Балтийского, и Черноморского, и Северного флотов.

Адмирал Николай Эссен управлял флотом не с берега. Порой сам выходил на боевые операции.

Как и адмирал Макаров, он погиб в море: скончался на ходовом мостике флагманского корабля — 7 мая в 8 часов утра.

О школе адмирала Макарова Эссен говорил так: «Забыть ее невозможно, а пренебречь — преступно».

У Макарова Эссен был флаг-капитаном. У Эссена флаг-капитаном был Колчак. У Колчака — Смирнов...

ОН, ОНА И МИНОНОСЕЦ

В центре ее мира был сын. Вся остальная вселенная расходилась от него кругами, втягивая в себя детские вещи, игрушки, лекарства, дамские шляпки, дачные приюты и казенные квартиры, наконец, миноносец мужа, его ремонты и походы, думские дела, российские проблемы, события мировой политики. Все это наполняло ее письма от неизменного обращения «дорогой мой Сашенька» до прощальных слов «любящая тебя Соня». Письма эти с ровными жениными строчками и детскими каракулями Колчак берег и хранил, потом хранили их чекисты в своих нетленных папках, теперь же послания Софьи Федоровны читает, вчитывается, перечитывает и комментирует научная сотрудница из госархива ВМФ Людмила Ивановна Спиридонова, посмертная домоуправительница давным-давно исчезнувшей се-

мы, хранительница ее тайн, радостей, забот и тревог, нечаянная душеприказчица.

«Мыняма папа гм цыбыбе канапу (конфету). Мыняма у цыбыба цалу (целует).

Дорогой мой Сашенька!

Пыталась писать тебе под Славушкину диктовку, но, как видишь, получается все одно и то же: «мыняма папа» и потом опять сначала «мыняма папа».

У нас тут (на даче под Дерптом, ныне Тарту. — *Н.Ч.*) все постарому. У Славушки прорезались два коренных зуба. Я купила ему щеточку, и он усердно чистит зубы себе.

Разбирая вещи, я осмотрела твоё штатское платье: оно в порядке, кроме смокинга, попорченного молью. Так лежит смокинг, жилет и брюки, потом сюртук и полосатые брюки и коричневый светлый костюм, а также шкиперская фуражка. Быть может, что-либо из этих вещей ты мог бы пожертвовать бедному Горе, которого надо одеть, т.к. он кончает реальное училище, и тетя Деля в отчаянии, что мальчику не во что одеться. Митя обещал ей 50 руб., но что сделаешь на эти деньги, когда нужно и белье, и платье, и пальто? Сколько прекрасных вещей за бесценок отдали по твоему желанию татарину».

Отблески недолгого семейного счастья навсегда застыли в ее письмах мужу. Она писала ему в Либаву с дачи своих друзей под Юрьевом (Тарту), где проводила с детьми лето.

2 июня 1912 года

«Дорогой Сашенька!

Славушка начинает много говорить, считать и поет себе песни, когда хочет спать. Чистый деревенский воздух сначала прямо опьяняет. Славушке, по-видимому, здесь очень нравится, он все просится — «гулять».

Мне очень жаль, но вся эта возня и переезд стоили больших денег. Ведь 200 рублей в месяц у нас выходило на самое необходимое, а тут были расходы на починку одежды моей и Славушкиной.

Как твои дела? Где ты теперь? Как прошли маневры и цел ли твой миноносец? Я рада, что ты доволен своим делом.

Я боюсь, не было бы войны, тут об этом много говорили. Но я газет не читаю и знать ничего не хочу.

Читала роман о генерале Гарибальди по-итальянски. Вышиваю, кроме того, разговариваю по-немецки и считаю дни.

Пиши про себя. Переменилось ли к тебе начальство, получив полмиллиарда на флот?

Твоя любящая Соня».

Однако, порой Софье Федоровне приходилось задавать вопросы совсем иного свойства:

«...За кем ты ухаживал в Ревеле на вечере? Удивительный человек: не может жить без дам в отсутствие жены! Надеюсь, что о существовании последней ты еще не забыл?..

... А что, Сашенька, не поступить ли тебе в Академию? Или ты уже бесповоротно решил, что без нее обойдешься. Тогда надо хоть на профессора защитить диссертацию... А в Черное море не хочешь? Все же я мечтаю, что там ты будешь командовать судном первого ранга...»

* * *

Летом 1914 года границы европейских государств запылали одна за другой, покрыв континент сетью фронтов. Небывалая война застала Балтийский флот отнюдь не врасплох, как это случилось когда-то с тихоокеанцами в Порт-Артуре. Более того, балтийцы вступили в боевые действия, даже несколько упредив ход событий, выставив загодя до официального объявления войны минные заграждения. Шесть тысяч мин, выставленные в восемь линий, перекрыли превосходящим силам кайзеровского флота кратчайший — морской — путь к столице России. Петербург не стал балтийским Порт-Артуром. Русский флот — после восьмилетнего промежутка между двумя войнами — сумел обрести достаточную мощь, чтобы защитить свои берега. И в этой победе многих флотских прогрессистов немалая толика трудов и энергии капитана 1-го ранга Колчака.

В кратчайшие по судостроительным меркам сроки были построены новые линкоры, крейсера, эсминцы, подводные лодки. Правда, их количество не превышало рамок малой программы, но это был жизненно необходимый минимум для обороны морских рубежей. Всего к началу войны встало в строй 9 линкоров, 14 крейсеров, 66 эсминцев, 33 миноносца, 23 подводные лодки. Известная часть этой морской силы, сохраненной для страны такими флота начальниками, как балтийский флагман Алексей Щастный и ему подобными патриотами, встретила удары самой жестокой за всю историю цивилизации войны — второй мировой...

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ФЛОТОМ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ*г. Ревель, июля 19-го дня 1914 года, № 2*

Волею Государя Императора сегодня объявлена война. Поздравляю Балтийский Флот с великим днём, для которого мы живём, которого мы ждали, и к которому готовились.

Офицеры и команды!

С этого дня каждый из вас должен забыть все свои личные дела и сосредоточить все свои помыслы и волю к одной цели — защитить Родину от посягательства врагов и вступить в бой с ними без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжёлых ударов, какие только для нас возможны.

Война решается боем. Пусть каждый из вас напряжёт все свои Знания, опыт и умение в день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строи и корабли.

Неприятель имеет большую силу и опыт; наши ошибки, наши слабые стороны он немедленно использует; надо стремиться, чтобы их было меньше.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться друг другу в бою, заключается в усилиях атаки противника, напряжении с целью нанести сильнейшие удары ему, использовать для этого все свои силы и боевые средства.

Да исполнит каждый из нас величайший долг перед Родиной — жизнью своей защитить Её неприкосновенность — и да последует примеру тех, которые двести лет назад, с Великим Императором, своими подвигами и кровью положили в этих водах начало нашему флоту.

Подписал: адмирал фон Эссен.

С первых же часов новой Отечественной войны, как называли газеты противостояние России с Германией, командир эскадренного миноносца «Пограничник» капитан 2-го ранга Колчак был в море. А Софья Федоровна, квартировавшая в прифронтовой Либаве с двумя детьми, поспешно паковала под канонаду немецких батарей чемоданы. Все говорили, что Либаву сдадут, и семьи русских офицеров, чиновников и прочего служивого люда осаждали вагоны идущего в Питер поезда. Бросив все нажитое за десять лет, жена

Колчака с детьми на руках и жалким дорожным скарбом все же выбралась из прифронтового города. Так началась черная полоса ее жизни...

Она честно несла свой крест офицерской жены: переезды с места на место, чужие квартиры, болезни детей, бегство из-под обстрела, соломенное вдовство и вечный страх за мужа — вернется ли из похода... И не было ей за это никаких государевых наград и почестей. Муж получал ордена и боевые кресты. А она ставила кресты на могилах своих дочерей. Сначала умерла двухнедельная Танечка, потом — после бегства из осажденной Либавы — и двухлетняя Маргарита. Должно быть, — застудилась в пути, а гатчинский врач не сумел выходить. Там, в навеки проклятой ею Гатчине, и схоронили младшенькую. Выжил лишь средненький — Славик, Ростислав. И его спасти пришлось от детских хвороб, а больше всего от лихих людей, которые никак бы не дали зажитья в России сыну адмирала Колчака после Семнадцатого года...

Глава третья

«РЮМКА НЕМЕЦКОЙ КРОВИ» ДЛЯ... КОЛЧАКА

Однако Балтийский флот не только оборонялся, но и очень скоро приступил к активным действиям. И пусть они были скромны по сравнению с морскими сражениями британского гранд-флота, но в масштабах балтийского театра они немало осложнили жизнь германских эскадр. Так, осенью 1914 года несколько русских кораблей, рискуя в случае обнаружения быть расстрелянными в море, выставили на подходах к крупнейшим военно-морским базам немцев в Киле и Данциге минные заграждения. Это был дерзкий щелчок по козырьку фуражки принца Генриха Прусского¹, уверовавшего в то, что после самозакупоривания русских кораблей в Финс-

¹ Главнокомандующий военно-морскими силами Германии. — Н.Ч.

ком заливе Балтийское море превратилось во внутреннее озеро Германии и крейсера под Андреевским флагом никогда не посмеют пересечь линию остров Нарген — мыс Порккалауд.

В эффективности минного оружия для обороняющегося флота Колчак убедился на собственном боевом опыте в Порт-Артуре. И гибель броненосца «Петропавловска», и взрыв крейсера «Такасаго» — все это стояло перед его глазами, когда рука наносила на карту Балтийского моря районы «минных люстр».

Подобно инженеру, демонстрирующему верность своих расчетов, стоя под предельно нагруженным мостом, флаг-капитан оперативной части Колчак выходил почти на все разработанные им операции. Это делало ему честь и в глазах командующего флотом, и в корабельных кают-компаниях. О нем говорили, его уважали, более того — для молодых офицеров он стал кумиром.

Лейтенант Дмитрий Астафьев после выпуска из Морского корпуса служил на крейсере «Диана». После гражданской войны эмигрировал в Австралию. Оттуда, из города Брисбен, прислал он в 1970 году свои воспоминания о встречах с Колчаком в годы мировой войны.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Был переход под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Канина из Гельсингфорса в Ревель.

Я стоял вахтенным офицером на кормовом мостике, когда по трапу взбежал среднего роста стройный с блестящими глазами капитан 1-го ранга. Много слыхав о Колчаке от старших соплавателей, я тотчас же узнал его в штабном офицере. Вытянулся, приложил руку к козырьку. Вдруг, опустив мою руку привычным жестом старшего, Колчак, догадавшись, что я — недавно из Корпуса, заговорил со мной тоном товарища по выпуску, не более. Он вспомнил свое время, признал, что нас теперь лучше тренировали в науках, что мы, русская морская молодежь, во много раз превосходим немецкую, старательную, но от нас далеко отстающую в энтузиазме; что эти качества русских офицеров делает менее чувствительной разницу в материальных преимуществах немецкого флота над русским.

— Александр Васильевич! — послышался голос с палубы. Внизу, у трапа, стоял адмирал Канин. Сбежав по трапу, Колчак почтительно выслушивал Командующего флотом...

Вторая встреча... Она остается самым светлым воспоминанием о соплавателях, о самом себе, еще способном в юношеские годы впадать в восторг, обычно именуемым «телячьим»...

Пусть будет так...

Так вот, 6 декабря 1915 года в кают-компании нашего крейсера «Диана» праздновался день именин сразу трех Николаев: двух Павловичей и одного Петровича... Кроме того, по случаю «царского дня» — тезоименитства, некоторые офицеры получили награды. А утром Штаб Командующего Флотом сообщил по радио: «Флот извещается, что 4 декабря вечером нами потоплены в Балтийском море крейсер «Бремен» и один большой миноносец».

Праздничное настроение. Многочисленные тосты за обедом. Пили не только водку, награжденные выставили и шампанское. И тут в конце обеда на пороге появляется вахтенный унтер-офицер с докладом старшему офицеру и командиру, приглашенному в гости.

— Вашскобродь, к трапу подходит на ледокольном буксире капитан 1-го ранга Колчак!

Едва он закончил доклад, как на стол полетели салфетки и с десяток офицеров, даже без фуражек, без всякого сговора бросаются на верхнюю палубу. Мы подхватываем только-только вступившего на палубу «Дианы» Колчака, поднимаем на плечи и несем его в кают-компанию, несмотря на его протесты: «Господа, я собственно говоря, к вашему командиру...» В той части кают-компания, что именовалась гостиной, сажаем гостя на диван перед круглым столом. Вестовые снимают с него пальто, а мы приносим коньяк и рюмки. Трудно сказать, о чем зашел разговор. Я сидел рядом с Колчаком. Белый эмалевый крестик на его груди привел меня в такое восторженное чувство, что забыв всякое чинопочитание, я от полноты чувств и под общее ободрение присутствующих обнимаю нашего гостя.

— Мичман, — почти растерялся тот, — я вам не девушка, чтобы обниматься... Лучше бы поехали на берег... Ну, а впрочем, если уж мы поцеловались, будем на «ты»!

И мы чокнулись рюмками.

Разговор зашел о модернизации нашей «богини «Дианы» (возраст которой перевалил за 16 лет). Перебивая друг друга, молодые офицеры доказывали Колчаку, что установка на крейсере приборов Эриксона — автоматического управления огнем орудий, а также замененные устаревшие шестидюймовки на новые, 130-миллиметровые, более дальнобойные дают нам право на участие в боевых операциях, даже несмотря на нашу тихоходность — всего 18 узлов полного хода. Мы приглашаем Колчака пройти в боевой пост, где только что закончена установка электрических приборов. Колчак отправляется туда в сопровождении лейтенантов А. Остроградского и Н. Солодкова, а также мичманов Д. Нечволодова, А. Матусевича, А. Соколова. Я иду вместе с ними. Матросы, завидев такое шествие, почтительно вска-

кивают. Они тоже немало наслышаны о Колчаке... На следующий день мой вестовой молодой матрос, убирая каюту, спросил меня:

— Вашкобродь, а правду ли робята бают, что Колчак каждое утро выпивает по рюмке немецкой крови, такой уж он отчаянный?!»

Третья встреча с Колчаком произошла у меня недели через две после его визита на «Диану». Я поднимался по лестнице гельсингфорского морского собрания. Сверху спускался Колчак. Вспомнив мою выходку с объятиями, я покраснел, первым моим желанием было обратиться в бегство... Однако бежать было некуда. Я замер на ступеньке красный от конфуза. Колчак окинул меня быстрым взглядом, вероятно, понял мое замешательство. Он задержался и спросил «на ты»:

— Ну, что? Как дела? В Рижский залив хочешь?

Я молча поклонился.

В Рижский залив из Финского можно было попасть через Моонзундский пролив. Но по его мелководью проходили только эсминцы. Броненосец «Слава», который там уже находился, провели через Ирбенский пролив, то есть с юга, после чего его сразу же завалили минами против немецких дредноутов. К счастью, Моонзунд к концу 1915-го углубили настолько, что позволило и нашему крейсеру, разгрузившись до предела от своих запасов, проползти по фарватеру Моонзунда, поднимая винтами с грунта густую муть. Следом за «Дианой» в Рижский залив прошли и крейсера «Адмирал Макаров» и «Баян».

При съездах на берег штаб-офицеры посещали фешенебельный ресторан «Фения», второй — «Аполло», с молчаливого согласия Штаба флота, был весьма популярен среди мичманов и лейтенантов. Там можно было, принеся с корабля в карманах бутылки с водкой, передать их лакеям, и те разливали на кухне крепкий напиток в бутылки из-под содовой воды и ставили на столики. Каждый столик под цветным абажуром стоял в особой ложе, что на мичманском жаргоне называлось «стойлом». Мне не раз доводилось видеть капитана 1-го ранга Колчака в таком «стойле» с молодыми офицерами. Некоторые старшие офицеры не одобряли его за то, что «якшается с молодежью». Но Колчак любил прислушиваться к мнению молодежи.

Всякий раз, когда Колчак приходил в «Аполло», скрипач Рафаель — первая скрипка в тамошнем квартете (впоследствии процветавшего в Париже) неизменно встречал его старинным романсом

«Гори, гори моя звезда». А из соседней ложи всегда в таком случае можно было слышать глуховато-грудной голос Колчака, подтягивающего музыканту:

Ты у меня одна заветная,
Другой не будет — никогда...

Служить с Колчаком было нелегко. Говорят, во гневе он навел на подчиненных страх. Но бывало, что обращаясь к старшим себя, он, произнося «почтительнейше докладываю вашему превосходительству», сопровождал доклад ударами кулака по столу.

«Я ПРОШУ ВАС ПОВРЕМЕНИТЬ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!..»

...Предновогодняя ночь первой военной зимы. Крейсер «Россия», тихоходный ветеран русско-японской кампании, шел под флагом начальника отряда минных заградителей ставить мины на фарватерах близ военного порта Киль. Палубные рельсы крейсера сплошь были заставлены минными тележками. «Россия» шла без охранения. На ее борту вместе с флагманом и капитан 1-го ранга Колчак. Поздним вечером он прилег вздремнуть, приказав разбудить его, как только откроется вражеский берег. Миль за полсотни до Киля командир крейсера доложил адмиралу, что радиотелеграфисты прослушивают оживленные переговоры германских кораблей, курсирующих неподалеку. Адмирал состорожничал и приказал ложиться на обратный путь. Кто-то разбудил Колчака и доложил о решении флагмана. Одеваясь на бегу, Колчак бросился во флагманскую рубку.

— Господин адмирал, я прошу вас повременить с возвращением!.. Мы должны провести операцию, хотя бы ценой своей гибели!..

Речь его была столь горяча, убедительна и настоятельна, что адмирал передумал и, подавив амбиции, велел снова идти к Килю. Мины были выставлены точно по плану. На обратном пути «Россия» счастливо разминулась с германскими кораблями и благополучно вернулась в базу.

В феврале 1915 года капитан 1-го ранга Колчак принял командование полудивизионом особого назначения. В него входили четыре эскадренных миноносца типа «Пограничник». Погрузив на палубы в общей сложности сто восемьдесят мин заграждения, полудивизион вышел к Данцигу. В глубокий тыл врага вел эсминцы Колчак на своем «Пограничнике». Поскольку риск обнаружения был велик, в море вышла и бригада крейсеров под флагом контр-адмирала М. К. Бахирева — прикрыть эсминцы. В штормовую ночь флагманс-

кий крейсер «Рюрик» наскочил на подводные камни у острова Готланд. Положение крейсера, имевшего большую пробоину в днище, было угрожающим. Бахирев дал радио на остальные корабли отряда: «Операция отменяется. Всем возвращаться в базу». Через несколько минут радиотелеграфисты «Рюрика» приняли с «Пограничника»: «Прошу добро продолжать операцию без охранения. Колчак». Радиogramма была адресована командующему флотом. Адмирал Эссен, хорошо зная своего флаг-капитана, разрешил идти к Данцигу без крейсеров. Позже стало известно: на минах, выставленных Колчаком и его эсминцами, подорвались четыре (!) немецких крейсера, восемь миноносцев и одиннадцать транспортов. Командующий германским флотом принц Генрих Прусский запретил командирам кораблей выходить в Балтику до тех пор, пока специалисты не найдут эффективного способа борьбы с русскими морскими минами.

Летом 1915 года германские армии начали мощное наступление в глубь России. Флот кайзера, поддерживая сухопутные войска, рвался в Рижский залив, оборонять который у русского флота не хватало сил. Тем не менее план такой обороны, составленный Колчаком еще до войны, существовал.

Поэтому как только возникла угроза прорыва немцев к Риге с моря, в Рижский залив был введен линкор «Слава» и несколько миноносцев, которые тут же завалили минами Ирбенский пролив — главные ворота Рижского взморья. И все же немцы сумели протратить минные поля, а 4 августа форсировать пролив. Однако заплатили за это дорого — гибелью нескольких эсминцев и серьезными повреждениями крейсеров. Понеся столь ощутимые потери, германский флот прервал операцию и оставил воды залива. Приостановили свое наступление на Ригу и немецкие дивизии, не получив огневой поддержки с моря. Но было ясно: возобновление борьбы за Рижский залив — дело времени. И этого времени, скупое отпущенного передышкой, Балтийский флот не терял.

Командующим оборонительным районом Рижского залива был назначен Колчак, вступивший к осени 1915 года и в весьма ответственную должность начальника минной *дивизии*. Первым делом были восстановлены и усилены минные заграждения в Ирбенском проливе. Колчак с присущей ему энергией отдался новому для себя делу — флотоводческому. И противник это очень скоро почувствовал.

Едва немцы развернули наступление на приморский городок Кемерн (ныне Кемери), конечную станцию пригородной рижской железной дороги, как с моря на них обрушились мощные залпы кора-

бельных орудий. Накануне Колчак установил тесную связь со штабом русских сухопутных войск и в деталях согласовал план совместных действий. Германцы были отброшены от Кеммерна с большими потерями. Не довольствуясь этим, Колчак высадил и несколько десантов в тылу у немцев, а затем сам повел свои эсминцы под Виндаву и, выйдя за пределы Рижского залива, обрушился на караваны немецких судов, перевозивших шведскую руду для крупновских сталелитеен.

НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ...

Если бы не война, быть может, о Колчаке мы бы говорили не только как об отважном полярном исследователе и талантливом флотоводце, но и как о композиторе. Он прекрасно музицировал: играл на фортепиано, и гитарные струны были послушны его пальцам. Он сочинял небольшие вещи — вальсы, романсы. И всерьез собирался заняться музыкой, благо жена командира крейсера «Баян», приятеля и однокашника Колчака капитана 1-го ранга Сергея Николаевича Тимирева Анна Васильевна, урожденная Сафонова, дочь директора Московской консерватории, обещала всяческое содействие в этом благородном увлечении. О Колчаке Анна Васильевна была много слышана — и от мужа, и от многочисленных знакомых, дававших самые лестные отзывы этому незаурядному человеку.

Впервые увидела Колчака Анна Васильевна, — на перроне Финляндского вокзала.

РУКОЮ АННЫ: «Мимо нас стремительно прошел невысокий, широкоплечий офицер...» Сама судьба прошелестела полами черной шинели...

Санкт-Петербург. Июль 1995 года.

...Вот он, этот Финляндский вокзал с бронзовым Ильичом на бронзовой башне броневика. От старого здания остался лишь один фрагмент, встроенный в новый корпус. А вот перрон, на котором всего-то восемьдесят лет тому назад разыгралось, как на каменных подмостках, начало этой истории.

3 июля 1915 года капитан 1-го ранга Александр Васильевич Колчак уезжал с этого перрона в Петроград, в служебную командировку. Вместе с ним ехал и его старый приятель, однокашник по Морскому корпусу и сотоварищ по боям в Порт-Артуре, капитан 1-го ранга Сергей Николаевич Тимирев. Его провожала молодая жена — 23-лет-

няя Анна Васильевна, дочь директора московской консерватории. Эта мимолетная вокзальная встреча в белую июльскую ночь столь похожа на первое знакомство Вронского и Анны Карениной.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Она всегда напоминала мне Анну Каренину, — рассказывал о своих детских впечатлениях о Тимиревой ярославский протоиерей Борис Георгиевич Старк, сын контр-адмирала Г.К. Старка. — Очень эффектная дама, всегда в черно-красном одеянии, она наносила визиты моей бабушке по материнской линии, бывшей замужем за адмиралом Развозовым».

Так же буднично, так же случайно начинаются почти все банальные любовные треугольники. И эта история не вышла бы из разряда тривиальных семейных драм типа «жена ушла к другому» или «муж завел себе пассию», если бы... Если бы не особые характеры этих людей и не чрезвычайные обстоятельства истории.

У Колчака-Полярного — тут и в самом деле характер особый, а у Анны?

Во всех своих советских анкетах в графе «социальное происхождение» писала — «казачка». В ней и в самом деле текла казачья кровь. Аня Сафонова окончила гимназию княгини Оболенской в Петербурге, потом занималась рисунком и живописью в частной студии. Писала стихи. Свободно владела французским и немецким языками. Замуж вышла по увлечению.

РУКОЮ АННЫ: «Восемнадцать лет я вышла замуж за своего троюродного брата С.Н. Тимирева. Еще ребенком я видела его, когда проездом в Порт-Артур — шла война с Японией — он был у нас в Москве. Был он много старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнадцать лет! В начале войны с Германией у меня родился сын, а муж получил назначение в штаб командующего флотом адмирала Эссена. Мы жили в Петрограде, ему пришлось ехать в Гельсингфорс. Когда я провожала его на вокзале, мимо нас стремительно прошел невысокий широкоплечий офицер.

Муж сказал мне: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции».

У меня осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага».

Все предвоенные годы Анна прожила в Петербурге — Сергей Николаевич Тимирев служил на Балтийском флоте. Своего жилья не было — снимали одну из квартир доходного дома на 7-й Рожде-

стенской (ныне 7-й Советской) улице. Обычная офицерская семья. Обычная офицерская жена...

РУКОЮ АННЫ: «Познакомились мы в Гельсингфорсе, куда я приехала на три дня к мужу осмотреться и подготовить свой переезд с ребенком. Нас пригласил товарищ мужа Николай Константинович (Люцианович. — Н. Ч.) Подгурский, тоже портартурец. И Александр Васильевич Колчак был там. Война на море не похожа на сухопутную: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода в привычную обстановку приморского города. И тогда для них это праздник. А я приехала из Петрограда 1914—1915 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре — в первые же месяцы уложили гвардию. Почти все мальчики, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли. В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-нибудь не было вестей, кто-нибудь ранен. И все это камнем лежало на сердце.

А тут люди были другие — они умели радоваться, а я уже с начала войны об этом забыла. Мне был 21 год, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чем бы ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что все это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом. Долгое время спустя я спросила его, что он обо мне подумал тогда, и он ответил: «Я подумал о Вас то же самое, что думаю и сейчас».

Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово! А встречались мы нечасто — он был флаг-офицером по оперативной части в штабе Эссена и лично принимал участие в операциях на море, потом, когда командовал Минной дивизией, тем более. Он писал мне потом: «Когда я подходил к Гельсингфорсу и знал, что увижу Вас, — он казался мне лучшим городом в мире».

К весне я с маленьким сыном совсем переехала в Гельсингфорс и поселилась в той же квартире Подгурского, где мы с ним встретились в первый раз. После Петрограда все мне там нравилось — красивый, очень удобный, легкий какой-то город. И близость моря, и белые ночи — просто дух захватывало. Иногда, идя по улице, я ловила себя на том, что начинаю бежать бегом.

Тогда же в Гельсингфорс перебралась и семья Александра Васильевича — жена и пятилетний сын Славушка. Они остановились пока в гостинице, и так как Александр Васильевич бывал у нас в

доме, то он вместе с женой сделал нам визит. Нас они не застали, оставили карточки, и мы с мужем должны были ответить тем же. Мы застали там еще нескольких людей, знакомых им и нам.

Софья Федоровна Колчак рассказывала о том, как они выбирались из Либавы, обстрелянной немцами, очень хорошо рассказывала. Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно. Она очень отличалась от других жен морских офицеров, была более интеллектуальна, что ли. Мне она сразу понравилась, может быть, потому, что и сама я выросла в другой среде: мой отец был музыкантом — дирижером и пианистом, семья была большая, другие интересы, другая атмосфера. Вдруг отворилась дверь, и вошел Колчак — только маленький, но до чего похож, что я прямо удивилась, когда раздался тоненький голосок: «Мама!» Чудесный был мальчик.

Летом мы жили на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом, там же снимали дачу и Колчаки. На лето все моряки уходили в море, и виделись мы часто, и всегда это было интересно. Я очень любила Славушку, и он меня тоже. Помню, я как-то пришла к ним, и он меня попросил: «Анна Васильевна, нарисуйте мне, пожалуйста, котика, чтоб на нем был красный фрак, а из-под фрака чтоб был виден хвостик», а Софья Федоровна вздохнула и сказала: «Вылитый отец!»

Осенью как-то устроились на квартирах и продолжали часто видеться с Софьей Федоровной и редко с Александром Васильевичем, который тогда уже командовал Минной дивизией, базировался в Ревеле (Таллинн теперь) и бывал в Гельсингфорсе только наездами. Я была молодая и веселая тогда, знакомых было много, были люди, которые за мной ухаживали, и поведение Александра Васильевича не давало мне повода думать, что отношение его ко мне более глубоко, чем у других.

Но запомнилась одна встреча. В Гельсингфорсе было затемнение — война. Город еле освещался синими лампочками. Шел дождь, и я шла по улице одна и думала о том, как тяжело все-таки на всех нас лежит война, что сын мой еще такой маленький и как страшно иметь еще ребенка, — и вдруг увидела Александра Васильевича, шедшего мне навстречу. Мы поговорили минуты две, не больше; договорились, что вечером встретимся в компании друзей, и разошлись. И вдруг я отчетливо подумала: а вот с этим я ничего бы не боялась — и тут же: какие глупости могут придти в голову! И все».

У них не было никаких шансов быть вместе. Оба — семейные люди. У нее — двухлетний карапуз Володя, у него — девятилетний пострел Славушка, Ростислав, да еще горькая память о двух умер-

ших малолетних дочерях — Татьяне и Маргарите. Но внешне вполне благополучные и респектабельные семьи.

Никто не мог сказать ничего дурного об их отношениях в Гельсингфорсе. Это было обычное светское знакомство. Встречались только на людях — в компаниях. Кодекс офицерской чести не допускал и мысли о тайных романах с женами друзей. И не вина Колчака, что он тронул сердце отнюдь не чопорной московской красавицы. Натура в высшей степени поэтическая, Анна Васильевна сама шла ему навстречу.

«Где бы мы ни встречались, — признавалась потом Анна Васильевна, — всегда выходило так, что мы были рядом, не могли наговориться, и всегда он говорил: «Не надо, знаете ли, расходиться — кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Все уже устали, а нам — и ему и мне — все было мало, нас несло, как на гребне волны. Так хорошо, что ничего другого и не надо было!»

Колчак, весьма неравнодушный к женщинам и немало погрешивший легкими связями в Либаве и Ревеле, вдруг увидел в Анне Тимиревой ту даму, за право обладания которой нужно пройти полсвета, или покорить полмира, или хотя бы взять некую немислимую твердыню, чтобы швырнуть к ее вратам ключ от ворот... Ну, того же Царь-града, например, Константинополя...

История адмирала Нельсона и леди Гамильтон? Красивая рыцарская сказка?

Нет, едва не состоявшаяся быль...

Так или иначе, но Анна Васильевна стала для Колчака той «заветной звездой», которая осенила самые трудные годы его жизни и которая готова была разделить с ним и его страшную участь. Но судьба распорядилась иначе...

Впрочем, рассказ об этой замечательной женщине впереди.

«БУДУ УТРОМ СО «СЛАВОЙ». КОЛЧАК»

Военное море — особое море. Где бы ни находился твой корабль, он и ты на нем, может в любой точке этого взволнованного, мерно дышащего простора обрести свой вечный покой. Под его могильным покровом уже упокоились сотни кораблей и тысячи моряков, а среди них и многие твои товарищи.

Колчак не мог не думать об этом, как не мог и не гнать подобные мысли прочь. Они уходили с горизонта разума в темную глубь подкорки, напрягая нервы и обостряя чувства.

Капитана 1-го ранга Колчака убивала узость поставленной ему задачи — оборона Финского залива. Это при том, что окно в Европу, прорубленное Петром на Балтике, давно уже превратилось в распахнутые ворота от Ботники до Полангена, от финско-шведской границы в лапландском приполярье до литовского штранда.

Он рвался в бой к берегам Германии. Но его определили в Рижскую заводь. Однако именно там обрел он заветный «белый крестик».

* * *

— Кому и как о вас доложить, ваше благородие? — осведомился вестовой, преграждая незнакомому офицеру путь в каюту хозяина — час для визитов был вовсе неурочный. Капитан 1-го ранга Колчак только прилег, благо стрелки часов ушли далеко за полночь. Правда, время военное...

— Доложи Александру Васильевичу, что прибыл командир миноносца «Лейтенант Бураков». Имею пакет от начальника службы связи адмирала Непенина.

Вестовой заглянул в полутьму каюты и вскоре вернулся обратно.

— Проходите.

Колчак встретил посланца по-свойски — в наброшенном кителе.

Козырнув, лейтенант передал небольшой сверток. Вскрыв плотную бумагу, Колчак обнаружил замшевый футлярчик, в котором обычно дарят драгоценности, а в нем — белый крестик ордена Святого Георгия. Эмаль его была слегка исцарапана — ношен крестик был и немало...

— Что это?

— Адриан Иванович с себя снял, — пояснил командир миноносца. — Как только императорский рескрипт прочитал. Велел немедля вам передать.

— Мне?! — опешил Колчак. — За что?

«За Рижский залив!» — мог бы ответить лейтенант, но он деликатно промолчал.

Капитан 1-го ранга Колчак застегнул мундир на все пуговицы и перекрестился — сначала на икону Спасителя, потом на крест Святого Георгия.

Рижский залив. Сентябрь 1915 года.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: 4 сентября начальник Минной дивизии контр-адмирал Трухачев... вывихнул руку, оступившись и упав на сходне, — писал в «Воспоминаниях морского офицера» С. Тимирев, — и временно вместо него был назначен Колчак, который оставался в должности вплоть до выздоровления Трухачева — до

11 ноября. Несмотря на кратковременности пребывания в должности, Колчак успел развить самым плодотворным образом свою кипучую энергию. Он был создан для службы на миноносцах, это была его стихия. Колчак неоднократно говорил своим друзьям, что венцом его желаний всегда было получить в командование Минную дивизию: он чувствовал, что там он будет на месте, и о большем не мечтал. Его оперативные замыслы, связанные с миноносцами, всегда были неожиданны, смелы и рискованны, но в то же время ему всегда сопутствовало счастье; однако, это не было слепое счастье, а своего рода предвидение, основанное на охотничьей верности глаза и привычке к успеху. Его молниеносные налеты на неприятельские транспорты в шведских водах, атаки на неприятельские миноносцы, самые смелые постановки мин под носом немцев можно было сравнить с лихими кавалерийскими набегами или атаками. В конце концов, за целый ряд подвигов, которые трудно было подвести под какие-либо «статуты», Колчак по Высочайшему повелению, помимо Георгиевской Думы, был награжден орденом Св. Георгия; очевидно, трудно было найти офицера, более достойного этой награды».

В сентябре 1915 года Колчак вступил в командование Минной дивизией и всеми морскими силами в Рижском заливе — единственным военном театре на Балтике, на котором кайзеровские адмиралы пытались дать решающее сражение русскому флоту. Ботника не в счет. Вход в Финский залив надежно прикрывался Центральной артиллерийско-минной позицией, а вот Рижский залив был той самой дверью, что вела на «черную лестницу» в Моонзундский пролив, в тыл главного морского щита.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «На этой должности Колчак проявил большую активность, он разработал план соединенных операций флота и армии на побережье около Риги, и, когда немцы повели сильное наступление на Кеммерн, то были отбиты нашими войсками, поддержанными артиллерийским огнем с кораблей. Кроме того, Колчак произвел несколько высадок десанта на побережье залива, занятое германской армией, и постоянно тревожил ее тыл. Не ограничиваясь обороной залива, он с миноносцами, под личным своим командованием, произвел ряд нападений на суда германской охраны у Виндавы и германские караваны торговых судов, перевозивших груз руды из Швеции в Германию» — отмечал один из первых биографов Колчака, его преданный соратник — контр-адмирал Михаил Смирнов, бывший в ту пору командиром эсминца «Казанец».

Колчак одним из первых понял, что классического эскадренного боя между германским и русским флотом не будет, что новая война на море требует новой тактики, точнее, хорошо забытого с ушаковских времен умения воевать вместе с армией, прикрывая ее фланги, поддерживая ее огнем корабельной артиллерии, высаживая десанты. В его казачьей крови жила удасть внезапных налетов, хитрых ловушек, тихих подкрадываний и стремительных бросков... Все это было ему по душе и нраву.

Все это он перенес на море, на Рижский залив. Кто бы мог подумать, что это курортное взморье станет ареной жесточайших боев, что на песчаный шtrand, по которому год-другой тому назад степенно прогуливалась «чистая публика» обеих столиц, а также Риги и Ревеля, теперь балтийские волны будут выбрасывать на мокрый песок окровавленные трупы, обломки шлюпок и рангоута...

Свой адмиральский флаг на Минной дивизии он держал на «Сибирском стрелке». Напророчил. Через три года пришлось стать военным вождем сибирских стрелков...

РУКОЮ СОВРЕМЕННОКА: «...Начались осенние штормы и даже пурги, — вспоминал контр-адмирал С. Тимирев. — Мы могли больше не беспокоиться за Ирбенский пролив, поэтому большая часть минной дивизии сосредоточивалась в гавани Рогекюль, в глубине Моонзунда. В Ирбене оставались только дозорные миноносцы. Четыре миноносца и, кажется, одна канонерская лодка стояли в Риге и выходили к флангу армии, когда сухопутное начальство этого требовало. На правом фланге армии, выходившем к берегу Рижского залива у мыса Рогоцем, в глубине Моонзунда, боевым участком командовал князь Меликов, командир 20-го драгунского Финляндского полка. В его подчинении состоял его полк и две ополченских дружины. Участок был более 20 верст протяжением. Сухопутной артиллерии у Меликова была одна полевая 3-дюймовая батарея, служившая еще во время японской войны и поэтому совершенно расстрелянная, и две 6-дюймовые пушки Канэ, которые ему строго было приказано держать не ближе 12 верст от линии пехотных окопов, то есть когда они, по дальности боя, могли стрелять только в случае занятия этих окопов неприятелем. Меликов был чрезвычайно храбрый, бодрый и толковый человек. За время прежних операций, описанных Б.П. Дудоровым, он отлично изучил свойство и размер той помощи, которую ему мог бы оказывать флот своими дальнобойными пушками, и очень бережно относился к нам, настаивая, чтобы мы всегда уходили в гавани, когда он чувствовал, что немцы ведут себя тихо.

В море против фланга армии стояла бочка, прикрытая возвышением мыса Рагоцем, на нее был выведен телефонный кабель, и стоило только встать на бочку и соединить телефон, как мы могли начинать говорить со штабом боевого участка, а оттуда шли телефоны в передовые окопы и на наблюдательные пункты, откуда корректировали нашу стрельбу. В вечер, когда началась операция, мы были на отдыхе в Рогеkjоле, а «Слава» стояла в Куйвасто, в 90 милях от позиций. Никаких сведений о боях на фронте не поступало, как вдруг поздно вечером на флагманский миноносец «Сибирский стрелок» из телефонной будки на клочке бумажки принесли никому не адресованную записку, переданную по телефону из Риги в Ревель, а из Ревеля через службу связи в Рогеkjоль. Карандашом малограмотными каракулями телефониста было, как сейчас помню, написано:

«Неприятель теснит, прошу флот на помощь. Меликов».

Вот тут-то и сказался характер Колчака. В море шторм, пурга. Очень трудно и днем выйти из Рогеkjоля узким каналом, обставленным вехами, а ночью и подавно. Ночью, в пургу, пройти Моонзундом крайне затруднительно, а выводить в такую погоду «Славу» из мешка в Шильдау в Рижском заливе было даже опасно. В Риге — четыре миноносца и одна канонерская лодка. От них никаких донесений не поступало. Наверное, всякий другой начальник при таких обстоятельствах решил бы ожидать рассвета, а тем временем запросил бы наш отряд в Риге об обстановке.

Колчак загорячился: «Не такой человек Меликов, чтобы зря звать на помощь, выхожу немедленно со всеми силами, будь что будет». «Славе» послать радио: «Немедленно приготовиться к походу». Девятому дивизиону с Развозовым, бывшим в Куйвасто, приказано было вступить в охрану «Славе» и осветив ей выход. Восемь миноносцев, находившихся в Рогеkjоле, уже через полчаса вышли в Куйвасто. Начальнику группы миноносцев в Риге было послано радио: «Передайте немедленно Меликову, буду утром со «Славой» и миноносцами. Капитан 1-го ранга Колчак».

Мы вышли благополучно из Рогеkjоля, освещая вехи прожекторами, прошли плес и повернули по счислению на Моонский створ. Ни поворотного буя, ни створных маяков не было видно. Пурга усилилась. Шли вперед самым малым ходом. Течения в Моонзунде неопределенны, зависят от ветров. Нас отнесло к западу, и флагманский миноносец, и два других сели на камни, правда, на самом малом ходу, остальные стали на якорь. Полтора часа продолжались безуспешные попытки сняться с камней. «Слава» донесла о готовности, и

Колчак приказал ей немедленно идти полным ходом к Усть-Двинску. Внезапно улыбнулось счастье, прибыла вода и все миноносцы всплыли; одновременно разорвалась завеса пурги, и мы увидели Вердеревский маяк и створные огни. Дали 20 узлов и благополучно вышли в залив, где обогнали «Славу», шедшую 16-узловым ходом. Утром, около 9 часов, подошли к бочке, которую порядочно отнесло к востоку.

На мысе Рогоцем, прикрывающем нас от видимости 9-дюймовой батареи немцев, еще держались наши отрезанные части, но армия отступила. Из штаба Меликова начали поступать спокойные приказания: «стрелять по цели в квадрате №... 100 сажен южнее». Корабли стали на якорь на назначенных местах, и началась усиленная стрельба залпами; после каждого залпа корректировка. На берегу гремит бой, бьет усиленно немецкая артиллерия, начинается слышаться ружейная и пулеметная стрельба, чего раньше никогда не случалось.

Меликов сообщает: «Неприятель ведет наступление на правом фланге, цепи выходят на берег, прошу обстрелять». Колчак посылает мякосидящие миноносцы девятого дивизиона с 75-мм орудиями, единственными имеющими шрапнель. Развозов понимает приказания с полслова. Девятый дивизион открывает ураганный огонь из своих 16 пушек. Немцы отогнаны, связь с Рогоцем восстановлена. Нас атакуют несколько раз немецкие аэропланы, но неудачно. Неприятельская батарея, очевидно, руководствуясь фотографией, снятой аэропланами рейда, сгоняет корабли со своих мест, кроме «Сибирского стрелка», которому нельзя уйти с телефонной бочки. Но попаданий в нас нет.

Постепенно бой затихает. Наши войска, отступя немного, удержали позиции. Вечером Колчак съехал на берег, видится с Меликовым, возвращается радостный. «Удивительный человек Меликов, — говорит он, — просит нас уходите домой, считает, что немцы понесли такие потери, что нескоро рискнут снова нас атаковать. Он совершенно в этом уверен и просит нас прийти через несколько дней, когда он сам перейдет в наступление для захвата города Кемерн. Мы должны будем произвести артиллерийскую подготовку перед атакой». На берегу действительно воцарилась тишина и только аэропланы нас атаковывали».

Неспроста к заветному ордену Св. Георгия четвертой степени Колчак был представлен не командующим флотом, а командующим 12-й армии генералом Радко-Димитриевым. Армия первой оценила морские заслуги капитана 1-го ранга Колчака.

В реляции было описано дело, в котором отличился новый кавалер: 7 октября.

Пройдет год, и ровно день в день 7 октября 1916 года Колчак переживет горе равновеликое его нынешней радости: на внутреннем рейде Севастополя погибнет лучший дредноут Черноморского флота...

Белый крестик — офицерский Георгий — украшал мундиры и был среди всех прочих орденов и медалей самой почетной наградой.

Получить такой «крестик» на свой мундир — всегда было заветной негласной мечтой Саши, едва он надел гардемаринскую голландку.

Он надеялся получить эту награду в Порт-Артуре. Но не случилось. И хотя золотое Георгиевское оружие — сабля с надписью «За храбрость» — тоже весьма почетно, но все же не выпало ему в лейтенантах такого случая, как Адриану Непенину.

Непенин первым — на то она и морская разведка! — узнал о награждении приятеля «белым крестиком». Он вызвал к себе командира миноносца «Лейтенант Бураков», снял с кителя свой Георгиевский крест и велел доставить награду каперангу Колчаку в Гельсингфорс.

Колчак принял крест с благоговением. Он-то знал, что непенинский крест — особенный, из Порт-Артура за оборону эскадренного броненосца «Севастополь».

Начальник штаба 1-й Минной дивизии старший лейтенант Н.Г. Фомин: Вечером флот оставался на якоре, когда из Ставки Верховного Главнокомандования была принята мною телефонограмма приблизительно такого содержания:

«Передается по повелению Государя Императора: капитану 1 ранга Колчаку. МНЕ ПРИЯТНО БЫЛО УЗНАТЬ ИЗ ДОНЕСЕНИЙ КОМАНДАРМА XII О БЛЕСТЯЩЕЙ ПОДДЕРЖКЕ, ОКАЗАННОЙ АРМИИ КОРАБЛЯМИ ПОД ВАШИМ КОМАНДОВАНИЕМ, ПРИВЕДШИХ К ПОБЕДЕ НАШИХ ВОЙСК И ЗАХВАТУ ВАЖНЫХ ПОЗИЦИЙ НЕПРИЯТЕЛЯ. Я ДАВНО ОСВЕДОМЛЕН О ДОБЛЕСТНОЙ ВАШЕЙ СЛУЖБЕ И МНОГИХ ПОДВИГАХ... НАГРАЖДАЮ ВАС СВ. ГЕОРГИЕМ 4-ОЙ СТЕПЕНИ. ПРЕДСТАВЬТЕ ДОСТОЙНЫХ К НАГРАДЕ. НИКОЛАЙ».

Редкий случай — Колчак был награжден Георгиевским крестом помимо думы георгиевских кавалеров — прямым Высочайшим повелением.

Несмотря на то, что подвиги Колчака было трудно подвести под какие-либо конкретные статуты ордена и он был награжден по сути дела по совокупности отличий, «трудно было найти офицера, более достойного этой награды» — отмечал в конце жизни человек, для которого Колчак стал роковой фигурой — контр-адмирал Сергей Тимирев, первый муж Аңны...

Впрочем, в глазах своих сослуживцев начальник Минной дивизии, как и любой, впрочем, начальник, выглядел по-разному. Командиру эсминца «Страшный» капитану 2-го ранга Георгию Старку пришлось узнать не самые приятные черты его характера.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В середине марта начальник дивизии Колчак приехал к нам смотреть работы. Пестрота работ его удивила, а так как он и раньше, вероятно, был в плохом настроении, то он начал на всех орать. Ко мне он пришел к одному из последних. В радиотелеграфной рубке он увидел телеграфиста с обвязанной щекой, он закричал, что это не военный человек, а баба, и узнав, что он старший телеграфист, приказал разжаловать его в рядовые. Тут я вмешался и все еще спокойным голосом сказал, что у этого человека болят зубы, а что лишить звания мы не имеем права, так как он имеет Георгиевскую медаль и потому, согласно статусу, он может быть лишен своего звания только по приговору суда. Ни с кем не простившись, Колчак уехал. Не скажу, что после его ухода у нас было бы бодрое настроение, я был зол как черт.

После завтрака я пошел к начальнику дивизиона и просил разрешения поговорить с начальником дивизии по служебному делу. Увидев мой взволнованный вид, он мне посоветовал отложить мой разговор до завтра, но я настоял на своем и он мне дал разрешение. На своем флагманском пароходе «Либава» (тут помещался штаб, а на миноносце на походах бывало минимальное количество штаба) он [Колчак] меня принял около половины шестого, до этого он был в отсутствии. Я, прежде всего, сказал ему, что пришел с разрешения начальника дивизиона поговорить насчет сегодняшнего смотра. Наш разговор продолжался больше часа, я выложил ему все, что у меня было на душе. Сказал, что нельзя ошибки одних вваливать на всех, что боевой дух у людей в теперешнее трудное время надо поднимать не криками, а постоянным ровным отношением, и что сегодняшний смотр в этом отношении дал отрицательные результаты. Дальше я перешел вообще к нашему дивизиону. В начале войны говорили, что наш дивизион, как совершенно исправный, всюду пройдет в первую голову, и действительно, первые два года во всех операциях мы

принимали участие, идя впереди; на наше счастье или несчастье, мы не встретили неприятеля; после операций все получали награды, а мы ничего, поднятию настроения у людей это не способствовало.

Александр Васильевич разволновался, и я тоже, в конце разговора мы почти кричали друг на друга. Многие подробности мне рассказывал в Маниле мой начальник штаба Николай Юрьевич Фомин, который в это время был старшим флаг-офицером у Колчака. В конце Александр Васильевич сказал: «Знаете, Юрий Карлович, этот разговор лучше прекратить».

На другой день он по делам уехал в Гельсингфорс. Через два дня, вернувшись, он сделал смотр дивизиону, благодарил всех за трудную боевую работу. Перед уходом со «Страшного» он отозвал меня в сторону и сказал: «Знаете, Юрий Карлович, после нашего разговора я много думал и по дороге в Гельсингфорс и там тоже. Вы были правы».

Я искренне поблагодарил его. После этого признания я бы пошел за ним куда угодно. Трудно бывает понять свою ошибку, но еще труднее признаться в ней».

И Георгий Старк жизнью подтвердил искренность своих слов: он и в самом деле пошел за Колчаком безоглядно — в преотчаянный сибирский поход. Да и Колчак дорожил дружбой с этим честным и преданным офицером, сожалея лишь об одном — как мало у него было там подобных помощников.

Георгий Карлович Старк прошел Цусиму на «Авроре», был ранен.

В 1917 году Старк командовал Минной дивизией Балтийского флота. Большевикам служить не стал. 2 марта 1918 года подал рапорт об отставке и был уволен в апреле. В августе 18-го прибыл в Казань, где уже формировались офицерские отряды. В декабре начал формирование отдельной бригады Морских стрелков. Прошел во главе ее через всю Сибирь. Отходил вместе с войсками генерала Каппеля. Заболел тифом. По льду через Байкал его несли на руках — в беспомощности. Выздоровливал в Харбине.

Весной 1921 года по просьбе правительства Приморской области прибыл во Владивосток, где возглавил Сибирскую флотилию. 4 июня 1922 года был назначен командующим всеми Вооруженными силами Приморской области. В октябре 22-го увел из Владивостока в Корею (порт Гензан) часть флотилии с беженцами, затем на Филиппины (остров Тюбаобао). Представил полный финансовый отчет и военно-политический доклад Великому Князю Николаю Николаевичу во Франции. Работал в Париже водителем такси. В 1946—1949 годах был председателем Всезарубежного объединения русских моряков.

Скончался 2 марта 1950 года. Погребен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

К весне 1916 года он был произведен в контр-адмиралы. Черные орлы, прежде чем слететь к нему на плечи, на адмиральские погоны, оставили за своими крыльями и вмерзшую в полярные льды «Зарю», и горящий Порт-Артур, и острый шпиг Генмора, и, наконец, дымные воды воюющей Балтики.

Свой новенький адмиральский флаг Колчак держал на эсминце «Сибирский стрелок». Будто судьбу себе накликал — водить ему через три года сибирских стрелков на фронтах гражданской...

В новом чине контр-адмирал Колчак проходил всего несколько месяцев. Двадцать восьмого июня 1916 года был разгромлен крупный караван германских рудовозов, шедших под сильной защитой боевых кораблей из Стокгольма. Начальник минной дивизии становится вице-адмиралом и, не успев отпраздновать свое сорокадвулетие, назначается командующим Черноморским флотом.

Если сравнивать деятельность Балтийского флота в первые два года мировой войны с эффективностью его Краснознаменного преемника за тот же срок в Великую Отечественную, то пальма первенства останется за адмиралами Эссеном, Каниным, Колчаком: за два года они не потеряли ни Ревеля, ни Риги, ни Гельсингфорса, ни Аландских островов, тогда как сталинские адмиралы, погубив добрую часть флота в кровавом таллинском переходе, этой «советской Цусиме», лишились всех своих военно-морских баз, кроме Кронштадта. Однако законопослушные историки всегда избегали подобных сопоставлений.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

И было это... в год 1202 от Рождества Христова. ...И был назначен день, когда они соберутся на суда и корабли и будут биться не на жизнь, а на смерть, дабы овладеть той землей, и знайте, что предстояло им одно из опаснейших дел, когда либо свершенных.

Жоффруа де Виллардуэн.
«Взятие Константинополя»

Колчаку дважды выпадал жребий спасти Россию.

Первый раз — в 1916-м, второй раз — три года спустя...

История, разумеется, не терпит сослагательного наклонения, но варианты ее несостоявшихся исходов разбирать поучительно.

Итак, логика первой возможности спасения России состоит из трех звеньев: во-первых, Россия захватывает в 1916 году Босфор-

кий пролив и осаждает Стамбул, во-вторых, Турция, столице которой объявили шах с угрозой мата в один ход, немедленно выходит из войны, меняя в корне всю ситуацию в Европе, в-третьих, никакой революционный февраль, а уж тем более переворотный октябрь, в стране-победительнице невозможен. И если два последних утверждения бесспорны, то первое, то есть возможность взятия Босфора в 1916 году, требует уточнения.

Уточняет современник Колчака, человек, который стоял на острие «босфорской проблемы» в Главной ставке — контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Бубнов родился в Варшаве в 1883 году. Родом из старинной семьи, давшей России плеяду замечательных ученых в области медицины, истории, военного дела. После Морского корпуса окончил Николаевскую морскую академию. Боевое крещение получил в Цусиме на борту броненосца «Орел». Там же был тяжело ранен. Впоследствии, благодаря аналитическому уму и глубокому стратегическому мышлению, сделал блестящую карьеру в Морском Генеральном штабе. В годы мировой войны был направлен в царскую Ставку сначала в качестве флаг-капитана, потом начальником Морского управления, то есть главным советником по войне на море.

Во время гражданской войны был на стороне белых. Колчак направил вице-адмирала Бубнова в составе русской делегации на Версальскую мирную конференцию.

После краха Белого движения перебрался во Францию, где написал (вместе с генералом Головниным) монографию «Тихоокеанская проблема в XX столетии». Книга была издана на английском языке в Лондоне и вызвала к себе такое внимание, что Бубнов получил приглашение из США занять место профессора в Военно-морской академии в Аннаполисе. Это приглашение наилучшим образом решало все житейские проблемы отца двух дочерей, но Александр Дмитриевич, верный чувству славянской солидарности, выбрал приглашение югославского короля Александра, который просил бывшего русского адмирала помочь организовать военно-морское училище в Дубровнике. Бубнов взял на себя преподавание всех важнейших дисциплин — стратегии и тактики, истории военно-морского искусства, фортификации и международного морского права. Можно только позавидовать югославским морякам, которым посчастливилось перенимать знания и опыт у теоретика отнюдь не кабинетного, видевшего войну и через смотровые щели орудийных башен, и с высоты Ставки Верховного Главнокомандующего.

В 1930 году Бубнов по образцу некогда родной ему Николаевской военно-морской академии создает Высшую военно-морскую школу, через которую прошел весь руководящий состав югославского флота. Изданная им новая монография «Стратегия. Ведение войны на море» стала настольной книгой для многих высших чинов британского Адмиралтейства.

Бубнов дожил до глубоких седин и до великих исторических событий, был свидетелем прорыва России в космос. Адмирал русского и югославского флотов упокоился 2 февраля 1963 года в приморском поселке Кранье.

В мировую войну, или как поначалу ее называли — Европейскую, Россия вступила без четко определенной цели. Никаких территориальных претензий к супротивным державам — к Германии и Австро-Венгрии — она не имела. О черноморских проливах речь поначалу тоже не шла. Народу да и всему миру объявлялось, что Россия вступает за братский сербский народ, над которым нависла австрийская угроза. Еще говорили о водружении святого креста над бывшим главным византийским храмом Святой Софии, ставшим за последние четыреста лет главной мечетью магометанской Турции. Но только говорили, не более того, видя подобное водружение в каких-то весьма туманных политических грезах. Ибо если бы российский самодержец со своей придворной партией (сегодня бы сказали «командой») всерьез возжелал бы «прибить свой щит на ворота Царьграда», то моряки и армейцы стали бы всерьез готовиться к тому, а не ограничились бы маниловскими благопожеланиями. И Черноморский флот готовился бы к такой операции загодя, высаживая учебные десанты еще в мирное время на гористых берегах Крыма. Однако флоту на случай войны были поставлены две весьма скромные боевые задачи: охранять свое побережье да обеспечивать морские перевозки России по Черному морю. Ни о каких рейдах против Босфора в секретных оперативных планах Генмора не было и речи.

Правда, в ходе войны и даже за два месяца до нападения германо-турецкого флота на Севастополь, то есть до официального вступления Турции в войну против России, адмирал Эбергард, за которым историки закрепили славу как флотоводца сверхосторожного и нерешительного, полагал (и предлагал Главной ставке это сделать!) внезапным ударом основных сил Черноморского флота прорваться через Босфор к Константинополю. Еще с довоенных времен разведка флота держала в своих сейфах документы с совершенно точными данными о весьма плачевном состоянии устаревшей обороны Босфора.

«Это надо делать немедленно, — убеждал Эбергард оппонентов с несвойственной ему горячностью, — пока немцы не наладили оборону пролива!»

И даже когда немцы резко усилили турецкий флот двумя своими новейшими и быстроходнейшими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», «робкий» Эбергард рвался в бой:

— Пока они приводят себя в порядок после долгого перехода, дайте мне «добро» прорваться в Босфор! Еще не поздно!

Русская агентурная разведка доносила через Бухарест, что оба крейсера срочно перебирают механизмы и щелочат котлы, что в море они выходить не способны по крайней мере еще две недели.

— Разрешите мне ввести в Босфор подводные лодки и они уничтожат крейсера на их якорных стоянках! — бомбардировал Эбергард Ставку секретными юзограммами. — Мы повторим то, что сделала U-9!

Весь военный мир был еще под впечатлением невероятного успеха всего лишь одной немецкой подводной лодки. В первый же месяц войны U-9 под командованием лейтенанта Веддингена потопила один за другим сразу три (!) британских броненосных крейсера, стоявших на якорях: «Абукир», «Кресси» и «Хог».

В Севастополе базировалась целая бригада подводных лодок, и командир любой из них был бы счастлив получить приказ войти в Босфор. Но Ставка отвечала, что она не может отдать такой приказ, поскольку право начать боевые действия против нейтрального пока государства принадлежит только Государю. Тогда адмирал Эбергард, рискуя вызвать Высочайшее неудовольствие, обращается напрямую к императору разрешить операцию в Босфоре, если не против турок, то хотя бы против германских кораблей, которые стоят с разобранными машинами на рейде Буюк-Дере, как раз против бывшей дачи российского посольства.

Император дал невнятный ответ. МИД и правительство еще надеялись удержать Турцию от вступления в большую европейскую войну. Для этого не жалели денег на подкупы влиятельных сановников при дворе султана. Дерзкая атака черноморцев, конечно же, спровоцировала бы Великую Порту на войну против России. Но война эта была предreshена, и турки водили за нос наших дипломатов, выгадывая время. Стратегический шанс был безнадежно упущен. И это в самом начале войны!

«Севастопольская побудка» — внезапный обстрел Главной базы Черноморского флота германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» — подняла на воздух желтую, как прах, крымскую землю вместе с последними иллюзиями дипломатов.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Лучшим доказательством выполнимости операции прорыва... Босфора в начале войны, — не без горькой иронии писал позже контр-адмирал Александр Бубнов, — служит то обстоятельство, что разрешение на эту операцию испрашивал командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, который в оперативном руководстве Черноморским флотом проявил в дальнейшем ходе войны такую осторожность и осмотрительность, которая привела к необходимости его замены в 1916 г. более решительным и энергичным адмиралом А.В. Колчаком».

Летом 14-го года многим в России казалось, что назревавшая европейская война будет скоротечной, как морской бой. Что основные боевые действия развернутся во Франции (как и сорок четыре года назад), что Россия окажет лишь военную помощь союзникам, но никак не будет втянута в затяжную войну сама. Но первые же месяцы боевых действий, в которых после столь обнадеживающего начала генералом Самсоновым, погибли потом десятки тысяч солдат, в которых цвет русской гвардии был втоптан в топь мазурских болот, заставили правительство искать оправдание этим потерям более весомое, нежели союзнические обязательства перед Францией.

Только взятие черноморских проливов придавало стратегический смысл этой войне, навязанной России западными союзниками, только решение этой национально-государственной задачи оправдывало те ужасные потери, которые уже понесла русская армия в Восточной Пруссии, спасая Францию от неминуемого поражения на Марне. (Маршал Фош честно потом признавался: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то раньше всего мы обязаны этим России».)

И союзники поначалу благосклонно отнеслись к выходу России из черноморских проливов. В Петрограде как-то сразу уверовали в то, что после войны, после поражения Турции Босфор и Дарданеллы сами собой достанутся России в качестве ее главного военного приза. Но...

Заговорить всерьез о Босфоре вынудили Главную ставку англичане. Когда представитель Великобритании при Главнокомандующим русской армией генерал сэр Вильямс сообщил Великому князю Николаю Николаевичу — за сутки! — о начале штурма Дарданелл, этого западного входа в черноморские проливы, тот, сохраняя хорошую мину, при столь разительном сообщении (они штурмуют *наши* Дарданеллы!), едва не обронил едкую фразу об извечном коварстве вечно туманного Альбиона. Однако удержался.

Англичанин, дабы соблюсти союзнические приличия, выразил надежду, что Черноморский флот и эскадра вице-адмирала Кардена **ОДНОВРЕМЕННО** появятся у Константинополя.

Однако, для того чтобы добиться такой синхронности, чтобы подоспеть к назначенному англичанами сроку, русский флот, никак не готовый к немедленному, почти завтрашнему штурму босфорских твердынь, должен был без десантного прикрытия, без предварительного траления подходов к турецкому берегу, без должной разведки и подготовки идти на расстрел из крупновских орудий германских крейсеров, которые уже успели привести себя в полную боевую готовность после перехода, которому так странно попустил брिटанский флот в Средиземном море.

Союзнические приличия британскому представителю соблюсти, однако, не удалось, так как Великий князь знал (через российско-го посла в Париже Извольского, у которого были свои друзья во французском МИДе), что англичане еще месяц назад, то есть 18 января 1915 года, известили французских коллег о своих намерениях захватить черноморские проливы, или по меньшей мере Дарданеллы, до появления там русских кораблей.

И если бы русский Главковерх вдруг высказал свое недоумение по поводу *непрошеного* участия англичан в решении вековой национально-государственной проблемы России, сэр Вильямс знал что ответить.

«Помилуй Бог! — воскликнул бы он. — Вы же сами, Ваше высочество, просили нас отвлечь на себя турок, которые прорвали ваш Кавказский фронт!»

И это было правдой. В декабре 1914 года у Великого князя не было никаких резервов, чтобы бросить их на помощь Кавказской армии: в Галиции и Польше шли кровопролитнейшие бои. Поэтому 2 января нового 1915 года Николай Николаевич, после завтрака в вагоне-салоне, отозвал сэра Вильямса в сторону и попросил передать британскому главнокомандованию его просьбу усилить давление на Турцию со стороны Средиземного моря, оттянуть ее войска на себя, точно так же, как русская армия только что оттянула на себя два германских корпуса с французского фронта. Связной генерал пообещал незамедлительно уведомить об этой просьбе Лондон. И уведомил...

Всего через два дня Великий князь, возможно, пожалел бы о своей просьбе, так как 4 января Кавказская армия, искусным стратегическим маневром разбила наголову турецкую армию и принудила ее не просто к отступлению — к бегству. Так что повод для

просьбы Великого князя отпал сам собой. Но в Лондоне быстро смекнули, какой замечательный повод дает им русский главковерх для того, чтобы решить проблему черноморских проливов в пользу британской короны.

Великий князь в круговерти дальнейших событий не дезавуировал свою просьбу. Возможно, забыл о ней. Но...

Англия без малейшего промедления уже стягивала свои корабли к Дарданеллам из всех гаваней мира, где они базировались: из Китая и Гибралтара, Южной Америки и с островов Зеленого Мыса...

Английские адмиралы прекрасно сознавали, что у русских есть реальная возможность прорваться к Стамбулу через Босфор, охранявшемуся всего лишь одной турецкой дивизией и старыми береговыми батареями. Именно поэтому они поспешили начать штурм Дарданелл, дабы поставить Россию перед свершимся фактом — над главным выходом в Средиземное море, как и над Суэцем, как и над Гибралтаром уже развевается британский флаг, на всех трех вратах от самого главного в человеческой цивилизации *Средимирного* моря висят британские замки. А там, где британский флаг был однажды поднят, его уже никогда не спускают.

Вот тут-то из Ставки на флот, из Баранович в Севастополь полетели срочные шифровки: немедленно готовить операцию по высадке на Босфоре! В подкрепление своих директив Великий князь сообщил адмиралу Эбергарду, что отдал приказание перебросить с Кавказского фронта три отборных дивизии для подготовки в Одессе (пять часов ходу до Босфора) десантного отряда.

Тем временем на английскую эскадру, осадившую Дарданеллы, был направлен для связи и наблюдения капитан 1-го ранга Михаил Смирнов. Он изо всех сил пытался установить связь через английские корабельные станции со штабом Черноморского флота. Но несмотря на идеальные эфирные условия и близость Севастополя, связь эта никак не устанавливалась. Поскольку в Ставке никто не сомневался в качестве британских радиопередатчиков и в профессионализме английских радиотелеграфистов, то винить оставалось своих российских, несомненно обученных хуже, чем их английские коллеги. Не могут, понимаешь, принять обычную морзянку.

Никто — ни в Севастополе, ни в Барановичах — так и не знал, что творится у Дарданелл, как далеко уже продвинулась англо-французская эскадра, и как скоро она возьмет на прицел султанский дворец, выходящий окнами в Мраморное море.

Высокая сухопарая фигура Великого князя мрачно маячила в те дни у вагонов спецпоезда. По вечерам в полном одиночестве вышагивал он по насыпи от паровоза к хвостовому вагону и обратно. Даже разгром обеих армий в Восточной Пруссии не поверг Николая Николаевича в такое уныние, как сообщение о штурме Дарданелл союзниками. Он прекрасно понимал, что отныне эта война теряет для России всяческий смысл, потому что, если даже адмирал Эбергард и совершит некое стратегическое чудо — пойдет и немедленно, не дожидаясь снятых с фронта дивизий для десанта, возьмет Босфор одними кораблями, как удавалось брать вражеские бастионы с моря лишь приснопамятному флотовождю Ушакову, то и тогда эта немислимая победа теряла свой смысл, ибо выход из Черного моря в Средиземное, последние врата этого выхода — Дарданеллы, навсегда оставались бы в руках англичан. Уж они-то никогда оттуда не уйдут, как не ушли из Гибралтара. И что толку говорить потом о союзнических обещаниях, когда выход из проливов уже будет принадлежать британцам по праву «*beati possidentes*» — «блаженны имущие».

Выходило, что великая всеевропейская война уже на седьмой месяц теряла для России всякий военно-стратегический смысл даже в случае капитуляции стран Тройственного Союза.

Но тут, наконец, стали поступать сообщения от капитана 1-го ранга Смирнова. Как только в состав эскадры адмирала Кардена вошел русский крейсер «Аскольд» (он прибыл в Средиземное море с Тихого океана¹), радиосвязь с его борта сразу же наладилась и Севастополь стал, наконец, принимать первые донесения наблюдателя Ставки. Судя по ним, англичане ни на фут не продвинулись вглубь Дарданелл, что было весьма странно, учитывая огневую мощь 16-дюймовых орудий, обрушенную на турецкие форты. Так или иначе, пока британцы и французы топтались перед дарданелльскими фортами (как полвека назад уперлись они в бастионы Севастополя), Ставка развернула бешеную деятельность по подготовке штурма Босфора.

Вдруг выяснилось, что Черноморский флот не в состоянии перебросить к Босфору сразу три дивизии. Для этого нет ни потребного количества пароходов, ни даже барж, которые можно было бы тащить к месту высадки на буксирах эсминцев. В мирное время ник-

¹ Крейсер «Аскольд» следовал на Север к берегам Мурман, но был задержан для символического участия русского флота в штурме Дарданелл. — Н.Ч.

то не готовился к такой массовой переброске войск морем, поскольку задача штурма Босфора Черноморскому флоту НИКАК И НИКЕМ НЕ СТАВИЛАСЬ!

В этом есть некая мистика — не протянуть руку к вожделенному и доступному плоду. Даже не попытаться. Будто Царьград обведен был незримой запретной чертой — нельзя!

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «На скорую руку можно было бы в течение одного или полутора месяцев подготовить транспортные и десантные средства для одной бригады с небольшой артиллерией, но генерал-квартирмейстер Ставки считал десантную операцию с такими средствами слишком рискованной и даже авантюристической, — горько сетовал контр-адмирал А. Бубнов, — и она не была предпринята».

Десантный отряд был расформирован и отправлен на Юго-Западный фронт ввиду нового наступления немцев, перебросивших значительные силы из Франции, чтобы помочь своим австрийским союзникам. Идея захвата проливов флотом была едва ли не навсегда похоронена в умах армейских генералов, заправлявших делами Ставки. «Что ж вы, братцы-моряки, взялись за гуж, а потом и «карачун» закричали, пароходов не хватает? Чи флот у нас, чи не флот?» — подтрунивали они.

И это было самое обидное, ибо армейские чины недвусмысленно давали понять своим флотским собратьям, что после Цусимы и Порт-Артура не верят в их способность проводить самостоятельные операции. Снова стали повторять «магическую» формулу — «Ключи от Босфора лежат в Берлине». А путь в Берлин лежал, по их разумению, через Карпаты.

Однако морской мозговой центр Ставки, подпитанный неизбывной энергией «направленца» по Черноморскому флоту, тогда еще капитана 1-го ранга Бубнова, продолжал вопреки всем скептикам деятельно готовиться к штурму проливов. И прежде чем просить новых войск для десантного отряда, стали формировать в Одессе Транспортную флотилию, призвав на это весьма хлопотное дело порт-артурского героя — контр-адмирала Хоменко (того самого, под началом которого командовал батареями в Скалистых горах лейтенант Колчак).

Хоменко творил чудеса. Первым делом он переподчинил себе все ремонтные средства одесского порта, поставил к его причалам все, что хоть как-то могло держаться на воде и самостоятельно передвигаться. Так он насчитал около 100 судов, но и этого было явно

недостаточно. Тогда адмирал заказал на Николаевском заводе 30 мелкосидящих (чтобы могли подойти поближе к берегу) судов и превеликое множество десантных ботов. Здесь же, в Одессе, сосредоточивались и все необходимые запасы Транспортной флотилии, и штаб ее, и экипажи будущих десантных судов. В Севастополе под эгидой морского штаба Ставки разрабатывался детальный план будущего штурма. Лишь к весне 1916 года Транспортная флотилия была готова принять три полнокровные дивизии, усиленные артиллерией. Дело оставалось за малым — найти адмирала, который поведет эту армаду к утесам Босфора. Эбергард для этой цели никак не годился.

Глава четвертая

САМЫЙ МОЛОДОЙ АДМИРАЛ РУССКОГО ФЛОТА

Высадка октябрьского десанта в Рижском заливе принесла Колчаку не только долгожданный «белый крестик», но и предредила в его судьбе крутой поворот с не менее крутым взлетом. «Босфорцы» в царской Ставке — да простится невольная игра слов — сделали ставку на энергичного, дерзкого и удачливого офицера, только что принявшего Минную дивизию (предел мечтаний Колчака) и надевшего контр-адмиральские погоны.

Бубнов — «серый кардинал» русского флота (серый, по счастью, не в смысле интеллекта, а по той тени, в которой предпочитал держаться) — и его соратники видели в Колчаке «вождя, коему в древности было бы, несомненно, отведено место среди героев Плутарха». Судьба Колчака была предрешена, о чем он сам не ведал ни сном, ни духом.

Однако осуществить столь сложную кадровую рокировку было весьма непросто, поскольку позиции адмирала Эбергарда и в Сева-

стополе, и при императорском дворе были столь же прочны, как и незыблемость Босфора. Тем не менее и его судьба была предрешена в вагонах полевой Ставки...

Морской министр адмирал Григорович представил Государю обстоятельный доклад с предложениями по перемещению важнейших на флоте фигур.

По этому докладу, получившему положительный рескрипт, адмирал Эбергард был назначен членом Государственного Совета, а на его место был ставился «самый молодой адмирал русского флота А.В. Колчак, показавший своей блестящей деятельностью в Балтийском море выдающиеся способности командования».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Я почти уверен, — вспоминал много лет спустя контр-адмирал Сергей Тимирев, — что Колчак до своего назначения ничего о нем не знал, а также не предполагал, какие хитросплетенные интриги ведутся в Ставке. Прошло всего несколько месяцев, как он получил назначение, о котором давно мечтал, и было вполне естественно ожидать, что его оставят в покое хотя бы до закрытия навигации. Если ему и приходила в голову мысль о каком-либо будущем повышении по службе, то, наверно, это касалось лишь Балтийского флота: слишком уж было несообразно ожидать, чтобы адмирала, хотя бы и сверхвыдающегося, во время самого разгара войны вырвали из знакомой обстановки и назначили в совершенно чуждую, да еще на высший командный пост.

В начале июня в Ревельском Морском собрании, расположенном в чудесном историческом парке, что-то праздновалось — была музыка и танцы. Наш небольшой кружок (Непенин, Подгурский и я) воспользовались случаем и объединились в Собрании, уговорив пойти туда же и А.В. Колчака, только что прибывшего из Рижского залива для каких-то срочных дел в Штабе, т.к. на Рижском фронте наступило временное затишье. Мы сидели за столиком и мирно беседовали, когда вдруг появился флаг-офицер Колчака и передал ему записку. Колчак прочел и извинился, что его экстренно вызывает командующий Флотом. Он еще добавил: «Странно, кажется мы с ним обо всем договорились». Он уехал на «Кречет», заявив, что вернется, если не будет очень поздно (он должен был на рассвете уходить на миноносце в Моонзунд). После его ухода вскоре пришел Непенин, который ненадолго куда-то отлучался. Он сообщил, что только что получена телеграмма прямым проводом из Ставки о назначении Колчака командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы; начальником же Минной дивизии

назначался Кедров (командир «Гангута») с производством в контр-адмиралы. Мы все были как громом поражены — так неожиданно для всех нас было подобное назначение. Через некоторое время появился Колчак и без особой радости в голосе, наоборот, скорее мрачно, подтвердил справедливость сообщенного Непениным. Наши поздравления Колчака, естественно, более походили на соболезнования. В последующем разговоре Колчак высказал, что ему особенно тяжело и больно покидать Балтику в такое серьезное и ответственное время, когда на Северном фронте идет наступление, тем более что новая его служба представляется ему совершенно чуждой и слишком трудной, вследствие полного его незнакомства с боевой обстановкой на Черном море.

Неожиданностью назначения в Ставке били наверняка: там знали, что Колчак не такой человек, чтобы во время войны отказаться от боевого назначения, хотя бы и нежелательного для него самого. Назначение Кедрова также не вызвало особой радости: он совсем не был популярен на Минной дивизии. Очень способный офицер и прекрасный работник, он всегда с редкой настойчивостью стремился к одной цели: сделать блестящую карьеру. Как все убежденные карьеристы, он был сух и скорее недоброжелателен по отношению к своим сослуживцам и подчиненным. Он обладал сильной волей и настойчивостью, но не был талантлив: его деятельность лишена была творчества и вдохновения...

На другой день Колчак и Кедров ушли в Моонзунд для передачи Дивизии и ознакомления с боевым положением на месте, а через несколько дней мы чествовали Колчака обедом в Штабе и затем провожали его на вокзал: он уезжал в Петроград, откуда должен был через Ставку отправиться к новому месту службы.

Не только Минная дивизия, но и весь флот отнесся к отъезду Колчака с нескрываемым унынием: он пользовался большой и заслуженной популярностью, и все понимали, что заменить его слишком трудно».

Знал ли человек, писавший эти строки, что в те самые безмятежно солнечные июньские дни Колчак сказал его жене роковые слова: «Я вас люблю. Я вас больше, чем люблю!», и слова эти были приняты? Разумеется, не знал. И никогда не узнал, поскольку умер задолго до того, как был обнародованы записки его бывшей жены.

*И будет грезиться мне Ревель
И старый парк Катриненталь...*

Парк этот и сейчас распускает свои сирени по майским веснам. В парке этом и сейчас еще стоит павильончик летнего Морского собрания, в котором ныне подают кофе всем забредшим под сень старых лип и дубов.

В этом парке Колчак получил, быть может, два самых главных в своей жизни известия — о назначении на Черное море и о принятии его любви.

В Ревеле Анна Тимирева остановилась у жены их общего приятеля капитана 1-го ранга Подгурского. Колчак, уже целых двадцать четыре часа как вице-адмирал, приехал в дом Подгурских с двумя большими букетами: один — хозяйке дома, другой — Анне.

РУКОЮ АННЫ: «Я решила съездить на день своего рождения к мужу в Ревель — 18 июля. На пароходе я узнала, что Колчак назначен командующим Черноморским флотом и вот-вот должен уехать.

В тот же день мы были приглашены на обед к Подгурскому и его молодой жене...»

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Николай Люцианович ПОДГУРСКИЙ.

В Порт-Артуре, будучи лейтенантом, отличился на крейсере «Баян» при спасении команды миноносца «Страшный» 31 марта 1904 года. В середине августа по его инициативе были использованы катерные минные аппараты для стрельбы по японским окопам. Официальная история русско-японской войны утверждает, что «день 9 сентября — последний день штурма на Высокую гору — был ознаменован выдающимся подвигом... лейтенанта Подгурского, решившим участь Высокой Горы в нашу пользу в тот момент, когда мы уже находились в агонии после трехдневной убийственной бомбардировки при неприрывных почти штурмах... Подвиг Подгурского отложил падение Высокой Горы более чем на два месяца: серьезное стратегическое значение Высокой Горы дает полное основание думать, что этим самым на два месяца было отсрочено падение крепости». Орден Георгиевского Креста 4 степени. Позже — золотое оружие «За храбрость».

1906 год — офицер стратегической части Военно-морского учебного отдела МГШ.

Командовал подводной лодкой «Дракон» в 1908—1909 годах, эсминцами «Ретивый» и «Генерал Кондратенко», крейсером «Россия» в 1914—1915 годах, Бригадой, а затем Дивизией подводных лодок Балтийского моря — 1915. Отрядом судов Ботнического залива — 1916. В том же году произведен в контр-адмиралы.

Поле революций остался за рубежом. Намеревался заняться коммерческим мореплаванием. Приехал в 1918 году в Ревель для покупки парохода, но заболел «испанкой» и умер. Похоронен на кладбище Александра Невского.

Капитан 1-го ранга А.П. Белобров: «Он был лихой офицер, любил выпить и команда его любила».

Капитан 1-го ранга Д.И. Дараган: «Подгурский был исключительно инициативным, находчивым и храбрым человеком, отличавшимся склонностью вдаваться в самые необычные и сложные ситуации; отнюдь не человеком, согласным тянуть монотонную лямку выслуживания».

Воистину, скажи мне кто твой друг...

РУКОЮ АННЫ: «...Подгурский сказал, что Александр Васильевич тоже приглашен, но очень занят, так как сдает дела Минной дивизии, и вряд ли сможет быть. Но он приехал. Приехал с цветами хозяйке дома и мне, и весь вечер мы провели вдвоем. Он просил разрешения писать мне, я разрешила.

И целую неделю мы встречались — с вечера до утра. Все собрались на проводы: его любили.

Морское собрание — летнее — в Ревеле расположено в Катринентале. Это прекрасный парк, посаженный еще Петром Великим в честь его жены Екатерины. Мы то сидели за столом, то бродили по аллеям парка и никак не могли расстаться...».

Однако расставаться приходилось не только с милой Анной, но и с родным Балтийским флотом, с десятками верных старых друзей.

Невозможно было побывать на каждом корабле Минной дивизии, разбросанной по всей Балтике, попрощаться с каждой командой, с каждым командиром. Поэтому Колчак оставил в штабе письмо, обращенное сразу ко всем боевым сослуживцам:

«Великую милость и доверие, оказанные мне Государем Императором, я прежде всего отношу к Минной дивизии и тем судам, входящим в состав сил Рижского залива, которыми я имел честь и счастье командовать... Лично я никогда не желал бы командовать лучшей боевой частью, чем Минная дивизия с ее блестящим офицерским составом, с отличными командами, с ее постоянным военным направлением духа, носящим традиции основателя своего покойного ныне адмирала Николая Оттовича. И теперь, прощаясь с Минной дивизией, я испытываю те же чувства, как при разлуке с самым близким, дорогим и любимым в жизни».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В Ревеле, — вспоминал Бубнов, — Колчак в один день сдал командование Минной дивизией и, взяв с собой капитана 1-го ранга М.И. Смирнова — того самого, который был при Дарданелльской операции — для назначения его вместо Кетлинского начальником оперативного отделения штаба Черноморского флота, выехал в тот же день со мной в Ставку».

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Контр-адмирал Смирнов Михаил Иванович. Родился в 1880 году. Вышел из Морского корпуса мичманом в 1899 году в Сибирскую флотилию. Начал службу младшим флаг-офицером Штаба начальника эскадры Тихоокеанского флота. Участвовал в заграничных плаваниях на крейсере «Россия». На нем же встретил японскую войну уже флаг-офицером при командующем флотилией в Тихом океане.

С 1906 году — обер-офицер Морского Генерального штаба. В первую мировую войну — в Минной дивизии. Командовал эскадренным миноносцем «Казанец». Был офицером связи в англо-французской эскадре во время Дарданелльской операции.

20 ноября 1918 года произведен в контр-адмиралы. Морской министр в Сибирском правительстве.

После гражданской войны эмигрировал во Францию. В 1930 году опубликовал написанную им биографическую книгу «Адмирал Колчак», автор других печатных работ, в частности «Действия боевой речной флотилии на Каме в 1919 г.».

Скончался в Лондоне осенью 1940 года.

Именно Михаил Смирнов стал верным оруженосцем адмирала Колчака, его младшим другом и ближайшим помощником. Верность гардемаринской еще дружбе Смирнов сохранил до последних дней своей жизни.

ФЛОТУ СНЯТЬСЯ С ЯКОРЯ!

Путь из Ревеля в Могилев лежал через Псков. Колеса выстукивали четко: «В Став-ку! В Став-ку! В Став-ку!»

Клубы паровозного дыма проносились за вагонными окнами и вязли в придорожных осинах.

В купе курьерского поезда их было трое: капитан 2-го ранга Бубнов, вице-адмирал Колчак и капитан 1-го ранга Смирнов — все в приподнятом, радужном настроении. Колчак достал из походного чемоданчика, кочевавшего с ним по кораблям и вагонам, бутылку старки. Этот жест как бы сгладил разницу в чинах и вызвал веселое

оживление. Колчак первым снял свой белоснежный китель с адмиральскими орлами на широком золоте погон, повесил на плечики, остальные немедленно последовали его примеру. Все остались в одинаково белых шелковых рубашках, отчего в купе стало и вовсе по домашнему просто и весело.

— Ого — довоенная еще! — изучил наклейку Бубнов. Смирнов нарезал лимон и разложил на тарелочке, принесенной проводником, шпроты и маслины. Старку разлили по чайным стаканам — «до места», то бишь на три четверти ниже ватерлинии.

— Ну, Александр Васильевич, — радостно поднял импровизированную «рюмку» Бубнов, — с назначением! Дай тебе Бог оправдать все надежды на тебя возложенные. Не мы — Россия их возложила. Дай Бог!

Огненный напиток разошелся по жилам горячими струями...

— Теперь отвечу на главный вопрос, Александр Васильевич: почему Севастополь, а не Балтика.

Глаза Бубнова враз сделались строгими и озабоченными. Пряный хмель ничуть не туманил его мысли, только придал жару его суждениям:

— С Балтики Берлин не возьмешь. Но ключи от Берлина — в Константинополе. Если мы встанем на Босфоре, значит, младотуркам — конец, значит, Турция немедленно выходит из войны. И вся наша Кавказская армия — а это четверть миллиона штыков — перебрасывается на главные театры — в Галицию и Польшу. Да англичане бы смогли вывести из Египта полста тысяч бойцов и бросить их против немцев во Франции.

Вот и получается, что военная сила противника уменьшается на 700 000 солдат (500 000 турок и 200 000 болгар), а военная сила Антанты возрастает на 300 000 бойцов (250 000 Кавказская армия плюс 50 000 англичан). Конечно, это голые цифры. Но! Разве дисбаланс в миллион человек не сместит центр тяжести войны в нашу пользу?

Далее. Россия немедленно налаживает кратчайшую связь с союзниками через черноморские проливы. К ним идет наше зерно и продовольствие, к нам — их снаряды и прочие военные припасы. Это же не через Архангельск возить...

Если Константинополь падет, за ним посыплется весь Тройственный союз: и София, и Вена...

Босфор надо взять не позднее нынешней осени! Транспортная флотилия готова. Дредноуты готовы. Нужны десантные дивизии. Их

еще не выделили. И нужен флотовождь. Босфор должен быть взят так же верно, как Карфаген должен быть разрушен.

Давайте еще раз, други, — за то, чтобы Колчак-Полярный стал Колчаком-Босфорским!

Выпили быстро — залпом — как пили только в Минной дивизии, запрокидывая голову и выдыхая коротко — «Г-ха», морщась и прибавляя при этом, обращаясь к соседу: «Никогда не пей — гадость!» (На линкорах — споловинивали — пили в два приема.) Закусывали тоже по-разному: на крейсерах — мгновенно, на линкорах — неторопливо, а на миноносцах пили по д з а п а х, нюхая корочку хлеба.

— Простите за длинный спич, — снова начал Бубнов, — но, кажется, англичане готовы уступить нам честь взятия Босфора, а заодно и Дарданелл...

— В чем у них загвоздка вышла? — спросил Колчак, наполняя «рюмки» по третьему кругу.

— А это надо у Смирнова-Дарданелльского спросить. Он там был, он все сам видел. Ну-ка, Миша — дай ответ.

— Уж очень торопились союзники нас обставить. Даже десантного отряда ждать не стали. Решили Дарданеллы в пыль раскатать из шестнадцатидюймовок. Два месяца молотили форты, пока не додумались — без десанта не взять.

— Форты привели к молчанию? — спросил Колчак.

— На время... Турки использовали их как великолепное укрытие для пехоты. Да и потом перешли на кочующие батареи. Второй просчет: траление. В британском флоте траление всегда считалось десятым делом. За то и поплатились. Все корабельные потери — три броненосца — не от артогня, а от подрыва на минах.

— Превосходно! — Колчак азартно хлопнул себя по коленям. — Как у нас на Балтике!

— Так-то оно так, — рассудил Бубнов, — но все же десант они высадили. Заметьте — на прочно занятый и укрепленный берег.

— Но дальше-то не продвинулись, — покачал головой Смирнов. — Воистину, кто спешит, тот опаздывает. Нет никаких сомнений, что прорваться сквозь Дарданеллы шансы у англичан были и немалые. И конечно же, Турция немедленно вышла бы из войны. В Константинополе и без того царил немалая паника. И если бы в Мраморном море появился британский флот, младотурецкое правительство не удержалось у власти и до вечернего намаза.

— Что же выходит, Аллах благоволил Осман-паше? — усмехнулся Бубнов. Смирнов отвечал:

— Иногда успех боя решает последний выстрел. У адмирала Де-Робека¹ не хватило воли, чтобы его сделать. Он прекратил наступление, когда его корабли уже прошли главные минные заграждения! И на всех дарданелльских батареях у турок оставалось всего семь тяжелых снарядов!

— А ведь однажды им все же удалось прорваться через Дарданеллы! — вступил в разговор доселе молчавший Колчак. — В 1807 году английская эскадра из 7 линейных кораблей под флагом сэра Джона Дакуорта прорвалась через Дарданеллы и вошла в Мраморное море. После нескольких дней бесплодного крейсерства сэр Дакуорт убедился, что турецкий султан не намерен сдавать ему ключи от Константинополя. Пришлось возвращаться обратно — под кинжальный огонь дарданелльских батарей, которые турки за дни, проведенные англичанами в Мраморном море, не только привели в порядок, но и значительно усилили. Обратный прорыв обошелся Дакуорту много дороже, чем первый. Воистину, перед входом думай о выходе.

— Вот и я о том же! — воскликнул Бубнов. — Не тогда ли Нельсон изрек: «Любой моряк, который атакует форт, — просто дурак». Без пехоты, без стрелков на Босфор соваться заказано.

Поутру, когда проводник принес чай, Бубнов стал готовить Колчака к встрече с Государем, для чего посвятил его в некоторые «тайны мадридского двора», то бишь Ставки Верховного Главнокомандующего. Смирнову тоже было полезно войти в курс предстоящего дела. Босфорского, разумеется.

— Прежде всего — Государь с нами, с моряками. — отхлебнул крепкого чая Бубнов. — То есть он за Босфорскую операцию — безоговорочно. С нами — Григорович, морской министр — это немало в нашем пасьянсе. С нами начальник Генмора — Русин.

Не с нами и даже против нас — генерал Алексеев, не говоря уже про других армейцев рангами ниже. Но Алексеев — это фигура. Между нами — Государь в военных вопросах ему не перечит. Он в его глазах — непререкаемый авторитет.

У Алексеева же свой пункт. Он считает, что из войны нам надо выводить в первую очередь не Турцию, а Австрию, и потому главный удар надо готовить в Галиции, а не на Босфоре. Ибо, как он (да и большинство армейцев) полагает «ключи от Босфора лежат в Берлине, а дорога на Берлин лежит через Вену».

¹ Адмирал Де-Робек — командующий союзным флотом.

Посему наше положение в Ставке двоумудрое: Государь с нами, но при этом как бы за спиной Алексеева.

Хотите анекдот, правда, генерал-лейтенант Данилов уверяет, что знает случай из первых уст — от военного министра Сухомлинова.

Итак, 1912 год, решается судьба морской программы адмирала Григоровича. Сухомлинов пытается отговорить Государя от больших расходов на флот. На его беду Государь во время аудиенции был случайно в морском мундире. И вот на все инсинуации Сухомлинова против флота он услышал: «Предоставьте, Владимир Александрович, более авторитетно судить о военно-морских вопросах нам — морякам»... Вот так вот, господа!

В ЦАРСКОЙ СТАВКЕ

Могилев. Июль 1916 года.

Ставка Главковерха размещалась в трех каменных губернских особнячках. Колчак с сопровождавшим его кавторангом Смирновым прошел в приемную генерал-адъютанта Алексеева, но в кабинет начальника штаба вся русская армия Колчак прошел один. Однако через несколько минут пригласили и Смирнова. Генерал Алексеев предупредил их, что Государь совершает сейчас свою утреннюю прогулку на автомобиле и что он может вернуться в любую минуту. А пока он введет моряков в обстановку по всем фронтам. Главные же указания даст сам Государь.

Не заходя в особняк, они прошли в яблоневоый сад и двинулись по дорожкам, обсаженным смородиновыми кустами. Бабочка-капустница вспорхнула на полковничий погон императора. Но Николай II меньше всего хотел в эти минуты, чтобы новоиспеченный вице-адмирал видел в нем императора. Взяв Колчака под руку, он повел его вглубь сада. Они были одного роста, шагать в ногу было удобно. У скамьи Николай остановился, но не сел — вытащил портсигар и предложил Колчаку папиросу. Адмирал хотел было отказаться, но понял, что он не нарушит этикета, если закурит сейчас в присутствии монарха. Император сам добивался предельной доверительности предстоявшей беседы, и потому начал ее с обычного человеческого вздоха:

— Завидую вам, Александр Васильевич, в Севастополь поедете... Прекрасный город!

— Да... — запнулся Колчак на словах «Ваше Величество», но не произнес их, следуя предложенному приватному тону. — Мой покойный батюшка воевал в Севастополе в Крымскую кампанию.

— Вот как? — поднял бровь Николай. — Так значит сам Господь позвал вас идти по стопам отца... Но Крымскую-то мы проиграли. Вот нынешний шанс упускать не имеем права! История, потомки не простят ни меня, ни вас...

На слове «вас» император взглянул в глаза моложавого адмирала.

— Союзники обещали мне Босфор и Дарданеллы, но сами-то они этого весьма не хотят. Особенно Англия. Коварный Альбион хочет держать в руках все три ключа от Средиземного моря — Гибралтар, Суэц и Дарданеллы с Босфором. Я даже предполагаю шулерский ход с их стороны. Мы берем Босфор, а они оставляют в своих руках Дарданеллы. Разве не для того они без малого год штурмовали этот пролив? Они уверяют меня, что хотят помочь России сокрушить Великую Порту. Но избави Бог от таких помощников, а с врагами я и сам справлюсь. Ведь справимся, Александр Васильевич, а?

— Так точно — справимся. Я по дороге в Ставку сделал предварительные расчеты. Должны справиться.

— Иного ответа я от вас и не ожидал. Спасибо вам и спасибо туркам — они отчаянно отстаивают наши Дарданеллы от англичан. И пока они еще держатся, вам, господин вице-адмирал, — Николай с улыбкой посмотрел на новенькие погоны Колчака, — надлежит успеть взять оба пролива.

— Генерал Алексеев сказал, что Румыния вот-вот вступит в войну.

— Вот на существенную поддержку от румын рассчитывать никак не приходится. Я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование... — Император огорченно развел руками. — Они уже послали в Румынию свою миссию, боевые припасы... Приходится уступать давлению союзников.

В лучшем случае мы пройдем к Босфору через Болгарию. И тогда ударим по проливам и с суши, и с моря. Но в худшем — вам придется выполнять эту задачу одному, как Ушакову, который брал турецкие острова, полагаясь на силы только морского десанта.

— Для этого надобно сначала завоевать такое же превосходство на море, как Ушаков. И я полагаю, мы это сделаем.

— Я очень ценю вашу уверенность и ваш опыт. Готовьтесь все же к самостоятельному варианту. Бог вам в помощь! Примете это от меня как благословение.

Николай достал из нагрудного кармана маленькую иконку Николая-Чудотворца и, перекрестившись, передал ее адмиралу.

ОРАКУЛ-2000: Мог ли Колчак представить себе, что не пройдет и трех лет, как ему придется снаряжать экспедицию на поиски останков своего августейшего собеседника в сибирской глуши? А потом через год и его кости примет безвестно сибирская река.

Тобольск станет Царьградом...

В последний год двадцатого века Николая Романова и все семейство его признают святыми, и лики их проступят из небытия на иконах...

Их первая беседа заняла час. Потом были и другие. Колчак был немало наслышан об ограниченных военных способностях самодержца и был приятно удивлен, что Николай никак не подтвердил это нелестное мнение. Напротив, выказал широту взглядов и собственное понимание подоплеку непростых событий. Ему очень понравилось и то, что император принял и его помощника Михаила Смирнова, невзирая на невеликий чин.

РУКОЮ БИОГРАФА: «В Ставке адмирал был несколько раз принят Государем, отнесшимся к адмиралу с исключительным вниманием и напутствовавший его иконой. Адмирал говорил мне, что Государь произвел на него чарующее впечатление. Я также имел счастье быть представленному его величеству».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: (Генерал-лейтенант Данилов¹): «Император Николай встречал лиц, являвшихся к нему, хотя и сдержанно, но очень приветливо. Он говорил не спеша, негромким, приятным грудным голосом, обдумывая каждую свою фразу, отчего иногда получались почти неловкие паузы, которые можно было даже принять за отсутствие дальнейших тем для продолжения разговора. Впрочем, эти паузы могли находить себе объяснение и в некоторой застенчивости и внутренней неуверенности в себе. Эти черты Государя выявлялись и наружно — нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов. В речи Императора Николая слышался едва уловимый иностранный

¹ Генерал-лейтенант В.А. Данилов — начальник оперативного отделения Главного штаба (Ставки).

акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять».

...Высочайше утвержденная директива Черноморскому флоту состояла в следующем:

1. Уничтожение или блокирование в Босфоре турецко-германского флота.

2. Борьба с подводными лодками противника на Черном море.

3. Подготовка десантной операции в тыл турецкой армии в районе Самсуна.

4. Содействие Кавказской армии подвозом продовольствия и снабжения морем из Новороссийска и Батума в Трапезунд.

5. Содействие юго-западному фронту подвозом хлеба из Хорлы и Скадовска и угля из Мариуполя в Одессу.

6. Подготовка к овладению Босфором. Для этой цели развитие способности боевого и транспортного флотов одновременно поднять и высадить десант в составе трехдивизионного корпуса.

7. Иметь в готовности для сбора в двухнедельный срок транспорты для посадки и перевозки двух пехотных дивизий с артиллерийской бригадой».

Два последних пункта этого плана занимали мысли Колчака больше всего...

* * *

Тепло распрощавшись с Бубновым, Колчак и Смирнов отправились из Могилева в Севастополь более чем воодушевленные.

На перроне киевского вокзала адмирал заметил знакомый силуэт. Анна?! Обознался... Но как похожа издали. Тимирева мерещилась ему повсюду. Когда Смирнов выходил курить в тамбур, он доставал портрет Анны в русском наряде и пытался оживить ее глазами. И эта женщина сказала ему — «да»!

Боже, как она молода! Он пересчитывал ее годы и свои — вышло, что она могла годиться ему в дочери. Неужели он так стар? Нет, это просто она так молода — 23 года. Ведь вышла же она за Сергея, ничтоже сумняшеся, что кто-то скажет — «неравный брак».

*Капризная, упрямая,
Вы сотканы из роз.
Я старше вас, дитя мое,
стыжусь своих я слез.
Капризная, упрямая,
о как я вас люблю!*

*Последняя весна моя,
Я об одном молю
Уйдите, уйдите, уйдите.
Вы шепчите таинственно:
«Мой юноша седой,
Вы у меня единственный,
Один лишь вы такой...»
Но лаской околдованный
Я сам себя бужу,
И осенью окованный
Сейчас я вам твержу:
Не лгите, не лгите, не лгите...*

Он вспоминал все слова, которые они успели сказать друг другу в Катринентале. Порой сладко кружилась голова — она прошептала ему эти три немыслимых, три заветных слова — «я вас люблю». Чего же еще желать? Только одного — скорейшей встречи. Когда-то она еще будет...

В свои сорок два адмирал знал толк в женщинах. Т а к а я встретила ему впервые. К ее ногам стоило швырнуть ключи от Босфора!

В Севастополь он летел на крыльях любви и будущего подвига — влюбленный и вдохновленный. Именно в таком состоянии души и вершатся великие деяния. Он возьмет Босфор!

«На Бос-фор! — стучали колеса. — На Бос-фор! На Бос-фор!»

ЗАПЕРЕТЬ ВРАТА ЦАРЬГРАДА

Севастополь. Лето 1916 года.

Пока поезд, пройдя предпоследний — инкерманский — тоннель, огибал Северную бухту, адмирал жадно вглядывался из окна в корабли, стоявшие на якорных бочках и у стенок. Это были его корабли. Это с ними ему идти на приступ главного дела жизни и главной цели России в этой войне — на Босфор. Ближе всех к нему высилась стройная серая громадина новейшего дредноута — «Императрицы Марии». Из огромных труб курился бурый дымок — корабль стоял под парами, будто поджидал нового комфлота для того, чтобы немедленно выйти в море...

Севастополь встретил нового командующего флотом вице-адмирала Александра Колчака летним зноем, пронзительной синевой безмятежного, совсем невоенного моря и... секретным доне-

сением морской разведки о выходе германского крейсера «Бреслау» из Босфора на обстрел кавказского побережья. Колчак приказал поднять свой флаг на линкоре «Императрица Мария» и немедленно вышел в море на пересечку вероятного курса вражеского рейдера.

Это было сделано по-макаровски!

В четыре часа дня корабли обнаружили друг друга на встречных курсах.

Первый же залп «Императрицы Марии» взметнул водяные столбы в опасной близости от «Бреслау». Не дожидаясь накрытия линкоровских двенадцатидюймовок, крейсер выпустил дымовую завесу, лег на обратный курс и, пользуясь преимуществом хода, на всех парах ринулся к Босфору.

Так состоялось представление флоту нового командующего. По ритуалу же полагался торжественный обход кораблей, стоящих на якоре посреди Северной бухты.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «В полночь я поднял свой флаг, Эбергард спустил свой, и я вступил в командование в Черном море... Через несколько минут после этого... было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер «Бреслау» вышел из Босфора в море...

Это был единственный выход крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в море за все время командования мною в Черном море».

Среди множества поздравительных писем пришло одно, которое Колчак перечитал несколько раз и отложил в сторону. Это было послание от баронессы Черкасовой, одной из самых красивых женщин российского императорского флота. Ее муж — командир легкого крейсера «Жемчуг» капитан 2-го ранга барон Иван Черкасов вышел с началом войны из Владивостока в южные моря Тихого океана для боевых действий в составе английской эскадры. После поиска немецких пароходов, снабжавших углем германские рейдеры, «Жемчуг» вошел в малайский порт Пенанг и встал на якорь. Команда приступила к щелочению котлов и переборке механизмов, а командир съехал на берег, где его ждала жена, молодая экспансивная особа, следовавшая за мужем из страны в страну. Черкасов посылал ей телеграммы с указанием порта, где они смогут увидеться, и отважная женщина добиралась туда рейсовыми судами. Потом возникла легенда, будто бы германские агенты следили за ней и после очередной депеши мужа вызнали, что «Жемчуг» пойдет в Пенанг. Так это или не так, но только 28 октября 1914 года герман-

ский рейдер «Эмден», поставив четвертую — фальшивую — трубу, чтобы быть похожим на английский крейсер, вошел на рассвете в гавань Пенанга, подкрался к «Жемчугу» и с дистанции кинжального удара выпустил из бортового аппарата торпеду, затем вторую. На крейсере сдетонировал носовой патронный погреб, и через считанные минуты он затонул. Погибло восемьдесят два человека, сто пятнадцать было ранено.

Барон Черкасов за беспечность и оставление корабля был разжалован в рядовые и отправлен на турецкий фронт. Учитывая его немалый морской опыт, барона в солдатских погонах определили поближе к воде — огромному озеру Ван, где была создана небольшая флотилия. Его жена — баронесса В. Черкасова — пыталась всячески смягчить судьбу мужа.

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Искренне и сердечно поздравляю Вас с высоким назначением и Монаршей Милостью.

Сегодня, когда прочла это в газете, не могла удержаться не написать Вам письмо и выразить радости по поводу Вашего назначения. Слава Богу справедливость начинает торжествовать и Россия понемногу отделяется от засосавшей ее рутины.

Вот уже вторично призывают Вас «спасать положение». Десять лет тому назад Вас выбрали для работы в Генеральном штабе, тогда очень нуждались в Вашей помощи; что было потом — писать не буду. Вам лучше меня все известно. Позвольте же мне от всей души пожелать Вам счастья и всякого благополучия. Да хранит Вас Бог от двух врагов: от зависти и злобы людской, а с остальными Вы сумеете справиться сами.

Вы знаете, конечно, какое глубокое горе и несчастье постигло нас, то есть моего мужа; ради Бога прошу верить и понять, что не чувство личного благополучия заставило меня написать Вам это письмо, а совершенно искренняя радость за Вас. Я знаю Вас со слов мужа и знаю, что Вы человек, у которого нельзя искать протекции, а можно только справедливости.

Муж мой разжалованный в нижние чины, теперь получил, будучи в бою с курдами, солдатский орден Св. Георгия. Кроме того, он сделал две трудные самостоятельные операции, как офицер на озере (оз. Урмия в Персии. — Н. Ч.). У него блестящие аттестации, а делу все еще нет хода из боязни Начальника (армейский генерал), что своевременно ли представление его, как посмотрит морское начальство. Всюду рутина.

Извиняюсь, многоуважаемый Александр Васильевич, но я так много перестрадала и измучилась, прошу Вас помогите моему бедному мужу, Вы его знаете. Примите его к себе.

Глубоко Вас уважающая баронесса В. Черкасова.

25 июня (1916)

Ямская ул., дом 34, кв. 3

Тел. 192—25»

Барон Черкасов был восстановлен в звании флотского офицера.

Дела русского флота на Черном море складывались к приезду Колчака гораздо благоприятнее, чем на Балтике. Тут сказывалось в первую очередь наше численное превосходство в корабельном составе. Но качество... Оно оставалось за германо-турецкими рейдерами «Гебен» и «Бреслау». С начала войны два этих имени звучали для черноморцев столь же неразрывно и столь же угрожающе, как библейские Содом и Гоморра или, ближе к жизни, «гром» и «молния».

Заблаговременно пришедшие в Константинополь для усиления союзного турецкого флота, быстроходные крейсера неожиданно появлялись то перед Севастополем, то близ Одессы, то в виду кавказских берегов, наносили артиллерийские удары, а потом, пользуясь превосходством в скорости, безнаказанно исчезали, укрываясь в щели Босфора под надежным заслоном береговых батарей. И хотя их налеты не наносили особого ущерба, все же рейды «Гебена» и «Бреслау» держали в напряжении жителей многих прибрежных городов, угнетающе действовали и на сознание военных моряков. Молва винила в преступном попустительстве прежнего комфлота адмирала Эбергарда, и судьба его в конце концов определилась на волне повсеместных антинемецких настроений.

РУКОЮ БИОГРАФА: «Гораздо существеннее и действеннее с военной точки зрения была боевая деятельность германских подводных лодок, базировавшихся на Константинополь и Евксиноград близ Варны, — писал современник тех далеких событий капитан 1-го ранга Н.С. Чириков. — В ту пору подводные лодки представляли собой новое оружие, появившееся на море, и средства борьбы с ними не были еще достаточно усовершенствованы. Однако Черноморский флот начал энергично принимать меры борьбы с этим новым оружием. Еще в конце 1915 и в начале 1916 годов стали применять так называемую конвойную систему охраны судов морского транспорта, конвоируемых канонерскими лодками и минонос-

цами. Суда охраны были вооружены глубинными бомбами, а их артиллерия — ныряющими снарядами. Подходы к портам русского побережья были ограждены противолодочными сетями. Постепенно начали вооружать пароходы-транспорты мелкой скорострельной артиллерией».

Однако, несмотря на все предосторожности, германские субмарины меньше чем за год потопили девятнадцать русских пароходов (среди них и госпитальное судно «Португаль»). Это были довольно болезненные потери, так как армии юго-западного фронта получали грузы через Одессу, а снабжение войск в Лазистане вообще осуществлялось только по морю.

От Колчака прежде всего ожидали, что он сможет оградить российское Черноморье от налетов германских крейсеров и организовать действенную противолодочную борьбу. Захват проливной зоны становился, таким образом, второочередной задачей.

Еще по дороге в Севастополь, вдохновленный милостивым приемом в Ставке, Колчак решил кардинально изменить ход морской войны на черноморском театре, прибегнув к любимому виду оружия — минному. В самых общих чертах он набросал план широкой минной войны, придав ей не оборонительный, а активный, наступательный характер. Речь шла о том, чтобы выставлять поля «рогатой смерти» не у своих портов, а у выходов из главных вражеских баз, то есть у Босфора и Варны, дабы лишить противника возможности тралить их.

Колчак разделил свои морские силы на три части. Пока одна корабельная группировка блокировала Босфор, вторая — готовилась ей на смену, третья — отдыхала и ремонтировалась. И так поочередно. Минные постановки, по его замыслу, должны были быть массированными, такими, чтобы неприятель не успевал их вытралить. И, наконец, еще одна особенность: ставить минные заграждения Колчак полагал не дальше пяти миль от берега, чтобы не мешать своим кораблям обстреливать босфорские батареи с близкой дистанции, а подводным лодкам — вести свою охоту за одиночными целями.

По расчетам, для подобной операции требовалось две тысячи мин. Однако в Севастополе их оказалось всего четыреста штук. С той же непреклонностью, с какой осуществлял все свои решения, адмирал начал спешно наращивать длинный арсенал. По телефону он убедил морского министра, что доставка недостающих мин не терпит никакого отлагательства, и вскоре в Севастополь прибыл эшелон с опасным грузом. Вслед за ним был вытребован и ведущий

конструктор минного оружия капитан 1-го ранга Шрейбер, создатель специального типа малой противолодочной мины — «рыбки».

Колчак выслал срочный заказ оборонным заводам на девять тысяч «рыбок». И уже в июле 1916 года он смог начать минную блокаду Босфора.

Тридцать первого июля первый в мире подводный минный заградитель «Краб» скрытно выставил сорок мин в самом горле пролива. Позже — 2, 5 и 9 августа — русские эсминцы сбросили в прибофорские воды семьсот двадцать мин, которые и составили шесть линий основного минного заграждения. Чтобы турки не смогли пройти в обход, на флангах поля эсминцы выставили еще сто пятьдесят шесть мин. Почти месяц ни одно судно турецкого флота не смело выйти из Босфора. Правда, за это время противник сумел протралить фарватер у самого берега, пользуясь тем, что минные поля не прикрывались дежурными кораблями и мелкие суда рискнули возобновить свои рейсы. «Гебен» же и «Бреслау» отстаивались на якорях в Золотом Роге.

Осенние штормы и турецкие тральщики проредили минные поля. Надо было что-то придумать, чтобы перекрыть все обходные пути, а заодно и усилить прежние заграждения. Но как? Подойти ближе к берегу, войти в горло пролива мешали свои же собственные минные поля. Это эсминцам, а если пустить суда с малой осадкой? Колчак озаботил всех своих помощников поиском таких судов и вскоре уже осматривал одно из предложенных. Это была плоскодонная паровая шхуна из семейства так называемых «эльпидифоров», которые строились специально для небольшого Азовского моря.

Адмирал остановил свой выбор на двух «эльпидифорах», подумав о том, что команды для них нужно набирать из охотников. Но чем-чем, а сорви-головами русский флот всегда был богат.

Темной октябрьской ночью два минных заградителя притащили на буксире пару груженных минами «эльпидифоров». У внешней кромки заграждения паровые шхуны отдали буксиры и тихо двинулись по минному полю к темнеющим берегам Босфора. Под их днищами покачивались заякоренные рогатые шары: каждого бы из них хватило, чтобы разнести утлое суденышко вдребезги. Командиры «эльпидифоров» сознавали также и то, что взрыв, случись он ненароком, будет таким, что разбудит весь Константинополь. Ведь рванут разом все двести двадцать мин на борту шхуны. Тем не менее первый «рейс смерти» прошел благополучно. «Эльпидифоры» выставили на протраленных турками путях четыреста сорок мин и к утру вернулись к поджидавшим их минным заградителям. Днем на волне — дьявольская работенка: команды «эльпидифоров» перегрузили с кораблей по

второму комплекту мин и ночью снова ушли к берегу. И вот так к концу года было выставлено у Босфора две тысячи восемьдесят восемь мин, у Варны — семьсот сорок. На них подорвались вражеский эскадренный миноносец, четыре германские подводные лодки, множество фелюг и углевозных шаланд... Но самое главное — германотурецкие рейдеры оказались прочно заблокированными в Босфоре, где они простояли весь конец 16-го года и начало 17-го.

Титанический труд русских минеров немецкий историк контр-адмирал Лорей оценит в своем фундаментальном исследовании так:

«...Постановка минных заграждений у Босфора и Варны русскими морскими силами летом и осенью 1916 года явилась операцией во всех отношениях замечательной. По приблизительному подсчету, ими было поставлено от 1800 до 2000 мин заграждения. Для выполнения этого задания они пользовались многими ночами, потому что лишь ночью им можно было приближаться к берегу. Их линии заграждений тянулись до самого очертания побережья вплотную к берегу и новые ставились так близко от прежде поставленных, что ловкость, отчетливость и уверенность, с которой русские избегали своих же, на малую глубину ранее поставленных мин, поистине достойна удивления. В качестве приметных пунктов они обычно пользовались ракетной или спасательной станциями...»

За все время пребывания флота под началом адмирала Колчака русская транспортная флотилия потеряла лишь один пароход. Снабжение действующей армии ни разу не было прервано, в то время как Турция терпела самый настоящий энергетический кризис из-за того, что перевозка морем топлива из угольного района Зонгулдак была перекрыта русскими кораблями.

Первая директива Ставки Черноморскому флоту — добиться полного господства на море — была выполнена. Наступал следующий этап осуществления стратегической задачи — взять в свои руки Босфор и Дарданеллы. Верховное командование назначало срок — лето 1917 года. Именно к этому времени, рассчитывала Ставка, наступит общий перелом в затянувшейся войне, когда русская армия и войска союзников поведут наступление на всех фронтах.

Адмирал Колчак начал готовить детальный план грандиозной операции. Прежде всего он учел печальный опыт англо-французской эскадры, годами штурмовавшей Дарданеллы без поддержки наземных войск.

Овладение Босфором, по замыслу адмирала, должно было начаться с высадки большого десанта на его скалы, который бы привел к молчанию береговые батареи турок, прикрывавших вход в

узкий пролив с высоких круч. Только после этого по протраленным фарватерам корабли врывались в морские врата Царьграда.

Уже была сформирована транспортная флотилия для переброски десанта.

Уже были розданы командирам штурмовых отрядов подробные тактические наставления.

Уже была создана служба связи для руководства десантом с кораблей. Но в ход операции властно вмешались форс-мажорные обстоятельства: Февральская революция, брожение в войсках, падение дисциплины...

Глава пятая

ЛУЧШИЙ КОРАБЛЬ ФЛОТА

Седьмого октября 1916 года в 8 час. 45 мин. в Главную Ставку пришла срочная телеграмма на имя Государя от командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака. Никто не хотел относить ее императору:

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: Сегодня в 7 час. 17 мин. на рейде Севастополя погиб линейный корабль «Императрица Мария». В 6 час. 20 мин. произошел внутренний взрыв носовых погребов и начался пожар нефти. Тотчас же начали затопление остальных погребов, но к некоторым нельзя было проникнуть из-за пожара. Взрывы погребов и нефти продолжались, корабль постепенно садился носом и в 7 час. 17 мин. перевернулся. Спасенных много, число их выясняется.

Колчак»

Телеграмма Николая II Колчаку

7 октября 1916 г. 11 час. 30 мин.

«Скорблю о тяжелой потере, но твердо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесете это испытание.

Николай».

А КАК ВЕЛИКОЛЕПНО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...

С того самого первого своего севастопольского дня, когда, подняв на линкоре комфлотовский флаг и выйдя в море на перехват «Бреслау», «Императрица Мария» стала его любимицей... Он не раз еще выходил на ней в море, с гордостью представлял корабль государю императору во время высочайшего смотра, на нем же положил себе войти в освобожденный Царьград... Не раз мечтал «познакомить» Анну с «Марией», то есть увидеть на широчайшей палубе линкора свою возлюбленную, придумывая для этого невозможные почти сказочные комбинации...

Линкор, построенный в Николаеве, по праву считался гордостью отечественного судостроения.

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ: «Современники и много лет спустя, — отмечал писатель Анатолий Елкин, — не переставали им восхищаться — ...Черное море еще не знало таких дредноутов, как «Императрица Мария».

Водоизмещение дредноута определялось в 23 600 тонн. Скорость корабля 223/4 узла, иначе говоря, 223/4 морской мили в час, или около 40 километров. За один прием «Императрица Мария» могла взять 1970 тонн угля и 600 тонн нефти. Всего этого топлива для «Императрицы Марии» хватало на восемь суток похода при скорости 18 узлов. Команда корабля 1260 человек вместе с офицерами...

Корабль располагал шестью динамо-машинами: четыре из них боевые и две вспомогательные. В нем помещались турбинные машины мощностью в 10 000 лошадиных сил каждая. Для приведения башенных механизмов в действие на каждой башне имелось 22 электрических мотора... В четырех трехорудийных башнях размещались двенадцать обуховских двенадцатидюймовок. Палуба была предельно освобождена от надстроек, что весьма расширяло секторы обстрела башен главного калибра. Вооружение «Марии» дополняли еще тридцать две пушки различного назначения: противоминные и зенитные. В дополнение к ним были устроены подводные торпедные аппараты. Броневой пояс толщиной без малого четверть метра проходил по всему борту линкора, а сверху цитадель прикрывалась толстой броневой палубой.

Словом, это была многопушечная быстроходная бронированная крепость. Такой корабль и в наше время, в эпоху авианосцев, ра-

кетных крейсеров и подводных атомоходов, мог бы быть зачислен в боевой строй любого флота.

Больше года «Императрица Мария» участвовала в боевых походах. Осенью 1915 года линкор прикрывал ударную группу русских кораблей в стратегической операции по отсечению главных баз турецкого флота от угольного района Зонгулдак. В октябре того же года «Мария» дважды вместе с другими кораблями громила порты на вражеском побережье. В ноябре корабль снова выходил на блокаду Угольного района.

В апреле 1916 года «Мария» прикрывала высадку казачьего десанта на побережье Лазистана. В июле она вела бой с германским линкором «Бреслау» и заставила его скрыться в Босфоре почти до конца войны.

Незадолго до гибели линкор прикрывал минную постановку, защищавшую подходы к союзническому порту Констанца...

На «Марию» возлагалось слишком много надежд; и хотя еще не все механизмы корабля были доведены до боевого совершенства и к самостоятельным действиям линкор не совсем был готов, ему не было дано стоять в бездействии у стенки. Через какие-то месяцы вахтенный журнал «Императрицы Марии» пестрел сводом боевых реляций с самых напряженных участков битвы на морском театре войны. Уже 30 сентября 1915 года «Мария» вместе с крейсером «Кагул» и пятью эскадренными миноносцами прикрывает ударный отряд флота — вторую бригаду линейных кораблей «Евстафия», «Иоанна Златоуста» и «Пантелеймона», крейсеров «Алмаз» и «Память Меркурия», семь эсминцев — нанесших ощутимый удар противнику в юго-западной части моря. Более 1200 снарядов обрушили тогда корабли на Зонгулдак, Козлу, Килимли и Эрегли.

А потом было все — отражение атак немецких субмарин, тяжелые штормовые походы, ожесточенные бои, ответственнойшие операции.

1—2 ноября «Мария» и «Память Меркурия», держа под прицелом своих орудий выходы из Босфора, прикрывают действия русской эскадры в Угольном районе. 23—25 ноября «Мария» снова здесь. Моряки видят, как пылает вражеский порт Зонгулдак и стоящий на рейде пароход. Эскадра стремительно прошла вдоль берегов Турции, потопив два неприятельских судна.

Боевой счет «Марии» рос от дня ко дню. 2—4 февраля она прикрывает эскадру, поддерживающую с моря наступление у Виге. Турки были отброшены тогда к Агине. Потом операция по переброске войск для усиления Приморского отряда. На «Марии» дер-

жит флаг командующий флотом (адмирал Колчак. — Н. Ч.). Линкор прикрывает постановку мин у Констанцы, несет боевую патрульную службу в море, а с 29 февраля идет на перехват обнаруженного в Синопской бухте «Бреслау». Пирату чудом удалось уйти, но 12-дюймовые орудия «Марии» наконец настигают его. Правда, «Бреслау» отделался маленькими повреждениями, но его крейсерская операция была сорвана. Преследуемый «Марией», «Бреслау» укрылся в Босфоре.

Появление «Марии» и «Екатерины Великой» на коммуникациях означало также, что время безнаказанных действий на море кайзеровских пиратов «Гебена» и «Бреслау» кончилось: в первой половине 1916 года «Гебен» всего три раза рискнул высунуться из Босфора.

Одним словом, новые русские линкоры, уже успевшие причинить немцам великое множество неприятностей, становились для кайзеровского флота врагами № 1.

Над тем, как их уничтожить, бились не только лучшие умы в германском морском генеральном штабе, но и в кабинетах руководителей тайной войны против России».

* * *

«В течение августа и сентября никаких особо выдающихся событий не произошло, — сообщал бывший офицер штаба командующего Черноморским флотом капитан 2-го ранга А. Лукин, — «Мария» продолжала выполнять очередные задачи по прикрытию различных операций и перегруппировки войск.

Делегацией от города Севастополя, во главе с городским головой г. Ергопуло, ей был поднесен роскошный шелковый кормовой флаг, торжественно освященный на шканцах в присутствии самого командующего.

В августе произошла смена командиров. Князь Трубецкой был назначен начальником минной бригады, а в командование «Императрицей Марией» вступил капитан 1-го ранга Кузнецов.

6-го октября «Мария» в последний раз вернулась с моря...

Для Севастополя октябрь столь же роковой месяц, как для Москвы — август.

Взрыв на заре.

Гром грянул 7 октября 1916 года в Северной бухте Севастополя. Взорвался новейший и крупнейший корабль русского флота — линкор «Императрица Мария»...

7 октября в 6 часов 20 минут матросы, находившиеся в каземате № 4, услышали резкое шипение, идущее из погребов носовой башни главного калибра. Вслед за тем из люков и вентиляторов, расположенных в районе башни, вырвались клубы дыма и пламени. До рокового взрыва оставалось две минуты... За эти сто двадцать секунд один из матросов успел доложить вахтенному начальнику о пожаре, другие раскатали шланги и стали заливать водой подбашенное отделение. Но катастрофу уже ничто не могло предотвратить.

РУКОЮ СОВРЕМЕННОКА: (старший флагманский офицер минной дивизии Черного моря капитан 2-го ранга А.П. Лукин): «В умывальнике, подставляя головы под краны, фыркала и плескалась команда, когда страшный удар грохнул под носовой башней, свалив с ног половину людей. Огненная струя, окутанная ядовитыми газами желто-зеленого пламени, ворвалась в помещение, мгновенно превратив царившую здесь только что жизнь в груды мертвых, сожженных тел...

Страшной силы новый взрыв вырвал стальную мачту. Как катушку, швырнул к небу броневую рубку (25 000 пудов). Взлетела на воздух носовая дежурная кочегарка. Корабль погрузился во тьму.

Минный офицер лейтенант Григоренко бросился к динамо, но смог добраться только до второй башни. В коридоре бушевало море огня. Грудами лежали совершенно обнаженные тела.

Взрывы гудели. Рвались погреба 130-миллиметровых снарядов.

С уничтожением дежурной кочегарки корабль остался без паров. Нужно было во что бы то ни стало поднять их, чтобы пустить пожарные помпы. Старший инженер-механик приказал поднять пары в кочегарке № 7. Мичман Игнатьев, собрав людей, бросился в нее.

Взрывы следовали один за другим (более 25 взрывов). Детонировали носовые погреба. Корабль кренился на правый борт все больше и больше, погружаясь в воду. Вокруг кишели пожарные спасательные пароходы, буксиры, моторы, шлюпки, катера...

Последовало распоряжение затопить погреба второй башни и прилегающие к ним погреба 130-мм орудий, чтобы перегородить корабль. Для этого нужно было проникнуть в заваленную трупами батарейную палубу, куда выходили штоки клапанов затопления, где бушевало пламя, клубились удушливые пары и каждую секунду могли сдетонировать заряженные взрывами погреба.

Старший лейтенант Пахомов (трюмный механик) с беззаветно отважными людьми вторично ринулся туда. Растаскивали обугленные, обезображенные тела, горами завалившие штоки, причем руки, ноги, головы отделялись от туловищ. Пахомов со своими героями освободили штоки и наложили ключи, но в этот момент вихрь сквозняка метнул в них столбы пламени, превратив в прах половину людей. Обожженный, но не сознающий страданий, Пахомов довел дело до конца и выскочил на палубу. Увы, его унтер-офицеры не успели... Погребца сдетонировали, ужаснейший взрыв захватил и разметал их, как осенняя выюга опавшие листья...

В некоторых казематах застряли люди, забаррикадированные лавой огня. Выйди — сгоришь. Останешься — утонешь. Их отчаянные крики походили на вопли безумцев. Некоторые, попав в капканы огня, стремились выброситься в иллюминаторы, но застревали в них. По грудь висели над водой, а ноги в огне.

Между тем в седьмой кочегарке кипела работа. Зажгли в топках огни и, выполняя полученное приказание, подымали пары. Но крен вдруг сильно увеличился. Поняв грозящую опасность и не желая подвергать ей своих людей, но полагая все же, что нужно поднимать пар — авось пригодится, — мичман Игнатьев крикнул:

— Ребята! Топай наверх! Ждите меня у антресолей. Понадобится — позову. Я сам перекрою клапана.

По скобам трапа люди быстро вскарабкались наверх. Но в этот момент корабль опрокинулся. Только первые успели спастись. Остальные вместе с Игнатьевым остались внутри... Долго ли жили они и чего натерпелись в воздушном колоколе, пока смерть не избавила их от страданий?

Много позже, когда подняли «Марию», нашли кости этих героев долга, разбросанные по кочегарке...»

Всего на линкоре погибло 216 человек, ранено и обожжено.

Жертв могло быть и больше, если бы часть экипажа не творила утреннюю молитву в корме корабля.

О чем рассказывали вахтенные журналы.

Итак, седьмого октября 1916 года город и крепость Севастополь были разбужены взрывами, разнесшимися над притихшей гладью Северной бухты. Люди бежали к гавани, и их глазам открывалась жуткая, сковывающая холодом сердце картина. Над новейшим линейным кораблем Черноморского флота — над «Императрицей Марией» — поднимались султаны черного дыма, разрезаемые молниями чередующихся почти в математической последовательности взрывов.

*Участники экспедиции барона Э. Толля с командой «Зари»
в Александровске-на-Мурмане. 1900 г.*

*Контр-адмирал Н. Коломейцов
командовал шхуной «Заря»*

Шхуна «Заря»

Гидрограф Русской полярной экспедиции лейтенант А.В. Колчак проводит исследования в Карском море

Северная Земля еще не открыта. Группа офицеров с ледокольного парохода «Вайгач». В центре первого ряда — командир корабля капитан 2-го ранга А.В. Колчак, за его спиной (второй справа) — будущий командир шхуны «Святая Анна» лейтенант Георгий Брусилов. Снимок сделан в Гавре, на переходе с Балтики на Дальний Восток. 1909 г.

*Ольга Ильинична Колчак
(урожденная Посохова) —
мать адмирала*

*Софья Омирова —
невеста А.В. Колчака*

*Певица Е. Сорокина исполняет романс «Гори, гори, моя звезда...».
Севастополь. 1916 г.*

*Дом № 3 по ул. Большой Зелениной в Санкт-Петербурге,
где квартировала семья А.В. Колчака накануне
Первой мировой войны. Фото 2000 г.*

*Дом в Гатчине, где снимала квартиру семья капитана 1-го ранга
А.В. Колчака в начале Первой мировой войны. 1914—1915 гг.
Фото 1998 г.*

Эскадренный миноносец «Сибирский стрелок» под флагом начальника Минной дивизии контр-адмирала А.В. Колчака. 1915 г.

Контр-адмирал Александр Бубнов — покровитель А.В. Колчака в царской ставке

Линкор «Императрица Мария» на Севастопольском рейде. 1916 г.

*Улыбающийся А.В. Колчак
сфотографирован английским
офицером на Балтике в 1916 г.*

*Вице-адмирал А.В. Колчак держал в повиновении
Черноморский флот до последней возможности*

Адмирал А.В. Колчак со своим штабом на фронте. 1919 г.

Будучи родом из казаков, А.В. Колчак хорошо держался в седле

Резиденция А.В. Колчака в Омске

Вручение наград на фронте. 1919 г.

*Семья контр-адмирала
С.Н. Тимирева. Гельсингфорс*

А.В. Колчак в парадной форме

*Анна Тимирева
(урожденная Сафонова)*

Посещение госпиталя в Омске. На заднем плане — Анна Тимирева

*Анна Васильевна Тимирева (Книпер).
Тюремное фото. 1938 г.*

*Семья адмирала Колчака
во Франции: Софья Федоровна
с сыном Ростиславом и внуком
Сашенькой. Сын был призван во
французскую армию, участвовал
в боях с немцами.
Лонжюмо. 1939 г.*

*Сыновья адмиралов мятежных флотов (слева направо):
сын контр-адмирала А. Развозова Владимир, сын контр-адмирала
Ю. Старка Борис и сын адмирала А. Колчака Ростислав. Париж*

*Софья Федоровна Колчак:
«Я простила ему все».
Париж. Послевоенные годы*

Анна Васильевна Тимирева. 39 лет лагерей и ссылок. Москва, 1975 г.

*Лейтенант Владимир Колчак 1-й,
вынужденный стать в советские
годы Александровым*

*Михаил Владимирович Александров
у мемориальной доски в честь
А.В. Колчака в Санкт-Петербурге.
2002 г.*

*Последний приют Анны Тимиревой
(Книпер). Москва, Ваганьковское
кладбище. Фото 2002 года*

В те страшные минуты было не до хронометража событий, но позднее, по записям в вахтенном журнале стоящего неподалеку от «Марии» линкора «Евстафий», можно было проанализировать последовательность происходящего:

«6 часов 20 минут — На линкоре «Императрица Мария» большой взрыв под носовой башней.

6 часов 25 минут — Последовал второй взрыв, малый.

6 часов 27 минут — Последовали два малых взрыва.

6 часов 30 минут — Линкор «Императрица Екатерина» на буксире портовых катеров отошел от «Марии».

6 часов 32 минуты — Три последовательных взрыва.

6 часов 35 минут — Последовал один взрыв. Спустили гребные суда и послали к «Марии».

6 часов 37 минут — Два последовательных взрыва.

6 часов 47 минут — Три последовательных взрыва.

6 часов 49 минут один взрыв.

7 часов 00 минут — Один взрыв. Портовые катера начали тушить пожар.

7 часов 08 минут — Один взрыв. Форштевень ушел в воду.

7 часов 12 минут — Нос «Марии» сел на дно.

7 часов 16 минут — «Мария» начала крениться и легла на правый борт».

Телеграмма А. В. Колчака начальнику Генерального морского штаба адмиралу А. И. Русину.

Секретно № 8997

7 октября 1916 г.

«Пока установлено, что взрыву носового погреба предшествовал пожар, продолжавшийся ок. 2 мин. Взрывом была сдвинута носовая башня. Боевая рубка, передняя мачта и труба взлетели на воздух, верхняя палуба до второй башни была вскрыта. Пожар перешел на погреба второй башни, но был потушен. Последовавшим рядом взрывов числом до 25 вся носовая часть была разрушена. После последнего сильного взрыва ок. 7 час. 10 мин. корабль начал крениться на правый борт и в 7 час. 17 мин. перевернулся килем вверх на глубине 8,5 сажень. После первого взрыва сразу прекратилось освещение и нельзя было пустить помпы из-за перебитых трубопроводов. Пожар произошел через 20 мин. после побудки команды, никаких работ в погребах не производилось. Установлено, что причиной взрыва было возгорание пороха в носовом 12-дм¹ погребе, взрывы снарядов явились как следствие. Основной

причиной может быть только или самовозгорание пороха или злоумышление. Командир спасен, из офицерского состава погиб инженер-механик мичман Игнатьев, нижних чинов погибло 320. Присутствуя лично на корабле свидетельствую, что его личным составом было сделано все возможное для спасения корабля. Расследование производится комиссией.

Колчак».

* * *

Колчак был потрясен гибелью лучшего корабля своего флота. Боль была бы не так остра, если бы «Мария» погибла в бою. Но в родной гавани... Почему? По чьей вине или по чьему умыслу рванули погреба на дредноуте?

Да, на все воля Божья... И стоя на панихиде во Владимирском соборе, Александр Васильевич пытался постичь этот удар судьбы, как плату за свои военные удачи на Балтике, за свое скоропалительное вице-адмиральство, за свою нечаянную и ответченную любовь... Быть может, это знамение свыше, которое не предвещает ничего хорошего ни ему, ни флоту. Ведь на борту погибшего линкора было имя не просто императрицы, но самой Богородицы...

Архиепископ Таврический Дмитрий, утешая его в письме, распределял вину за трагедию в Северной бухте на всех, но он-то знал — *mea culpa*, моя вина. Письмо это, подписанное и настоятелем Херсонесского монастыря Сильвестром, Колчак носил у сердца — в левом нагрудном кармане белого кителя:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Васильевич!

Сегодня, по попущению Божьему и, несомненно, по грехам всех нас — сынов России, создалась общая отечественная скорбь, которая прежде всего и более всех поразила Ваше благородное сердце.

Вместе с Вами безмерно скорбим и мы, наш дорогой отважный вождь, и, братски обнимая Вас, вслед за святым Христовым Апостолом, громко говорим Вам: «Мужайтесь и да крепится сердце Ваше». Идет великая война, потери неизбежны, погибло и наше любимое военное судно, наша гордость, наша похвала... Но милостив Господь, не до конца Он будет гневаться на нас, Он же

¹ 12-дюймовом. — Н Ч

найдет и укажет пути, коими покроется и облегчится наша общая русская скорбь. В беде познаются люди. Вы наш мужественный вождь, Вас полюбила вся Россия; Отечество стало верить в Ваши силы, в Ваше знание и возлагает на Вас все свои надежды на Черное море. Проявите же и ныне присущие Вам славное мужество и непоколебимую твердость. Посмотрите на совершившееся прямо как на гнев Божий, поражающий не Вас одного всех нас — Его Творца и Промыслителя русских чад, и, оградив себя крестным знамением, скажите: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно Имя Его во веки».

Вы всем нам обязаны перед Господом показать в эти страшные времена пример мужества, бодрости, терпения и светлой надежды на наше будущее. Помните, вождей избирает помазанник Божий по особому внушению Божественного духа. Вожди нужны для Отечества, они должны хранить свое сердце, свою жизнь для благоденствия народа. Храните же себя, наш любимый вождь, и да пошлет свыше Отец наш небесный каплю благодатной росы Своей для погашения возгоревшегося в неповинном сердце Вашем жестокого огня печали.

Пишу Вам из Херсонесского монастыря; думал посетить Вас сегодня, но совершившееся изменило решение. Выраженное в письме вполне разделяет и Преосвященный Сильвестр и закрепляет своей подписью. Не печальтесь же, наш родной вождь. Господа ради не забывайте, что весь народ Вас любит и верит в Вас, Вы принадлежите не себе, а всему русскому народу, посему Вы обязаны хранить свою жизнь, свое здоровье. Все это говорим мы Вам как епископы Божьей Церкви, выразители совести Богом и царем вверенного нашему духовному руководству части русского народа.

*Дмитрий, Архиепископ Таврический и
Симферопольский Сильвестр, Епископ Севастопольский».*

Вечером скорбного дня адъютант подал ему телеграмму от доброго друга — командующего Балтийским флотом вице-адмирала Адриана Ивановича Непенина: «Ничего, дружище, все образуется. Непенин».

Однако никакие утешения и благопожелания не могли вывести Колчака из глубокой депрессии.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Гибель «Императрицы Марии» глубоко потрясла Колчака, — писал начальник морского управления Цар-

ской ставки контр-адмирал А. Д. Бубнов. — Со свойственным ему возвышенным пониманием своего начальнического долга, он считал себя ответственным за все, что происходило на флоте под его командой, и потому приписывал своему недосмотру гибель этого броненосца, хотя на самом деле тут ни малейшей вины его не было. Он замкнулся в себе, перестал есть, ни с кем не говорил, так что окружающие начали бояться за его рассудок. Об этом начальник его штаба немедленно сообщил по прямому проводу нам в Ставку.

Узнав об этом, государь приказал мне тотчас же отправляться в Севастополь и передать А. В. Колчаку, что он никакой вины за ним в гибели «Императрицы Марии» не видит, относится к нему с неизменным благоволением и повелевает ему спокойно продолжать его командование.

Прибыв в Севастополь, я застал в штабе подавленное настроение и тревогу за состояние адмирала, которое теперь начало выражаться в крайнем раздражении и гнев.

Хотя я и был по прежним нашим отношениям довольно близок к А. В. Колчаку, но, признаюсь, не без опасения пошел в его адмиральское помещение; однако переданное мною ему милостивые слова Государя возымели на него чрезвычайно благотворное действие, и после продолжительной дружеской беседы он совсем пришел в себя, так что в дальнейшем все вошло в свою колею и командование флотом пошло своим нормальным ходом».

Прислал свою телеграмму и морской министр — адмирал И. К. Григорович:

«С чувством глубокой скорби узнал вчера по приезде из Ставки о гибели корабля с большей частью его личного состава. Слова государя на Вашу телеграмму да поддержат Вас в этой тяжелой потере. Приму меры к скорейшему изготовлению третьего корабля. Да хранит Вас Господь. Григорович».

Колчак ответил ему прочувствованным письмом:

«Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемый Иван Константинович!

Позвольте принести Вам мою глубокую благодарность за внимание и нравственную помощь, которую Вы оказали мне в письме Вашем от 7-го сего октября. Мое личное горе по поводу лучшего корабля Черноморского флота так велико, что временами я сомневался в возможности с ним справиться. Я всегда думал о возможности потери корабля в военное время в море! и готов к этому, но

обстановка гибели корабля на рейде и в такой окончательной форме действительно ужасна. Самое тяжелое, что теперь осталось и, вероятно, надолго, если не на всегда, — это то, что действительных причин гибели корабля никто не знает и все сводится к одним предположениям. Самое лучшее было бы, если оказалось возможным установить злой умысел — по крайней мере было бы ясно, что следует предвидеть, но этой уверенности нет и никаких указаний на это не существует...»

Но самое желанное письмо пришло 13 октября. Колчак сразу же нашел его в ворохе казенной корреспонденции, сразу же узнал милый почерк:

«Дорогой, милый Александр Васильевич, отправила сегодня утром Вам письмо, а вечером мне сообщили упорно ходящий по городу слух о гибели «Императрицы Марии». Я не смею верить этому, это был бы такой ужас, такое громадное для всех нас горе. Единственно, что меня утешает, это совершенно темные подробности, которым странно было бы верить. Вероятно, все-таки есть какие-нибудь основание к этому, ну, авария какая-нибудь, пожар, но не гибель же в самом деле лучшего из наших кораблей, не что-нибудь такое совсем непоправимое. С этим кораблем, которого я никогда не видела, я сроднилась душой за то время, что Вы в Черном море, больше, может быть, чем с любым из наших, близких мне и милых привычных кораблей здесь. Я привыкла представлять его на ходу во время операций, моя постоянная мысль о Вас так часто была с ним связана, что я не могу без ужаса и тоски подумать, что, может быть, все это правда и его больше нет совсем. Если же все-таки это так, то я понимаю, как это особенно должно быть тяжело для Вас, дорогой Александр Васильевич. В эти, такие черные минуты, которые Вы должны переживать тогда, что я могу, Александр Васильевич, — только писать Вам о своей тоске и тревоге и бесконечной нежности и молиться Господу, чтобы он помог Вам, сохранил Вас и дал Вам силу и возможность отомстить за нашу горькую потерю. Где-то Вы сейчас, милый далекий Александр Васильевич. Хоть что-нибудь узнать о Вас, чего бы я не дала за это сейчас. И так у нас на фронтах нехорошо, а тут, в Петрограде, все время слышишь только разговоры о повсеместном предательстве, о том, что при таких обстоятельствах все равно напрасны все жертвы и все усилия наших войск, слухи один другого хуже и ужаснее — прямо места себе не находишь от

всего этого. Да и без всяких слухов довольно и того, что подтверждается официальными донесениями, чтобы не быть в очень розовом состоянии духа. Но слух о «Марии» положительно не укладывается у меня в уме, я хочу себе представить, что это правда, и не могу. Постараюсь завтра узнать от Романова, есть ли какие-нибудь основания, сейчас же бросаю писать, т.к. все равно ни о чем больше писать не могу, а об этом говорить никакого смысла не имеет. Если б только завтра оказалось, что это дежурная городская сплетня и больше ничего. До свидания, Александр Васильевич, да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

14 октября

«Сейчас получила от Романова Ваше письмо, Александр Васильевич, отнявшее у меня последнюю надежду, очень слабую надежду на то, что гибель «Императрицы Марии» только слух. Что мне сказать Вам, какие слова найти, чтобы говорить с Вами о таком громадном горе? Как ни тяжело, как ни горько мне, я понимаю, что мне даже представить трудно Ваше душевное состояние в эти дни. Дорогой Александр Васильевич, Вы пишете: «Пожалейте меня, мне тяжело». Не знаю, жалость ли у меня в душе, но видит Бог, что если бы я могла взять на себя хоть часть Вашего великого горя, облегчить его любой ценой, — я не стала бы долго думать над этим. Сегодня до получения Вашего письма я зашла в пустую церковь и молилась за Вас долго этими словами. Если я радовалась каждому Вашему успеху и каждой удаче, то последнее несчастье также большое горе для меня. За всю войну я помню только три события, которые так были бы ужасны для меня, — Сольдау, оставление Варшавы и день, когда был убит мой брат. Вы говорите о расплате за счастье — эта очень тяжелая расплата не соответствует тому, за что приходится платить. Будем думать, Александр Васильевич, что это жертва судьбе надолго вперед и что вслед за этим ужасом и горем будут более светлые дни. Вы говорите, что жалеете о том, что пережили гибель «Марии», если бы Вы знали сколько на Вас надежд, сколько веры в Вас приходится подчас мне видеть, Вы не говорили бы этого даже в такие тяжелые минуты. Милый Александр Васильевич, что бы я дала за то, чтобы повидать Вас, побыть с Вами, может быть, я сумела бы лучше говорить с Вами, чем сейчас писать, так трудно лучше передать мое безграничное участие к Вашему горю. Если это что-

нибудь значит для Вас, то знайте, дорогой Александр Васильевич, что в эти мрачные и тяжелые для Вас дни я неотступно думаю о Вас с глубокой нежностью и печалью, молюсь о Вас так горячо, как только могу, и все-таки верю, что за этим испытанием Господь опять пошлет Вам счастье, поможет и сохранит Вас для светлого будущего.

До свидания, милый далекий друг мой, Александр Васильевич, еще раз — да хранит Вас Господь.

Анна Тимирева

P.S. Это письмо я пошлю через Генеральный штаб, т.к. иначе они идут очень долго; Вы же, Александр Васильевич, милый, если соберетесь написать мне, пишите на Шпалерную, 32, кв. Плеске — я здесь живу и вряд ли еще скоро уеду.

Анна Т.»

Вряд ли у кого из влюбленных на белом свете был столь надежный канал связи, как фельдъегерская служба Морского Генерального штаба, и столь надежный поверенный в сердечных делах, как офицер того же Штаба капитан 2-го ранга Владимир Вадимович Романов.

* * *

Спустя месяц после катастрофы в Севастополе, 8 ноября 1916 года, в 13 часов, в Архангельском порту прогремел взрыв еще большей силы, чем на злосчастной «Марии». Взлетел на воздух «по неизвестной причине» транспорт «Барон Дризен», груженный по горловины трюмов полутора тысячью тонн тротила, бездымного пороха, мелинита. Обломки судна разлетелись так далеко, что их находили потом даже на путях железной дороги.

Немногие уцелевшие свидетели рассказывали, что предвестником взрыва был хлопок, напоминавший выстрел из охотничьего ружья. Стихия огненного удара (по мощи своей в десятую часть атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму) убила, обожгла, искалечила 810 человек, уничтожила три судна и столько же плавкранов, пять паровозов, причинила огромные разрушения береговым постройкам.

Рассуждая о причинах гибели «Барона Дризена», известный исследователь Константин Пузыревский не исключает «диверсионный акт со стороны германских тайных агентов с целью экономического и военного ослабления своего противника».

«МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТРУБОЧКИ В ЖЕНСКОМ БЕЛЬЕ...»

В ноябре 1916 года итальянская контрразведка, пришедшая в себя после взрыва «Леонардо да Винчи», напала «на след большой шпионской германской организации, — как пишет Пузыревский, — во главе которой стоял видный служащий папской канцелярии, ведавший папским гардеробом. Был собран большой обвинительный материал, по которому стало известно, что шпионскими организациями на кораблях производились взрывы при помощи особых приборов с часовыми механизмами с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через очень короткий промежуток времени, с тем чтобы осложнить тушение пожаров».

В журнале «Морские записки», издававшемся в Нью-Йорке Обществом бывших офицеров императорского флота, в номере за 1961 год я обнаружил любопытную заметку, подписанную так: «Сообщил капитан 2-го ранга В.Р.»

«...До сих пор необъяснима катастрофа — гибель линкора «Императрица Мария». Необъяснимыми были и пожары на ряде угольщиков на пути из Америки в Европу, до тех пор пока причину их не установила английская разведка. Их вызывали немецкие «сигары», которые немцам, очевидно имевшим своих агентов, проникавших в среду грузчиков, удавалось подбросить при погрузке. Этот сигарообразный дьявольский прибор, заключавший в себе и горючее и воспламенитель, зажигавшийся током от электроэлемента, приходившего в действие, как только кислота разъедала металлическую мембрану, преграждавшую доступ кислоте элемента. В зависимости от толщины пластинки это случалось через несколько часов или даже несколько дней после того, как «сигара» была установлена и подброшена. Я не видел чертежа этой чертовой игрушки. Помню только, что говорилось о выходившей из острия «сигары» струе пламени, на манер бунзеновской горелки.

Довольно было одной «с толком» поставленной в подбашенное отделение «сигары», чтобы прожечь медную кокору полузаряда. На «Марии» работали заводские мастеровые, но, надо думать, проверка и контроль были не на высоте... Так что мысль о немецкой «сигаре» сверлила мозги... И не у меня одного.

Через 15—20 лет после этого памятного дня мне пришлось сотрудничать в одном коммерческом деле с немцем, милым человеком. За бутылкой вина мы вспоминали старое, времена, когда мы были врагами. Он был уланский ротмистр и в середине войны был

тяжело ранен, после чего стал неспособным к строевой службе и работал в штабах в Берлине. Слово за слово, он рассказал мне о любопытной встрече.

«Знаете ли вы того, кто только что вышел отсюда?» — спросил его однажды сослуживец. «Нет. А что?» — «Это замечательный человек! Это тот, кто организовал взрыв русского линкора на Севастопольском рейде». «Я, — ответил мой собеседник, — слышал об этом взрыве, но не знал, что это было делом наших рук». — «Да, это так. Но это очень секретно, и никогда не говорите о том, что вы от меня услышали. Это герой и патриот! Он жил в Севастополе, и никто не подозревал, что он не русский...»

Да, для меня после того разговора сомнений больше нет. «Мария» погибла от немецкой «сигары»! Не одна «Мария» погибла в ту войну от необъяснимого взрыва. Погиб также и итальянский броненосец «Леонардо да Винчи», если память не изменяет мне.

Эту версию как бы продолжает уже упоминавшийся кавторанг А. Лукин в своей книге «Флот»:

«Летом 1917 года секретный агент доставил в наш Морской генеральный штаб несколько небольших металлических трубочек. Найдены они были среди аксессуаров и кружевного шелкового белья очаровательного существа... Миниатюрные трубочки-«безделушки» были направлены в лабораторию. Они оказались тончайше выделанными из латуни химическими взрывателями. Выяснилось, что точь-в-точь такие трубочки были найдены на таинственно взорвавшемся итальянском дредноуте «Леонардо да Винчи». Одна не воспламенилась в картузе в бомбовом погребе. Вот что по этому поводу рассказал офицер итальянского морского штаба капитан 2-го ранга Луиджи ди Самбуи: «Следствие с несомненностью установило существование некой тайной организации по взрыву кораблей. Нити ее вели к швейцарской границе. Но там их след терялся. Тогда решено было обратиться к могущественной воровской организации — сицилийской мафии. Та взялась за это дело и послала в Швейцарию боевую дружину опытейших и решительнейших людей. Прошло немало времени, пока дружина путем немалых затрат средств и энергии наконец нашла след. Он вел в Берн, в подземелье одного богатого особняка. Тут и находилось главное хранилище штаба этой таинственной организации — забронированная, герметически закрытая камера, наполненная удушливыми газами. В ней сейф...

Мафии приказали проникнуть в камеру и захватить сейф. После длительного наблюдения и подготовки дружина ночью прорезала

броневую плиту. В противогазных масках проникла в камеру, но за невозможностью захватить сейф взорвала его. Целый склад трубочек оказался в нем».

Журнал журналом, книга книгой, но вот перед моими глазами на экране архивного проектора телеграмма № 2784/12 от 6 марта 1917 года.

«Нагенмору от агенмора в Риме.

Источник-4.

Кража документов австрийской шпионской организацией в Цюрихе была совершена наемными ворами-специалистами, нанятыми итальянской контрразведкой. Найдена целая сеть шпионажа в Италии, где участвовали почти исключительно итальянцы, среди которых много ватиканских. Найдены следы организации взрывов на «Бенедетте Брине» и «Леонардо да Винчи» и готовящихся еще на двух. Взрывы были совершены итальянцами при помощи особых приборов с часовым механизмом, работающих с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через короткие промежутки времени, чтобы затруднить тушение пожаров. Указание на хранение документов в Цюрихе было получено еще при первом раскрытии части шпионажа, о котором я телеграфировал 5 января.

Беренс».

«...И ТУТ ЯСНОВИДЯЩАЯ ПРОСНУЛАСЬ»

Причину взрыва на севастопольском рейде пытались разгадать, что называется, по горячим следам. Порой прибегали при этом к самым невероятным средствам. Вот что рассказывал в своей книге «Флот» все тот же капитан 2-го ранга А. Лукин:

«В сентябре 1916 года товарищ морского министра, вице-адмирал П.П. Муравьев, производил инспекторский обезд судостроительных заводов Николаева. 7 октября возвращался в Петроград, когда, под Харьковом, ему доставили в вагон срочную депешу морского министра, как громом его поразившую: «Поезжайте в Севастополь. Выясните причину гибели «Императрицы Марии».

Адмирал немедленно телеграфировал в Харьков о задержании севастопольского поезда и на следующий день был уже на месте катастрофы.

Сквозь прозрачные воды смутно виднелись очертания днища поскользнувшегося на глубине дредноута. Потрясенные люди окружили ад-

мирала. В их ушах слышалась еще жизнь внутри корабля. Сотни страшно обожженных, заживо разлагающихся, умирающих людей. Погребальный перезвон церквей. Удрученный Колчак, пославший Государю телеграмму об отставке...

Что?! Как?! Почему?!.. Никто, решительно никто не мог ничего ответить на эти вопросы.

Злой умысел? Самовозгорание пороха?.. Много было всяких предположений, но ничего определенного.

Ни разговор с Колчаком, ни беседа с председателем следственной комиссии вице-адмиралом Маньковским, ни со спасшимися чинами экипажа не выявили ничего. Тайна происшедшего покоилась на дне.

Душевно разбитый, утомленный безрезультатными поисками в течение целого дня, министр направился к себе в Малый дворец. Долго ходил по кабинету, вспоминая и обдумывая все показания, предположения, беседы.

Самовозгорание, разложение пороха?! Адмирал, блестящий техник, специалист по взрывчатым веществам, бывший лектор и руководитель минного офицерского класса и, наконец, глава всей технической части морского ведомства — отбрасывал эту мысль. Она не состоятельна. Самовозгорание не могло иметь места. Весь процесс изготовления и анализа порохов не допускает этого. Исключений «в проведении химических реакций быть не могло. Всякое мельчайшее изменение тщательно фиксировалось. Каждая партия пороха выдерживала все законные испытания. Сам Бринк наблюдал за этим. Тем более этого не могло случиться на «Марии», где возраст пороха был молодой.

— Старый никак не мог попасть в снабжение кораблей. — Нет, тысячу раз нет! Я отбрасываю эту мысль!

Адмирал приостановился.

«А недавний взрыв «Леонардо да Винчи»? И еще другого итальянского корабля? А в Тулоне — взрыв французского броненосца, английского? И все — теперь, недавно... Пять таинственно взлетевших на воздух кораблей... И все у союзников. Ни одного у немцев.»

Адмирал снова зашагал...

— Но как?!.. Каким путем?.. Мысль о взрыве на расстоянии вполне допустима. Я сам присутствовал при испытаниях катера, управлявшегося с берега по радио. Тогда, в присутствии государя, он без единого человека прошел из Кронштадта в Петергоф... Были даже технические работы по испытанию взрывов на расстоянии...

Теряясь в догадках, адмирал опустил в кресло. Не заметил, как погас день и ступились сумерки...

Еще в первый свой приезд в Севастополь (в последние дни командования флотом адмирала Эбергарда), товарищ министра встретился со своим старым знакомым г. NN, бывшим драгоманом нашего генерального консульства в Константинополе, назначенного во время войны заведовать политической частью штаба Командующего черноморским флотом.

Супруги NN проживали в Севастополе.

Если бы я имел право назвать фамилию этой четы, каждый узнал бы в ней известное в оккультном мире имя. Сам адмирал в тогдашней свой первый приезд воочию убедился в необычайной, положительно сверхъестественной силе дарования г-жи NN. Ее поразительная способность ясновидения создала ей известность, далеко выходящую за пределы России. Можно привести много примеров ее поистине странного таланта, но я приведу только те два, которые «неверующего» адмирала обратили в «верующего».

Зайдя однажды вечером в гости к NN, товарищ министра обратился к хозяйке с просьбой продемонстрировать сеанс. Та согласилась:

— Вот, адмирал, вам карандаш, бумага, конверт. Я уйду в другую комнату, вы же напишите два вопроса и запечатайте в конверт. Я отвечу на них.

Хозяйка вышла.

Адмирал написал два вопроса: «1. Когда я родился? 2. Будет ли Римский-Корсаков назначен начальником артиллерийского отдела?»

Первый вопрос адмирал задал вот почему. Всю свою жизнь он считал себя родившимся 30 декабря 1859 года. И родители его, и он сам всегда 30 декабря праздновали этот день. Когда вдруг адмирал потребовал из Морского корпуса (где хранятся подлинные метрики офицеров флота) свою метрическую запись, неожиданно узнал, что родился он не 30 декабря 1859 года, а 30 января 1860.

Второй вопрос задал потому, что, находясь в служебной поездке по югу России, получил из Питера сообщение, что на освободившуюся вакансию начальника артиллерийского отдела морского ведомства предложено назначить Римского-Корсакова, что не согласовалось с мнением его — товарища министра.

Написав оба вопроса, вложил в конверт и запечатал.

На первый запрос ясновидящая незамедлительно ответила: «Шестидесятый год, 30 января». На второй — задумалась.

— Ах, какое трудное имя!.. Постойте!.. Двойное... Римский... Корсаков... Назначен не будет.

Адмирал был поражен. Ведь о действительном дне его рождения никто решительно не знал, кроме его самого, да бумаги.

Но дальнейшее еще более поразило его. Назавтра адмирал собирался уезжать в Петроград и уже отдал распоряжение о вагоне. Прощаясь в передней с провожавшими его хозяевами, он им это и сказал.

— Нет, адмирал! Завтра, 8-го, вы не уедете — вы уедете 11-го. Адмирал улыбнулся.

— Ну, на этот раз вы ошибетесь. В Петрограде меня ждут неотложные дела, и я уже заказал себе вагон.

— Увидите, адмирал, вы уедете 11-го.

Министр вернулся во дворец.

Ему подали депешу: «Адмирал Колчак, назначенный командующим Черноморским флотом, завтра приезжает в Севастополь. Не уезжайте не повидавшись с ним. Григорович».

Утром адмирал послал своего адъютанта встретить Колчака и спросить, когда он может принять его.

— Передайте товарищу министра, — ответил командующий, — что сейчас я уеду к адмиралу Эбергарду и буду принимать флот. Адмирала же Муравьева прошу пожаловать завтра, 9-го, к 11 ч. утра.

Но ночью получилось сообщение, что «Бреслау» вышел в море. Колчак немедленно снялся с якоря и пошел в погоню за ним.

Только 11-го он вернулся на рейд и только 11-го. вечером министр, переговорив с Колчаком, смог выехать в Петроград...

Но вернемся к прерванному рассказу.

Был поздний час, когда П.П. Муравьев позвонил у подъезда NN. Хозяева еще не спали и радушно встретили неожиданного гостя.

— Я к вам за помощью. Помогите вашим необычайным дарованием проникнуть в тайну гибели «Марии».

Взволнованная речь, расстроенный вид адмирала подействовали.

— Хорошо! Ты поможешь мне? — обратилась хозяйка к мужу.

Через несколько минут она впала в транс.

— Что видишь? — спросил муж.

Ответа не последовало. Муж повторил вопрос.

— Вижу!.. Как будто Восток... Азиатский кабинет... Сидят трое, смотрят на карту.

— Какую? Географическую?

— Нет!.. Нарисованы корабли...

— Что видишь еще?

— Они что-то обсуждают... Ушли...

- Дальше!
- Не вижу ничего... Нет, постой!... Вижу длинный коридор... Два человека крадутся... Один в кожаной куртке... Другой... в грязном рабочем...
- Что видишь еще? Что делают они?
- Тот, в рабочем, держит под мышкой ящик... Болтается веревка... Спускаются вниз...
- Куда же они идут?...
- Вошли!.. Не понимаю... Не знаю... Странная комната... Не знаю...
- Но какого же вида комната? Что видишь в ней?
- Не пойму... Какие-то металлические вещи...
- Смутно описывает помещение. Адмирал догадывается — бомбовый погреб...
- Говори дальше!
- Зажгли спичку. Подожгли... Уходят. О, ужас!.. Пламя!.. Взрыв!
- А где же люди?
- Бегут. Один упал... Лежит...
- А другой?
- Другой?! Бежит...
- Видишь его?
- Вижу!.. Он смотрит на меня.
- Кто он? Как его фамилия?
- Не могу сказать.
- Почему?!
- Он смотрит на меня... Вы его повесите... Не могу сказать...
- Адмирал взволнованно встал.
- Вы должны назвать его. Вспомните всю кровь, страдания, гибель лучшего корабля. Эта гибель, быть может, грозит и другим...
- Назови, назови его! Ты должна сказать, — с тяжелейшим напряжением всей воли подтвердил муж.
- Но вы повесите его...
- Во-первых, я никого не вешаю. А если возмездие покарает его — от своей судьбы не уйти. Во-вторых, во имя погибнувших и живых вы должны назвать его!
- Хорошо!.. Я согласна...
- Но в этот самый момент ясновидящая проснулась...»

Чем дальше от нас это печальное событие, тем яростнее попытки разгадать эту тайну взрыва на севастопольском рейде 7 октября 1916 года. Ответить на вопрос, что погубило лучший дредноут Черноморского флота брались историки и писатели, инженеры и моря-

ки, профессиональные следователи и фанаты-любители пытали свои силы в решении этой загадки века. О трагедии на «Императрице Марии» написаны книги: роман Сергеева-Ценского «Утренний взрыв», «Арбатская повесть» Елкина, главы воспоминаний А. Лукина «Флот»...

По версии писателя-мариниста Анатолия Елкина взрыв на «Марии» был подготовлен германской агентурой, обосновавшейся еще до войны в Николаеве, где строили дредноут. Довольно стройно и убедительно изложены елкинские доводы в «Арбатской повести», вышедшей отдельной книгой.

Категорически не согласен был с этой версией известный историк флота, доцент военно-морской академии ныне покойный капитан 1-го ранга Залесский. Однако до недавнего времени были живы и те, кто пережил чудовищный взрыв на «Марии». Один из них скончался 4 октября 1980 года в Русском приюте в Монмранси — бывший лейтенант российского флота Владимир Владимирович Успенский.

ОГНЕОПАСНЫЕ ПОДМЕТКИ

Итак, вахтенным начальником на «Марии» в день трагедии был командир башни главного калибра мичман Владимир Успенский. От гибели его спасло то, что в момент взрыва он находился в районе кормовой трубы. Жизнь его полна превратностей и крутых поворотов.

После революции служил в Белом флоте. Затем чужбина. В Париже работал шофером такси, портным театральных костюмов... Только в 1969 году бывший лейтенант опубликовал свои заметки о возможных причинах гибели «Императрицы Марии» на страницах Бюллетеня общества офицеров российского императорского флота.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В настоящих воспоминаниях я не стал говорить об агонии корабля, длившейся 54 минуты. Ограничусь лишь сообщением об одном практически не известном факте, свидетелем которого мне выпала судьба быть.

Линейный корабль «Императрица Мария» проектировался и закладывался до Первой мировой войны. Многочисленные электромоторы для него были заказаны на германских заводах. Начавшаяся война создала тяжелые условия для достройки корабля. К сожалению, те, что нашли, были значительно больше по размерам, и пришлось выкраивать необходимую площадь за счет жилых помещений. Команде негде было жить, и вопреки всем уставам прислуга

12-дюймовых орудий жила в самих башнях. Боевой запас трех орудий башни состоял из 300 фугасных и бронебойных снарядов и 600 полузарядов бездымного пороха.

Наши пороха отличались исключительной стойкостью, и о каком-либо самовозгорании не могло быть и речи. Совершенно необоснованно предположение о нагревании пороха от паровых трубопроводов, возможности электрозамыкания. Коммуникации проходили снаружи и не представляли ни малейшей опасности.

Известно, что линкор вступил в строй с недоделками. Поэтому до самой его гибели на борту находились портовые и заводские рабочие. За их работой следил инженер-поручик С. Шапошников, с которым у меня были приятельские отношения. Он знал «Императрицу Марию», как говорится, от киля до клотика и рассказал мне о многочисленных отступлениях и всяческих технических затруднениях, связанных с войной.

Через два года после трагедии, когда линкор уже находился в доке, Шапошников в подбашенном помещении одной из башен обнаружил странную находку, которая навела нас на интересные размышления. Найден был матросский сундучок, в котором находились две стеариновые свечи, одна начатая, другая наполовину сгоревшая, коробка спичек, точнее то, что от нее осталось после двухлетнего пребывания в воде, набор сапожных инструментов, а также две пары ботинок, одна из которых была починена, а другая не закончена. То, что мы увидели вместо обычной кожаной подошвы, нас поразило: к ботинкам владелец сундучка гвоздями прибил нарезанные полоски бездымного пороха, вынутые из полузарядов для 12-дюймовых орудий! Рядом лежали несколько таких полосок.

Для того чтобы иметь пороховые полоски и прятать сундучок в подбашенном помещении, следовало принадлежать к составу башенной прислуги. Так, может быть, и в первой башне обитал такой сапожник?

Тогда картина пожара проясняется. Чтобы достать ленточный порох, нужно было открыть крышку пенала, разрезать шелковый чехол и вытянуть пластину. Порох, пролежавший полтора года в герметически закрытом пенале, мог выделить какие-то эфирные пары, вспыхнувшие от близстоящей свечи. Загоревшийся газ воспламенил чехол и порох. В открытом пенале порох не мог взорваться — он загорелся, и это горение продолжалось, быть может, полминуты или чуть больше, пока не достигло критической температуры горения — 1200 градусов. Сгорание четырех пудов пороха в сравнитель-

но небольшом помещении вызвало, без сомнения, взрыв остальных 599 пеналов.

К сожалению, гражданская война, а затем уход из Крыма разлучили нас с Шапошниковым. Но то, что я видел своими глазами, то, что мы предполагали с инженер-поручиком, не может разве служить еще одной версией гибели линейного корабля «Императрица Мария»?»

И все-таки — «злой умысел»?

Капитан 1-го ранга Октябрь Петрович Бар-Бирюков служил в пятидесятые годы на линкоре «Новороссийск», пережившим в той же злосчастной Северной бухте трагедию своего предшественника — дредноута «Императрица Мария». Много лет расследовал он обстоятельства обеих катастроф. Вот, что ему удалось установить по «делу «Марии»:

«После Великой Отечественной войны исследователями, сумевшими добраться до документов из архива КГБ, были выявлены и обнародованы сведения о работе в Николаеве с 1907 года (в т.ч. на судостроительном заводе, строившем русские линкоры) группы немецких шпионов во главе с резидентом Верманом. В нее входили многие известные в этом городе лица и даже городской голова Николаева — Матвеев, а главное — инженеры верфи: Шеффер, Линке, Феоктистов и другие, кроме того — обучавшийся в Германии электротехник Сгибнев. Это вскрылось органами ОГПУ еще в начале тридцатых годов, когда ее члены были арестованы и в ходе следствия дали показания об участии в подрыве «И.М.», за что, по этим сведениям, непосредственным исполнителям акции — Феоктистову и Сгибневу — Верманом было обещано по 80 тысяч рублей золотом каждому, правда, после окончания боевых действий...

Наших чекистов тогда все это мало интересовало — дела дореволюционной давности рассматривались не более чем исторически любопытная «фактура». И поэтому в ходе расследования текущей «вредительской» деятельности этой группы информация о подрыве «И.М.» не получила дальнейшей разработки.

Не так давно сотрудники Центрального архива ФСБ России А. Черепков и А. Шишкин, разыскав часть следственных материалов по делу группы Вермана, документально подтвердили факт разоблачения в 1933 году в Николаеве глубоко законспирированной сети разведчиков, работавшей на Германию, действовавшей там с предвоенных времен и «ориентированной» на местные судостроительные заводы. Правда, они не нашли в первоначально обнаруженных ими

архивных документах конкретных доказательств их участия в подрыве «И.М.». Но содержание некоторых протоколов допросов членов группы Вермана уже тогда давало довольно веские основания полагать, что эта шпионская организация, располагавшая большими возможностями, вполне могла такую диверсию осуществить. Ведь она вряд ли «сидела сложа руки» во время войны: для Германии нужда вывести из строя новые русские линкоры на Черном море, представлявшие смертельную угрозу для «Гебена» и «Бреслау», была острейшей...

Недавно упомянутые выше сотрудники ЦА ФСБ РФ, продолжив поиск и исследование материалов, связанных с делом группы Вермана, нашли в выявленных ими архивных документах ОГПУ Украины за 1933—1934 годы и Севастопольского жандармского управления за октябрь — ноябрь 1916 года новые факты, существенно дополняющие и по-новому раскрывающие «диверсионную» версию причины подрыва «И. М.». Так, протоколы допросов свидетельствуют, что уроженец (1883 г.) города Херсона — сын выходца из Германии, паромоводчика Э. Вермана — Верман Виктор Эдуардович, получивший образование в фатерланде и Швейцарии, преуспевающий делец, а потом инженер кораблестроительного завода «Руссуд», действительно являлся немецким разведчиком с дореволюционных времен (деятельность В. Вермана подробно изложена в той части архивного следственного дела ОГПУ Украины за 1933 год, которая называется «Моя шпионская деятельность в пользу Германии при царском правительстве»). На допросах он, в частности, показал: «...Шпионской работой я стал заниматься в 1908 году в Николаеве (именно с этого периода начинается осуществление новой кораблестроительной программы на юге России. — О.Б.), работая на заводе «Наваль» в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоявшей из инженеров Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всех первый, стали обрабатывать и вовлекать меня в разведывательную работу в пользу Германии...». После отъезда Гана и Моора в фатерланд «руководство» работой Вермана перешло непосредственно к германскому вице-консулу в Николаеве господину Винштайну. Верман в своих показаниях дал о нем исчерпывающие сведения: «...Я узнал, что Винштайн является офицером германской армии в чине гауптмана (капитана), что находится он в России не случайно, а является резидентом германского генерального штаба и проводит большую разведывательную работу на юге России. Примерно с 1908 года

Винштайн стал в Николаеве вице-консулом. Бежал в Германию за несколько дней до объявления войны — в июле 1914 года». Из-за сложившихся обстоятельств Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал там людей для разведывательной работы (на юге Украины тогда проживало много обрусевших немцев-колонистов), собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строившихся военных судах надводного и подводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости хода и т.п. На допросах Верман рассказывал: «...Из лиц, мной лично завербованных для шпионской работы в период 1908—1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке... Линке Бруно, инженера Шеффера... электрика Сгибнева» (с последним его свел в 1910 году германский консул в Николаеве Фришен, выбравший опытного электротехника Сгибнева, падкого на деньги владельца мастерской, своим наметанным глазом разведчика в качестве нужной фигуры в затевавшейся им «большой игре». Учитывая при этом, что и Верман, и Сгибнев знали друг друга по городскому яхт-клубу, так как оба были завзятыми яхтсменами...). Все завербованные были или, как Сгибнев, стали (он по заданию Вермана с 1911 года перешел на работу в «Руссуд») сотрудниками судостроительных заводов, имевшими право прохода на строившиеся там корабли. Электрик же Сгибнев отвечал за работы по электрооборудованию на строившихся «Руссудом» военных кораблях, в том числе и на «Императрице Марии».

В 1933 году в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема электрооборудования артиллерийских башен главного калибра на новых линейных кораблях типа «Дредноут», особенно на первом из них, переданном флоту, — «Императрице Марии». «В период 1912—1914 гг., — рассказывал Сгибнев, — я передавал Верману различные сведения о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков — в рамках того, что мне было известно». Особый интерес немецкой разведки к электросхемам артиллерийских башен главного калибра этих линкоров становится понятен: ведь первый странный взрыв на «Императрице Марии» произошел именно под ее носовой артиллерийской башней главного калибра, все помещения которой были насыщены различным электрооборудованием...

В 1918 году, после оккупации немцами Юга России, разведывательная деятельность Вермана была вознаграждена по достоинству.

Из протокола его допроса:

«...По представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени». Пережив интервенцию и гражданскую войну, Верман осел в Николаеве.

Таким образом, взрыв на «И. М.», несмотря на депортацию Вермана в этот период, скорее всего осуществлен по его замыслу. Ведь не только в Николаеве, но и в Севастополе им была подготовлена сеть агентов. На допросах в 1933 году он так говорил об этом: «...Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами: ...Севастополем, где разведывательной деятельностью руководил инженер-механик завода «Наваль» Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа достраивавшегося в Севастополе броненосца «Златоуст». Знаю, что у Визера была там своя шпионская сеть, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана; с ним мне приходилось лично сталкиваться». В связи с этим возникает вопрос: не участвовали ли люди Визера (да и он сам) в работах на «Марии» в начале октября 1916 года? Ведь на ее борту тогда ежедневно находились работники судостроительных предприятий, среди которых вполне могли быть и они. Вот что об этом говорится в докладной от 14.10.16 г. руководителя севастопольского жандармского управления начальнику штаба Черноморского флота (недавно выявленной исследователями). В ней приводятся сведения секретных агентов жандармерии на «И.М.»: «Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва до 10 часов вечера, могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д. 355, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя... А взрыв мог произойти от неправильного соединения электрических проводов, так как перед пожаром на корабле погасло электричество...» (верный признак короткого замыкания электросети. — *О.Б.*). О том, что постройка новейших линкоров Черноморского флота тщательно «опекалась» агентами германской военной разведки, свидетельствуют и другие недавно выявленные документы».

Как бы там ни было, но даже роковой взрыв не смог, как говорят артиллеристы, «привести к молчанию» пушки «Императрицы Марии». Башни погибшего линкора незадолго перед Великой Отечественной войной были извлечены со дна морского водолазами ЭПРОНа (Экспедиции подводных работ особого назначения) и установлены под Севастополем. О подвиге 30-й береговой батареи, оснащенной поднятыми двенадцатидюймовками, — рассказ особый. Во всяком случае, орудиям «Императрицы Марии» довелось стрелять не только по кайзеровским кораблям, но и по гитлеровским танкам.

ОРАКУЛ-2000: Летом 1987 года в Севастополь в музей Черноморского флота пришла объемистая бандероль из Парижа. Когда ее вскрыли, на столе начальника музея заструился блеклый белый шелк старого флага. Огромное полотнище пересекал наискось голубой андреевский крест.

То был кормовой флаг дредноута «Императрица Мария», под которым корабль встретил свой смертный час. Его прислал сын контр-адмирала Павла Остелецкого, эмигрантская судьба которого забросила во Францию.

— Мы очень благодарны Николаю Павловичу Остелецкому, — говорит главный экспозиционер музея Генриетта Васильевна Парамонова, — за то, что он сохранил и передал нам эту прекрасную реликвию. У флага «Императрицы Марии», спасенного матросами, мы будем рассказывать молодым морякам о самоотверженности их прадедов, будем учить их бдительности и мужеству.

Мне довелось поддержать в руках это историческое полотнище. Сегодня, сложенный раз пять — музейные стены слишком малы для него — флаг «Марии» положен под стекло.

Так устроен человек: все, что было до его рождения, кажется ему древностью. Я тоже считал, что гибель «Марии» — глубокая старина, пока однажды севастопольские друзья не познакомили меня с рыбаком-старожилом, носившим фамилию замечательного гоголевского героя — Бульба. Рыбак жил на Северной стороне в маленьком домике с большим садом. Мальчишкой ему довелось быть очевидцем рокового пожара на «Марии», а в зрелых годах — стал свидетелем трагедии линкора «Новороссийск». Именно Бульба и рассказал мне, что в старинных — лазаревских — казармах Учебного отряда Черноморского флота находится рында — судовой колокол — с «Императрицы Марии»... Поначалу просто не поверил. Но на другой день заме-

ститель начальника отряда провел меня в комнату боевой славы. Огромный бронзовый колокол висел на специальном кронштейне. Я и мечтать не мог о том, что однажды смогу прикоснуться к реальному металлу «Императрицы Марии». Однако вот он передо мной!

Как странно: давным-давно нет корабля, но голос его можно услышать и ныне.

— Бам-мм!.. — Многопудовая рында гудит чуть надтреснуто. Край колокола рассекала трещина — след памятного взрыва, чье эхо и по сию пору отзывается болью в каждом русском сердце.

Но даже такая потеря, как линкор «Императрица Мария», не прервала работы адмирала Колчака по подготовке десанта на Босфор. Только теперь надо было рассчитывать исключительно на свои силы. Что же касается союзников, тот тут вполне был справедлив стародавний афоризм: «Избави, Бог, нас от таких друзей, а с врагами мы и сами справимся».

Глава шестая

КОЛЧАК И ЧЕРЧИЛЛЬ

Как ни странно, но у этих полярно разных деятелей было немало общих параллелей в характерах и судьбах.

Они родились в один и тот же год. Ровесники. Один появился на свет в Лондоне, другой в Санкт-Петербурге. В жилах обоих текла горячая кровь: у Колчака — казачья, у Черчилля — пиратская (его предок капитан, некий капитан Черчилль, женился на правнучке знаменитого корсара и мореплавателя Фрэнсиса Дрейка).

В один и тот же год оба они поступили в привилегированные военные школы — один в Морской корпус, другой в кавалерийское училище в Сэндхерсте. Правда, как отмечают биографы британского премьера, особенными способностями молодой Уинстон Черчилль не блистал: «В тот же Сэндхерст ему удалось поступить только с третьей попытки». Колчак блестяще кончил курс с премией адмирала Рикорди.

Закончив училище в 1895 году, новоиспеченный кавалерист начинает тосковать, что «возможности вести жизнь, полную приклю-

чений, стали в британской армии весьма ограниченными». Не та ли тоска снедает и молодого мичмана русского флота, томящегося на старом учебном корабле?

Колчак рвется на юг Африки — в Трансвааль, где вовсю пылает война буров с англичанами. «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, должен был испытывать хотя бы смутное и слабое желание в нем участвовать». Участвовать, разумеется, на стороне буров.

Именно туда же, в Капскую колонию, направляется и Черчилль. Правда, ему приходится снять погоны и прибыть в район боевых действий в качестве военного корреспондента. Во время глубокой разведки блиндированный поезд англичан, в котором находился и Уинстон, попадает в западню. Буры берут его в плен.

Колчаку не суждено попасть в Южную Африку. (За него это сделает его сын Ростислав, который немало лет проработает во французском Алжире.) Стрелка его судьбы показала «чистый норд». Он отправляется пытаться счастья на север Сибири. Но через четыре года он найдет свое поле славы — Порт-Артур.

Первая мировая война возвращает обоих на Балтику. Военно-морской министр Черчилль отправляется в Бельгию, чтобы лично руководить обороной Антверпена. А эсминец капитана 2-го ранга Колчака действует в восточном секторе Балтийского моря.

Но через несколько лет и Колчак, и Черчилль окажутся по обе стороны одной цели — перед Босфоро-Дарданелльскими проливами. Но видели они ее диаметрально раз но.

Формально Британия объявила войну Турции 5 ноября, но за два дня до того адмирал Карден получил приказ от своего адмиралтейства — «опробовать эффект воздействия корабельных орудий на внешние форты» Дарданелл. Четыре броненосца (два британских и два французских) в течение десяти минут выпустили 76 тяжелых снарядов по главным фортам, прикрывающим вход в пролив, — Кум-Кале и Седд-уль-Бахру. Стрельба имела некоторый успех — один турецкий артпогреб взлетел на воздух. Адмиралтейство решило, что предупреждение великого Нельсона устарело, и стало готовить операцию по захвату пролива одними кораблями, для чего решено было принести в жертву старые линкоры. «Важность результата оправдывает тяжелые потери», убеждал Черчилль вице-адмирала Кардена, стоявшего под Дарданеллами.

Черчиллю, главному вдохновителю дарданелльской операции, точно так же, как потом и Колчаку, воителю Босфора, высшее командование отказало в выделении драгоценных сухопутных войск.

Черчилль просил 75 тысяч «опытных солдат из Франции» и получил решительный отказ, поскольку Франция балансировала на краю поражения, а проливы могли подождать.

«Удобный случай не долго ждет, — не уставал повторять Черчилль старую английскую пословицу, — иначе русские захватят проливы до того, как над ними взвьется британский флаг».

С ним соглашались, но полагали, что мощная корабельная артиллерия решит дело сама собой. На всякий случай адмиралтейство направило на эскадру Кардена... два батальона морской пехоты. Много позже, когда началось правительственное расследование дарданелльской катастрофы, Черчилль заявил, что он не начал бы операции, если бы знал, что для ее успеха понадобится не 75 тысяч отборных солдат, а 100 тысяч.

Немецкий морской министр адмирал Тирпиц 8 августа 1915 года: «У Дарданелл идет ожесточенная борьба. Если они будут взяты, мы неминуемо проиграем войну». То же самое он мог сказать и о Босфоре.

Знаменитый французский адмирал Давелью: «Трудно было нагромоздить больше военных ошибок на столь малом театре военных действий, каковыми были Дарданеллы».

Английский адмирал Вимис: «Во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована».

Так же как и морской штаб русской Ставки, так же как и Колчак, полагавшие, что взятие Босфора резко ускорит поражение Германии, Черчилль утверждал, что Дарданеллы — это мягкое подбрюшье Германии, через которое можно и надо нанести ей смертельный удар. Но...

Коварный Альбион, оправдывая свое прозвище, в разгар мировой войны начал строить планы против собственных союзников в случае разгрома Германии общими усилиями.

Черчилль умел быть откровенным: «Если мы сумеем сокрушить германскую морскую мощь, мы должны быть готовы сосредоточить на Средиземном море флот против Франции и России».

«Когда Россия окажется в Константинополе, Франция в Сирии, Италия на Родосе, наше положение на Средиземном море станет невыносимым».

«В Сибири был только один союзник, который мог действовать быстро и с надлежащей мощью. Япония была близка, свежа, готова и глубоко предана делу...»

- О правительстве Колчака в палате общин он говорил так: «Мы вызвали его к жизни...» Но не добавлял при этом — «и мы же его погубили».

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ № 1

Царь Петр начал прорубать окно в Европу вовсе не с невыходных берегов — а с южных: с Азова. В прямом смысле слова прорубил — саблями да шашками казачьими — узенькую щель с видом на Азовское море. Но зато открыл выход России через Дон на морской путь, ведущий хоть куда — в Египет ли, в Грецию, к торговым дворам Венеции и Рима, Марселя и Барселоны, и далее — сквозь Гибралтар в страны остального мира. Волга-то, даром, что великая река, но вела лишь в глухой «мешок» Каспийского моря. А вот с Дона через Азов простор открывался немереный, даром, что трижды перекрытый османами — меж Керчью и Таманью, в Босфоре и в Дарданеллах. Но уже при Петре Великом первый русский военный корабль прошел через заветный Босфор в Средиземное море — «тысячелетнюю колыбель благосостояния и культуры европейских народов».

АДМИРАЛ БУБНОВ: «Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия — Петр почил. Но его гений озарял еще целое столетие. И его наследники, следуя его заветам, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце 18-го века великая Екатерина окончательно утвердила господство России на Балтийском море и завоеванием Крыма положила прочное основание владычеству России на Черном море.

В течение всего 18-го века морская проблема была руководящим основанием для всей деятельности России... Результаты не замедлили сказаться: к концу 18-го века Россия — за какие-нибудь сто лет — обратилась из полукультурного и слабого государства в мощную и великую империю. И этим сказочным превращениям Россия главным образом обязана тому, что наследники Петра... выводили Россию твердой рукой на широкий простор морских сообщений».

Однако в следующем — XIX веке — морское стремление державы затихло. Небывалая война с Наполеоном, вся тяжесть которой и вся славы победы легла на плечи сухопутной армии, отодвинула роль флота и морской политики на задний план. Только к середине века Николай I, вспомнив заветы своего прапрадеда, начал возрождать морскую силу государства, обратив свой взор к черномор-

ским проливам. И тут же получил сокрушительный удар от англо-франко-итальянских властителей Средиземного моря в Крымской войне, которую по сути дела надо было бы именовать Средиземно-морской войной, ибо главная цель европейских союзников и прежде всего Британии — понадежней запереть от России Босforo-Дарданелльские врата. На целые полвека в Петербурге забыли слово «проливы», хотя большая часть российского зернового вывоза шла именно босфорским путем под надзором пушечных жерл турецких береговых батарей.

АДМИРАЛ БУБНОВ: «...Следуя бессистемным изгибам мысли русских государственных людей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром, русская морская проблема устремляется в конце 19-го века на Дальний Восток к Тихому океану. Туда — в пространство, ничем не связанное с реальными интересами России, — направляются все ее морские усилия. Черное море не только в умах государственных деятелей, но даже в сознании самой морской среды, обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской силы на Дальнем Востоке, морская проблема вновь возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу: «ключи от морских сообщений через Босфор лежат в Берлине», — каковая формула кладется в основу воссоздания русского флота после несчастной войны с Японией.

В связи с этим все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота и подготовку к войне на Балтийском море, в результате чего Россия вступает в 1-ую мировую войну совершенно неподготовленной, именно на Черном море, где фактически лежит единственно правильное и целесообразное решение вопроса ее морских сообщений с внешним миром...

...В период, предшествовавший 1-й мировой войне, почти 80% вывоза России совершалось морем; из этого морского вывоза 60% падало на долю Черного моря; 35% на долю Балтийского моря и 5% на долю остальных морей, причем выявилась неуклонная тенденция повышения процентуального участия Черноморских морских путей сообщения в общем морском экспорте России».

Идея завладения проливами всплыла только в ходе мировой войны, когда царское правительство было поставлено перед двумя фактами: война будет затяжной и война уже забрала слишком много жертв. Необходимо было политическое оправдание понесенным жертвам: за что полегла русская гвардия в прусских ле-

сах? За водружение православного креста над святой Софией в Константинополе. Про насущную экономическую необходимость этих проливов для русского государства говорить постеснялись. Ее постарались декорировать религиозно-исторической идеей. Но генералы Ставки отмахивались от нее, как от некой химеры, рожденной в мозгах политиков и газетчиков, как от третьестепенного дела, отвлекающего силы умственные и военные от главного направления — на Берлин! Падет кайзер, и ворота Босфора откроются сами собой, ибо Турция лишится самого мощного своего союзника.

Правда, и тут среди них не было единства. Одни считали, что до Берлина своими силами не дойти, а вот Австро-Венгрию вполне можно одолеть, вывести ее из войны и тем самым внести большой вклад в победу Антанты, а значит, главный театр — это Галиция, откуда лежал кратчайший и более легкий путь на Вену.

Никто, однако, не хотел вспоминать при этом Крымскую войну, когда кайзер, то бишь Берлин, был союзником (моральным) России, а ее нынешние союзники рьяно защищали проливы на подступах к Севастополю.

Ирония судьбы: через шесть лет в итоге всех головоломных операций в Галиполи высадились и стали лагерем русские. Это были белые полки генерала Кутепова, нашедшие на этой обетованной британским адмиралтейством земле свой временный приют.

На острове Лемнос, бывшей главной базы англичан в дарданельской операции (русское морское ведомство планировало устроить на нем в случае захвата проливной зоны нечто вроде «царь-градского Кронштадта» — передовой базы флота), разместились навсегда покинувшие Россию кубанские и донские казаки.

Дальнейшая история показала, что даже тогда, когда Берлин в 1945 году был в руках российской (советской) армии, никаких «ключей от Босфора» маршал Жуков там не обнаружил... Даже в самый благоприятный для себя — ялтинский период — грозный Сталин не смог решить босфорскую проблему, хотя лучше иных российских самодержцев понимал всю значимость черноморских проливов — как стратегическую, так и экономическую.

Это чутко подметил главный морской идеолог «Босфора» адмирал Бубнов еще в пятидесятые годы:

«При первой попытке нажима советской России на Турцию в этом направлении последняя была решительно поддержана всеми великими державами, и ответила советской России категорическим отказом. Включением же ныне Турции в Атлантический пакт, вы-

ход из Черного в Средиземное море был закрыт для России гигантской силой всех двенадцати держав, этот пакт составляющих...»

ОРАКУЛ-2000: Замечательная песня «...Не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна» звучит сегодня издевательски. Нам действительно не нужна чужая земля, и берег турецкий, но «турецкие проливы» — Босфор и Дарданеллы — нужны нам были всегда, и сегодня особенно остро, когда танкеры с российской нефтью турецкие власти через «свои» проливы в Средиземное море, то бишь на мировой рынок, не пропускают, несмотря на все потуги нашей нынешней дипломатии.

И проход российских военных кораблей, особенно авианесущих, через Босфор и Дарданеллы во многом затруднен турецкой стороной, свято выполняющей свои обязательства по блоку НАТО. Надо полагать, Турция, малоазиатская страна, далекая от североатлантических проблем, была принята в этот военный блок только потому, что держала стратегически важную для Запада позицию — вход в Средиземное море со стороны России.

Более половины российской нефти и нефтепродуктов отправляется зарубежным потребителям по морю, а до 80 процентов отечественного танкерного флота сконцентрировано в черноморско-азовском бассейне, столицей которого стал Новороссийск. Однако возраст наших морских нефтевозов приближается к критической отметке — 15 лет. Турция немедленно обратила эту российскую проблему себе во благо: объявив танкеры под бело-синекрасными флагами экологически опасными, Анкара стала всячески препятствовать проходу их через Босфор и Дарданеллы. Не спасает положения и уход российского нефтеэкспорта под иностранные флаги — либерийский, румынский, кипрский, мальтийский... Тогда российские нефтяные компании стали сами строить новые танкеры, безупречные по всем требованиям Морского Регистра. Первенец сошел со стапелей николаевской судовой верфи в 1996 году. Тем не менее турок мало волнует герметичность танков российских нефтевозов, их больше заботит количество этих судов, идущих через проливную зону в Средиземное море. По сути дела Босфор и Дарданеллы стали природным нефтепроводом, эдакой морской «трубой», на распределительном кране которой лежит турецкая рука.

Сегодня черноморские проливы включены в «зону жизненных интересов США» и этим все сказано.

ЧЕМОДАН ЗАМЕРЗШИХ ЛАНДЫШЕЙ

Гельсингфорс. Январь 1917 года.

Балтика в эту зиму долго не замерзала. Море стало лишь к середине декабря. Зато уж сковало так, что ледяной панцирь растянул не только Ботнику, Финский и Рижский заливы, но дошел и до Мемеля, Кенигсберга, лег по всему Померанскому побережью.

Зима повязала враждующие флоты ледяными путами, будто давала остыть бойцам-кораблям, воспаленным мозгам их командиров.

Война застыла до весны. Разве что рогатые шары мин тихо покачивались под ледяной кровлей да самолеты с голубым косокрытием Андреевского флага на перепончатых хвостах кружили над Ирбенами. Ледовая разведка доносила: льды, льды, льды. Бело как в Арктике.

Еще германские цеппелины. Словно огромные лодки, медленно подплывали к ночным портовым городам и сбрасывали под лай противозаэропланнх пушек бомбы. Но наплывы эти успеха не имели.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ. По заснеженному льду скользили бурые тени жидковатых корабельных дымов. Свеаборгский рейд походил на деревню в чистом поле, где хозяева изб разом затопили печи.

Кочегарки работали в полсилы, валя пар на турбины динамо-машин.

Линкоры и крейсера, окрашенные в белый цвет, спускали трапы прямо на лед, и к ним подваливали уже не катера и баркасы, а конные сани, а то и авто, если шоферы-лихачи за «беленькую» съезжали на лед и, рискуя увязнуть в снегу, катили по наезженной полозьями колес дороге к высокому стальному борту «Павла», или «Андрея», или «Петропавловска». То для пушего куражу и шику подкатывали к своим кораблям лейтенанты и кавторанги, засидевшись в «Фении» до последнего отпускного часа.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «С января нового года начался зимний период, — писал в каюте вмерзшего «Новика» старший офицер Граф, — с его обычной жизнью: отпусками, ремонтами, занятиями, комиссиями и тому подобными зимними развлечениями. В этом году все как-то старались бесшабашно веселиться. В последние месяцы это стало носить даже какой-то дикий отпечаток, будто людям нечего терять впереди и они, махнув на все рукой, торопились забыться».

Сторонний глаз нашел бы мало что нового в жизни Главной базы. Служба правилась по-зимнему: запирались штурманские рубки, выключались матки гирокомпасов, плотники сколачивали над палубными люками будки-тамбуры, чтобы метели не заносили внутренние трапы, связисты тянули телефонные провода с линкора на линкор и на причалы.

Корабли страстались с берегом, точно форты одной крепости. Флот начинал жить страстями суши. Вместе с морозами на корабли приходила политика...

РУКОЮ АННЫ: «В начале февраля 1917 года мой муж, С.Н. Тимирев, получил отпуск, и мы собирались поехать в Петроград — то есть мой муж, я и мой сын с няней. Но в поезд сесть нам не удалось — с фронта лавиной шли дезертиры, вагоны забиты, солдаты на крыше. Мы вернулись домой и пошли к вдове адмирала Трухачева, жившей в том же доме, этажом ниже. У нее сидел командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Иванович Непенин. Мы были с ним довольно хорошо знакомы. Видя мое огорчение, он сказал: «В чем дело? Завтра в Гельсингфорс идет ледокол «Ермак», через четыре часа будете там, а оттуда до Петрограда поездом просто».

Уже плоховато было в Финляндии с продовольствием, мы купили в Ревеле всяких колбас и сели на ледокол. Накануне отъезда я получила в день своих именин от Александра Васильевича корзину ландышей — он заказал их по телеграфу. Мне было жалко их оставлять, я срезала все и положила в чемодан. Мороз был лютый, лед весь в торосах, ледокол одолевал их с трудом, и вместо четырех часов мы шли больше двенадцати. Ехало много женщин, жен офицеров с детьми. Многие ничего с собой не взяли — есть нечего. Так мы с собой ничего и не привезли.

А в Гельсингфорсе знали, что я еду, на пристани нас встречали — в Морском собрании был какой-то вечер. Когда я открыла чемодан, чтобы переодеться, оказалось, что все мои ландыши замерзли. Это был последний вечер перед революцией».

Часть третья

БЕЛАЯ НОЧЬ

ГОД 1917-Й

В год семнадцатый от начала нашего века над воюющей Россией возникло гигантское буревое завихрение с эпицентром в столице. Звездообразно закрученный смерч бушевал над страной и год, и два, и три; он перемешал-перебудоражил вся и все в государстве так, что линии фронтов завилились в замысловатые улитки, отчего вчерашние враги стали вдруг покровителями, а союзники — интервентами. Офицеры, гонимые собственными солдатами, искали спасения у тех, с кем они только что воевали, — у немцев и турок, бежали с родины в недавние вражеские столицы — в Стамбул, в Берлин.

Смешалось все и в человеческих душах: простые и ясные доселе понятия добра и зла, плохого и хорошего вдруг поплыли, размылись и свились в лукавые парадоксы и антиномии. То, что вчера считалось смертным грехом, с нового дня стало считаться доблестью. Сын поднял руку на отца, а брат на брата, но не как Каин на Авеля, а как Каин на Каина, ибо кротость и смирение ушли из всех душ, не найдя себе места и за монастырскими стенами. Крещеный, но обезумевший люд добрался и туда, стал рушить кресты, сбрасывать со звонниц колокола, рубить братию.

А сатанинская шутиха крутилась и ширилась, набирая кровавые обороты с каждым днем. Все сдвинулось со своих мест, поехало с основ и устоев. Хижины полезли на дворцы, отчего хижин не уба-

вилось, а разграбленные дворцы мало-помалу превращались в уплотненные коммуналки.

Все смешалось на Святой Руси. Краски у художников, и те поплыли на полотнах бесформенными абстрактными пятнами, и сказали лжепророки и лукавые мудрецы, что это хорошо.

Этот черный вихрь задел своим крылом и Европу, да так, что полетели короны вековых монархий в Германии и Австрии, а затем и Турции, и Испании. Затрещали границы империй, королевств, республик и под выстрелы, стоны, проклятия пролегли по-новому, рассекая по живому народы, отсекая города и пажити, озера и реки...

То был первый в истории человечества удар оружия массового поражения. Ни газовые атаки, ни ядерные взрывы в Хиросиме и Нагасаки — ничто не сравнить с тем plombированным вагоном, подброшенным весной семнадцатого в Россию. Жертвы газовых атак на Ипре исчислялись сотнями, жертвы атомных бомбардировок в Японии — тысячами, счет жертв «пломбированного вагона» пошел на миллионы убитых, расстрелянных, заморенных, брошенных в огни «перманентных революций» и «освободительных движений».

Черчилль был прав, назвав запломбированный пульман, набитый большевистскими эмиссарами, «вагоном с чумой». Зона поражения идеологической бомбы, как это часто бывает с бактериологическим оружием, накрыла и тех, кто ее запустил. Напрасно кайзеровский генштаб надеялся, что направленный взрыв ударит только по России. Обе державы, как проказливые школяры, нечаянно взорвавшие бертолетову соль, предстали миру опаленными и опустошенными спустя три года после того, как «бабахнула шестидюймовка «Авророва». И в Германии, чуть позже, чем в России, рухнул престол, покатила корона. И в Австро-Венгрии. И в Болгарии... Цепная реакция той бомбы пошла по странам и континентам. Период полураспада марксистских идей в российском воплощении составил 73 года, но полный распад еще не наступил. Не дай Бог, если он так же длителен, как у плутония или цезия. Идеологический Чернобыль еще не накрыт своим саркофагом.

Однако и саркофаг над чернобыльским реактором так же мало спасает нас от радиации, как и мавзолейный мрамор над трупом симбирского адвоката от излучения его приманчиво гибельных идей.

Глава первая

ФЛОТОКРУШЕНИЕ

Февральские события застали Колчака в вечнозеленом Батуми, куда комфлота прибыл на эсминце «Пронзительный» для совещания с Главнокомандующим Кавказской армией Великим князем Николаем Николаевичем. Им предстояло обсудить план совместных действий прибрежных армий и флота, а также строительство порта в отбитом у турок Трапезунде. Но все это разом отошло на второй, на третий план после получения громоподобной телеграфной вест.

«Адмиралу Колчаку. Расшифровать лично. В Петрограде произошли крупные беспорядки, — сообщал помощник начальника Морского генерального штаба граф Капнист. — Город в руках мятежников, гарнизон перешел на их сторону».

Эсmineц «Пронзительный», самым полным ходом сжигая в котлах трубки, понесся в Севастополь. Дежурный флаг-офицер вручил адмиралу еще две не менее ошеломительные телеграммы за подписью председателя Государственной Думы Родзянко. Одна извещала об аресте правительства, другая — о принятии власти Комитетом думцев. Так же, как и Непенин на Балтике, вице-адмирал Колчак собрал по экстренному оповещению всех флагманов и старших начальников крепости и порта. Зачитав телеграммы ровным голосом, как будто речь в них шла о поставках мороженого мяса или мазута, он предложил собравшимся довести их содержание до всех подчиненных им офицеров и матросов. И сделать это как можно быстрее, пока не поползли слухи, толки, домыслы, пока партийные агитаторы не переиначили подоплеку событий на свой лад. Именно поэтому он обещал своевременно и со всей полнотой информировать старших начальников о развитии событий в Петрограде.

И даже когда несколько дней спустя в Севастополь пришли манифесты об отречении Государя Императора и его брата Великого князя Михаила Александровича, адмирал Колчак отреагировал на них прежде всего как военный человек, сознающий свою ответственность за препорученный ему морской фронт. Что бы там не случилось в тылу!

Непозволительно было надеяться, что адмирал Сушон, командующий германо-турецким флотом, не воспользуется политичес-

ким замешательством русских и не выпустит в рейд «Гебен» и «Бреслау». Колчак поднял флот по тревоге и вышел в крейсерство под Босфор. На кораблях было спокойно, команды были заняты делом, и служба правилась своим чередом.

Сейчас можно только гадать, что направляло в те дни Колчака — военная необходимость или политическая предосторожность. Или и то и другое вместе? Во всяком случае, ход был верен во всех отношениях. И если бы у вице-адмирала Непенина на Балтике, скованной льдом, была возможность вывести свои корабли в море, надо думать, он поступил бы так же. Увы, его линкоры прочно вмерзли в гельсингфорсский лед, на котором пролилась кровь и самого Непенина, и корабельных офицеров. Родной берег становился опаснее неприятельского. Для Черноморского флота февральская революция и в самом деле оказалась бескровной. Но то, что творилось на Балтике, было ужасно. Колчак знал это не из третьих уст... В конце марта к нему прибыл бывший офицер его любимой «Императрицы Марии» мичман Владимир Успенский. Он только что вырвался из «революционного» Кронштадта, куда был послан учиться на Минных классах. Молодой человек был наполовину седым. То, что он рассказал адмиралу, осталось потом в его же собственной записи.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В связи с отречением Государя Кронштадт был приведен в повышенную готовность и все слушатели офицерских Минных классов были расписаны по кораблям. Мне выпал минный заградитель «Терек».

Я сначала пошел на большой транспортно-пассажирский пароход «Океан», на котором жили и столовались слушатели Оф. Мин. Классов. После коротких разговоров о событиях, взявши с собою револьвер и необходимые вещи, поместившиеся в маленьком чемоданчике, я прибыл на минзаг. Явившись командиру «Терека», я получил приказание вступить на ночную вахту с 12 часов ночи до четырех часов утра (на «собаку»). Во время ночной вахты дела очень мало, и, чтобы скоротать время, я стал разговаривать с вахтенным унтер-офицером, который произвел на меня самое лучшее впечатление. Так в разговорах прошло часа два. На всех многочисленных кораблях, стоявших в гавани, царил тишина, нарушаемая боем склянок. Где-то на берегу раздавались крики, выстрелы и пение, которые стали приближаться.

Вскоре на молу появились банды вооруженных матросов с красными флагами. Они обходили корабли, стоявшие кормой к молу.

Начатая расправа с офицерами и кондукторами на берегу перенеслась и на корабли. Снова раздавались выстрелы и крики. В гавани было очень хорошее освещение, и я видел, как со стоящего рядом корабля были выброшены за борт два убитых человека и лед стал окрашиваться вытекавшей кровью. Пришли и на «Терек». Мгновенно мои руки оказались скрученными сзади, и вынутый из моего кармана револьвер я почувствовал у себя на лбу. Спас меня мой вахтенный унтер-офицер, отведя дуло револьвера и сказав о том, что я приехал из Черного моря учиться в Минных классах. Я успел заметить, что на фуражках пришедших матросов были ленточки «Полуэкипажа».

Эти уже немолодые матросы открыли световой люк офицерской кают-компании и бросили меня на обеденный стол. Я очень неудачно упал, сильно ушибив копчик. Придя в каюту, я сразу же спрятал в одетые ботинки несколько сторублевых бумажек. Это было очень своевременно, так как пришедшая первая группа матросов начала нас обыскивать. Они были тоже с ленточками «Полуэкипажа» и под видом поиска оружия вынимали заодно все деньги из бумажников и кошельков, а также обручальные кольца и часы.

Запоздавшие с обыском злились, что все ценное уже взято, и чтобы не уходить с пустыми руками, они брали из офицерских кают все, что им приглянулось. Всех обысков было шесть. В семь часов утра, как будто ничего не произошло, вестовые принесли в кают-компанию чай, кофе, масло, варенье и свежие булочки. После подъема флага на «Терек» снова пришли полуэкипажные матросы и вывели всех офицеров на пол, с нас были сорваны погоны, у меня с куском рукава, сорвали с фуражек офицерские кокарды и куда-то повели. Мне было очень больно илти вследствие сильно ушибленного копчика, я отставал, и сзади идущий конвоир меня подгонял ударами ружейного приклада. Нас нарочно провели через Якорную площадь с памятником адмиралу Макарову, чтобы показать принесенных на эту площадь убитых адмирала Вирена и вал (ров. — *Н. Ч.*), заполненный телами офицеров. При виде растерзанного адмирала я невольно вспомнил, как какую-нибудь неделю тому назад из окон Минных классов, выходявших в сквер, можно было видеть грозного адмирала катающимся с юношеской резвостью на коньках по дорожкам сквера, обращенным в каток. Когда нас проводили мимо прекрасного кронштадтского собора, я спросил: «Куда нас ведут?» Матрос ответил: «Не хотим пачкать собачьей кровью кронштадтскую землю, будем расстреливать на льду!» И действительно, привели нас к морю. Защелкали затворы ружей. Это было очередное глумление. Нужно

сказать о том, что во время нашего конвоирования к нам присоединяли группы других офицеров, и мы, арестованные, образовали толпу человек в 60. Поиздевавшись над нами, матросы повели офицеров в Морскую следственную тюрьму. Нас встретил растерявшийся начальник тюрьмы, ластовый капитан, которого ударами прикладов присоединили к нашей группе. Первые два дня я был в одиночной камере. Это было очень тяжелое время. Приходили банды матросов в поисках своих жертв, которых и расстреливали во дворе тюрьмы. Один молодой поручик по адмиралтейству повесился. Раздавались полусумасшедшие крики. В мою камеру заглядывали много раз. К счастью, я никого не знал и меня тоже не знали, так как я был офицером Черноморского флота. Нервы уже притупились, и была какая-то апатия. Потом меня перевели в большую камеру, в которой было собрано около 60 офицеров. Из камеры были вынесены нары, и мы спали на полу. Там я встретился с двумя слушателями Мин. классов, из Балтийского флота. В управление тюрьмой вступили матросы все того же полуэкипажа. Кормили нас ужасно: утром только кипяток. Обед: подобие супа из нечищеного картофеля и голов ржавых селедок. Газет нам не давали... Все новости доходили в крайне искаженном виде...

При освобождении слушателей Минных классов матросами из Ревеля я попросил их написать от моего имени письмо командиру Черноморским флотом. Адмирал Колчак лично меня знал, так как я стоял ходовые вахты на флагманском корабле «Императрица Мария» и не раз с ним разговаривал. Я просил сообщить ему о наших злоключениях с просьбой о заступничестве.

28 марта все слушатели Минных классов были освобождены...

В Севастополь я приехал из Кронштадта первым и, явившись вице-адмиралу Колчаку, доложил обо всем, что лично видел и слышал. Адмирал мне сказал о получении им письма от моего имени. Он по этому поводу два раза сносился с морским министерством с просьбой принять меры для нашего освобождения, но Петроград был бессилен что-либо для нас сделать. «Конечно, — добавил адмирал, — с бандой кронштадтских убийц ни в какое сношение вступать было недопустимо».

ЧТО БЫЛО ПОТОМ. Разумеется, мичман Успенский не остался потом служить на Красном флоте, а выбрал службу под Андреевским флагом. После гражданской войны ушел в изгнание и прожил во Франции весьма долгую жизнь, скончавшись в русском старческом доме, что и по сию пору стоит в Монморанси, 4 октября 1980 года.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Колчак: «Я относился к монархии как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. И, сколько и припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы...

Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе <...>.

Когда совершился переворот, я считал себя свободным от обязательств по отношению к прежней власти... Я приветствовал революцию как возможность рассчитывать на то, что она внесет энтузиазм — как это и было у меня в Черноморском флоте вначале — в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего — и образа правления, и политических соображений...

Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну...»

Он был военным человеком до мозга костей, и призывы большевиков немедленно выйти из войны были так же непостижимы для него, как для крестьянина — прекратить сев в разгар весны. Как и большинство военачальников его ранга, он видел два выхода из войны — либо проиграть ее, либо выиграть. Сепаратный мир? Бесчестье! Подлость по отношению к тем, кто три года сражался вместе с тобой против общего врага, к союзникам — французам и англичанам. И если кодекс офицерской чести запрещал нечестные поступки по отношению к женщинам, к товарищам, не допускал и мысли о неуплате карточного долга, то измена союзническому долгу, боевому сорабничеству представляла бесчестьем, равнозначным трусости в бою. Выходить из войны, когда противник вот-вот будет сломлен, когда на южном фланге Черного моря полное военное превосходство, когда до Босфора остался один бросок?!

Уверения большевиков, что страна не может продолжать войну из-за крайнего материального и людского истощения — ему ли не знать резервы флота?! — не что иное, как пропагандистский блеф. Ведь хватило же потом бойцов и патронов, лошадей и орудий — на три года еще хватило! — неистового взаимного истребления! На себя — хватило...

Корабли Черноморского флота выходили на боевые позиции.

Бумажная змея телеграфной ленты с текстом «Приказа № 1» Совета солдатских и рабочих депутатов нанесла флоту парализующий укус в самый центр его воли. То, чего не удалось добиться «Гебену» и «Бреслау», в несколько дней совершили и довершили авторы немыслимого нигде и никогда приказа, отменяющего дисциплинарную власть офицеров.

Флот затрясла митинговая лихорадка. Флот стремительно терял свою боеспособность.

Понимая, что он не в силах отменить ультрареволюционный, идиотский или намеренно самоубийственный приказ, адмирал призвал офицеров выполнять свой долг и в таких условиях искать новые способы воздействия на подчиненных, поступаться амбициями (но не честью), сплачиваться с командами во имя сохранения флота, во имя выживания Родины.

Эта здравая позиция возымела незамедлительный успех. Матроско-солдатско-рабочий Севастополь, с тревогой выжидавший реакцию самого главного в городе лица на «Приказ № 1», провел восторженную манифестацию и бурно аплодировал комфлоту. Колчак ничуть не обольщался на свой счет. Толпа есть толпа. Сегодня она кричит «Осанна!», а завтра — «Распни его!».

Меньше всего улыбалось ему перевоплощаться из флотоводца в оратора. Но время уравнило искусство трибуна с искусством наварха. С этим он и пришел на общегородской митинг в апреле 1917 года.

Зал севастопольского цирка — самый большой в городе — не вмещал всех представителей команд, солдат крепости и мастеровых порта. Колчак произнес недолгую, но блестящую речь:

— Тяжелые вести привез я вам. Грозный призрак навис над Россией. Наша Родина гибнет. Идет поголовный развал. Позор, раздел русской земли и рабство — вот что нам угрожает. Фронт бросает оружие, продает его врагу и стихийно бежит. По всему лицу русской земли носятся разбитые поезда, захваченные дезертирами. Они нарушают транспорт, обрекают на голод армию и города, вешают железнодорожников за малейшую попытку спасти железнодорожное достояние. По всем путям идет грабеж. Россия охвачена пожаром, покрывается позором. Дезертиры и негодяи, продавшиеся врагу, ведут нас в рабство немцам...

Он говорил, что если Россия выйдет сейчас из войны, то какая бы сторона ни одержала победу, Отечеству придется платить по самому большому счету либо союзникам, либо германцам. Его перебили, кто-то крикнул из зала: «За что воюем?! За Босфор с Дарда-

неллами? Чтобы ваш папенька мог хлеб беспопшлинно вывозить? Капиталы наживать?!»

Зал выжидательно притих. Замер на секунду и Колчак. Чутьем оратора он понимал: доказывать, что его отец не имеет к хлебному экспорту никакого отношения, — дело затяжное и неубедительное. Кто оправдывается, тот не прав. Взгляд адмирала упал на «тревожный» чемоданчик, с которым он выходил обычно в море.

— Вот вам все мои капиталы! — И вытряхнул на трибуну походные вещи.

Зал восторженно загудел.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Адмирал произнес прекрасную, полную патриотизма речь, — сообщал в своих записках начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М. Смирнов. — Он рассказал о положении на фронте, указал на цели войны, на гибельность для России, если она выйдет из состава воюющих, так как, какая бы сторона ни одержала победу, России придется заплатить своим достоинством победившей стороне, будь то враги или союзники. Это грозит потерей наших окраин. Адмирал указал, что Россия существует и каждый ее сын должен исполнить патриотический долг. Речь адмирала произвела громадное впечатление...

Московский городской голова просил адмирала Колчака прислать ему копию его речи, так как Московская городская дума постановила отпечатать эту речь в 10 миллионах экземплярах для распространения среди населения России.

Когда же Колчак в конце своей речи обратился к Черноморскому флоту с призывом подняться как один за Россию, — весь зал вскочил. Поднялось нечто невообразимое. Все бросились к ложе Колчака...

— Да здравствует Россия! На фронт! На фронт!

Потрясая здание, ревел, стонал митинг, редела толпа и снаружи его.

На трибуну выскочил с.-р. Фундаминский.

— Товарищи! Не выдадим Россию. Война до победного конца! Долой дезертиров!

— Долой! Долой! Война до победного конца!

Толпа впервые в Севастополе подхватила этот лозунг.

Колчака на руках вынесли из цирка. Тотчас же открылась запись в Черноморскую делегацию на фронт, подымать его. В ту же ночь пятитысячный отряд матросов произвел облаву на дезертиров.

Царил необычайный подъем. Появление Колчака повсюду встречалось восторженным «ура!». В торжественной обстановке весь флот и город провожали триста черноморских моряков — офицеров и матросов — на фронт, в окопы.

Им наказывали стыдить тех, кто готов бросить позиции, кто поддался пораженческой пропаганде, наказывали спасти от окончательного развала воинскую дисциплину.

Страшно представить, как бы все обернулось, если бы Колчак разделил судьбу своего друга вице-адмирала Непенина. В какую кровавую вакханалию вылилась бы «бескровная революция» на Черном море. Впрочем, волна бесчинств докатилась и до Севастополя, но с опозданием почти в десять месяцев: первая «варфоломеевская» (матросы называли «вахрамеевская») ночь — с расстрелами офицеров на Малаховом кургане — опустилась на Севастополь в декабре 1917 года...

ЧТО БЫЛО ПОТОМ. В году 1995-м отставной капитан 2-го ранга Владимир Стефановский, председатель Севастопольского морского собрания, попытался увековечить память черноморских офицеров, безвинно расстрелянных в Карантинной балке. Ему удалось поставить небольшую гранитную стелу. Этот поступок вызвал в городе разные толки. Снова, как и восемьдесят лет назад, закипели страсти. Как ни странно, но главная флотская газета «Флаг Родины» выступила с нападками на Стефановского и даже призывами взорвать «памятник белогвардейцам». И памятник темной осенней ночью снесли неприимимые наследники «борцов за народное счастье».

Адмирал Колчак... Всех непосвященных в планы высшей стратегии весьма удивило назначение балтийского героя — Колчака — в малознакомое ему Черное море. Но те, кто принимал такое решение, прекрасно понимали, что после гибели Макарова и смерти Эссена во всем российском флоте нет другого такого адмирала, который мог бы решить главную задачу войны — взять Босфор и Дарданеллы. Не над дворцом кайзера собирався водружать российский флаг Николай II — над куполом святой Софии в Царьграде. И не флаг даже, а тот крест, который пришел на Русь из византийской столицы, захваченной османами.

Острие главного — решительного — удара во всей великой войне намечалось там, на юге, на Черном море. Сухопутным броском из союзной Румынии через вражескую, но не враждебную Болгарию, и одновременным массированным морским десантом (в два стрелковых корпуса) Ставка надеялась решить историческую зада-

чу многих веков в кампанию 1917 года, последнюю, как полагали все, кампанию мировой войны.

Возможность подобного успеха была доказана летом шестнадцатого года блестящим прорывом генерала Брусилова на Юго-Западном фронте. Если бы он был поддержан тогда морским десантом на Босфор! Для этого надо было, чтобы Черноморским флотом командовал не сверхосторожный адмирал Эбергард, а рискованный флотоводчик, не боящийся начальства пуще противника. Вдохновленный личным напутствием императора, сделал то, что привык он делать на Балтике, — замуравал минными полями вражеский флот в главной базе, собрал мощную транспортную флотилию, которой командовал бывший командир Колчака по Порт-Артуру контр-адмирал Хоменко. К весне 1917 года офицерам черноморских пехотных дивизий были розданы карты Стамбула... Однако готовый к броску стратегический десант был сорван главковерхом Керенским. Именно Керенский отозвал командующего Черноморским флотом из Севастополя в Петроград — и это в канун решающей операции! Именно он настоял на том, чтобы адмирал Колчак навсегда оставил Черноморский флот и... уехал в Америку в бессрочную командировку. Об этом же весьма убедительно просил Керенского и американский чрезвычайный посол в России сенатор Рут. Таким образом, единственный флотоводец, способный руководить единственным боееспособным флотом в решающие дни летней — босфорской! — кампании, должен был почему-то пребывать за океаном. Колчак всячески оттягивал этот отъезд...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Однажды, придя домой, адмирал застал там курьера с собственноручным приказом Керенского — немедленно отбыть в Соединенные Штаты Америки и донести, отчего он до сего времени не выехал.

27 июля 1917 года адмирал Колчак отбыл за границу».

Это свидетельство принадлежит ближайшему помощнику и другу Колчака, от которого у него не было секретов с гардемаринских времен, — контр-адмиралу Михаилу Смирнову.

Интересно, от кого Керенский получил приказ о фактической высылке адмирала из России — от американских сенаторов? От британских лордов? От великого грессмейстера?

Ясно одно: союзники активно выводили Россию из войны, чей исход уже был в 1917 году предопределен в пользу Антанты. Более всего в этом были заинтересованы Британия и Америка. Меньше всего это было нужно французам, которые вели свою очередную войну с бошами не на жизнь, а на смерть, и не помышляли ослаб-

лять натиск на Германию с востока ради каких бы то ни было будущих резонов. Резон был один — не пустить немцев в Париж, как это случилось в последнюю франко-прусскую войну.

Но на берегах Темзы и Потомака были всерьез обеспокоены тем, что Россия ввиду несомненного разгрома германо-турецкого, австро-венгерского блока получит то, что было обещано ей в пылу вспыхнувшей европейской войны, — босфоро-дарданелльский выход в Средиземноморье. Чем ближе была победа с грядущим разделом пирога, тем меньше нужна была в пошедшей на спад войне Россия. В генеральных штабах Британии и Америки уже просчитали раскладку сил на европейском театре и сделали безошибочный вывод: восточный фронт, который держали русские войска, оттягивая на себя силы рейхсвера, уже не нужен. Германия обречена. Они и в самом деле не ошиблись. Как показали события следующего года, Антанте удалось повергнуть противника не только без участия России, но даже с мощнейшей топливно-продовольственной помощью Германии из России, захваченной большевиками.

Да, развязка с ликвидацией восточного фронта была оттянута до осени 1918 года, когда капитуляция кайзера могла состояться уже весной. Да, были понесены лишние человеческие жертвы. Но что стоили головы нескольких тысяч британских, французских солдат в сравнении с тем, что третий ключ от Средиземного моря был выбит из рук России?

Американским банкирам и «спонсору» революционных беспорядков в Петрограде Якобу Шиффу, в частности, равно как и британским адмиралам, становилось не по себе при мысли о выходе России в Средиземное море. Это бы означало, что и без того дешевое российское зерно (воистину, хлеб всему голова, даже международным интригам) хлынуло бы кратчайшим потоком на европейский рынок, путем куда более коротким, чем трансатлантические поставки того же магната-зерноторговца Шиффа. Это бы означало, что все прочие российские товары беспрепятственно ринулись на бездонный афро-азиатский рынок, который уже давно контролировался «владычицей морей». Это означало бы, что в недалекой перспективе и бакинская нефть могла бы прийти в Европу не через трубопроводы американских и британских картелей, а через сливные шланги русских танкеров. Это означало бы полный переворот в мировой экономике, сложившейся на базе фунта стерлингов.

Русская овчинка стоила американско-британской выделки.

Вывод России из войны состоялся классическим образом: парализацией центральной власти, центральной нервной системы. Им-

ператора не свергли! Небывалый случай в российской истории — его УГОВОРИЛИ отречься от престола. УГОВОРИЛИ и Михаила, в чью пользу отрекся Николай. Главноуговаривающим прозвали Керенского в войсках и в обществе — и была в том ирония со скрытым вторым дном. Загадка царского отречения до сих пор остается тайной истории, покрытой архивным мраком.

В окружении верных ему большей частью людей, во всяком случае послушных монаршей воле, среди верных ему не взбулгаченных пока никем и ничем войск, охранявших Ставку, он, самодержец российский, сам слагает с себя корону. Заметим, что речь не идет о крушении монархии, и Николай верит в то, что Михаил, брат, окажется более счастливым царем, верит в то, что династия Романовых продолжится... Крушение самодержавия произойдет несколькими днями позже, когда думские краснобаи уговорят отречься и Михаила.

Таким образом, царь не был свергнут, как нас учили, да и сейчас учат в школах; не штыков восставших полков, не ворвавшихся во дворец толп испугался он. Все сделали *слова, уговоры*... Как они, думские краснобаи, это сотворили, на какие душевные струны воздействовали, какие психологические уловки применили — знают только те, кто вынудил Государя поставить свою подпись под роковым актом... Во всяком случае, императрица так и не верила до конца, что здесь все было чисто. Весьма показательна ее фраза, зафиксированная особым представителем московского ЦИКа Яковлевым. Его прислали в Тобольск для того, чтобы уговорить отречьшегося императора санкционировать своей подписью Брестский договор. Юридический нонсенс, но этого требовали немцы, не очень-то доверяя большевистским словам, подписям и печатям. Для них рескрипт даже низложенного царя был авторитетнее ленинского росчерка.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Николай... обернувшись к Александре, горько сказал: «Они хотят заставить меня подписать Брест-Литовский договор. Но я скорее отрублю себе правую руку, чем подпишу такой договор». Императрица согласилась с ним, вспомнив отречение, и с чувством заявила: «Я тоже поеду! Если меня там не будет, они вынудят его что-нибудь сделать точно таким же путем, как и раньше».

Каким «таким же путем»? Что имела в виду Александра? Вопросы без вразумительных ответов...

Правда, можно предполагать, и не без оснований, что отречение было поставлено как условие сохранения жизни царской семьи.

То есть был применен самый вульгарный шантаж. Ведь не зря же Шульгин всю жизнь помнил ту, быть может, самую роковую фразу во всей этой истории: «Ваше Императорское Величество, я не смогу поручиться за благополучие вашей семьи, если манифест об отречении не будет подписан». И Александра Федоровна, и наследник, и все дочери — все они оказались в руках тех, кто уже захватил власть в столице. И Николай понимал, что любая попытка освободить их силой приведет к ужасным последствиям. Самых близких ему людей сделали заложниками.

Это были самые первые заложники в грядущей диктатуре — царская семья.

Через год Шульгин потеряет своего сына-юнкера (он погибнет в уличных боях в Киеве). В тот самый год, когда будут расстреляны царственные заложники.

Великолепный аналитик генерал Данилов просчитал потом дьявольскую шахматную комбинацию: императора уговорили сместить Николая Николаевича, занять его пост, для того чтобы удалить царя из столицы хотя бы на некоторое время. А затем — так все и произошло — захватить его семью в его отсутствие и диктовать правила отречения.

Итак, отречение русского царя, добытое каким-то темным путем, состоялось. И первой же страной, которая признала Временное правительство, были Соединенные Штаты Америки, чей чрезвычайный посол сенатор Рут так настойчиво зазывал адмирала Колчака за океан перед стратегической операцией на Босфоре, которую русский флот и русские войска, не разложенные пока до конца большевиками, еще в состоянии были провести летом семнадцатого. И Керенский, и его зарубежные кукловоды уже угадывали в Колчаке будущего российского вождя — Верховного правителя России. Колчак и Корнилов в глазах Керенского — самые вероятные военные диктаторы, и самые опасные политические соперники. Он так боялся обоих, что едва не попал в лапы третьей силы — большевиков. Прежде всего он спровадил Колчака — подальше, в Америку, а в августе подставил и второго соперника — генерала Корнилова, спровоцировав так называемый военный путч.

Деньги германского генштаба и их невольного союзника Якоба Шиффа не были брошены на ветер, как не осталась втуне и деятельность британских спецслужб под крышей английского посольства.

Россия с международным позором была выведена из войны для того, чтобы быть ввергнутой в другую, не менее кровопролитную и долгую войну, названную историками «гражданской». Хороша «граж-

данская», когда на территории бывшей империи действовали регулярные войска ВОСЬМИ держав, не считая национальных формирований из чехов, поляков, латышей, финнов, мадьяр, китайцев, сербов... После трех лет русского сопротивления, усобиц и кровавых раздоров Россия была не только отброшена от черноморских проливов, но и начисто лишена Черноморского флота, да и выход-то в Балтийское море едва не потеряла, чудом сохранив за собой обрубленную щель Финского залива. Да и границу ее с Европой прочертили так, как хотели это в Лондоне, — по линии Керзона, лишив претендентку на Средиземноморье всех петровских приобретений, отгородив ее от участия в европейских делах так называемым «санитарным кордоном».

Сталин смог отчасти восстановить страну в ее прежних границах, но только после того, как истребил тех, кто расчленил державу, — партию старых большевиков.

И как бы ни обвиняли адмирала Колчака в диктаторстве, он, предлагая именно такую форму правления для распадавшегося государства, был прав. Логика истории заставила принять страну еще более жесткого и жестокого диктатора — генералиссимуса Сталина. Но и ему не позволили выйти на Средиземноморье, но и у него выбили из рук ключ от Царьграда. Впрочем, это уже другая история.

Бунин, который потом, в Париже, скажет о великом адмирале самые проникновенные слова, очень точно назвал те дни — «окаянными».

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ: «Нападите врасплах на любой старый дом... перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и, вообще, розыски о жизни семьи, этого дома, — сколько откроется темного, греховного, несправедного...

Так врасплах, совершенно врасплах, был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали мировой жупел! Что открыли? Изумительно, ровно ничего!»

ЧТО БЫЛО ПОТОМ. В 2002 году британская газета «Дейли телеграф» опубликовала рассекреченные спустя 85 лет документы разведывательной службы МИ-5. Они раскрывали зарубежную деятельность в годы первой мировой войны видного большевистского деятеля Льва Троцкого. «Великобритания могла, по крайней мере, серьезно повлиять на ход событий в России в 1917 году, — утверждала

солидная газета, — если бы не способствовала освобождению из тюрьмы одного из наиболее авторитетных большевистских лидеров Льва Троцкого». Но Великобритания смогла повлиять на ход событий в России в 1917 году еще и тем, что освободила из лагеря для немецких (!) военнопленных в Амхерсте Троцкого и при участии подполковника контрразведки (МИ-6) Клода Дэнси способствовала транспортировке Троцкого в Россию. Этот ярый «пацифист» со своей антивоенной пропагандой совершенно не нужен был ни в воюющей Франции, ни в воюющей Британии, ни в США. Он нужен был именно в России. И он оказался там в нужное время и в нужном месте».

«Британия упустила шанс остановить революцию в России», — лицемерно сетует газета. Точно так же она упустила два германских крейсера («Гебен» и «Бреслау»), которые в нужное время прорвались в нужное место — в Стамбул, чтобы надежно защитить Босфор от русского флота.

Нет, Британия никогда не упускала шансов изменить политическую ситуацию в России в свою пользу. Дипломаты коварного Альбиона с екатерининских времен, а может быть, того ранее, выводили на шахматную доску придворных партий в Санкт-Петербурге свои фигуры. Причем всегда делалась ставка на проходные «королевские» пешки. Разве не британский посол в России Чарльз Уильямс снабжал будущую императрицу Екатерину тысячами золотых дукатов, чтобы 25-летняя претендентка на престол пришла к власти? Другое дело, что, приняв корону Российской империи, Екатерина не стала услужать британской короне. Положив глаз на новую проходную пешку — адмирала Колчака — лондонские политики рисковали получить тот же «нулевой эффект», к которому привели полтора века назад старания сэра Уильямса. Собственно, они и получили его. История любит повторяться.

«ФЛОТ И РАБОЧИЕ МНЕ ВЕРЯТ...»

Анна... Вселенная закручивалась вокруг нее в воронку, разбрасывая по краям города, дома, моря, корабли, страны...

ИЗ ПИСЕМ ВИЦЕ-АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА АННЕ ТИМИРЕВОЙ

«11 марта 1917 года. Линейный корабль «Императрица Екатерина» ...Несколько дней тому назад, 7 марта, я получил письмо Ваше из Петрограда, написанное 27 февраля. Я пришел 1 марта вечером из Батуми и получил телеграмму от Родзянко, в которой сообща-

лось о падении старого правительства, а через день пала сама династия. При возникновении событий, известных Вам в деталях, несомненно, лучше, чем мне, я поставил первой задачей сохранить в целостности вооруженную силу, крепости и порты, тем более что получил основания остановить появление неприятеля в море после 8 месяцев пребывания его в Босфоре. Для этого надо было прежде всего удержать командование, возможность управлять людьми и дисциплину. Как хорошо я это выполнил — судить не мне, но до сего дня Черноморский флот был управляем мною решительно, как всегда. Занятия, подготовка и оперативная работа ничем не были нарушены, и обычный режим не прерывался ни на один час. Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя отдельные факты говорят, что флот и рабочие мне верят.

Мне очень помог в ориентировке генерал Алексеев, который держал меня в курсе событий и тем дал возможность правильно оценить их, овладеть начавшимся движением, готовым перейти в бессмысленную вспышку, и подчинить его своей воле. Мне удалось прежде всего объединить около себя всех сильных и решительных людей, а дальше уже было легче. Правда, были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву пороховом погребе, и не поручусь, что таковые положения не возникнут в будущем, но самые опасные моменты, по-видимому, прошли...

Пять ночей я почти не спал, и теперь в открытом море, в темную мглистую ночь, чувствую себя смертельно уставшим, по крайней мере, физически. Ваше письмо, в котором Вы описываете начало петербургских событий, я получил в один из очень тяжелых дней, и оно, как всегда, явилось для меня (независимо от содержания) радостью и облегчением, как указание, что Вы помните и думаете обо мне... За эти 10 дней я много передумал и перестрадал, и никогда я не чувствовал себя таким одиноким, предоставленным самому себе, как в те часы, когда сознавал, что за мной нет нужной реальной силы, кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей и массы; а последние, охваченные революционным экстазом, находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению, заложенным в основании духовной сущности каждого человека. Лишний раз я убедился, как легко овладеть истерической толпой, как

дешевы ее восторги, как жалки лавры ее руководителей, и не изменил себе и не пошел за ними. Я не создан быть демагогом — хотя легко было очень им сделаться. Я солдат, привыкший получать и отдавать приказания без тени политики. Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение. Но мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремления к первобытной анархии.

Теперь я в море. Каким-то кошмаром кажутся эти 10 дней, стоивших мне временами невероятных усилий, особенно тяжелых, так как приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего. Но теперь хоть на несколько дней это кончилось, и я в походной каюте с отрядами гидрокрейсеров, крейсеров и миноносцев иду на юг...»

12 марта 1917 года

«...Всю ночь шли в густом тумане и отдыха не было, под утро прояснило, но на подходе к Босфору опять вошел в непроглядную полосу тумана. Не знаю, удастся ли гидрокрейсерам выполнить операцию.

Я опять думаю о том, где Вы теперь, что делаете, все ли у Вас благополучно... Я сохранил командование, но все-таки каждую минуту могло приключиться то, о чем и вспомнить не хочется. Противник кричал на все море, посылая открыто радио гнуснейшего содержания, и я ждал появления неприятеля, как ожидал равно-возможного взрыва у себя. Прескверные ожидания — надо отдать справедливость... Сейчас доносят, что в тумане виден какой-то силуэт. Лег на него. Конечно, не то. Оказался довольно большой парусник. Приказал «Гневному» топить его. Экипаж уже заблаговременно сел на шлюпки и отошел в сторону. После 5—6 снарядов парусник исчез под водой. Гидрокрейсера не выполнили задание — приказано продолжать завтра, пока не выполнят».

13 марта 1917 года

«...День ясный, солнечный, штиль, мгла по горизонту. Гидрокрейсера продолжают операции у Босфора — я прикрываю их на случай выхода турецкого флота. Конечно, вылетели неприятельские гидропланы и появились подлодки. Пришлось носиться полными ходами и переменными курсами. Подлодка с точки зрения линейного корабля — большая гадость; на миноносце дело другое... Неприятельские аэропланы атаковали несколько раз гидрокрейсера, но близко к нам не подлетали. К вечеру только закончили опера-

цию; результата пока не знаю, но погиб у нас один аппарат с двумя летчиками.

Возвращаюсь в Севастополь. Ночь очень темная, без звезд, но тихая, без волн. За два дня работы все устали, и чувствуется какое-то разочарование.

Нет, Сушон меня решительно не любит, и если он два дня не выходил, когда мы держались в виду Босфора, то уж не знаю, что ему надобно. Я не очень показывался, желая сделать ему сюрприз, — неожиданная радость всегда приятней, не правда ли? Но аэропланы испортили все дело, донеся по радио обо мне в сильно преувеличенном виде. Подлодки и аэропланы портят всю позицию войны. Я читал сегодня историю англо-голландских войн — какое очарование была тогда война на море. Неприятельские флоты держались сутками в виду один у другого, прежде чем вступали в бои, продолжавшиеся 2—3 суток с перерывами для отдыха и исправления повреждений. Хорошо было тогда. Теперь для души ничего нет. Теперь стрелять приходится во что-то невидимое, такая же невидимая подлодка при первой оплошности взорвет корабль, сама зачастую не видя и не зная результатов. Летает какая-то гадость, в которую почти невозможно попасть. Ничего для души нет. Покойный Адриан Иванович говорил про авиацию: «Одно беспокойство, а толку никакого». И это верно: современная история войны сводится к какому-то сплошному беспокойству и предусмотрительности, так как противники ловят друг друга на внезапности, неожиданности и т.п. Я лично стараюсь принять все меры предупреждения случайностей и дальше отношусь уже по возможности с равнодушием. Чего не можешь сделать, все равно не сделаешь».

14 марта 1917 года

«...Сегодня надо продолжать практическую стрельбу. Утром отпустил крейсера, переменяя миноносцы у «Екатерины», и отделился. Погода совсем осенняя, довольно свежо, холодно, пасмурно, серое небо, серое море. Я отдохнул эти дни и без всякого удовольствия думаю о Севастополе и политике. За три дня, наверное, были «происшествия», хотя меня не вызывали в Севастополь, что непременно сделал бы Погуляев».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.И. СМЕРНОВА

«Днем и ночью приходили неприятные известия из различных частей флота. Обычным приемом успокоения являлась посылка в часть, где происходят беспорядки, дежурных членов центрального

исполнительного комитета для «уговаривания». Результаты обычно достигались благоприятные. Члены комитета в большинстве случаев поступали добросовестно, но в процессе своей работы они все более заметно правели, что вызывало, и это было очевидно, падение их авторитета среди матросов и солдат, все более и более левевших».

ИЗ ПИСЕМ А.В. КОЛЧАКА А.В. ТИМИРЕВОЙ

26 марта 1917 года

«...Вчера первый раз после переворота приехал курьер из Генмора, и я получил сразу два письма из Петрограда от 7 и 17 марта. Мне трудно изложить на бумаге, что я пережил, когда вынул из пакета со всякой секретной корреспонденцией эти письма. Ведь мне казалось, что я не получал писем какой-то невероятно длинный период. Ведь теперь время проходит, с одной стороны, совершенно незаметно и с невероятной быстротой, а с другой — вчерашний день кажется бывшим недели тому назад.

Я вижу, что там меня не забывали и по-прежнему думают обо мне. И все это создает какое-то ощущение уравновешенности, твердости и устойчивости».

27 марта 1917 года

«...Прошло уже четыре недели, а политика не только не прекращается, но растет явно в ущерб стратегии. Что сказать мне о той опасности, которой подвергается наше Отечество, — с какой радостью я принял бы все, что могло бы быть опасным для него, на себя, на свою долю... но что говорить об этом «благом пожелании».

...Почта действует крайне неправильно, и к тому же имеется основание думать, что в Петрограде существует цензура совершенно не военного характера, а политическая. При таком положении моя корреспонденция получает, несомненно, интерес, а потому я отношусь к почте крайне недоверчиво. Передача писем через Генмор — единственно надежный прием, но сношения наши с ним до сих пор не наладились и носят случайный характер.

Положение мое здесь сложное и трудное. Ведение войны и внутренняя политика. Согласование этих двух взаимно исключających друг друга задач является каким-то чудовищным компромиссом. Последнее противно моей природе и психологии. А внутренняя политика растет как снежный ком и явно поглощает войну. Это общее печальное явление лежит в глубоко невоенном характере масс, пропитанных отвлеченными безжизненными идеями социальных учений. Отцы-социалисты, я думаю, давно уже перевернулись в гробах

при виде практического применения их учения в жизни. Очевидность все-таки сильнее, и лозунги «война до победы», даже «пролив и Константинополь» слышны точно у нас, но ужас в том, что это не искренно. Все говорят о войне, а думают и желают все бросить, уйти к себе и заняться использованием создавшегося положения в своих целях и выгодах — вот настроение масс. Призыв и правило дня: сократите срок службы, отпустите домой в отпуск, 8 часов работы, из которых 4 на политические разговоры, выборы и т.п. И это ведь повсеместно. Лучшие офицеры недавно обратились ко мне с просьбой разрешить основать политический клуб на платформе «демократической республики».

В апреле военный министр Гучков вызвал Колчака в Петроград для того, чтобы потом ехать в Псков на совещание высшего командования российской армии и флота. Колчак провел в столице несколько дней, употребив их на то, чтобы вникнуть в ход политических событий в их главном водовороте — в Питере. Он имел весьма доверительную беседу с военным министром, и Гучков сделал ему неожиданное предложение — возглавить самый главный сейчас (в военно-политическом плане) Балтийский флот, осиротевший после убийства адмирала Непенина. Но Колчак еще верил в возможность Босфорской операции и потому, призвав на помощь все свое красноречие, отговорил министра от этого назначения. Гучков внял его доводам и оставил все как есть.

Колчак сумел добиться встречи с М. Родзянко и честно обрисовал ему положение на своем флоте. Родзянко посоветовал найти общий язык прежде всего с лидером правых меньшевиков Георгием Плехановым, вернувшимся из эмиграции. Плеханов и его партия стояли на революционно-оборонческой позиции, и его практические советы, а может быть, даже и партийные акции могли бы прикрыть флот от разлагающей демагогии большевистских агитаторов. Родзянко даже подсказал, где можно отыскать Плеханова — на квартире его соратника К. Иорданского. Адмирал немедленно отправился по указанному адресу.

Плеханов встретил его с большим удивлением, но радушно. Он внимательно выслушал все аргументы Колчака о необходимости броска на Босфор.

— Меня не нужно убеждать в исторической значимости для России Босфора, Царьграда, Софии... — заметил ему Георгий Валерьевич. — Но время ли сейчас не то что делать это — говорить об этом? Вы же сами видите, что творится на фронтах, в стране...

— Да только сейчас и делать это! — горячился адмирал. — Такая победа немедленно бы подняла дух на фронтах. А как резко бы вырос авторитет нового правительства, новой России во всем мире? Разве нам не нужна т а к а я победа именно сейчас?

— Согласен. Нужна... Нужна даже самая малая победа. Но где гарантия, что у России хватит сил на Босфор. Не обернется ли военная неудача сокрушением того, что уже достигнуто? Ведь все очень зыбко и хрупко...

— У нас еще есть шанс! Уверяю вас как военный человек, как начальник того самого флота, которому предназначено это сделать.

— Не могу разделить вашей уверенности.

— Мы готовы начать операцию через месяц, если политики не будут вмешиваться в дела моего флота! В кои-то веки собраны десантные суда, которые за одну ночь могут перебросить сразу две дивизии к босфорским берегам. Есть реальный и к тому же весьма свежий опыт высадки больших десантов — Лазистан! Есть дредноуты, которые поддержат высадку тяжелыми орудиями. Есть аэропланы и подводные лодки. И все это пока что мне повинуется. Я говорю «пока что», потому что сегодня политические агитаторы страшнее диверсантов. И я надеюсь узнать у вас противоядие от этой напасти.

Визит адмирала Колчака несказанно удивил духовного отца российской демократии. Плеханов потом пересказывал знакомым подробности этой встречи в свойственной ему манере легкого юмора:

«Сегодня... был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые же дни революции стал на ее сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике он, видимо, совсем неповинен. Прямо в смущение привел меня своей развязной беззаботностью. Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит:

— Счел долгом представиться Вам как старейшему представителю партии социалистов-революционеров.

Войдите в мое положение! Это я-то социалист-революционер! Я попробовал внести поправку:

— Благодарю, очень рад. Но позвольте Вам заметить...

Однако Колчак, не умолкая, отчеканил: ...представителем социалистов-революционеров. Я — моряк, партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов, есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чем разница — не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они — патриоты. Социал-демократы же не любят отечества, и, кроме того, среди них очень много жидов...

Я впал в полное недоумение после такого приветствия и с самой любезною кротостью постарался вывести своего собеседника из заблуждения. Сказал ему, что я — не только не социалист-революционер, но даже известен как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с нею... Сказал, что принадлежу именно к не любимой им социал-демократии и, несмотря на это, — не жид, а русский дворянин, и очень люблю Отечество! Колчак несколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну это не важно, — и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверное, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике...»

«Не исключено, — отмечал биограф адмирала профессор Иван Платонов, — что Г.В. Плеханов несколько утрировал относительно политического уровня подготовки А.В. Колчака, но суть от этого не меняется: Колчак действительно находился в начальной стадии политической подготовки. Вести работу в условиях революции ему было крайне трудно. Приходилось в основном, как и прежде, опираться на личный авторитет, заслуги перед флотом».

Итоги беседы с Плехановым сам Колчак излагал так: «Я... сказал, что... обращаюсь к нему... с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить — в силу постановления правительства — я этого не могу, и, следовательно, остается только этот путь для борьбы с пропагандой».

Плеханов сказал мне: «Конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но он является в данном случае ненадежным». Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его».

Колчак вернулся в Севастополь раздосадованным и разочарованным в итогах своей питерской рекогносцировки. Одно его обрадовало в штабе — письмо от Анны. Но даже ей он ответил не сразу.

4 мая 1917 года. Линейный корабль «Свободная Россия»

«В конце прошлой недели я получил письмо Ваше от апреля. Я виноват в несколько запоздалом ответе, но теперь в море и после двух недель невольного молчания постараюсь ответить Вам...

Приехал в Севастополь я прекрасно, с полным комфортом и даже без опоздания. Обстановка мало отличалась за мое отсутствие, и «все обстояло благополучно». Дальше обычная работа командующего флотом во время войны и революции в разлагающемся морально и материально государстве. Из Петрограда я вывез две сомнительные ценности: твердое убеждение в неизбежности государственной катастрофы со слабой верой в то чудо, которое могло бы ее предотвратить, и нравственную пустоту... несостоятельность военно-политической задачи, определившей весь смысл и содержание моей работы. Если бы я мог впасть в отчаяние, плакать или жаловаться, то я имел бы для этого все основания, но эти положения просто мне не свойственны. Я действовал и работал под влиянием некоторых положений, которые теперь отпали, и так как я находил в них помощь и поддержку, то я прежде всего почувствовал, что я устал, устал физически и морально... Я устал, и мне трудно писать, у меня нет ни мыслей, которые я бы хотел изложить, ни способности сказать что-либо. Спать я не могу; не хочется читать немецкий вздор о том, что такое территориальное верховенство, — это так же для меня безразлично, как вопрос о том, делается ли в Севастополе глупость или идиотство; пойду лучше похожу по палубе и постараюсь ни о чем не думать».

Без числа

«...Третья ночь в море. Тихо, густой мокрый туман. Иду с кормовыми прожекторами. Я только что вернулся в походную каюту, где ходил часа два, пользуясь слабым светом туманного луча прожектора. Ничего не видно. День окончен. Гидрокрейсера выполняли операцию, судя по обрывкам радио. Погиб один или два гидроплана. Донесений пока нет. Миноносец был атакован подлодкой, но вернулся от мин. Крейсера у Босфора молчат, ни одного радио; по правилу, значит, идет все хорошо. Если все как следует — молчат, говорят только когда неудача. Кажется, все сделано и все делается, что надо. Я не сделал ни одного замечания, но мое настроение передается и воспринимается людьми, я это чувствую. Люди распускаются в спокойной и бездеятельной обстановке, но в серьезном деле они делают очень дисциплинированными и послушными. Но я менее всего теперь интересуюсь ими».

9 мая 1917 года

«В минуту усталости или слабости моральной, когда сомнение переходит в беспочвенность, когда решимость сменяется колебанием, когда уверенность в себе теряется и создается тревожное ощущение

несостоятельности, когда все прошлое кажется не имеющим никакого значения, а будущее представляется совершенно бессмысленным и бесцельным, — в такие минуты я прежде всего обращаюсь к мыслям о войне, находя в них и во всем, что связано с войной, средство преодолеть это состояние... Это хуже, чем проигранное сражение. Это хуже даже проигранной кампании, ибо там все-таки остается хоть радость сопротивления и борьбы, а здесь только сознание бессилия перед стихийной глупостью, невежеством и моральным разложением. То, что я пережил в Петрограде, особенно в дни 20 и 21 апреля, когда уехал, было достаточно, чтобы прийти в отчаяние».

10 мая 1917 года

«Вам угодно было почтить меня письмом от 3 мая, которое сегодня я получил... Я солдат, вся деятельность которого и жизнь определяются военными целями и идеалами. Мне приходится переживать трагедию падения идеалов, по моему убеждению, неизбежно связанную с государственной катастрофой, но я также твердо верю, что эти идеалы неизменны и вечны и к ним так или иначе вернется Родина наша. В Петрограде путем личных переговоров с представителями правительства, военного командования и общественными деятелями я выяснил достаточно определенно это положение и пережил, быть может, самые трудные минуты, которые судьбе угодно было мне предназначить».

Авторитет и популярность командующего флотом в апрельские дни семнадцатого года достигли апогея. Но вряд ли кто лучше него в эти дни понимал, что его флот, как и вся русская армия, обречен на развал, на поражение, на гибель. Всего через год лучшая часть флота будет затоплена в Новороссийске, в главном севастопольском доке по-султански воссядет ненавистный «Гебен», а еще через два — остатки некогда самого мощного флота России уйдут в Бизерту, чтобы заживо сгнить на рейде горько-соленого озера...

В апреле—мае Севастополь наводнили агитаторы всевозможных партий и прежде всего — пропагандисты большевиков, одетые в форму балтийских матросов. Флот тухлявился на глазах, словно борта фрегата, изъеденные жучками-древоточцами.

Вот и первый печальный симптом: команда эскадренного миноносца «Жаркий» отказалась идти в море на боевую позицию. Судовой комитет заявил, что он ничего не имеет против командира корабля лейтенанта Веселаго, но воевать под его началом команда опасается, так как считает, что он чрезмерно храбр и лезет на рожон.

Следующим был герой цусимской эпопеи крейсер «Алмаз»...

16 апреля 1917 года военный и морской министр А.И. Гучков отдал еще один роковой приказ № 125, снимавший почему-то только с военных моряков все виды погон.

Согласно этому революционному акту все виды погон изымались из флотского употребления «в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех свободных стран». Приказ этот нанес последний удар по еще державшемуся на авторитете командующего Черноморскому флоту.

Как и все бунты, мятежи и восстания, беспорядки на Черноморском флоте начались с пустяка, с искры.

5 июня 1917 года при разводе караула в Севастопольском флотском полуэкипаже дежурный офицер подпоручик по адмиралтейству Л. Губерт скомандовал, как положено: «Смирно!» Молодые матросы взяли винтовки «на краул», но «старики» и ухом не повели. Один из них прямо из строя заметил подпоручику, что Керенский издал приказ об отмене отдания чести. Сорокадвухлетний офицер, выслуживший свои «серебряные», или, как их остряки называли, «березовые» погоны нелегкой долгой службой, послал Керенского с его приказами и тех, кто ему подчиняется, в известное место, после чего был немедленно арестован. Весть об этом случае загудела по казармам и палубам. Говорили, что распоясавшийся подпоручик требовал «настойчиво и грубо» отдания чести именно ему. Большевистские агитаторы, среди которых был партийный эmissар Ю. Гавен, которому Я. Свердлов дал личное напутствие — «превратить Севастополь в Кронштадт юга» — немедленно обратили этот инцидент в свою пользу, раздувая случай в злонамеренное восстановление «старого режима». И заполыхало...

Близилось 9 июня, последний день командования Колчака Черноморским флотом... Накануне, 8 июня, на плацу старинных Лазаревских казарм столпились тысячи матросов. Балтийские делегаты витийствовали на трибуне, требуя отобрать у офицеров личное оружие, «которого у них подозрительно много», — револьверы, кортики, сабли — и передать его полковым и судовым комитетам. Тут господствовала не столько «пролетарская идея», сколько животный страх: что если офицеры силой оружия вернут себе власть? Уж и полетят тогда головы зачинщиков...

В два часа дня на корабли флота полетела радиограмма, провоцирующая кровь, столкновения, самоубийства, — судовым комитетам обезоружить офицеров. Пришло такое распоряжение и на флагманский корабль — броненосный крейсер «Георгий Победоносец». В послеобеденный час в кабинет-каюту адмирала гурьбой ввалились ко-

митетчики и потребовали сдать им оружие. Секунду-другую Колчак осознавал, что происходит: бунт? измена? провокация? издевка?

Никогда в жизни он не испытывал подобного унижения. И от кого — от моряков, которых он лично водил в бой, с которыми разделял одну судьбу — соленую горечь последнего вдоха?!

Колчак никогда не боялся матросов, за двадцать лет плаваний, полярных экспедиций, боев на суше и на море он хорошо постиг душу русского человека в форменке. Умел говорить и ладить с флотским людом. Он и в эту горячую минуту сумел бы отправить комитетчиков ни с чем, но это уже не имело никакого смысла: Черноморский флот как боевая сила больше не существовал. Ему удалось продлить агонию российского флота всего лишь на три месяца... Отныне Севастополь становился еще одним кровавым Кронштадтом.

Много позже некоторые большевистские мемуаристы, Павел Дыбенко в частности, начнут утверждать, что именно матросы-балтийцы, прибывшие в Севастополь для углубления революции, обезоружили Колчака: «Шпагу с него сорвали, за борт бросили». Однако эта ложь не получила никакого хождения. Ее затмила легенда, ставшая в глазах многих современников Колчака почти фактом: адмирал собрал по большому сбору команду крейсера и вышел к строю. С гневом и болью он говорил им о том, что даже японцы — враги! — и те оставили ему в плену Георгиевскую саблю, щадя его отнюдь не адмиральское — лейтенантское достоинство. И вот свои же, русские люди в некоем злобном затмении врываются к нему с требованием, позорящим и их, и его, с требованием, до которого не опустились бы и турки, окажись он в их власти...

Матросы слушали молча. И, кажется, сочувствовали ему. И, кажется, понимали его... Закончив речь, Колчак отстегнул от пояса ножны с порт-артурским клинком.

— Мое оружие вы не снимите с меня ни с живого, ни с мертвого... Не вы мне его вручили, не вы и возьмете!

С этими словами он швырнул саблю за борт, в море. Лишь взблеснул на солнце золотой эфес с надписью — «За храбрость»...

Личный адъютант адмирала лейтенант Князев утверждал, что матросы потом достали со дна саблю и вернули ее комфлоту. Бесспорно одно: в конце июня, когда Колчак находился в Петрограде, Союз офицеров армии и флота преподнес ему в знак глубокого уважения «оружие храбрых» — золотой кортик.

Справка. Более ста лет подряд, вплоть до 1917 года, сход морского офицера с корабля на берег обязывал его быть при кортике. Служба в береговых учреждениях флота — штабах, учебных заведе-

ниях и т.д. — также требовала от морских офицеров, проходящих там службу, всегда носить кортик. На корабле ношение кортика было обязательным только для вахтенного начальника.

Русский морской кортик по своей форме и отделке был настолько красив и изящен, что германский кайзер Вильгельм II, обходя в 1902 году строй экипажа новейшего русского крейсера «Варяг», был восхищен им и приказал ввести для офицеров своего «флота открытого моря» кортики.

Кроме немцев, еще в 80-х годах XIX века русский кортик был заимствован японцами, сделавшими его похожим на маленькую самурайскую саблю. К началу XX века русский кортик стал принадлежностью формы одежды офицеров почти всех флотов мира, символом офицерской чести и достоинства.

Итак, конфликт с отданием чести вылился в хорошо раздутую «бурю матросского гнева», после чего командующий флотом посчитал свое дальнейшее пребывание на этом посту невозможным. То, о чем так долго твердили большевики, наконец, свершилось. Адмирал Сушон и его стамбульские коллеги облегченно вздохнули. Вознесли хвалу Господу и в Лондоне: за судьбу Босфора можно было не тревожиться.

РУКОЮ ИСТОРИКА (В.И. Попов): «Падение самодержавия как нельзя более устраивало Англию — правительство и даже короля. Более того, само британское правительство в 1916—1917 годах предпринимало ряд шагов, чтобы свалить самодержавие. Посол Англии в России Д. Бьюкенен поощрял антимонархические буржуазные партии. Он сам признавался, что сочувствовал им. Английское посольство в Петрограде сделалось конспиративным центром, в котором обсуждались планы ликвидации русской монархии...

Радость в правящих кругах Англии по поводу свержения монархии была, я бы сказал, даже неприличной... Посол Бьюкенен поздравил русский народ с революцией...

Почему Англия радовалась свержению монархии в России? Дело в том, что 5 сентября 1914 года Англия под давлением России подписала договор, по которому Черноморские проливы после войны отходили России. Англия никогда не собиралась выполнять этот договор и пускать Россию к проливам и в Средиземное море. Теперь же отречение царя, подписавшего договор, облегчало для английской короны аннулирование договора: нет царя — нет и английских обязательств...»

Мало кто знает, что отрекшийся царь, ставший вдруг гражданином Романовым, сразу же оказался у черты бедности. Ведь все свои

банковские средства — 200 миллионов рублей — Николай II пожертвовал на нужды раненых, увечных и их семей.

Именно Босфор пролегал непроходимой трещиной как в политических, так и в родственных отношениях российского императора и английского короля. Англия не сделала даже жеста, чтобы спасти семью низложенного царя.

«Это было тем более странным, что Германией были созданы нормальные условия для переезда Николая II и его семьи. По сведениям дворцового коменданта Воейкова, через датского посла было запрошено германское командование, сможет ли оно создать безопасные условия для проезда царя в Англию; был получен категорический ответ: «Ни одна боевая единица германского флота не нападет на какое-либо судно, перевозящее государя и его семью». И только после того, как Миллюков, министр иностранных дел, настойчиво попросил Бьюкенена ускорить присылку крейсера, он получил неожиданный ответ. Английский посол информировал российского министра, что правительство Его Величества «больше не настаивает на переезде царя в Англию». Этот шаг был «шедевром» дипломатического маневра. Как будто Англия раньше «настаивала» на приезде Николая...»

Босфор, Босфор...

Ближе к полуночи того горького дня вице-адмирал Колчак приказал спустить с мачты «Георгия Победоносца» свой флаг командующего флотом. Все полномочия он передал старшему из флагманов контр-адмиралу В.К. Лукину.

В ответ на донесение о случившемся он получил правительственную телеграмму: «Вице-адмиралу Колчаку, допустившему явный бунт во вверенном ему флоте, немедленно сдать командование и прибыть в Петроград для доклада правительству. Керенский. Львов». Но, Боже праведный, вам ли, господин Керенский, и вам ли, ваша светлость, князь, заварившим всю эту кашу с «разофицериванием» армии, спрашивать с него за разложение флота и его личный бунт, бунт совести, терпения и чести?

В тот же день, 10 июня 1917 года, адмирал вошел в вагон поезда Севастополь—Петроград. Вряд ли он догадывался, что отправляется в самое дальнее и самое гибельное свое путешествие: Петроград — Лондон — Сан-Франциско — Токио — Сингапур — Пекин — Харбин — Владивосток — Омск — Иркутск...

С этого дня для Колчака началась новая жизнь — и государственная, и личная. В этой новой жизни он проведет менее трех лет, но они вместят в себя всю прежнюю его жизнь.

С этого последнего севастопольского дня в историю вошли два Колчака: один — тот, что жил до выброса в море Георгиевской сабли, другой — тот, сердце которого остановила расстрельная пуля в Иркутске.

Колчак — Полярный, Балтийский, Черноморский — кончился. Начинался Колчак — Омский, Сибирский, Всероссийский...

Вечером 10 июня на перроне севастопольского вокзала он в последний раз обнял жену и сына. Вернуться в Севастополь ему было не суждено, хотя именно сей град, достойный поклонения, и был конечной целью его последней одиссеи.

Подобно золотому эфесу в море брошенной сабли, блеснул на прощание крест Владимирского собора, где лежать бы и ему в усыпальнице севастопольских адмиралов, отпусти ему судьба не большевистскую пулю, а осколок турецкого снаряда...

Глава вторая

ПОСЛЕДНЯЯ

КРУГОСВЕТКА...

Не суждено ему было прочесть и об итоге своего флотоводства на Черном море, подведенном, увы, не отечественными историками, а теми, от кого меньше всего ожидал похвал, — немецкими адмиралами:

«Колчак был молодой и энергичный вождь, создавший себе имя еще в Балтийском флоте. С его назначением в Черное море деятельность русского флота еще усилилась. Сообщение с Зонгулдаком было прервано, и подвоз угля прекратился. Наш флот был принужден прекратить все операции. Постановка мин перед Босфором производилась русскими мастерски. Летом 1916 года русские поставили до 2000 мин... В Османской империи пришлось, вследствие угольного голода, прекратить железнодорожное движение, освещение городов и даже выделку снарядов. Летом 1917 года Колчак ушел.

Из Зонгулдака в Константинополь снова стали доставлять уголь. Турецкая империя начала оживать...»

В Петрограде он был принят вовсе не так сурово, как можно было ожидать из текста телеграммы. Его доклад, который меньше всего походил на оправдание, скорее — на политический прогноз, был выслушан с печальным пониманием... Колчак жестко, без обиняков называл вещи своими именами. Если развал флота и дальше будет идти такими темпами, то Россию ожидает не просто военное поражение, а потеря государственности, ликвидация революционных завоеваний новоявленными большевистскими тьерами... Единственное, что может восстановить дисциплину в войсках, — смертная казнь за неисполнение приказов в боевой обстановке.

С ним вяло согласились и обещали обсудить этот вопрос в кабинете министров. Но не пройдет и года, как слово «расстрел», столь пугавшее либералов из правительства Керенского, замелькает в бесчисленных приказах Троцкого по Красной Армии...

Там, в столичных верхах, Колчак не мог не почувствовать, что его отставка оказалась чуть ли не желанным благом, что его побаиваются, как опасаются появления на политической сцене любого сколь-нибудь популярного военачальника-фронтовика. Но и следить за ходом войны из Петрограда по газетной хронике за чашечкой утреннего кофе было для него равносильно сдаче Георгиевского оружия судкому. Нечего было и надеяться, что для него найдется вакансия на Балтийском флоте. Она была одна — комфлот, и на посту этом происходила бесконечная чехарда, смена угодных и негодных Центробалту адмиралов.

Вернуться под «шпиц», в Генмор? Первый же рапорт на этот счет обернется еще одним ударом по самолюбию. В правительстве ясно дали понять, что присутствие адмирала Колчака в столицах нежелательно.

Совершенно неожиданно открылся выход из петроградского тупика: американский сенатор Рут предложил ему приехать в США и принять участие в разработке операции по высадке десанта в Дарданеллах. Это было его дело!

На радость недругам, он покинул Питер, затянутый политическим смогом. Как и в Севастополь, он уже никогда не вернется в родной город. Но это случится не по его воле.

Ветры Атлантики вдохнут в него новые надежды.

Карфаген должен быть разрушен! Дарданеллы должны быть взяты!

Он всегда измерял свою жизнь целями почти недостижимыми: достичь Южного полюса, отстоять Порт-Артур, вернуть христианам

Софию, вывести Россию из кровавого хаоса гражданской убоицы... Все эти замыслы не имели ничего общего с бонапартизмом. Просто сильный характер оттачивается на запредельных задачах.

Впервые Америку Колчак увидел в июне 1905 года, возвращаясь из японского плена по полукругосветному маршруту Нагасаки — Сан-Франциско — Нью-Йорк — Петербург. Трудно сказать, какое впечатление на него произвела тогда эта богатеющая не по дням, а по часам заокеанская держава. Но в Америке на какое-то время он окунулся в мир привычных ему военно-морских проблем. Правда, вскоре выяснилось, что американцев больше всего волновала эффективная тактика борьбы с немецкими подводными лодками. А штурм дарданелльских твердынь представлял для них интерес скорее в академическом плане. К осени начальник Главного морского штаба США объявил русскому коллеге, что американские корабли в высадке дарданелльского десанта участвовать не будут.

Скажи он хоть одно слово: что смертельно устал от своей военной кочевой жизни, от бесчисленных кают, купе, гостиничных номеров, от политических интриг и бесчинств взбулгаченных толп, что хочет, наконец, простого человеческого покоя, — и судьба его решилась бы в мгновение ока. И свой век вице-адмирал доживал бы в благословенной Калифорнии, в тишине, достатке, в окружении выписанных в Америку домочадцев. Любой военный колледж предоставил бы «профессору минного дела» кафедру, приличный оклад... Скажи он только одно слово — «устал»... Но он снова выбрал дорогу. Дорогу в Россию. И двинулся домой кругосветным путем — через Тихий океан, через Японию. Он не хотел возвращаться в Питер, где его встретили бы колкие взгляды, а то и вовсе — сочувственно-насмешливые: ах, как жаль, не состоялся Колчак-Дарданелльский... Начать карьеру заново во Владивостоке? Или ехать в Севастополь писать мемуары и... наблюдать агонию флота? Эту дилемму он решил уже в Иокогаме. И решить ее помог шок убийственных новостей из России. Переход через Тихий океан прошел в благостном неведении. Теперь же газеты кричали и об октябрьском перевороте большевиков, и о позоре брестской сделки с немцами, и о разгуле красного террора... Колчак исповедовался в письмах: «Временами такая находит тоска, что положительно не могу найти места. Это много даже для меня...

...За эти полгода, проведенные за границей, я дошел, по-видимому, до предела, когда слава, стыд, позор, негодование уже потеряли всякий смысл и я более ими никогда не пользуюсь. Я верю в войну. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков».

В Иокогаме он сделал свой выбор: подальше от грязной политики. Воевать! Лучше пролить кровь в бою, чем окропить ею подвалы застенков ЧК. Да и где они были, господа Ульянов-Ленин и Бронштейн-Троцкий, когда немцы рвались в Ирбены, когда «Гебен» в упор расстреливал Севастополь, когда генерал Самсонов погибал со своей армией в прусских лесах? Вольно же им нынче кроить страну в угоду кайзеру... Они подписали позорный мир от имени России, значит, и от его имени тоже. Но он не ставил своей подписи, и он остается верен своему воинскому, своему союзническому долгу.

Колчак едет в Токио и вручает британскому послу письменную просьбу принять его в действующую английскую армию. Он готов сражаться рядовым. Посол телеграфировал в Лондон... И потянулись тоскливые дни, недели и даже месяцы решения новой судьбы. Их скрашивали разве что письма, которые он запойно писал Анне, и те редкие послания, которые он получал от нее через множество okazji военного и дипломатического свойства.

«...Я не могу признать мира, который пытается заключить моя страна с врагами... Обязательства моей Родины перед союзниками я считаю своими обязательствами. Я хочу продолжить и участвовать в войне на фронте Великобритании, так как считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией»

Наконец, посол, лорд Грин, пригласил к себе необычного волонтера и сообщил ему, что тот назначен в штаб Индийской армии, которая сражается в Месопотамии.

Не теряя времени, бывший русский адмирал двинулся в неблизкий путь. Колчак добрался уже до Сингапура. В Сингапуре его ждала телеграмма, подписанная одним из лордов британского правительства. Лорд сообщал, что русский посланник в Китае князь Кудашев просит адмирала прибыть в Пекин по весьма важному делу и правительство Соединенного королевства поддерживает просьбу посланника.

Как когда-то в Пирее, судьба его круто повернула на север, здесь, в Сингапуре, она сделала столь же роковой поворот на восток, в Сибирь...

Не догадываясь о том, что ждет его в Пекине, Колчак тем не менее отправился в столицу Поднебесной империи.

Князь Кудашев принял его как долгожданного гостя. Он пожурил отчаявшегося адмирала за мрачный взгляд на будущность России и рассказал, что на юге страны уже началась борьба против большевистского диктата. Ее возглавили генералы Алексеев и Кор-

нилов, и если помочь им отсюда, с Дальнего Востока, то, Бог даст, узурпатор дрогнет... А люди и средства найдутся. Тем более что и здесь, на Восточно-Китайской железной дороге, времени не терпили: в полосе отчуждения сформированы кое-какие отряды.

Ну же, адмирал, решайтесь!

Колчак и сам понимал, что ныне его фронт пролегал вовсе не в Месопотамии. Отправься он теперь в эти экзотические места, он первым бы назвал себя дезертиром.

Он согласился и уехал в «самый русский город Китая» — Харбин.

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

Не достроив железную дорогу до Владивостока, царское правительство вынуждено было повернуть рельсы великой стальной магистрали в Маньчжурию, чтобы как можно быстрее дотянуть путь до главной базы российского флота на Тихом океане — Порт-Артура. За год до начала русско-японской войны по новеньким рельсам пошли первые товарные поезда и воинские эшелоны. Дорогу строили на средства Русско-Китайского банка, то есть в частном порядке. Но, учитывая стратегическую и экономическую важность новой трассы, русское правительство поставило управление КВЖД и охрану полосы отчуждения со всеми в ней станциями на государственный лад. С 1901 года территорию концессии взял под свой досмотр специально сформированный корпус Особого Заамурского округа в Маньчжурии. Полнота всей власти в этом полуанклаве была предоставлена генерал-инженеру Дмитрию Хорвату.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват (1857—1937) был земляком матери Колчака, так как происходил из дворян Херсонской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище. Служил на железных дорогах.

В июле 1918 года сформировал во Владивостоке свое правительство — Деловой кабинет и объявил себя Временным верховным российским правителем.

Хорват несказанно обрадовался приезду Колчака. Военному администратору, но никак не полководцу, ему в свои шестьдесят лет меньше всего хотелось гарцевать на белом коне. Слава Богу, нашелся авторитетный военачальник, который приведет в порядок разрозненные и уже тронутые тленом безвластия охранные отряды. Он

коротко обрисовал гостю-соратнику обстановку в полосе отчуждения. Железнодорожное имущество, станции, пакгаузы, склады грабят все кому не лень: и китайцы, и казаки, и просто всякий вооруженный сброд.

— Надо навести порядок. Надо спасти железную дорогу, чтобы потом спасти Россию.

Колчак впервые облачился в сухопутный мундир. Вместо привычной черной флотской фуражки — зеленая, Корпуса пограничной охраны. Изголодавшись по живой работе, он сразу же стал сколачивать новые отряды, из которых потом поднимутся полки и дивизии освободительной армии. Необходимый кадр опытных офицеров, прошедших фронты германской войны, в Харбине и Владивостоке можно было набрать без особого труда. Нужны были рядовые бойцы. Адмирал с большим сердцем написал «Воззвание к сербским солдатам», которые ждали во Владивостоке отправки морем во Францию.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я, адмирал Колчак, в Харбине готовлю вооруженные отряды для борьбы с большевиками и немцами... Я обращаюсь к вам, сербские воины, помочь мне в предстоящей борьбе с шайками большевиков, позорящих мою Родину. Необходимо очистить наш Восток от позора большевизма, и, может быть, среди вас найдутся желающие прибыть в мои военные отряды».

Обращался он и к соотечественникам.

Однако отряды в полосе отчуждения пребывали в стычках не с армией Троцкого, а между собой, ведя старый, как сама Русь, спор — кому княжить, а кому дружинить. Есаул Семенов, действовавший в Забайкалье, опьяненный первыми победами и собственным величием, и вовсе отказался подчиняться заезжему адмиралу.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Я напомнил адмиралу, — объяснял причину своего неповиновения 28-летний атаман Григорий Семенов, — что, приступая к формированию отряда, я предлагал возглавление его и ему самому, и генералу Хорвату. Если бы кто-нибудь из них своевременно принял мое предложение, я безоговорочно подчинился бы сам и со всеми своими людьми и никакие разговоры о моей самостоятельной политике и сношениях с иностранными консулами не могли иметь места. В настоящее же время, когда я с ноября месяца прошлого года оказался предоставленным самому себе, я считаю вмешательство в дела отряда с какой бы то ни было стороны совершенно недопустимым, и в своих действиях, так же,

как и в своей ориентации, буду давать отчет только законному и общепризнанному Всероссийскому правительству.

Свидание наше вышло очень бурным, и мы расстались явно недовольными друг другом. Адмирал отказался от посещения частей отряда и немедленно вернулся в Харбин. От этой встречи с адмиралом у меня осталось впечатление о нем как о человеке крайне нервном, вспыльчивом и мало ознакомленном с особенностями обстановки на Дальнем Востоке. Его неприязнь и недоверие к японскому сотрудничеству в деле борьбы с красными, его уверенность в стремлении Японии к использованию нашей гражданской войны для территориальных приобретений за счет русского Дальнего Востока я считал основанными только на личных его антипатиях и потому не мог согласиться с ним. Эта первая и последняя моя непосредственная встреча с покойным адмиралом выяснила всю разность наших взглядов на ближайшие задачи внешней политики национального нашего движения и на наши взаимоотношения с союзниками. В то время как адмирал, подозревая японское правительство в агрессивных замыслах против России, строил все свои расчеты на широком использовании наших западных союзников, я никогда не верил в то, чтобы помощь с их стороны могла быть сколько-нибудь существенной...

Эта единственная моя встреча с адмиралом послужила впоследствии одним из оснований для моего протеста против передачи ему всей полноты государственной власти и вызвала известный мой конфликт с Омском. И только последовавшее вскоре полное разочарование адмирала в его англо-французских симпатиях повело к мужественному признанию им моей правоты и установило то полное взаимопонимание между нами, которое дало основание покойному Верховному правителю назначить именно меня своим правопреемником на нашей восточной окраине, вопреки всем интригам и противодействию его ближайшего окружения».

Кажется, ни одно предприятие Колчака не терпело столь очевидного фиаско, как это харбинское воззвание к единству вооруженных отрядов и отчаянные попытки сплотить изверившихся людей, охваченных к тому же жадой разгула и наживы, в реальную боевую силу. Вирус революционной вседозволенности превратил этих некогда военных людей в завсегдатаев харбинских борделей, пивных и курилен опиума. Никто из них не хотел вставать ни под чьи знамена и расставаться с привычной уже вольницей.

И это тогда, когда на юге Добровольческая армия держала на себе основную тяжесть гражданской войны. У адмирала не было

больше сомнений, что сейчас его место именно там, на своем флоте, где его помнят, ценят и, конечно же, ждут. Но как добраться туда через полыхающую Россию? Разве что обогнув Евразию с юга и прийти в Севастополь морем через так и невзятые Дарданеллы и Босфор? Это настроение настолько овладело Колчаком, что он несколько раз серьезно повздорил со своим шефом.

Генерал Хорват и без того разочаровался в своем главнокомандующем — мало того, что ему не удалось сколотить боеспособные части, так он еще умудрился начисто испортить отношения с представителями японской военной миссии в Харбине (генерал имел виды на поддержку японцев, как, впрочем, и они на него тоже). Хорват подписал приказ об увольнении Колчака в отставку. Адмирал без особых сожалений сложил с себя служебные обязанности, тем более что в Харбине его ожидало потрясение совсем иного свойства. Перебирая накопившуюся за время его поездок по КВЖД корреспонденцию, он обнаружил конвертик с почерком, от которого зашлось сердце. Анна! Она писала — он не мог поверить почтовому штемпелю — из Владивостока! Он боялся вскрыть конверт. А вдруг это мираж? Почтовая ошибка?

Прочитав письмо, он сразу же принялся писать ответ:

«Дорогая, милая, обожаемая Анна Васильевна! Сегодня получил письмо Ваше... У меня нет слов, нет умения ответить Вам; менее всего я могу предполагать, что Вы на Востоке, так близко от меня. Получив письмо Ваше, я прочел Ваше местопребывание и отложил письмо на несколько часов, не имея решимости его прочесть. Несколько раз я брал письмо в руки, и у меня не хватало сил начать его читать. Что это — сон или одно из тех странных явлений, которыми дарила меня судьба?..»

«А ВЫ — НЕ УЕЗЖАЙТЕ!»

РУКОЮ АННЫ: «...Мы ехали во Владивосток — мой муж, Тимирев, вышел в отставку из флота и был командирован Советской властью туда для ликвидации военного имущества флота. Брестский мир был заключен, война как бы окончена.

В Петрограде голод — 50 гр. хлеба по карточкам, остальное — что достанешь. А в вагоне-ресторане на столе тарелка с верхом хлеба. Мы его немедленно съели; поставили другую — и ее тоже. И по дороге на станциях продают невиданные вещи: молоко, яйца, лепешки. И все время — отчего нельзя послать ничего тем, кто остался в Петрограде и так голодает?

Была весна, с каждым днем все теплее; и полная неизвестность, на что мы, в сущности, едем, что из всего этого выйдет. А события тем временем шли своим ходом: начиналась гражданская война, на Дону убит Корнилов, восстание чешских войск, следующих эшелонами на восток...

...А в Иркутске задержка — началось восстание в Черемховских копиях, никого дальше не пропускают... Время было фантастическое... И вот мы едем по Амурской колесухе, кое-как построенной каторжниками, по Шилке. Красиво, дух захватывает. Вербная неделя, на станциях видим, как идут по гребням холмов со свечками люди со всенощной. Мы опять, я и Женя, побежали смотреть город. А город пестрый, то большие дома, то пустыри, по улицам ходят свиньи — черт знает что такое. И тут я повстречалась с лейтенантом Рыбалтовским. Когда-то он плавал под командой моего мужа, мы были знакомы, даже приятели. «Что вы здесь делаете?» — «Да как-то так попал. Вот хочу перебраться в Харбин». — «Зачем?» — «А там сейчас Колчак».

Не знаю: уж, вероятно, я очень переменялась в лице, потому что Женя посмотрела на меня и спросила: «Вы приедете ко мне в Харбин?» Я, ни минуты не задумываясь, сказала: «Приеду».

Страшная вещь — слово. Пока оно не сказано, все может быть так или иначе, но с той минуты я знала, что иначе быть не может.

Последнее письмо Александра Васильевича — через Генеральный штаб — я получила в Петрограде вскоре после Брестского мира. Он писал, что пока не закончена мировая война, он не может стоять в стороне от нее, что за позорный Брестский мир Россия заплатит страшной ценой — в чем оказался совершенно прав. Был он в то время в Японии. Он пошел к английскому послу лорду Грею и сказал, что хочет участвовать в войне в английской (союзной России) армии. Они договорились о том, что Александр Васильевич поедет в Месопотамию, на турецкий фронт, где продолжались военные действия.

Но события принимали другой оборот. В Харбине тогда царь и бог был генерал Хорват — формировались воинские части против Советской власти — Александр Васильевич решил посмотреть на месте, что там происходит. Так он оказался в Харбине.

В последнем письме он писал, что, где бы я ни была, я всегда могу о нем узнать у английского консула и мои письма будут ему доставлены. И вот мы во Владивостоке. Первое, что я сделала, — написала ему письмо, что я во Владивостоке и могу приехать в Харбин. С этим письмом я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне за-

шел незнакомый мне человек и передал мне закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

Он писал: «Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю — действительность это или я сам до него додумался».

Тогда же пришло письмо от Жени — она звала меня к себе — у нее были личные осложнения и она просила меня помочь ей: «Приезжайте немного и для меня». Я решила ехать. Мой муж спросил меня: «Ты вернешься?» — «Вернусь». Я так и думала, я только хотела видеть Александра Васильевича, больше ничего. Я ехала как во сне. Стояла весна, все сопки цвели черемухой и вишней — белые склоны, сияющие белые облака. О приезде я известила Александра Васильевича, но на вокзале меня встретила Женья, сказала, что Александр Васильевич в отъезде, и увезла меня к себе.

А Александр Васильевич встречал меня, и мы не узнали друг друга: я была в трауре, так как недавно умер мой отец, а он был в защитного цвета форме. Такими мы никогда друг друга не видали. На другой день я отыскала вагон, где он жил, не застала и оставила записку с адресом. Он приехал ко мне. Чтобы встретиться, мы с двух сторон объехали весь земной шар, и мы нашли друг друга.

Он навещал меня в той семье, где я жила, потом попросил меня переехать в гостиницу. Днем он был занят, мог приходить только вечером, и всегда это была радость.

А время шло, мне пора было уезжать — я обещала вернуться. Как-то я сказала ему, что пора ехать, а мне не хочется уезжать.

— А вы не уезжайте.

Я приняла это за шутку — но это шуткой не было.

— Оставайтесь со мной, я буду Вашим рабом, буду чистить Ваши ботинки, Вы увидите, какой это удобный институт.

Я только смеялась. Но он постоянно возвращался к этому. Наконец я сказала:

— Конечно, человека можно уговорить, но что из этого выйдет?

— Нет, уговаривать я Вас не буду — Вы сами должны решить.

А у него уже начались трения с Хорватом, которого он терпеть не мог: «...и по виду и по качеству старая швабра». А.В. приходил измученный, совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решить порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица — и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела на дорогое и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что кроме этого человека нет у меня ничего и мое место — с ним. Мы

решили, что я уеду в Японию, а он приедет ко мне, а пока я напишу мужу, что к нему не вернусь, остаюсь с Александром Васильевичем. Единственное условие было у меня: мой сын должен быть со мной — в то время он жил в Кисловодске у моей матери.

Александр Васильевич ответил: «В таких случаях ребенок остается с матерью». И тут я поняла, что он тоже порвал со своей прошлой жизнью и ему это нелегко — он очень любил сына.

Но он меня любил три года, с первой встречи, и все это время мечтал, что когда-нибудь мы будем вместе. Вскоре я уехала в Японию — продала свое жемчужное ожерелье на дорогу. Потом приехал он. Тут пришло письмо от моего мужа. Классическое письмо: я не понимаю, что я делаю, он женат, он не может жить без меня, я потеряю себя — вернись и т.д. и т.д.

Ну что ж, надо договориться — я поеду во Владивосток, все покончу там и вернусь. Я была молода и прямолинейна до ужаса. Александр Васильевич не возражал, он мне очень верил. Конечно, все это было очень глупо — какие объяснения могут быть, все ясно. Но иначе я не могла.

И вот я в вагоне. Мое место отгорожено от коридора занавеской, а за окном мутная-мутная ночь, силуэт Фудзиямы, и туман ползет по равнинам у ее подножия. Рвущая сердце боль расставания. И вдруг, повернувшись, я увидела на стене его лицо, бесконечно печальное, глаза опущены, и настолько реальное, что я протянула руку, чтобы его коснуться, и ясно ощутила его живую теплоту; потом оно стало таять, исчезло — на стене висело что-то. Все. Осталось только чувство его присутствия, не оставляющее меня.

Вот я пишу — что же я пишу, в сущности? Это никакого отношения не имеет к истории тех грозных лет. Все, что происходило тогда, что затрагивало нашу жизнь, ломало ее в корне и в чем Александр Васильевич принимал участие в силу обстоятельств и своей убежденности, не втягивало меня в активное участие в происходящем. Независимо от того, какое положение занимал Александр Васильевич, для меня он был человеком смелым, самоотверженным, правдивым до конца, любящим и любимым. За все время, что я знала его — пять лет, — я не слыхала от него ни одного слова неправды, он просто не мог ни в чем мне солгать. Все, что пытаются писать о нем — на основании документов, — ни в какой мере не отражает его как человека больших страстей, глубоких чувств и совершенно своеобразного склада ума.

В Харбине, когда я жила в гостинице, у меня постоянно бывали наши попутчики по вагону, Баумгартен и Герарди, оба были немало влюблены в меня. Когда я собралась ехать в Японию, Алек-

сандр Васильевич как-то заехал за мной, чтобы покататься на автомобиле. Едем мы, а он посмеивается. В чем дело? «Знаете, у меня сегодня был Баумгартен». — «Зачем?» — «Он спросил меня, буду ли я иметь что-нибудь против, если он поедет за Вами в Японию». — «Что же Вы сказали?» — «Я ответил, что это вполне зависит только от Анны Васильевны». — «А он?» — «Он сказал: потому что я не могу жить без Анны Васильевны». — «Я ответил: вполне Вас понимаю, я сам в таком же положении».

И все это на полном серьезе.

На другой день Баумгартен мне говорит: «Знаете, Анна Васильевна, Александр Васильевич очень отзывчивый человек».

В Японию за мной он не поехал, мы остались добрыми друзьями. Он все понял.

И вот я приехала во Владивосток, чтобы окончательно покончить со своей прошлой жизнью. За месяц, что я провела в таком тесном общении с Александром Васильевичем, я привыкла к полной откровенности и полному пониманию, а тут я точно на стену натолкнулась.

— Ты не понимаешь, что ты делаешь, ты теряешь себя, ты погибнешь и т.д. и т.п.

Мне было и жалко и больно — непереносимо.

Я уехала разбитой и измученной, поручив своим друзьям Крашенинниковым не оставлять моего мужа, пока он в таком состоянии. Я знала, что все, что можно, они сделают».

Чтобы купить билет на пароход, идущий в Токио, она продала свое любимое жемчужное ожерелье. Это была самая малая жертва, которая она принесла на своем крестном пути...

«Был июнь (июль?) месяц, ясные дни, тихое море. Александр Васильевич встретил меня на вокзале в Токио, увез меня в «Империал-отель». Он очень волновался, жил он в другом отеле. Ушел — до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день. «У меня к Вам просьба». — «?» — «Поедьте со мной в русскую церковь».

Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великопостную молитву «Всем сердцем». Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: «Я знаю, что за все надо платить — и за то, что мы вместе, — но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна».

Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата.

Александр Васильевич увез меня в Никко, в горы.

Это старый город храмов, куда идут толпы паломников со всей Японии, все в белом, с циновками-постелями за плечами. Тут я поняла, что значит — возьми одр свой и иди: одр — это просто циновка. Везде бамбуковые водопроводы на весу, всюду шелест струящейся воды. Александр Васильевич смеялся: «Мы удалились под сень струй».

Мы остановились в японской части гостиницы, в смежных комнатах. В отеле были и русские, но мы с ними не общались, этот месяц единственный. И кругом горы, покрытые лесом, гигантские криптомерии, уходящие в небо, горные речки, водопады, храмы красного лака, аллея Ста Будд по берегу реки. И мы вдвоем. Да, этот человек умел быть счастливым.

В самые последние дни его, когда мы гуляли в тюремном дворе, он посмотрел на меня, и на миг у него стали веселые глаза, и он сказал: «А что? Неплохо мы с Вами жили в Японии». И после паузы: «Есть о чем вспомнить». Боже мой...

Сегодня я рано вышла из дома. Утро было жаркое, сквозь белые облака просвечивало солнце. Ночью был дождь, влажно, люди шли с базара с охапками белых лилий в руках. Вот точно такое было утро, когда я приехала в Нагасаки по дороге в Токио. Я ехала одна и до поезда пошла бродить по городу. И все так же было: светло сквозь облака просвечивало солнце, и навстречу шел продавец цветов с двумя корзинами на коромысле, полными таких же белых лилий. Незнакомая страна, неведомая жизнь, а все, что было, осталось за порогом, нет к нему возврата. И впереди только встреча, и сердце полно до краев.

Не могу отделаться от этого впечатления».

Все было почти что так, как в ревельском Катринентале всего два года назад. Всего два года, но и в две жизни не вместится то, что вобрали они... Огненная трещина разломила страну, их семьи, но они оба остались по одну сторону пропасти.

Посольства бывшей Российской империи оставались последними островками бывшего государства. В 1918 году они еще были довольно независимы от большевиков. На одном из таких «островков» в Японии и укрывался отставной вице-адмирал Колчак.

Май 1918 года... Вектор карьеры Колчака упал на предельно низкую точку. Впервые в жизни он был так никому не нужен... Ни Хорвату, ни англичанам, ни Деникину, ни Богу, ни черту, никому. Он еще надеялся, что это не так, что однажды его еще позовут... А пока он нужен был только этой по сути дела девчонке, играющей роль дамы...

Страшно подумать — она годилась ему в дочери. Если бы он согрешил в Корпусе, как водилось за кое-кем из самых темпераментных сотоварищей, она могла бы быть... Но лучше об этом не думать! Но она же думает... Для нее он почти старик, она зовет его только по имени-отчеству. Слава Богу, ей неведомы его хроническая пневмония и ревмокардит. Как точно кто-то излил душу в романсе, его душу:

*Вы ласточка весенняя
Средь мраморных колонн,
Моя вы песнь последняя,
В ней слышен скорби стон.
Отброшу все сомнения,
Прошу каприз я вам,
И жизнь свою осеннюю,
Как ладанку отдам...*

Он испытывал чувство виноватого счастья. До сих пор Анна была некой недостижимой мечтой. И вот — она рядом. Готов ли он был к столь резкой перемене в личной жизни? Он все еще не верил, что накликал в мечтаниях и письмах новую судьбу.

Заветная и запретная, невозможная желанная, вымечтанная женщина — вот она, рядом, на краю света — в Японии... Так не бывает! Это судьба... Значит, она и есть суженая? А Софья?

Как они в сущности схожи — Анна и Софья. Обе отчаянные, обе готовы на все ради возлюбленного, обе прямые и прекрасны в своих порывах. Но после смерти дочурок, сначала одной, потом другой, Софья резко переменилась. Стала бояться жизни, трясется над Ростиком. («Ростик — мамин хвостик».) Занянькает, изнежит мальчика. А ему служить... Да отпустит ли Софья его на военную службу?

В своей семье Колчак чувствовал себя гостем. За многие годы служебных, военных и прочих разлук он привык воспринимать свою семью разве что через письма жены.

Это бросалось в глаза даже сторонним людям.

«Колчак не был любвеобильным семьянином, — отмечает контр-адмирал А. Бубнов, хорошо знавший Александра Васильевича по совместной работе в Генморе, — на первом месте у него была его работа и его служебный долг».

Долг!

Неистребимое чувство этого вечного долга и сейчас отравляло ему, быть может, самые безмятежные, самые счастливые дни за последние двадцать лет...

Из большевистской России приходили страшные вести. Только что князь Кудашев, сам темнее тучи, сообщил о затоплении черноморской эскадры. Колчак не поверил: должно быть, обычный газетный перехлест, журналисты, как всегда, нагнетают ужасы... Но и по другим каналам чудовищная новость подтвердилась. В Цемесской бухте большевики затопили новейшие корабли Черноморского флота: дредноут «Екатерина Великая», эскадренные миноносцы «Гаджибей», «Гневный», «Громкий», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Керчь», «Фидониси», миноносцы «Заветный», «Сметливый», «Стремительный», «Летчик»...

Кудашев сообщил также, что, со слов хорошо осведомленных англичан, нечто подобное Троцкий и Ленин замыслили сделать с балтийскими кораблями: взорвать линкоры и крейсера, поскольку глубины Финского залива не позволяли их затопить. Однако начальник Морских сил Балтики, бывший капитан 1-го ранга портартурец Алексей Щастный сумел привести боевое ядро флота из Гельсингфорса в Кронштадт сквозь мартовские льды. Тем самым Щастный сорвал сговор большевиков и германского Генштаба. Троцкий нашел повод для расправы с человеком, нарушившим его тайные планы. Флагман Балтийского флота Алексей Щастный по приговору революционного суда был расстрелян 22 июня 1918 года. Его отвезли в подвалы бывшего Александровского военного училища на Арбате. Расстреливали китайцы, знавшие по-русски три слова «денга», «капитана» и «огонь». Не доверяя их меткости, Щастный прикрыл сердце беловойхой флотской фуражкой — как мишенью...

Два года спустя адмирал Колчак по дороге на казнь, возможно, вспомнит, как держался перед наведенными винтовками Алексей Щастный....

Расстрел Щастного, которого адмирал хорошо знал по службе на Балтике, развеял последние иллюзии насчет большевиков. Отныне он называл их не иначе как «германо-большевики». И когда князь Кудашев предложил ему ехать вглубь России, туда, где разворачивалась главная борьба, он с радостью согласился.

НА ОЛИМПЕ И В ПОДПОЛЬЕ

Севастополь. Осень 1917 года.

Чуть больше года Софья Федоровна Колчак пробыла на Олимпе своей судьбы — адмиральшей, женой командующего Черноморским флотом, первой дамой Севастополя. Потом — почти отвесное падение в низины жизни, сошествие в тихий ад гражданского под-

полья, эмигрантского безденежья, увядания на чужбине, материнского страха за сына, а позже — внука...

В Севастополе она не барствовала — организовала санаторий для нижних чинов, возглавила городской имени Наследника Цесаревича дамский кружок помощи больным и раненым воинам.

А муж, если не уходил в боевые походы, то до полуночи засиживался в штабе. Черноморский флот под его водительством господствовал на театре военных действий.

...«Несмотря на невзгоды житейские, — писала она ему, — я думаю, в конце концов обживемся и хоть старость счастливую будем иметь, а пока же жизнь борьба и труд, для тебя особенно»...

Увы, не суждено ей было иметь счастливую старость...

Последний раз она обняла мужа на перроне севастопольского вокзала. В мае 1917 года Колчак уезжал в служебную командировку в Петроград, которая не по его воле превратилась в кругосветку, закончившуюся роковой сибириадой. Никто не знает, что сказала она ему на прощание. Хорошо известно, что сказал он в своем последнем слове перед расстрелом: «Передайте жене в Париж, что я благословляю сына». Из Иркутска эти слова и в самом деле достигли Парижа... Но тогда они прощались ненадолго...

Она ждала его в Севастополе.

Она умела встречать. Она умела ждать. Она умела провожать. И даже на второй день после венчания в иркутской Градо-Михайловской церкви Софья уже снова провожала суженого — на Дальний Восток, в Порт-Артур, на войну...

Она ждала его в Севастополе, даже тогда, когда оставаться там стало небезопасно.

В Севастополе она пряталась от чужих глаз по семьям знакомых моряков. И хоть муж ее — Александр Васильевич Колчак — еще не совершил ничего такого, чтобы ему наклеили ярлык «врага трудового народа», «врага советской власти», в городе нашлось бы немало людей, которые бы охотно подсказали чекистам — вон там укрывается жена командующего Черноморским флотом. Даром что бывшего, даром что безвестно сгинувшего где-то за границей. Но все-таки — адмиральша. Надо бы ее, того...

Все это она прекрасно понимала, а потому еще летом семнадцатого отправила сына, десятилетнего Ростика, на родину — в Каменец-Подольский, где подруги детства, польки, приняли мальчика как родного. А она осталась в Севастополе ждать мужа и испытывать судьбу.

В декабре по городу прокатилась первая волна расстрелов. С Дона вернулся матросский отряд, изрядно потрепанный казаками. Борцы

за советскую власть привезли тела погибших товарищей и в городе повеяло смертью. Искать «контру» долго не пришлось.

В ночь с 15 на 16 декабря было убито 23 офицера, среди них — три адмирала и генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства, командующий Минной бригадой капитан 1-го ранга И. Кузнецов, Мазенько бывавший в доме Колчаков.

Софья Федоровна с замиранием сердца прислушивалась к каждому выстрелу, к каждому громкому возгласу на улице, радуясь про себя, что муж, Сашенька, сейчас далеко от взрывоопасного города, а сын — в тихом и надежном месте. Она бы и сама давно бы уехала в Каменец-Подольский, но верные люди сообщили, что Александр Васильевич снова в России, что он едет по Сибирской магистрали и что скоро будет в Севастополе. Первая мысль — немедленно ехать к нему навстречу, предупредить, что в Севастополе нельзя — схватят и расстреляют, не посмотрят, что сын севастопольского героя, что сам герой двух войн, георгиевский кавалер...

Колчаку везло на смелых и решительных женщин. Еще невестой Софья Омирова примчалась к нему в Якутию с острова Капри — на пароходах, поездах, оленях, собаках — чтобы встретить его, полуживого, после полярной экспедиции. Она привезла провизию для всех страдальцев того отчаянного похода. Спустившись чуть южнее — в Иркутск, они обвенчались. Теперь, как и 13 лет назад, она снова была готова мчаться ему навстречу, через чекистские кордоны, партизанские засады, бандитские налеты на поезда.

Она ждала его из этой чудовищно затянувшейся служебной командировки.

Она ждала его, когда он объявится из полярных экспедиций. Она ждала его, когда он вернется с войны — из Порт-Артура, она ждала его из японского плена. Она ждала его из морей. Но это великое севастопольское ожидание было самым безнадежным. Она почти знала, что он не вернется, и все-таки ждала, рискуя быть узнанной, арестованной, «пушенной в расход».

Она перестала ждать лишь тогда, когда из Омска пришла черная весть: с ним в поезде — она. Анна. Молодая, красивая, самозабвенная в своих сердечных порывах.

Для нее это было ударом. Правда, он был смягчен тремя годами этого рокового знакомства. Рано или поздно, это должно было случиться...

К тому времени она пережила в Севастополе еще одну кровавую «еремеевскую» ночь — 23 февраля 1918 года. Снова расстреливали офицеров — на этот раз в Карантинной балке.

В апреле большевики спешно оставили город и в Севастополь вступили войска кайзера. И снова пришлось таиться, отсиживаться взаперти. Немцы вряд ли оставили бы в покое жену русского адмирала, нанесшего им столь ощутимые удары в Балтийском море, да и на Черном тоже. К счастью, никто не донес. Этот самый страшный год в ее жизни, начавшийся в мае семнадцатого с прощального поцелуя мужа на перроне севастопольского вокзала, окончился для нее только с приходом англичан. Британцы ценили в Колчаке и отважного полярника, и талантливое флотоводца, и верного союзника. Софью Федоровну снабдили деньгами и пообещали вывезти из Севастополя в безопасное место. Англичане сдержали слово и с первой же оказией переправили Софью Федоровну на «корабле Ее Величества» в Констанцу. Оттуда она переехала в Бухарест, совсем недавно еще прифронтовой город, а ныне, по сравнению с Севастополем, оазис тишины и благоденствия. Сюда же она выписала с самостийной Украины сына Ростислава и вскоре уехала с ним в Мекку русского беженства — в Париж. Там, в пригороде «вечного города», в русском приюте в Лонжюмо и закончился ее белый бег: Севастополь — Констанца — Бухарест — Марсель — Лонжюмо. Начиналась другая жизнь — без мужа, без Родины, без денег...

Часть серебра — реликвии мужа, его парусные призы и чарочки, поднесенные кают-компаниями тех кораблей, на которых служил, она заложила в ломбарде.

ДОМОЙ?

Первая мировая не закончилась для России ни днем Брестского мира, ни днем капитуляции Германии. Она не закончилась ни в 1918-м, ни в 1919-м, ибо плавно переросла, как и распланировали большевики, «из войны империалистической» в войну гражданскую. Некоторые утверждают, что все 73 советских года она продолжалась, то как вяло текущая шизофрения, то сезонными вспышками. Но все атрибуты этой войны — с концлагерями, расстрельными подвальныхниками, подпольем, огромной армией внутренних, то есть жандармских, войск сохранились и по сию пору.

В октябре 1918 года в вагонном окне привычно замелькали кольца паровозного дыма. Колчак двинулся через Сибирь в Севастополь. В который раз вершил он этот долгий путь — вдоль станového хребта России — по великой Сибирской магистрали.

...Чита, Верхнеудинск, Иркутск, Канск, Новониколаевск...

Он знал эту великую дорогу со времен лейтенантской молодости, с полярных экспедиций...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Здесь можно ехать часами, никуда не приехав! — сетовал немецкий офицер Кюнер. — Они (русские. — *Н.Ч.*) живут в пространстве, как звезды в небе, как моряки на море; и так, как необъятен простор, так же безграничен и человек — все у него в руках, и ничего у него нет».

Стальные колеса выбивали привычную песнь...

Но на сей раз это была другая страна — та, которую Колчак предугадывал в революционном Петрограде: Россия корчилась в конвульсиях братоубийственной войны. Года хватило на то, чтобы народ озверел и стал на грань гибели от ненависти, голода, распада...

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ: «Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось западно-сибирское правительство. Были неясные слухи о том, что в Самаре собирается съезд членов Учредительного собрания, были первые намеки на образование Директории, — это были все отрывочные и неопределенные сведения. Из них самое серьезное — это то, что омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, поддерживало главным образом в лице сибирской кооперации власть этого правительства. Ни характера этого правительства, ни его целей и тенденций я не знал. Я знал только, что оно противобольшевистское...»

...Барабинск, Татарск, Омск...

Он знал все станции наперечет, но в этот раз не вел им счета. И тряская дорога не томила. Рядом была она, прекрасная казачка, беглая, не жена и не невеста, — возлюбленная,

В Омске случилась задержка. От силы на сутки, полагал он... В вагон к нему пришла депутация Директории, представлявшей все-российскую власть на правах политической преемницы низложенного Временного правительства.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ: Колчак: «...По прибытии в Омск я узнал о смерти Алексева, который умер, кажется, 11 или 12 сентября. Там же я получил известие о смерти Корнилова и что главнокомандующим Добровольческой армией на юге России является генерал Деникин.

Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен верховным командующим и прибыл со своим штабом в Омск. По при-

бытии в Омск мы встретили генерала Мартьянова, моего сослуживца по Балтийскому морю и штабу Эссена и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России.

Они мне сказали: «Зачем вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, а вам надо оставаться здесь. Во всяком случае, мы вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны по Сибири. Надо, чтобы кто-нибудь взялся за организацию этих морских частей, и вы — единственное авторитетное лицо, которое это может взять на себя».

Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адъютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, я и хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться». На это я ответил: «Что же мне здесь делать — флота здесь нет». Он говорит: «Я думаю вас использовать для более широкой задачи, но я вам об этом скажу потом. Если вы располагаете временем, оставайтесь на несколько дней...»

Через два дня после этого меня снова вызвал генерал Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какового сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются ресурсы, средства, личный состав; привести все это в порядок, и тогда можно будет создавать какой-нибудь орган. Что касается военного министерства, то — что такое военное министерство во время войны? Я просто-напросто не хотел брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: «Не отклоняйте этого предложения. Если вы увидите, что дело не пойдет у вас, никто вас не связывает, вы всегда можете его оставить, но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы известным именем и доверием, кроме вас. Поэтому я вас прошу, обращаясь к вашему служебному долгу, чтобы вы мне помогли, вступивши в должность военного и морского министра...»

Колчак упорно стоял на своем: опыта ведения сухопутных войн, да еще в общесибирском масштабе, у него нет.

На что умный оппонент отвечал весьма убедительно:

«В русской истории всяко бывало. Вспомните наших славных Нахимова и Корнилова, сложивших свои головы на севастопольских

бастионах, а не в морских сражениях. Вспомните адмирала Чичагова, водившего на Бонапарта Дунайскую армию, и совсем не без успеха!»

Все, что у него было, — это имя. Славу своего имени он, как усердный старатель, намывал по крупинкам на самых суровых приисках жизни — в сибирских льдах, на порт-артурских батареях, на минных полях Балтики и в морском предполье Босфора. И большевики бы почли за честь привлечь на свою сторону *такое* имя. Но триумvirат Троцкого—Ленина—Свердлова, мягко говоря, не вызывал у него ни малейших симпатий. Как не вызывал их по сути дела тот же триумvirат Авксентьева—Вологодского—Зензинова.

Он прекрасно понимал: в Москве — железная жестокая рука, там мощная централизация, здесь, в Омске, все та же адвокатская говорильня, все те же скомпрометированные Керенским деятели и словеса о свободной новой России, о ее лучезарном будущем. Нужна была сильная рука, *manus militari*. Все свободы будут потом, главное — устоять и выстоять.

И он выбрал свой омский жребий.

Глава третья

ОТ «ОБАЛДУМЫ» К ДИРЕКТОРИИ

Великий сибирский пожар запылал летом 1918 года. Как и все пожары, он начался с искры. Запалом послужило требование немцев, чтобы большевики разоружили чешские легионы, а самих легионеров интернировали. Советское правительство, боясь вызвать неудовольствие Берлина и спровоцировать движение кайзеровских дивизий вглубь страны, отдало приказ сдать оружие и назначило контрольные осмотры. Но чехи, которые уже были выведены из состава русской армии и, по согласованию большевиков с державами Антанты, были объявлены автономной частью французской армии, отказались сдавать винтовки и пулеметы. Правда, некоторые

части все же начали сдачу, и все бы, может быть, обошлось, если бы не оплошность пензенских комиссаров. Но об этом чуть позже...

Из всех славянских народов Европы в 1918 году только у чехов и словаков не было своей государственности, поскольку и те и другие входили в состав Австро-Венгерской империи. Даже раздерганная, многожды деленная Польша, чьи границы на сто двадцать лет были стерты с карты Европы, и та уже провозгласила республику. Даже Украина объявила себя самостийной, не говоря уже о болгарях и сербах, которые еще с прошлого века пребывали в собственных независимых государствах.

И чехи, и словаки видели в России, успешно воюющей с Австро-Венгрией, гарант своего будущего суверенитета, своего национального государства, и потому охотно сдавались в плен, а то и вовсе переходили на сторону русских войск целыми ротами и батальонами. Из них — военнопленных, перебежчиков, эмигрантов — осенью 1917 года по инициативе Союза чехословацких обществ в России и при поддержке Временного правительства был сформирован и вооружен Отдельный Чехословацкий корпус. Некоторые его части успели получить боевое крещение на Юго-Западном фронте.

До марта 1917 года тридцатитысячный корпус, состоявший из двух дивизий и запасной бригады, дислоцировался в тылу Юго-Западного фронта. Командовал им генерал В. Шокоров с начальником штаба генералом М. Дитерихсом.

Послереволюционный развал фронта, и особенно Брестский мир, поставили чехов и словаков в России в весьма нелепое и неопределенное положение. Они оказались в совершенно новой стране, которая заключила мир с их заклятыми врагами — австрийскими поработителями. Более того, в пылу политических страстей в Москве о них попросту забыли. И тогда они начали небольшими группками уезжать на восток — в надежде добраться по транссибирской железной дороге до Владивостока, а оттуда пароходами перебраться в Европу, в ту же Францию пока, которая продолжала войну и которая приняла их в качестве автономной части французской армии. Именно это дружное стремление домой и цементировало чехословацкие части, придавало им ту спайку, которой, увы, давно уже не было в российской армии, разложенной агитаторами всех мастей, разбитой на Красную и Белую, яростно сраженной.

Внезапно вспыхнувшие бои чехов и красноармейцев в Поволжье советские историки объяснили очень просто: «Предательский мятеж чехословацкого корпуса был спровоцирован французской и английской разведкой». Однако все было еще проще...

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: (Архив русской революции. Том 10, лейтенант NN) «Эвакуация чехов производилась с большими затруднениями, как из-за возникновения различных препятствий, чинимых чехами-комиссарами, требовавших отдачи оружия, снаряжения, аэропланов и т.д., так и вследствие малой пропускной способности железных дорог, которые, как, например, Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по 1(!) эшелону в сутки.

Однако несмотря на все это, чехи постепенно продвигались, и к 20-м числам мая... головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвост же их подходил к городу Балашову, стоящему на Рязано-Уральской жел. дор.

Но к этому времени отношение советской власти к чехам по настоянию германского посла в Москве гр. Мирбаха стало проявляться все в более и более настойчивом требовании приостановки их передвижения и разоружения... Мирбах, по указанию из Берлина, должен был препятствовать усилению союзной армии чехословацким корпусом, и потому задачей его было остановить корпус в пределах России, разоружить его, а личный состав перевести на положение военнопленных...

...Из Москвы было отдано распоряжение отобрать оружие силой, и в городе Пензе, где в это время находилось около четырех тысяч чехов, после безрезультатных уговоров местного комиссара был послан большевиками отряд мадьяр для приведения московского приказа в исполнение. Последнее обстоятельство страшно возмутило чехов, появление мадьяр оскорбило их национальное достоинство, и солдаты потребовали у своего командования дать отпор. 20 мая большевики открыли из орудий огонь по поездам, чехи же начали подтягивать отставшие эшелоны...»

И запольхало... Не надеясь удержать Пензу под залпами тяжелой артиллерии красных войск, чехи через три дня ушли на восток — в Уфу и Самару, разоружая по пути гарнизоны красных и круша большевистскую власть. В городах, взятых легионерами под свой контроль, к чехам стали присоединяться разрозненные поначалу подпольные офицерские группы. Несколько позже из них стали формироваться отряды Народной армии.

Особое слово об офицерах бывшей русской армии. К весне 1918 года тысячи прапорщиков и корнетов, поручиков и штабс-капитанов, ротмистров, капитанов, полковников вернулись с разваленных фронтов по домам. Бывшие командиры рот, батарей, эскадронов, батальонов, прошедшие огни, воды и медные трубы мировой войны, битые осколками, клеванные пулями, травленные газами, бежавшие

из вражеского плена, годами кормившие в траншеях вшей и тыловых спекулянтов, познавшие радость победы в легендарном брусиковском прорыве и горечь развала армии, они, фронтовики, со всеми своими «Георгиями», «Аннами», «Владимирами», с мечами и без мечей оказались у себя на родине в положении опасных преступников, которые подлежали особому учету в ЧК, а некоторые и вовсе — арестам, расстрелам... Будто вернулись с войны не к родимым ветлам, порогам, погостам, а в чужую страну, а если и не в чужую, то в захваченную непонятными врагами, которые глумятся над всем, что было дорого и свято не только им, но и их дедам, пращурам: взрывают храмы, срывают золоченые оклады с икон, хватают заложников, врываются по ночам в дома и под видом обысков просто грабят — найдя фамильные драгоценности, злорадствуют так, будто нашли не серебро и золото, а улики тягчайшего преступления. И под какими бы лозунгами все эти репрессии и реквизиции ни проводились, понять это и смириться с этим было невозможно. Если на юге России, на Дону и Кубани офицеры стали сплываться в полки Добровольческой армии, то здесь, в поволжских и предуральских и зауральских городах, таких вождей, как генералы Корнилов и Краснов, не нашлось. Но и в провинциальной глуши офицеры пытались помогать друг другу, объединялись в подпольные группы. Когда же неожиданно-негаданно возникла третья сила — чехи, которые обрушились на новоявленных властителей, уездно-губернское офицерство немедленно вышло из подполья и присоединилось к братьям-славянам, в которых увидело своих освободителей. Так случилось и в Самаре, и в Бузулуке, и в Уфе, и в Пензе, и в Симбирске... Униженные, затравленные офицеры доставали припрятанные наганы, извлекали с чердаков и других потаенных мест погоны, ордена, кресты и шли в строй, в бой... О, как быстро вспомнили свое бывшее ратное ремесло все эти варшавские гуталины, дровоколы, конторщики, смазчики вагонов, грузчики, разом ставшие артиллеристами, драгунами, пулеметчиками, танкистами, конниками... Адмирал Колчак еще изнывал от своей ненужности в Японии, а тут, в Предуралье, в яростных боях рождались полки сначала Народной, а потом Сибирской белой армии...

Всего за два месяца была сметена большевистская власть, казалось, столь прочно оседлавшая Россию, по всей Сибири, Дальнему Востоку, Поволжью и Уралу.

Разумеется, одни чехи и разрозненные офицерские отряды не смогли бы произвести такого эффекта, если бы к ним не примкнули студенты, гимназисты, а в ряде мест и рабочие. Так было не

только в Пензе, Перми, но и под Самарой, когда к восставшим присоединились рабочие Иващенко-ских артиллерийских заводов, прикатив новенькие орудия да еще подвезя все необходимые боеприпасы.

На освобожденных территориях стала утверждаться новая гражданская власть.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В 1917 году в августе месяце, — свидетельствовал в своих записках генерал-лейтенант Генерального штаба Филатьев, — когда и без того призрачная власть Керенского сошла на нет, Сибирь решила сделаться автономной, по примеру Украины, и выбрала свою собственную Думу, получившую на сокращенном телеграфном языке неблагозвучное имя Сибобалдума. Движение велось социалистами-революционерами, и только из своей среды они производили выборы. До созыва Думы были выбраны 14 министров с неким Дербером во главе. Ценовые элементы ни в Думу, ни в министерство допущены не были. Приход большевиков к власти не дал возможности организовать Сибирское правительство, министры бежали во Владивосток, оттуда переехали в Харбин и поселились на вокзале в вагонах. Без территории, без денежных средств и без подданных, они все же продолжали считать себя Сибирским правительством. Во время революции возможны всякие курьезы и открывается широкий простор для жаждущих приобрести хоть не надолго высокое звание.

У большевиков в Сибири в это время вне городов тоже не было никакой власти, так что население управлялось само собою при помощи выборных комитетов. Члены комитета выбирались в каждом селении и являлись одновременно властью законодательной, исполнительной, распорядительной и судебной. Судьи были анонимны во избежание мести, так как за нарушение установленных правил виновные из населения приговаривались всегда к одной и той же мере наказания — к розгам.

Этим способом поддерживался в деревнях порядок и возможность общежития...

По инициативе Самарского, Екатеринбургского и Сибирского правительства были устроены два совещания: 23 августа — в Челябинске и 23 сентября — в Уфе. После бесконечных дебатов о приоритете, наконец, согласились на учреждение единой власти в лице пяти членов Директории и местом ее пребывания выбран Омск, как отстоящий далеко от фронта.

Директорами были выбраны Авксентьев, Астров, находившийся в то время при Добровольческой армии, а также Вологодский, Чайковский, бывший в ту пору в Париже, и генерал Болдырев, он же Верховный Главнокомандующий...

Нельзя не подивиться составу Директории, избранной для управления государством в минуту тягчайшего испытания. Как на подбор, директорами были выбраны лица, имена которых ничего не говорили не только России, но даже и Сибири, и которые решительно ничем себя не проявили ни на государственном, ни на общественном поприще, за исключением Астрова да отчасти Авксентьева, ставшего известным после того, как он входил в состав министерства Керенского. Избрание Астрова и Чайковского было простым лицемерием, так как было ясно, что прибыть в Сибирь они могли не раньше, чем через несколько месяцев...

Если бы Директория не набиралась исключительно по признаку партийности, то, несомненно, в ее состав должен был войти и генерал Хорват как знаток Дальнего Востока и как человек, пользовавшийся там большой популярностью.

Избранная Директория была призвана Уфимским совещанием как «единственный носитель верховной власти на всем пространстве государства Российского» до созыва Учредительного собрания.

Представители англичан в Сибири Ольстен и Нокс, французов — Пишон и Буржуа и чехов — Павлу приветствовали создание Директории, которая, кстати сказать, набиралась под сильным давлением чехов, грозившихся уйти с фронта, если соглашение не состоится.

Кроме Астрова (отказавшегося от избрания), Вологодского, Болдырева и Алексева, все директора и заместители были социалисты и получили от партии особые инструкции, которые были обязаны исполнять, хотя бы они и шли вразрез с государственными интересами. На этом Директория и споткнулась.

Деникин отказался признать Директорию всероссийской властью, как «ответственную и направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства и не пользующимся доверием».

С вхождением адмирала Колчака в омскую Директорию в качестве военно-морского министра дни, точнее недели, последней были сочтены. Столь же влиятельные, сколь и дальновидные лица, такие как военный министр В.Г. Болдырев, В.Н. Пепеляев и некоторые казацкие атаманы, стали готовить военный переворот в пользу адмирала Колчака. Ибо популярность его даже в этом далеком от всех

морей городе была столь велика, что когда он появлялся в здании Совета министров, чиновники и канцеляристы принимали к окнам, чтобы узреть легендарного полярника и флотоводца».

И.о. председателя Совета министров И.И. Серебрянников, «министр по должности, краевед по призванию», оставил такое свидетельство.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Когда мне доложили, что меня желает видеть адмирал Колчак, я с огромным интересом и даже некоторым волнением стал ждать встречи с этим выдающимся русским человеком, который уже тогда казался весьма крупной фигурой в нашем антибольшевистском лагере. Адмирал вошел ко мне в кабинет в сопровождении своего секретаря, морского офицера... Оба были в штатских костюмах... Мне чрезвычайно понравилась импонирующая манера адмирала говорить громко, четко, законченными фразами определенного содержания, не допускающего каких-либо двусмысленных толкований.

«Не хитрец, не дипломат, желающий всем угодить и всем понравиться, — думал я, слушая адмирала, — нет, честный русский патриот и человек долга»...

В ночь на 18 ноября 1918 года в Омске свершился один из самых бескровных и деликатных военных переворотов в истории. Группа казачьих офицеров во главе с комендантом Омска полковником Волковым арестовала «головку» Директории, взяв под стражу Авксентьева, Зензинова, Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского.

Сегодня историки спорят о роли Колчака в этом перевороте — знал ли он о нем, не знал, а если знал, то вдохновлял ли его участников. Дело, однако, в том, что переворот был совершен не Колчаком, а для Колчака. И этот «кровавый диктатор» обошелся со своими политическими противниками совсем не так, как поступали в таких случаях большевики, то есть не расстреливал их в глухих подвалах, не подсылал убийц с ледорубами, не ссылал в лагеря, а, снабдив значительной суммой денег, отправил от греха подальше за кордон.

Анна Тимирева очень метко назвала Авксентьева «миниатюрным изданием Керенского».

«Последовал чисто комический конец Директории, — писал позже генерал К.В. Сахаров. — Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь.

Когда их утром посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военный суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора, они заявили: «Отправьте нас поскорее в безопасное место». А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать».

Из материалов допроса А.В. Колчака в Иркутске:

«...Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10—12 англичан, который в дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории.

Уорд с большим удовольствием согласился. Он сказал, что ему нужно делегировать 15 человек во Владивосток, и эти 15 человек могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу...

На вопрос, куда они хотят ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж, и им была выдана сумма приблизительно 75 000—100 000 рублей каждому в этот же день. Затем дано было знать Хорвату заготовить заграничные паспорта, не ожидая их приезда, и просить китайские и японские власти о беспрепятственном их проезде. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут.

Затем я сказал Старынкевичу (министр юстиции. — *Н.Ч.*), чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против правительства Верховного правителя, находясь за границей».

«Все они дали честное слово жить тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бумаги». Почти с первых же дней появления за границей все они начали свою «политическую» деятельность, мутя еще больше ту международную тину, которая с первых дней революции появилась около имени «Россия», — свидетельствует профессор И. Платонов. — Разгон Директории, как и следовало ожидать, не вызвал на местах ни протестов, ни сочувствия к уехавшим эсерам».

Часть четвертая

БЕЛАЯ АРМИЯ

Глава первая

ЧЕТВЕРТАЯ СТОЛИЦА

Итак, на последнем ноябрьском заседании Директория, точнее те ее члены, которые не подверглись аресту, объявила о своем «самороспуске», а Совет министров, взявший легитимную власть в свои руки, торжественно передал ее бывшему военно-морскому министру. Колчаку было объявлено, что он избран Верховным правителем России, что ему передается и Верховное главнокомандование всеми сухопутными и морскими силами.

Колчак не рвался к верховной власти. Она выпала ему как тяжелый крест, уклониться от которого ему не позволили ни долг гражданина, ни офицерская честь.

Все было так, как на первом корабле его мичманской юности — крейсере «Рюрик». Когда в бою с превосходящей эскадрой погиб командир, его сменил старший офицер, когда пал и он, на его место заступил штурман, затем в развороченную боевую рубку, превратившуюся в аду боя в некий командирский эшафот, поднимались — по старшинству — остальные офицеры... По этому же праву и адмирал Колчак вступил в командование гибнущим кораблем российской государственности.

Адмирал прошел все океаны Земли и 20 морей. Вряд ли кто в России побывал в стольких городах и селениях, как Колчак. Он обогнул земной шар не раз и не два. Вот города, в которых он бывал, служил, воевал, действовал. Вот только самый общий перечень:

Александровск-на-Мурмане	Могилев
Аннополис	Монреаль
Архангельск	Москва
Атами	Нагасаки
Барановичи	Нью-Йорк
Батум	Одесса
Берген	Омск
Вашингтон	Пермь
Владивосток	Пирей
Галифакс	Псков
Гельсингфорс	Ревель
Екатеринбург	Санкт-Петербург
Иокогама	Сан-Франциско
Иркутск	Севастополь
Каир	Тикси
Порт-Саид	Токио
Киото	Устьянск
Ларвик	Харбин
Либава	Христиания (Осло)
Лондон	Якутск.

Александр Васильевич Колчак знал Россию, как никто из тех, кто прибыл в нее из Швейцарии в запломбированном вагоне. Он имел и моральное, и юридическое право быть Верховным правителем России, хотя и не любил этот титул.

Совет министров положил Верховному правителю жалованье — 4 тысячи рублей в месяц. Рубли эти назывались в народе «сибирками».

Любопытно, что денежные знаки для Омского правительства оформлял в 1919 году скульптор Шадр — тот самый Иван Дмитриевич Шадр (Иванов), который много позже станет автором советских купюр с популярнейшими изображениями шадровских красноармейца, сеятеля и рабочего.

Работая над «сибирками», Шадр поместил на крылья геральдического орла гербы городов, которые Колчак считал своей опорой: Оренбург, Уфа, Пермь, Челябинск, Екатеринбург, Омск.

Омск в те времена был не просто политической, но и природной столицей Сибири. Расположенный на берегу полноводного и судоходного Иртыша в завязи важнейших железных дорог, этот город славился не только купеческой мощью, но и своим университетом, своим театром... Если в 1917 году он насчитывал 113 680 жителей, то к концу восемнадцатого года население заметно прибавилось за счет беженцев, чехов и прихлынувших к столице русских войск и перевалило едва ли не за миллион. Так у России появилась четвертая столица — после Петрограда, Москвы, Киева — Омск!

Омск. Декабрь 1918 года.

Колчак носил простую солдатскую шинель и на очередном войсковом смотре сильно промерз на сибирском морозце. Вскоре слег в сильном жару. Врачи констатировали запущенное двустороннее воспаление легких. Однако, несмотря на сильное недомогание, Верховный правитель продолжал вести дела. Передоверить их было некому. Делегации и депутации следовали одна за другой. Более всех взвинтили нервы высокие представители союзной Франции: комиссар Реньо и генерал Жанен.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Генерал Жанен, сын военного врача. Окончив военное училище во Франции, продолжил свое образование в России — в академии Генерального штаба. Командовал полком в начале войны, в мае 1916 года был откомандирован в Ставку Верховного Главнокомандующего, где и состоял при штабе Николая II в качестве посредника между русской и французской армиями. Прекрасно говорил по-русски и считался в Париже большим знатоком России.

Он не был для Колчака незнакомцем. Они виделись в Могилеве, когда Государь принимал у себя нового командующего Черноморским флотом.

Генерал Жанен привез новость, от которой из жара Колчака бросило в холод.

— Верховный совет государств Антанты назначил меня главнокомандующим русскими и союзными войсками в Сибири, — сообщил Жанен не без некоторого удовольствия.

Принять это было совершенно невозможно.

— Видите ли, господин генерал, в России не было прецедента, чтобы русской армией командовал иностранец. Тем более в обстановке русской уособицы. Ни в войсках, ни в обществе не поймут вашего назначения. Более того, это вызовет волну злословия с противной стороны.

— Но это не мое желание, — возражал Жанен. — Так решил Верховный совет.

— Тем не менее, командование русской армией должно оставаться русским. Передайте это в Верховный совет.

Колчак был тверд в своем убеждении, и французы пошли на компромисс: командование русской армией оставалось за адмиралом, чехов и союзные войска в Сибири возглавлял генерал Жанен.

Однако отлежаться как следует и подлечиться не удалось. В ночь на 22 декабря большевики подняли в Омске восстание: отряды боевиков захватили тюрьму, выпустили человек двести заключенных, разоружили солдат, перекрыли связь с фронтом. В захваченном пригородном поселке Куломзино обосновался штаб мятежников. Восстание было направлено не столько против адмирала Колчака, пробывшего на посту Верховного правителя чуть больше месяца, сколько против омского правительства как такового.

Адъютант разбудил адмирала в пятом часу утра и доложил о беспорядках в городе. Стрельба шла по окраинам Омска, центр и вокзал оставались в руках законной власти. Позвонил генерал Лебедев и сообщил, что в район Куломзино, где сосредоточились главные силы красных, направлены казачьи сотни, походная артиллерия и чешский батальон. На всякий случай Колчак выслал на Надеждинскую 18, где жила Тимирева, одного из своих адъютантов. Казачью сотню, охранявшую резиденцию Верховного правителя в усиление обычного караула, Колчак отпустил в казарму.

К вечеру восстание было подавлено. Эсеры, сбежавшие из тюрьмы, сами вернулись в свои камеры. Арестованные зачинщики были преданы военно-полевому суду. Всего в боях на окраинах Омска и под Куломзино погибло по одним данным свыше 1000 человек, по другим — около 2000. Потери правительственных войск не превышали 25 солдат и офицеров. Самых активных мятежников военно-полевой суд по законам военного времени приговорил к расстрелу.

РУКОЮ ИСТОРИКА: «Поздно вечером того же дня, — отмечает питерский исследователь Константин Богданов, — Колчак получил от Вологодского записку, в которой сообщалось о предании военно-полевого суду членов Учредительного собрания, не имевших никакого отношения к восстанию, если не считать их временной отлучки из открытой мятежниками тюрьмы. Адмирал тут же дал по телефону распоряжение начальнику гарнизона генералу Бржезовскому, чтобы этих людей под суд не отдавать. И в конце изнуренный болезнью и

многочасовым нервным напряжением, он уже не приказывал, а по-человечески просил адъютанта не беспокоить его до утра.

А утром выяснилось, что часть «учредилловцев» все же ночью была расстреляна... Всех ликвидировал сопровождавший их конвой. Расстрелами непосредственно руководили четыре офицера: капитан Рубцов, поручики Барташевский и Ядрышкин, подпоручик Чернов.

Образованная Колчаком Чрезвычайная следственная комиссия не установила главных виновников, отдававших приказание этим офицерам о расстреле заключенных. Рубцов на допросе говорил, что действовал с санкции генерала Бржезовского и полковника Сабельникова, те, отрицая свою личную инициативу, ссылались на приказ командующего войсками омского военного округа генерала Матковского, которым предписывалось всех задержанных направлять к председателю военно-полевого суда Иванову. Высокий вершитель правосудия поразил членов следственной комиссии своей простодушной безответственностью: «был в ту ночь усталым и, как ранее контуженный в голову, многое не удержал в памяти». Дело закончилось заключением в тюрьму Барташевского.

Позже на допросах в Иркутске адмиралу Колчаку пытались поставить в вину декабрьские расстрелы в Омске. Однако следователи Политцентра так и не смогли установить его личной причастности к самочинным расправам над «учредилловцами». Что же касается приговоров военно-полевого суда, то к ним можно отнести все те же нарекания, что и в адрес большевистских военно-революционных «троек», ставивших к стенке всех заподозренных в сочувствии к «белякам». Довольно будет вспомнить, как расправлялись красные войска с участниками кронштадтского мятежа. Мятеж есть мятеж, и участь мятежников всегда одинакова, в каком бы стане они ни терпели поражение...

«Я ПРИНЯЛ ВЛАСТЬ...»

«Печальный мир!

Даже когда расцветают вишни...

Даже тогда...»

Исса, японский поэт.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я принял власть и не намерен удерживать ее ни на один день дольше, чем это требуется благом страны. В день окончательного разгрома большевиков моей первой заботой будет

назначение выборов в Учредительное собрание... В этом была мной принесена присяга перед Высшим Российским Судом — хранителем законности нашего государства.

Поставив себе задачей водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилий населению России, Правительство признает, что все сословия и классы равны перед законом...»

И тут же — человеческая исповедь в письме:

«Милая, бесконечно обожаемая моя Анна Васильевна! Вы знаете и понимаете, как это все тяжело, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время...»

СТАРОЕ ФОТО. На ступеньках омского госпиталя под массивным порталом встали перед фотографом офицеры, врачи, медсестры. В центре в походной армейской форме — при шашке — адмирал Колчак, по правую руку неизменный Михаил Смирнов в черной морской шинели и с золотыми контр-адмиральскими погонами. А из третьего ряда выглядывает знакомое женское лицо в белой косынке сестры милосердия — Анна!

Точно так же, как на этом снимке, держалась она и в их омской жизни — незаметно, не напоказ. Она снимала комнату в частном доме — вдали от центра (Надеждинская, 18), а Александр Васильевич квартировал в своей резиденции на набережной Иртыша (Береговая, 9) — небольшом, но красивом особняке купца Батюшкина. Разумеется, они встречались, хоть и не так часто, как хотелось обоим. Колчак был смертельно занят на новом посту, то выезжая на фронты, то принимая всевозможные депутации, то проводя государственные совещания... Анна Тимирева, бывшая адмиральша¹, организовывала шитье госпитального белья для раненых, хлопотала по общественным делам. Иногда Колчак приглашал ее на официальные приемы в качестве переводчицы. Как ни странно, но и в этот, казалось бы, столь счастливый период их близости, им чаще всего приходилось общаться с помощью писем. Анна, как всегда, была предельно искренней.

РУКОЮ АННЫ: «Омск Надеждинская, 18

Дорогой мой, милый Александр Васильевич, какая грусть! Мой хозяин умер вот уже второй день после долгой и тяжелой агонии,

¹ До развода Анна Васильевна была женой контр-адмирала С.Н. Тимирева. — Н.Ч.

хоронить будут в воскресенье. Жаль и старика, и хозяйку, у которой положительно не все дома, хотя она и бодрится. И вот, голубчик мой, представьте себе мою комнату, покойника за стеною, вой ветра и дикий буран за окном. Такая выюга, что я не дошла бы домой со службы, если бы добрый человек не подвез, — ничего не видно, идти против ветра — воздух врывается в легкие, не дает вздохнуть. Домишко почти занесен снегом, окна залеплены, еще нет пяти, а точно поздние сумерки. К тому же слышно, как за стеною кухарка по складам читает псалтырь над гробом. Уйти — нечего и думать высунуть нос на улицу. Я думаю: где Вы, уехали ли из Златоуста и если да, то, наверно, Ваш поезд стоит где-нибудь, остановленный заносами. И еще — что из-за этих заносов Вы можете пробыть в отъезде дольше, чем предполагали, и это очень мало мне нравится. За Вашим путешествием я слежу по газетам уже потому, что приходится сообщения о нем переводить спешным порядком для телеграмм, но, Александр Васильевич, милый, они очень мало говорят мне о Вас, единственно моем близком и милом, и этот «Gouverneur Supreme» кажется мне существом, отдельным от Вас и имеющим только наружно сходство с Вами, бесконечно далеким и чуждым мне.

Кругом все больны, кто лежит вовсе, кто еле ходит. Я пока еще ничего, хожу от одной постели к другой. Говорят, что с наступлением ветров это общее правило в Омске, но одна мысль заболеть здесь приводит в панику. Дорогой мой, милый, возвращайтесь только скорее, я так хочу Вас видеть, быть с Вами, хоть немного забыть все, что только и видишь кругом, — болезни, смерть и горе. Я знаю, что нехорошо и несправедливо желать для себя хорошего, когда всем плохо, но ведь это только теория, осуществимая разве когда уляжешься на стол между трех свечек, как мой хозяин. Но я же живая и совсем не умею жить, когда кругом одно сплошное и непроглядное уныние.

И потому, голубчик мой, родной Александр Васильевич, я очень жду Вас, и Вы приезжайте скорее и будьте таким милым, как Вы умеете быть, когда захотите, и каким я Вас люблю. Как Вы ездите? По газетам, Ваши занятия состоят преимущественно из обедов и раздачи Георгиевских крестов — довольно скудные сведения, по правде говоря. А пока до свидания. Я надеюсь, что Вы не совсем меня забываете, милый Александр Васильевич, — пожалуйста, не надо. Я раза два была у Вас в доме, Михаил Михайлович поправляется, совсем хорошо, это так приятно. Ну, Господь Вас сохранит и пошлет Вам счастья и удачи во всем.

Анна».

Это и два других таких же тоскливых, почти отчаянных письма, Анна написала в феврале 1919 года, когда «милый Александр Васильевич» мотался по прифронтовым районам Урала. О плотности событий его жизни можно судить по такому раскладу: Омск — Курган (9 февраля) — Челябинск (10—11 февраля) — Златоуст (12 февраля) — прифронтовые районы (13—14 февраля) — Троицк (15 февраля) — Челябинск (15 февраля) — Екатеринбург (16—18 февраля) — Нижний Тагил (18 февраля) — Пермь (19 февраля) — прифронтовые районы (20 февраля) — Мотовилиха (21 февраля) — ... — Екатеринбург (23—24 февраля) — Тюмень (25 февраля) — Омск.

РУКОЮ ИСТОРИКА: «В бронепоезде Колчак проехал до передовых позиций, побывал в боевых частях на двух фронтах, посетил ряд госпиталей, встречался с военными командирами разных рангов, с башкирской национальной делегацией, с представителями администрации, деловых кругов, крестьян, рабочих (много времени провел в цехах Златоустовского и Мотовилихинского заводов), принимал парады, проводил различные деловые совещания. Особое значение придавалось посещению Перми, недавно освобожденной от большевиков. На встречах, приемах, торжественных обедах Колчак произнес ряд речей, в которых говорил о крайне тяжелом состоянии транспорта и финансов, об опасности большевизма «слева и справа»; по его заявлению, «новая, свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности» («Сибирская речь», 26 февраля); казачество Колчак охарактеризовал как «воинствующую демократию» («Сибирская речь», 19 февраля)».

А Анна тосковала, как никогда. Разве что работа съедала большую часть убийственно ненужного времени. Она служила переводчицей в Отделе печати при Управлении делами Совета министров и Верховного правителя. Но что делать одинокими вечерами? Только писать... Она блестяще владела литературным слогом, и письма ее составят честь эпистолярному жанру.

«15 фев[аля] [1919г.]

Сегодня утром еле откопали наш дом, столько навалило снегу. После вчерашней вьюги мороз, а дом нельзя весь топить из-за покойника... Поэтому собачий холод, но и это не помогает, третий день со смерти, и воздух тяжелый. У меня открыты все дыры в комнате и, вероятно, никакого запаха нет, но мне все кажется, как он проникает во все щели, как я ни закрываю двери. Это приводит

меня в невозможное состояние. Сплошной холодный ужас. Кажется, я не выдержу и — сбегу куда-нибудь, пока его не похоронят. Жалко только и совестно немного оставлять старушонку, но не могу больше. Ну, все равно с утра до ночи толкутся какие-то старые девы, читальщицы, чужие горничные, просто знакомые — похоронное оживление. Шибко худо есть, Сашенька, милый мой, Господи, когда Вы только вернетесь, мне холодно, тоскливо и так одиноко без Вас.

Позорно сбегаю — не знаю даже куда — может быть, к Вам, не могу оставаться».

В середине февраля на Урале и в Зауралье бушевали на редкость сильные снежные бури — шквалы срывали кресты с сельских церквей, валили телеграфные столбы, так что связь Омска с селами и деревнями Омского и Тобольского уездов надолго нарушалась, телеграммы с фронта и с поезда Колчака приходили с опозданием. О том, где он и чем занят, Анна знала только по газетам да официальным телеграммам, приходившим в Отдел печати:

«Верховный правитель посетил лазареты, награждая раненых Георгиевскими крестами. После обеда Верховный правитель сделал смотр отряду Каппеля и роздал по представлению командира отряда Георгиевские кресты. В 5 часов вечера состоялся парадный обед, устроенный торгово-промышленной палатой» («Сибирская речь», 12 февраля).

«Вещи, принесенные различными делегациями в дар Колчаку, и приветственные адреса 11 марта были выставлены для обозрения в зале заседаний Совета министров».

В конце концов она, махнув рукой на все приличия, сбежала к возлюбленному, в его казенную резиденцию на Береговой.

Береговая, 17 февр[аля] 1919 г.

Александр Васильевич, милый, вот второй день, что я на основании захватного права пользуюсь Вашей комнатой, койкой и даже блокнотом с заголовком «Верховный правитель». Я сбежала из дому, не выдержав похорон со всеми атрибутами. Эти дни правда были похожи на какой-то кошмар. Сегодня возвращаюсь к себе обратно. Опять буран, но солнце все-таки светит, т[ак] ч[то] хочу сейчас идти на службу — надеюсь, не занесет. Снегу на набережной намело горы, то круглые холмы, то точно замерзшие волны. Снег набился между рамами, вся Ваша терраса завалена. Ну и климат... Я все время думаю о заносах на жел[езных] дорогах. Теперь ведь везде они

должны быть. Насколько это Вас еще задержит, Александр Васильевич, милый? А я так хочу, чтобы Вы скорее приезжали. Сегодня, когда начался буран, я лежала и все думала, как было бы хорошо, если бы Вы были здесь теперь. Выйти никакой возможности — и к Вам никто ни по каким делам не явится — forse majeure, по крайней мере я могла бы повидать Вас при дневном свете. Что же делать, если для такой простой вещи надо стихийное безобразие.

Милый, дорогой мой, я опять начинаю писать невозможную галиматью — но ведь я пишу Вам «для того, чтоб доказать мое расположение, а вовсе не затем, чтоб высказать свой ум» (если Вы мне преподносите письмо из Шиллера, почему я не могу Вам отвечать Шекспиром? — на одном диване вместе лежат и тот и другой). Я кончаю; как я служака, то, несмотря на метель и поздний час, все-таки пойду. Итак, до свиданья, Александр Васильевич, дорогой мой. Я очень жду Вас и хочу видеть, а Вы хоть бы строчку мне прислали — ведь ездят же от Вас курьеры?

Господь Вас сохранит, голубчик мой милый. Не забывайте меня.

Анна

Не нашла другого конверта — извините. А.»

Особнячок этот за чугунной решеткой и сейчас стоит в Омске, глядя новенькими окнами в быстрые волны Иртыша. Одно время в нем размещалось бюро Интуриста. Да разве поймет какой интурист что-нибудь в нашей истории? Нам бы самим в ней разобратся...

В библиотеке русского зарубежья сохранилось письмо, адресованное Александру Солженицыну от вдовы бывшего начальника личного конвоя Верховного правителя полковника А. Удинцева. Вот оно:

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Мне часто приходилось печатать под диктовку важные документы. Однажды я была приглашена мужем в дом Верховного правителя. Я первый раз увидела всю скромность обстановки, в которой жил А.В. Колчак, — никакой роскоши... Первые мои шаги были в комнату адъютантов. Там я познакомилась с ними так же скромно и просто.

Мне надо было напечатать какое-то распоряжение для конвоя. В этот момент, постучав в дверь, вошел А.В. Колчак...

Верховный правитель обратился ко мне: «Ах, и вы здесь, наша молодая машинистка!» Передав командиру конвоя распоряжение, он взял мою руку и поцеловал, любезно попрощался и ушел в свой

кабинет. Какое-то величие веяло от этого человека, взявшего на свои плечи спасти многонациональную великую землю от бушующего беспорядка.

Все, что пришлось слышать, лично наблюдать, — одно благородство, мужество, ум и сила воли...

В столичном городе Омске было немало врагов, нужно было очень строго наблюдать и охранять Верховного правителя. Но он как будто и не хотел замечать этой опасности... Он мог запросто выйти с группой студентов из университета — совершенно без охраны. Мы иногда видели А.В. Колчака, ехавшего в пролетке в сопровождении всего лишь одного конвойца...»

В конце лета 1919 года в омской резиденции Колчака раздался сильный взрыв. Рвануло в караульном помещении — небольшом домике во дворе резиденции. Были убитые и раненые среди караульных. Но в самом особнячке никто не пострадал — вышибло стекла. Адмирал Колчак, как свидетельствуют очевидцы, не потерял самообладания: выскочил в окно во двор, быстро осмотрел место взрыва и тут же взял на себя руководство спасательными работами. В Порт-Артуре было и пострашнее.

Расследование чрезвычайного происшествия показало, что взрыв произошел по небрежности одного из солдат, который, разогревая на плите котелок с кашей, не заметил лежавшую рядом гранату, забытую кем-то из караульцев. Однако некоторые считали эту версию натяжкой, маскирующей попытку покушения на Верховного правителя. Как бы там ни было, но над Колчаком в Омске висел дамоклов меч. Оставалось уповать больше на волю Божию, чем на надежность охраны.

Рота — на молитву! Батарея — на молитву! Эскадрон — на молитву! Сотня — шапки долой!..

Армия молилась и перед походными алтарями в палатках, и в старинных сибирских храмах, и в кержацких скитах. Молилась о даровании победы над красным супостатом.

Молился и Верховный Главнокомандующий. Во время полярной экспедиции на «Заре» лейтенант Колчак исполнял обязанности судового священника. Он был глубоко воцерковленным человеком.

Вот и сейчас в Омске, в красном углу его кабинета, тихо сиял удивительный образ. Никола Чудотворец в неканоническом венце из пулевых пробоин строго и кротко взирал на всякого входящего к адмиралу. Икону совсем недавно вручили Верховному иерархии омского духовенства. Ее история потрясла Александра Васильевича...

В октябре 1917 года, когда красногвардейцы, матерые мужики и бывалые солдаты, выбили из Кремля юнцов-юнкеров, началось глумление над святынями. Кто-то потехи ради стал стрелять в надвратную икону, что осеняла вход в Никольскую башню. Стрелок метил в лик Святителя Николая, но пули уходили в стороны, выбивая в кирпиче своего рода терновый венец. Присыпанное красноватой пылью чело Чудотворца казалось окровавленным. Именно таким увидел его на другое утро безвестный московский художник, пришедший к разграбленному Кремлю. Он достал лист бумаги и зарисовал увиденное. А позже написал икону — Николу Кремлевского. С нею покинул Москву и уехал в Сибирь. В Омске передал ее настоятелю одного из храмов.

Именно этим новописанным образом и благословили церковные отцы воина Александра на служение России в качестве Верховного правителя.

Кто знает, может, именно она и спасла жизнь Колчаку, когда в его омской резиденции прогремел мощный взрыв?

ОРАКУЛ-2000: В 2000 году икона Николы Кремлевского объявилась в Москве. Нынешний владелец ее, пожелавший остаться неизвестным, предложил Российскому фонду культуры приобрести ее за миллион долларов. У Фонда таких средств не нашлось, и владелец исчез вместе с бесценной реликвией.

Глава вторая

ПАРАД

И был парад на главной площади Омска... Адмирал Колчак, произведенный Советом министров в полные адмиралы с тремя орлами на погонах, стоял на сколоченном из досок подиуме в окружении министров, дипломатов, фотографов и кинохроникеров.

Ахнул и грянул отчаянно грустно лихо марш «Прощание славянки». У Колчака невольно навернулись слезы. Под эту рвущую душу музыку стало обидно и больно за все, что случилось в эти годы с русской армией, с русским флотом. Припомнилось и навалилось разом все: и порт-артурское пленение, и севастопольское «разофи-

церивание», и толпы дезертиров, невиданные за всю историю российской армии, и снисходительная улыбка Плеханова, и этот болтливый чертик из политической табакерки — Керенский, который возомнил себя Верховным Главнокомандующим и которого он, боевой адмирал, вынужден был встречать с высшими воинскими почестями, но главная обида все же за нее — за русскую армию, с мундиров которой содрали погоны, за ее оболганные и обманутые полки, чьи знамена, овеянные славой Бородина, Шипки, Севастополя, втоптали в грязь не тевтоны, османы или самураи, а свои же собственные сограждане, как эпидемией охваченные кровавым буйством, названном словоблудами «революционной свободой».

А старые помятые медные трубы сводного оркестра пели о доблести, о подвигах, о славе как ни в чем не бывало, и под эту то ли лебединую, то ли орлиную песнь уже выдвигались поротно и поэскадронно первые части Сибирской армии.

Конечно же, это было не Марсово поле и не царскосельские плац-парады. По серому булыжнику городской площади в лад и не в лад громыхали сапоги и ботинки бойцов Ударной стрелковой бригады, за ней мерно покачивались папахи дивизии Уральских горных стрелков, еще дальше подрагивали на рыси пики казачьих сотен и 2-й Уфимской кавалерийской дивизии под водительством генерал-майора Джунковского; были в ней полки кирасиров, гусар, уланов и драгун, но без прежнего блеска амуниции и выправки, поскольку татарские и башкирские эскадроны возглавляли большей частью пехотные офицеры.

Однако первыми — по историческому праву — прошли перед адмиралом преображенцы роты Егерского батальона, сбитые в более или менее четкое каре. Лишь бойцы этого старейшего в русской армии полка, возрожденного горсткой его офицеров здесь, в Омске, в виде батальона, были одеты в шинели русского покроя, вооружены русскими винтовками, только они, преображенцы, имели право носить дореволюционные кокарды георгиевских цветов. Все остальные части были одеты и обуты в то, что послал Бог, союзники и что сохранилось на неразграбленных кое-где интендантских складах: в синие французские шинели, в английские френчи, казацки черкески, бешметы, гимнастерки... Ноги в австрийских обмотках и татарских ичигах, реже — в русских сапогах, отбивали мерный шаг под медногласые аккорды старого марша.

Шли любимые Колчаком морские стрелки в серо-зеленых шинелях, но с флотскими погонами, офицеры каким-то чудом сохранили свои кортики, а некоторые и черные фуражки с белым кан-

том. Вел бригаду морских стрелков старый товарищ по Минной дивизии бывший цусимец контр-адмирал Георгий Старк.

С громким цокотом каленых подков по булыге прорысили сотни 1-го Сибирского казачьего полка Ермака Тимофеевича.

Шли стрелки Воткинских дивизий, шли степняки и пермяки, тагильцы и исетцы, шли роты чехов, поляков и даже болгар, шли юнкера иркутского, томского, оренбургского, читинского и красноярского кавалерийских училищ, шла Николаевская военная академия, волею судеб заброшенная в Екатеринбург, шли каппелевцы-ударники и бойцы Броневой дивизии, шли барнаульцы и казаки-приамурцы. Шла Сибирь... И эта твердая поступь плохо обмундированной и вооруженной, но все же собранной под одним знаменем армии рождала надежду, что однажды все они или те, кто уцелеет в боях, войдут в белокаменную под благовест кремлевских колоколов.

Шли бородачи из дружины «Святого креста» с нашитыми на левой стороне шинелей — над сердцем — белыми крестами, шли бойцы 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака полка с золотистыми вензелями «АК» на погонах...

Однако прощальный марш не обещал победы. Трубы-вещуны звали на отчаянный и, возможно, погибельный бой, предрекая немислимые испытания...

Последним вышел на площадь Студенческий батальон. Омские студенты и гимназисты-старшеклассники в нашитых на светло-серые шинели синих погонах маршировали с японскими винтовками. Их старательный, но неровный строй возглавлял поручик, который четко рубил шаг, держа под козырьком артиллерийской фуражки — адмирал глазам своим не поверил — левую руку. Да что он, спятил?! И только приглядевшись, понял, в чем дело, — правый рукав шинели был заправлен под ремень.

Колчак кивком подозвал адъютанта:

— Фамилию поручика!

Через несколько минут адъютант доложил:

— Поручик Иванов, господин адмирал.

«Иначе и быть не могло! — грустно усмехнулся Колчак. — Имя его ты веши, Господи!»

А ушлый капельмейстер, конечно же, не без умысла, дал знать своему оркестру — «Играем «Варяга»! Любимая морская песня, переделанная под марш, адресовалась прежде всего адмиралу в защитной шинели. Альты и баритоны почти выговаривали своими лужеными глотками:

*Наверх вы, товарищи, с Богом — «Ура!»
Последний парад наступает...*

Колчак приложил ладонь к козырьку и благодарно повернулся в сторону сводного оркестра. Эти молитвенные для каждого русского моряка слова пели погребенные заживо в трюмах опрокинувшейся после взрыва «Марии» матросы.

*Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами...*

Барон А. Будберг заведовал в Сибирской армии службой снабжения. Трудно судить, как проявил он себя в роли интенданта, но он оказался прекрасным хроникером, тонким аналитиком. На страницах его дневника немало точных суждений. Вот и парад он сумел увидеть несколько иначе.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Войск на парад вытащили много, говорили чуть ли не до 25—30 тысяч, но я предпочел бы видеть один настоящий полк старого порядка; среди разнообразных форм неприятно поражали чешские колпачки ударных полков, заменившие наши фуражки (уверяют, что колпачки легче шить).

Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами. Самое скверное то, что все направлено на то, чтобы сколотить части по-внешнему, а на отдельных солдат не обращено должного внимания. Это всегда было скверно, ну а теперь это основание верного неуспеха, ибо теперь нужны не боевые квадраты из дрессированных единиц, а подготовленные к бою отдельные единицы...

Выведенные сегодня части готовы для строевых учений, для церемониала, ну, а для боя это только толпа не готовых совершенно людей со всеми ее недостатками. Нужно еще два-три месяца усиленной полевой работы со взводами и ротами, чтобы эти части были готовы для боя.

Я обошел все части сзади: все лучшее поставлено в головы колонн, а в середине и в хвостах стоят какие-то михрютки, одетые в только что выданную и плохо подогнанную одежду».

Увы, барон Будберг совершенно прав: в бой шли не полки, а толпы...

С фронтов приходили неутешительные вести. Колчак держал в руках честное донесение за подписью генерал Дитерихса:

«...Посетил фронт первой армии: части необычайно слабы числом, понеся в последних боях большие потери, а пополнения, вследствие краткого периода воспитания, не выдерживают и разбегаются.

Войска дерутся очень упорно и только после пяти-шести контратак в день устают, не имея смены, и уступают противнику. Настроение хорошее, но осилить противника окончательно нечем. Позиция в первой армии укреплена проволокой; тем не менее дальше завтрашнего дня части едва ли выдержат, так как противник обходит глубоко с севера...

Делая ныне общий вывод виденного и переговоренного во всех трех армиях, я прихожу к заключению, что причин нашего теперешнего положения две: первая — это неиспользованный успех десятого сентября в связи с отсутствием тогда резервов, чтобы заменить казаков, и вторая — переутомленность офицеров в строю, не дающая им необходимого импульса вперед.

Сводки за двадцать первое, двадцать второе и двадцать третье (октября) ясно указывают мне, что даже лучшие наши дивизии, как восьмая Камская, Ижевская, первая Егерская, утратили сердце.

Докладываю, что влитие пополнений на фронт даст небольшой выигрыш времени, почему эвакуация Омска неизбежна. При наличии совокупности всех доложенных обстоятельств приходится заботиться не столько о вопросе, как продолжать, как по вопросу, чем продолжать борьбу...

Японские винтовки-арисаки не выдерживали сибирских морозов — примерзали затворы, у английских ремингтонов отлетали на втором-третьем выстреле штыки, в бою выручала родимая «трехлинейка».

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ В СИБИРИ

Перед нами тяжкая задача — завоевать, отнять свою собственную землю. Расплата началась. Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

Михаил Булгаков. «Грядущие перспективы»

Верховный правитель пришел в сильное волнение, когда ему доложили, что группа офицеров бывшего лейб-гвардии Преображенского полка просит принять их по государственному делу. Преображенцы? Откуда они в Омске?

— Пробрались к нам с Кубани, господин адмирал, — пояснил адъютант.

Колчак невольно взглянул на настенную карту: путь с Кубани в Сибирь пролегал через пол-России...

В марте 1918 года гвардейский Преображенский полк — любимое детище Петра, становой полк русской армии, с которого пошла регулярная военная сила России, — был распущен по приказу Льва Троцкого. Ратная слава Азова и Нарвы, Полтавы и Бородина, Балкан и Пруссии — все было пущено по ветру.

Святослав Рыбас посвятил свою книгу последнему командиру Преображенского полка Александру Кутепову.

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ: «...Офицеры прощались со знаменем полка. Его сняли с древка, свернули и приготовились спрятать. Кутепов отвернулся к окну, по его бороде текли слезы. Он забарабанил пальцами по стеклу. Слова были ни к чему. Не было ни торжественных заверений, ни прощальных клятв отомстить... Несколько офицеров, униженные увиденным, злобно смотрели в пол. Они стали сиротами... Петр Великий, наверное, перевернулся в гробу — любимый его полк больше не существовал!»

Итак, последний командир Преображенского полка полковник Кутепов отправился на Дон, где собиралась Добровольческая армия, а командир 1-го батальона полковник Романов, он же бывший государь, пребывал под домашним арестом в Тобольске.

Многие преображенцы потянулись на Дон. Там, разбросанные по различным полкам и эскадронам, они не теряли связи друг с другом, помнили: «мы — преображенцы», помнили девиз полка — «Положение обязывает». Положение обязывало к тому, чтобы достойно прикрыть отход русской гвардии в даль истории. Так, однажды в Екатеринодаре собрались на общий совет бывшие преображенцы, семеновцы и измайловцы — офицеры полков некогда Первой гвардейской дивизии. Решили восстановить гвардию под эгидой адмирала Колчака, для чего отрядили группу офицеров доставить ему общее послание.

Их было семеро — воистину великолепная семерка — семеро офицеров старейшего в русской армии Преображенского полка, которые решили возродить свой полк в Сибири — в составе Сибирской армии: полковник, пять капитанов и один штабс-капитан. Последний командир лейб-гвардии Преображенского полка генерал Александр Кутепов дал им свое командирское «добро» — дерзайте, господа!

И господа офицеры дерзали. Да еще как... Шуточное ли дело, добраться в Омск из Екатеринодара, в Сибирь с предгорий Кавказа —

через пол-России, охваченной злой смутой? Преодолеть тысячи опаснейших верст — окружными, почти бездорожными путями в обход красных войск. Добро бы на своих конях. А то — на чем придется...

И они это сделали. Право, стоит того, чтобы рассказать об этом удивительном переходе подробно, тем более что один из его участников — капитан Александр Стахевич — оставил неопубликованные до сих пор записки.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Маршрут был выбран дружными усилиями, необходимые средства добыты, и в начале мая маленькая команда, связанная тесной дружбой... тронулась в опасный и дальний путь: Екатеринодар, Кисловодск, Прохладная, Кизляр, по железной дороге, оттуда на лошадях до устья Терека, пристани Старотеречной и морем, вдоль берега до Петровска, затем поперек Каспийского моря, в разрез между занятой большевиками Астраханью и фортом Александровском к устью Урала — в Гурьев. Дальше на лошадях, частично на верблюдах через Лбищенск, Киргизские степи, восточнее Оренбурга, на Орск, Троицк и Челябинск, оттуда по железной дороге на Омск. Сведения о фронтах и расположении большевистских сил были более чем скудны и сбивчивы. Надеялись главным образом на удачу...»

Ваше благородие, госпожа удача... Удача сопутствовала им на протяжении всего тысячеверстного пути. Не зря же говорят — смелость города берет.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «...Тронулись из Кисловодска 7 мая; 9-го утром выгрузились из вагонов у Кизляра — железнодорожный мост через Терек был взорван. Мы провели сутки в двух чарующих своим гостеприимством семьях местного Терского казачьего войска. На следующий день, сопровождаемые благословениями и добрыми пожеланиями прямых потомков толстовских Лукашки и дяди Ерошки, уже на лошадях приближались к неприветливому берегу Каспия.

12 мая мы уже были в Петровске после двухдневного плавания в сильнейшую бурю на рыбацкой лодке из Старотеречной...»

Особое впечатление произвело на преображенцев гостеприимство уральских казаков и какой-то проникновенный во всех антибольшевизм. «Нигде от берегов Черного моря до Маньчжурии ничего подобного не приходилось нам видеть. О каком бы то ни было платёже за постой, харчи или прогоны нельзя было и заикнуться, рискуя глубоко обидеть хозяев, вернее хозяек, так как казаки от 14 до 70 лет все поголовно были на фронте. Лошади сменялись мгно-

венно, и 12-летние казачата «ветром» везли преображенцев по Уралу, в объезд занятого красными Уральска и на восток, через почти безлюдные степи...»

Курьеры правительства Юга России добирались до Омска через... Константинополь. На попутных судах они проходили Суэцкий канал, пересекали Индийский океан, и далее через столицу Цейлона Коломбо во Владивосток, а оттуда по железной дороге до Омска. На все про все уходило четыре месяца. А семеро смелых прибыли в Омск через 27 дней после выхода из Екатеринодара. Их привел полковник Ипполит Хвощинский. Вместе с ним пришли капитаны Александр Стахович, Юрий и Дмитрий Литовченко (братья), Вячеслав Вуич, Михаил Яковлев и штабс-капитан Сергей Кистер.

Этим же путем пробивался к Колчаку и генерал-майор Гришин-Алмазов вместе с преображенцем штабс-капитаном Андреем Левашовым. Они вышли из Петровска (ныне Махачкала) на посыльном судне «Лейла», следовавшем в Гурьев. Но 5 мая близ форта Александровского «Лейла» была перехвачена эсминцем «Карл Либкнехт» и вспомогательными крейсерами «Ильич» и «Красное знамя». Чтобы не попасть в красный плен, генерал-майор Гришин-Алмазов застрелился...

Эту печальную весть сообщил Колчаку полковник Хвощинский. Адмирал перекрестился...

Ольга!

Теперь вдова...

Год назад он встретил ее в коридоре владивостокской гостиницы: эффектная молодая дама шествовала по коридору в одиночестве. Она шла ему навстречу. Глаза с восточной раскосинкой и томным прищуром. Он остановился как вкопанный.

— Простите, вы не из Петрограда? — спросил он первое, что пришло в голову.

— Да, а что?

Если бы она не добавила это «а что?», он, может быть, отделался ничего не значащей фразой, раскланялся и пошел бы своей дорогой, но она задала ему вопрос, и он тут же ответил:

— Я не был в России более полугода. Ничего толком не знаю, что тут, точнее, что там — в Питере — творится. Хотелось бы услышать из первых уст...

— Но я тоже не первые уста. Мы с мужем покинули столицу еще весной.

— Позвольте представиться... Вице-адмирал Колчак, Александр Васильевич!

— О-о!.. Много слышала о Вас!.. А я Ольга. Соломенная вдова генерала Гришина-Алмазова. Командующего Сибирской народной армией. Может быть, слышали?

— Простите, я всего лишь третий день в России... Если бы приняли мое приглашение позавтракать и любезно поделились бы со мной последними новостями...

— С удовольствием!

Дама охотно поддержала нечаянное знакомство, и Колчак проводил ее в гостиничный буфет. Вечером они встретились снова — в ресторане «Золотой рог»...

...Потом он честно признавался Анне Васильевне, что прекрасная незнакомка едва не вскружила ему голову. А может быть, и вскружила. Она была для него «мечтой без цели и надежды».

Владимир Максимов написал самый первый роман об адмирале Колчаке — «Заглянуть в бездну». В нем есть сцена откровенной беседы Анны Тимиревой и Ольги Гришиной в камере иркутской тюрьмы.

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ: «Александр Васильевич очень влюбчив. Помнится, он рассказывал мне, как его поразила одна женщина во Владивостоке. Он встретил ее случайно, мельком в гостинице, а рассказывал о ней, будто о близкой знакомой, с мельчайшими подробностями...

Гришина неожиданно вспыхнула и зашлась в громком безудержном хохоте:

— Анна Васильевна, миленькая, вот уж чего не ожидала, так ведь это я была, как сейчас помню, выхожу из номера, а навстречу мне моряк, с ума сойти, я с самого первого взгляда по уши влюбилась... Потом, когда в одном поезде с вами в Омск ехала, на каждой станции слушать его ходила, горела вся, будто влюбленная гимназистка... Знать бы мне тогда, родненькая, что и он равнодушен не остался, отбила бы его у вас тогда, за милую душу отбила бы!»

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Гришин (псевдоним — Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич произведен в генерал-майоры командующим Сибирской армией в 1918 году. Участник мировой войны. В мае 1918 года захватил власть в городе Новониколаеве (ныне Новосибирск), встав во главе офицерской подпольной группы, и соединился в подходившими чехословацкими войсками под командованием Гайды. Был военным министром Западно-Сибирского правительства. Из-за разногласий с представителями союзнических мис-

сий уехал на юг, в Добровольческую армию. Летом 1919 года генерал Деникин послал его к адмиралу Колчаку с важными документами и письмами. Пересекая Каспийское море и будучи перехваченным красными, застрелился».

Генерал Филатьев охарактеризовал Гришина так.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Когда после переворота 7 июня 1918 года в Омске образовалось Сибирское правительство, оно в первую голову должно было озаботиться созданием собственных вооруженных сил, чтобы отстаивать независимую демократическую Сибирь. Создателем Сибирской армии того периода явился некто Гришин-Алмазов, по одним сведениям — полковник, по другим — подполковник, а по третьим — штабс-капитан мортирной батареи. Осталось невыясненным, откуда и как попал он в военные министры Сибирского правительства; двойная фамилия и генеральский чин он присвоил себе сам в революционном порядке. Во всяком случае, энергию и организационные способности он выявил недюжинные и оказался вполне на своем месте».

В августе Гришин был смещен с должности. Причиной послужил конфликт с британским представителем. На банкете в Челябинске Гришин в ответ на неделикатный отзыв английского консула о России заявил: «Еще вопрос, кто в ком больше нуждается — Россия в союзниках или союзники в России».

Снятый с поста военного министра Гришин-Алмазов уехал на юг России к Деникину. А потом себе на погибель попытался вернуться к Колчаку. Скорее всего, именно такой человек был нужен Верховному правителю на посту военного министра. Но — не судьба...

Полковнику Хвощинскому Колчак поручил формировать первую гвардейскую часть — на первых порах батальон будущего Преображенского полка. Хвощинский и прибывшие с ним офицеры составили командный костяк Егерского батальона, они получили все необходимое: деньги, шинели и сапоги русского образца, русские винтовки-трехлинейки, а главное — право выбора новобранцев из числа призванных сибирских парней. Однако особого выбора не было. Генерал Кутепов пришел бы в ужас от такого набора: в одном строю стояли и бывшие каторжане, и старообрядцы-кержаки, и ссыльные поляки, и оренбургские казаки, и люди совершенно непонятного свойства — то ли большевики, то ли анархисты... Оставалось утешаться крылатой фразой Екатерины Великой — «Другого народа у меня нет»...

И все же от судьбы не уйдешь, даже если ты переиграешь ее в гонках на рыбацких лодках, конях, верблюдах и поездках...

Настало время, и Егерский батальон под командованием полковника Хвощинского двинулся в путь. На постое в глухом селе в нестроевой роте возник предательский сговор. Заговорщики подкрались к избе, где располагались на ночлег командир батальона и офицеры. Вот что рассказал потом командир 1-й роты капитан Александр Стахевич.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Самовар подали около полуночи. Многие дремали, но все-таки поднялись, смеялись, пили чай и свет потушили — я посмотрел на часы — в 1 час 05 мин. Разделись совершенно, хотя походных кроватей не ставили. На мою уральскую — из верблюжьей шерсти — кошму лег рядом со мной прикомандированный к батальону штабс-ротмистр Иванов. Мы с ним легли сбоку, влево от входа, у самого стола, поставленного против двери в боковую комнату писарей. У самого входа, на сундуке, лег огромного роста штабс-капитан Голиков, под столом Домбровский, а все остальные подряд, головами к окнам, ногами к входной двери, слева направо: Хвощинский, Грюнман, Эльснер, Юрий и Дмитрий Литовченко.

Кухня была набита выше всякой меры вестовыми и «связью». Спали на печи, на столах, повсюду. После тяжелого дня заснули как убитые...

В третьем часу ночи я проснулся от страшного шума и криков. Просыпался от крепкого сна с трудом, сел, протирая глаза и ничего почти не видя и не понимая. Ворвавшиеся стали кричать: «Здесь командир батальона? Вставайте!» и вслед затем: «Руки вверх!»

Комната была наполовину наполнена вооруженными людьми, державшими ружья наизготовку. Передние из них уже миновали меня и стояли почти у ног спавших под окнами. Комната тускло освещалась лишь одним-единственным фонарем, который держал один из вошедших. Довольно хорошо были видны ноги, но совершенно в темноте оставались лица и верх комнаты. Как я ни всматривался, узнать ни одного человека не мог. У меня даже мелькнула мысль: уж не в масках ли они. Кто они? Большевики? — была первая мысль — прорвавшиеся или обошедшие нас; затем пришла мысль: нет, просто грабители и, наконец, последняя, самое ужасное и впоследствии оказавшееся правильным предположение — уж не наши ли солдаты?

Когда я сел, почти все мои товарищи, очнувшиеся, по-видимому, несколько раньше меня, стояли уже на ногах.

«Я — здесь! — раздался из темноты твердый голос Хвощинского. — Но кто вы такие и зачем пришли сюда?»

Мы все почти одновременно спрашивали: «Кто вы такие? Что вам нужно? Какой роты?» Но тут раздался грозный окрик: «Молчать! Руки вверх!»

Все подняли руки. Помню, что у меня мелькнуло в мыслях чувство гадливой досады перед необходимостью подчиниться приказанию этих мерзавцев, и я несколько задержался исполнением приказа. Во всяком случае, руки я поднял, но именно в ту секунду, когда раздался первый выстрел. Один из ворвавшихся к нам, дуло винтовки которого находилось от меня в двух аршинах, выстрелил в меня, но попал лишь в ладонь уже поднятой почти на высоту головы левой руки.

«Падать или не падать, что выгоднее?» — мелькнуло у меня в голове. «Выгоднее упасть» — и я поддался силе выстрела и упал...

Комната по-прежнему освещалась лишь одним фонарем. Все же глаза стали понемногу привыкать и разбираться в полумраке. Начался обыск. Отобрали револьверы, лучшее из платья. Сволокли все в кучу, которую тут же в комнате оставили. Вообще в этом обыске более, чем в чем-нибудь другом, проявилась спешность и незаконченность организации. Искали оружие и оставили два револьвера, лежавшие на столе, чем-то прикрытые. Брали деньги и не сняли денег ни с убитого Тараканова, ни с меня; не взяли такие ценности, как часы, которые все потом нашлись. Когда стали обыскивать, у меня мелькнула мысль — да это просто грабители, едва ли большевики, но почти одновременно я увидел несколько кокард национальных цветов, введенных после февральской революции в 1917 году, какие были на солдатах 1-й и 3-й роты, и услышал чей-то голос: «Надо арестовать капитана Вуича», — и мне все стало ясно. Ужас, смертельный ужас — неужели я увижу своих из 1-й роты?! Но сколько я ни силился, за все долгие 4 часа — ни одного знакомого лица, ни одной кокарды 1-й роты я не увидел. С большим трудом мне единственному удалось достать в Омске для всей своей роты кокарды старого императорского образца. И в моем горестном положении это было единственным мне утешением: моя 1-я рота не была замешана в этом ужасе ни одним человеком.

Самое старое и плохое из одежды они нам оставляли. Мелькнула мысль: раз оставляют часть одежды, значит, не собираются всех расстреливать. Но, увы, тут же раздалось с грубым хохотом: «И это отбирай, все равно им теперь ни к чему будет!» Очередь обыска

доходила до меня. «Коли! Ведь видишь, что он жив». Кто-то, видимо, исполняя приказание, довольно милостиво поддел мою ногу штыком, приглашая, должно быть, встать. Я вскочил и поднял, как и все остальные, вновь руки вверх. Кровь из простреленной кисти стекала, заливая всего меня и кошму. Вдруг, совершенно неожиданно, вновь раздался выстрел и застонал полковник Хвошинский. Мне показалось, что стрелял тот же, что и в меня, нацелив следующего по порядку. «Так значит вот что: не позже, а сейчас же», — подумал я и ждал следующих выстрелов, ожидая, что будут расстреливать всех подряд, слева направо. Но больше выстрелов не было. Хвошинский был смертельно ранен в гортань и хрипел. По-видимому, убедившись, что командир батальона окончательно обезврежен, убийцы посчитали первую половину своей задачи законченной...»

Далее события развивались, как в хорошем боевике: один из офицеров схватил со стола прикрытый фуражкой наган и выстрелил в фонарь. Налетчики от неожиданности бросились к двери, завязалась перестрелка. Преображенцы сумели освободиться и схватить бандитов. Но полковник Хвошинский, прошедший войну и труднейший путь через горы, море, степи и тайгу в Омск, скончался от полученной раны.

Об этом трагическом происшествии доложили адмиралу. Колчак снял фуражку и перекрестился на образ Николая Расстрелянного.

Полки и бригады его армии были столь же зыбки и ненадежны, как льдины под ногами. Так было на пути к острову Беннетта через пролив — того и гляди, вздыбится льдина, открыв дымящуюся бездну черной океанской воды...

И все же к Колчаку шли...

В 1918 году имя адмирала Колчака, как и имя погибшего к тому времени генерала Корнилова, стало стягом для тысяч людей, не принявших самозванную, самозахватную власть политических пришельцев.

К Колчаку шли отовсюду, шли в первую очередь морские офицеры, офицеры гвардейских и армейских полков.

Верили в его звезду, в его удачу, в его правоту, в его силу.

Шли порой невероятными путями. Так, капитан 1-го ранга Илья Лодыженский, бывший командир линкора «Андрей Первозванный», привел к Колчаку группу морских офицеров из Финляндии через Стокгольм, далее морским путем — через Канаду, Японию, через всю Сибирь. Шли через горы и степи, как группа преображенцев полковника Хвошинского.

На судах Карской экспедиции сумела пробраться в Омск и вовсе легендарная фигура — Мария Бочкарева, создательница и командир ударного женского батальона смерти. Она успела оставить для истории свое свидетельство.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «В июле месяце я из газет узнала, что экспедиция собирается отправиться в Сибирь. Экспедиция военная, которая должна доставить для армии Колчака пулеметы, снаряды, обмундирование. Капитан этой экспедиции был морской офицер Савицкий. Я пошла к генерал-губернатору Миллеру и стала просить у него разрешения поехать с этой экспедицией в Сибирь на родину...

10 августа 1919 года я с экспедицией капитана Савицкого покинула Архангельск. Плыла на пароходе «Колгуев», помимо этого парохода было еще 7 пароходов. На пароходе я прибыла в устье реки Оби, до устья Оби от Архангельска я в дороге пробыла месяц с тремя днями. На устье Оби была выгрузка из пароходов экспедиции Савицкого на баржи полковника Котельникова оружия, и обмундирования, и снарядов. Здесь я пробыла две недели, и мы потом отправились с экспедицией Котельникова на Тобольск. Но когда экспедиция прибыла в город Березов, то Котельников получил телеграмму, что Тобольск взят советскими войсками. Тогда Котельникову было приказано половину экспедиции направить на Красноярск и половину на Томск. И я поплыла со второй половиной экспедиции на Томск. В дороге от Березова я пробыла до Томска три недели.

Приехала в Томск. Родителей застала в бедственном положении. Тут же зять мне стал говорить, что я заблуждаюсь — посмотри, три баржи замороженных красноармейцев стоят на Оби, а ты сочувствуешь нашим врагам. Я сказала зятю и своему мужу Бочкареву, с которым я не жила 12 лет, что я сочувствовала белым потому, что уверена, что большевики идут рука об руку с германцем для того, чтобы сделать в России царем Вильгельма. А теперь я поняла, что я глубоко ошибалась, и поэтому я поеду в Омск к Колчаку и буду просить, чтобы дал мне от военной службы отставку совсем и пенсию. Прожила я в Томске неделю и поехала в Омск.

По приезде в Омск я явилась в Ставку к дежурному генералу Белову и доложила ему, что я больше не в силах ничего делать, и просила, чтобы мне дали отставку с пенсией как батальонного командира, с мундиром штабс-капитана. Белов мне сказал, что сегодня будет на докладе у Колчака и доложит обо мне. Белов мне велел прийти завтра. Я явилась к Белову 8 ноября, и он мне сказал, что

Колчак желает меня видеть и назначает мне свидание в воскресенье, 10 ноября. Я пришла в воскресенье в 12 часов дня в дом Колчака. Ему доложили, вышел адъютант и сказал мне, что вас просит к себе Верховный правитель. Я вошла в кабинет Колчака и там увидела — Колчак вел разговор с генералом Голицыным — главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня и сказали, что обо мне много слышали, и предложили сесть. Колчак стал мне говорить: «Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд (1-й женский добровольческий санитарный отряд имени поручика Бочкаревой)». Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными, нет. «Я надеюсь, что Вы это сделаете».

Я предложение Колчака приняла. Колчак обратился к генералу Голицыну и сказал, что Бочкарева поступает в его распоряжение, дайте ей сейчас же квартиру и инструкторов, чтобы она могла завтра сделать лекцию — призывать добровольцев-женщин в свой санитарный отряд, и дал распоряжение, чтоб мне выдали аванс двести тысяч для формирования отряда. 11 ноября уже были расклеены по всему Омску афиши с призывом, что приехала известная организаторша добровольческих отрядов поручик Бочкарева из Архангельска и что она будет сегодня в театре «Гигант» выступать с призывом к женщинам, чтобы формировать женский добровольческий санитарный отряд. И 11 ноября я выступала с речью, призывающей женщин вступать в добровольческий женский санитарный отряд. Это было в театре «Гигант» в 6 часов вечера. 12 ноября с точно такой же речью я выступала в театре «Кристалл». Тотчас с обоих митингов я набрала добровольцев — женщин сто семьдесят и мужчин тридцать. Мне было назначено четыре офицера, начальник штаба — полковник, и казначей — поручик, и адъютант в чине поручика. И отряд я сформировала в двести человек. На довольствие мой отряд был зачислен к добровольческой дружине Святого Креста и Зеленого Знамени».

К сожалению, Мария Бочкарева прибыла в Омск не в самое лучшее время — сибирская столица готовилась к эвакуации — Красная Армия насадала на всех фронтах... В общей суматохе и неразберихе затерялся мало кому известный прапорщик-радиотелеграфист Владимир Зворыкин. Он тоже стремился на восток, подальше от красного вала. В его потертом кожаном чемоданчике хранилось бесценное сокровище, на которое, впрочем, не посягнул

ни один грабитель. Уроженец древнего града Муром, купеческий сын Владимир Козьмич Зворыкин вез с собой схемы, наброски, чертежи «икonosкопа» — электронно-лучевой трубки, которая через год-другой-третий станет не чем иным, как «сердцем» телевизионного аппарата. Америка запатентует его великое изобретение и назовет его своим великим гражданином. Прах этого невидного в толпе отступающих прапорщика будет погребен в Национальном пантеоне. Американские астронавты, отправляясь в космические полеты, будут приходить в музей, чтобы погладить на счастье шляпу Зворыкина — такая уж завелась среди них примета. И никто не мог представить, что голова, носившая эту шляпу, могла валяться под откосом великого Транссибирского железного пути вместе с тысячами других голов, не переживших страшный исход страшного 1919 года...

Приехал из Америки с группой морских офицеров и верный «Личарда» — капитан 1-го ранга Михаил Смирнов. Колчак обрадовался ему, как брату родному, — пожалуй, это был единственный в Омске человек, с которым Верховный правитель мог общаться на «ты», не скрывая самых заветных своих планов.

Он немедленно предложил ему пост морского министра с производством в контр-адмиралы. Смирнов несколько озадачился:

— Морской министр? В Сибири? Не будут ли смеяться? В этом есть что-то опереточное... Хочется живого дела, а не фикции.

— Это не фикция, Миша! Взгляни на карту!

Самое видно место в кабинете Верховного правителя занимала карта полярных экспедиций.

— Смотри: у Сибири, как и у всей России, — широченный выход сразу к двум океанам. Нас не пускают в Атлантику и Средиземноморье. И пусть! Но мы однажды выйдем в Мировой океан! Понимаешь ли ты это? И нам не понадобятся эти чертовы проливы, потому что и Балтика, и Черное море — это мешки с завязками в чужих руках. Наш Босфор вот здесь! — Колчак указал левой рукой на Карские Ворота. — Наши Дарданеллы — тут! — правая рука уткнулась в Берингов пролив. — Здесь ходить станем — из океана в океан, из Европы в Азию. И пока мы с тобой в силах, пока что-то можем, надо немедленно обустроить этот путь.

Это были не пустые слова, сказанные в упоении властью. Едва установив связь с правительством Севера России в Архангельске, Колчак стал готовить новую полярную экспедицию. Готовить воистину с государственным размахом и всем прежним опытом. Уже в

конце 1918 года указом Верховного правителя создается Дирекция маяков и лоций, призванная обеспечивать движение судов по сибирским морям и рекам. А 23 апреля 1919 года — воистину историческая дата для России — при Правительстве Колчака создается Комитет Северного морского пути. Именно эту дату надо считать днем рождения Главсевморпути, а не 1932 год, как помечено во всех советских энциклопедиях.

По распоряжению Верховного правителя на Крайний Север отправляется несколько экспедиций, среди которых — гидрографическая (руководитель Д. Котельников) и даже ботаническая (руководитель В. Сапожников). Более того — продолжается строительство Усть-Енисейского порта, который известен ныне как город Дудинка. Еще в январе 1919 года в Томске создается Институт исследований Сибири. Колчак всячески утверждает идею создания единой общесибирской геологической службы.

Но самое главное — Северный морской путь начал действовать как регулярная трасса именно при Колчаке. На его западном плече — от Белого моря до устья Енисея — пошли первые караваны, так называемые хлебные карские экспедиции под водительством полярного первопроходца Бориса Вилькицкого.

ЧТО БЫЛО ПОТОМ. Северный морской путь уже в 1930-е годы стал национальной трассой стратегического назначения.

Поэт Леонид Мартынов сказал о ней так:

*Здесь сохранилась от восстаний
Единственная из корон —
Корона северных сияний...*

Для надежного освоения этого самого трудного на планете морского пути во второй половине XX века в СССР был создан единственный в мире атомный ледокольный флот, с помощью которого из Мурманска и Архангельска на Камчатку и во Владивосток были переброшены сотни караванов с грузами и десятки экспедиций особого назначения с военными кораблями едва ли не всех классов от подводных лодок до тяжелых авианесущих крейсеров.

Последнюю навигацию XX века на Северном морском пути открыл «Вайгач» — атомный ледокол, преемник имени того самого ледокольного парохода, который привел в Арктику капитан 2-го ранга Колчак. Между этими кораблями пролетело 90 лет.

При всем при том, что Белой Сибири приходилось вести тяжелые бои в Предуралье и в Поволжье, экономическая жизнь этой огромной части России не только не замерла, но и набирала темпы. Так, в Кузбассе шла добыча угля, почти достигшая уровня 1916 года. Осваивался Северный морской путь, прокладывались рельсы новых железных дорог, особенно в Южной Сибири, наращивалась добыча золота. Развивалось и кооперативное движение. Хозяйственные успехи могли быть еще более значительными, если бы омские «сибирки» могли быть подкреплены золотым запасом Сибирского правительства. Но...

ПЕРОМ ИСТОРИКА: «Единственным источником стабилизации бюджета «белой» Сибири мог стать золотой запас России (651.530.000.000 золотых рублей), еще осенью 1918 года переведенный в Омск. Под залог золотого стандарта можно было бы выпускать полновесные дензнаки. Но Верховный правитель России не считал, что он вправе распоряжаться им. Поэтому намерения омского Минфина использовать хотя бы часть золотых резервов для стабилизации бюджета встречали неизменный отказ со стороны адмирала».

Сегодняшним бы российским финансистам такую щепетильность...

СИБИРСКИЙ СУВОРОВ

Среди сподвижников адмирала Колчака в Сибири были и выдающиеся личности. Один из них — генерал Анатолий Пепеляев, которого в войсках называли не иначе как наш «сибирский Суворов». И было за что.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА: Анатолий Николаевич Пепеляев родился в Томске 3 июля 1891 года в семье генерал-лейтенанта русской армии, — свидетельствует историк Дмитрий Митюрин. — По стопам отца он закончил кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. Службу начал в 42-м Сибирском стрелковом полку в должности младшего офицера пулеметной команды.

С началом Первой мировой войны подпоручик Пепеляев перешел в конную разведку, где быстро выдвинулся благодаря своей отчаянной храбрости. К моменту выхода России из войны он имел звание подполковника, был награжден золотым Георгиевским оружием и 8 боевыми орденами, в том числе орденом Св. Георгия 4-й степени. Анатолий Николаевич с одобрением встретил февраль-

скую революцию, надеясь, что падение самодержавия приведет к новому взрыву патриотических настроений. Действительность оказалась иной: разложение армии и выход России из войны вселили в его сердце, по собственному признанию, «чувство тоски и безнадежности». Пепеляев вернулся в Томск. Здесь в феврале 1918 года он вступил в ряды нелегальной офицерской организации и вскоре стал одним из ее руководителей.

27 мая группа Пепеляева свергла советскую власть в Томске, а после того как временное Сибирское правительство приступило к формированию собственной армии, Анатолий Николаевич получил назначение на должность командира 1-го Сибирского стрелкового корпуса. В короткое время отряд из нескольких сотен добровольцев и мобилизованных офицеров превратился в мощное войсковое соединение, которое сумело овладеть Красноярском, Иркутском, Верхнеудинском, Читой и соединиться с казаками атамана Семенова. Однако осеннее наступление большевиков заставило их противников оставить Поволжье. Пытаясь перекрыть проходы в Уральских горах, белые образовали несколько фронтов, один из которых — Лысьвенский — возглавил Пепеляев

В декабре 1918 года 15-тысячный корпус Пепеляева перевалил через Уральский хребет, и, прорвав линию фронта, обрушился на Пермь. В городе располагались штаб 3-й армии красных, две дивизии, артиллерийская бригада, а также многочисленные склады с боеприпасами и обмундированием. Белые стремительно атаковали с разных сторон и, овладев центральными улицами, повели наступление на вокзал. В течение дня Пепеляев захватил один из крупнейших городов Приуралья и затем еще три недели наносил удары по отступающим дивизиям противника. Численность 3-й армии красных сократилась до 11 тысяч штыков и сабель. Это был разгром. Лишь прибытие из Москвы многочисленных подкреплений и грозной комиссии, в составе которой были Сталин и Дзержинский, помогло стабилизировать линию фронта и остановить белых на подступах к вятскому укрепрайону.

Пермская операция принесла Анатолию Николаевичу широкую известность и репутацию одного из лучших военачальников»...

Именно за Пермь Верховный правитель России и получил свой второй орден Св. Георгия — 3-й степени. Колкий барон Будберг не преминул отметить в своем дневнике:

«Лавры Пермской победы вскружили всем головы; посыпались награды, на фронте имеются уже несколько кавалеров Георгия 3-й степени; бывшие штабс-капитаны сделали генерал-лейтенантами...»

В Перми Колчак выступил перед рабочими орудейного завода. Бывалые металлисты сразу почувствовали: этот адмирал говорит об их деле толково и с пониманием. Откуда им было знать, что Верховный правитель мог сам стать к станку и выточить корпус снаряда или профрезеровать орудейный замок. Откуда им было знать, что детство и отрочество этого большого начальника прошло на Обуховском заводе, и зрелище сверловки пушечных стволов для него было столь же привычным, как для иных его сверстников — выпас коней в ночное...

Пермь дала Колчаку орудия. Их устанавливали на колесных пароходах, из которых формировалась Камская речная флотилия.

Там же, в Перми, к вагон-салону Колчака подошел морской офицер.

— Прошу доложить адмиралу, — попросил он дежурного адъютанта, — что лейтенант Макаров Вадим Степанович просит его принять. Только доложите, пожалуйста, чин, фамилию и имя-отчество.

Озадаченный неожиданной просьбой, адъютант доложил. Он удивился еще больше, когда обычно хмурый адмирал просиял и велел немедленно провести к нему лейтенанта.

— Это сын погибшего адмирала Макарова! — пояснил он недоумевавшему адъютанту и сам вышел навстречу невзрачному офицеру. Крепко обнял слегка растерявшегося лейтенанта.

— Очень рад, Вадим Степанович, что вы в нашем стане. Батюшка ваш, несомненно, одобрил бы ваш выбор... В Порт-Артуре он пожалел меня и назначил на крейсер. Я же, увы, ничем не могу облегчить вашу участь. Не хочу обижать вас предложением перейти в походный штаб. Ведь не пойдете же?

— Никак нет, Ваше высоко...

— Полноте! Где и кем вы у нас?

— Помощник флагманского артиллериста Камской флотилии.

— Ну, с Богом!

Третьего мая 1919 года Камская флотилия начала кампанию под флагом контр-адмирала М.И. Смирнова. Все двенадцать вооруженных пароходов подняли Андреевские флаги. На штабном теплоходе «Волга» отслужили молебен...

Спустя три недели под селом Святой Ключ флотилия приняла жестокий бой. Осколки и пули пощадили сына любимца российского флота. Лейтенант Вадим Макаров кончил свои дни в Нью-Йорке в пятидесятые годы...

Однако исход войны на Восточном фронте решался не под Пермью и Вяткой, а много южнее — в Башкирии. В июне 1919 года войска Фрунзе форсировали реку Белую и овладели Уфой. Колчаковский фронт зашатался, и хотя Пепеляев на севере захватил Глазов, этот локальный успех уже не мог спасти белых от катастрофы.

РУКОЮ ИСТОРИКА: «Увлекаемый общим потоком, — повествует Дмитрий Митюрин, — корпус Пепеляева отступал на восток. В этой критической ситуации Анатолий Николаевич действовал с таким мастерством, что Верховный правитель рискнул именно на него сделать свою последнюю ставку. Пепеляев получил звание генерал-лейтенанта и стал командующим 1-й Сибирской армией, во главе которой предпринял попытку контрнаступления на реке Тобол. Поначалу операция развивалась успешно, однако вскоре захлебнулась из-за массового дезертирства насильно мобилизованных крестьян. Пепеляев получил приказ погрузить остатки войск в эшелоны и перебросить их в Барнаул, Томск и Красноярск для пополнения новобранцами и организации нового фронта.

Однако массовое дезертирство продолжалось. На хвосте висела 5-я армия Тухачевского, с флангов атаковали партизанские отряды, а союзники чехи начали тайные переговоры с красными. К этому добавились внутренние неурядицы. С подачи своего старшего брата Виктора (назначенного новым главой Сибирского правительства) Анатолий Николаевич арестовал командующего колчаковскими войсками генерала Сахарова и потребовал от Верховного Правительства создать «кабинет общественного доверия». В обстановке победоносного наступления красных подобная склока выглядела, мягко говоря, неуместно и, в конце концов, закончилась примирением братьев Пепеляевых с Колчаком. Но это уже ничего не решало.

Вскоре Пепеляев-старший попал в руки большевиков и вместе с Колчаком был расстрелян на берегу Ангары.

А Пепеляев-младший еще пытался организовать оборону своего родного Томска. 20 декабря 1919 года в город ворвалась 30-я дивизия красных под командованием Альберта Лапина. В свое время эта дивизия была жестоко поколочена Анатолием Николаевичем под Пермью, но теперь сполна рассчиталась за поражение. В Томске красные захватили свыше 30 тысяч пленных и богатые трофеи. Сам Пепеляев успел выбраться из города, но вскоре свалился в сыпном тифе и в крестьянской одежде был вывезен в Китай.

Началась эмиграция... Обосновавшись в Харбине, Пепеляев женился на дочери железнодорожного мастера и устроился работать извозчиком. Но он не смирился с поражением и мечтал о реванше. Получив известие об антибольшевистских выступлениях в Якутии, Анатолий Николаевич возглавил отряд, посланный на помощь повстанцам. Финансировал экспедицию эмигрантский «Сибирский комитет».

В сентябре 1922 года «Сибирская добровольческая дружина» Пепеляева (750 штыков при двух пулеметах) высадилась в поселке Аян и двинулась вдоль побережья Охотского моря. Анатолий Николаевич рассчитывал пополнить свой отряд за счет местных повстанцев, овладеть Якутском, а затем двинуться на Иркутск. В перспективе этот план давал возможность заново начать гражданскую войну в Сибири, в случае же неудачи оставался шанс прорваться обратно в Китай.

После взятия Охотска «дружина» повернула вглубь Сибири, и проделав 500-километровый марш через тайгу и болотные топи, подошла к поселку Нелькан. Здесь выяснилось, что якутское восстание потерпело поражение, а большевики успели занять последние опорные пункты белых на тихоокеанском побережье — Владивосток и Петропавловск-на-Камчатке. Однако после недолгих колебаний Пепеляев решил продолжать наступление.

5 февраля 1923 года батальон полковника Рейнгардта захватил пригород Якутска, слободу Амгу, ставшую главным опорным пунктом «дружины». Местные большевики объявили город на осадном положении и приготовились к обороне. Со всех сторон на помощь Якутску устремились разрозненные отряды красных. Ночью 13 февраля «дружинники» генерала Вишневого напали на зимовье Сасыл-Сыса, в котором расположился один из таких отрядов под командованием латыша Яна Строда. Белые сняли часовых и расползлись по зимовью, забирая оружие у спящих красноармейцев. Однако в чумах и у костров разгорелись рукопашные схватки, переросшие в настоящее ночное побоище. Каждый из бойцов Строда имел при себе по несколько ручных гранат, которые тут же пошли в ход. К рассвету усеянная трупами «Лисья поляна» осталась за красными. Подоспевший с основными силами Пепеляев предложил Строду сдаться, дав на размышление пять часов. За это время красные успели соорудить вокруг зимовья позиции, используя в качестве прикрытия даже заледеневшие тела убитых.

Потеряв у злополучного зимовья драгоценное время, Пепеляев дал противнику собраться с силами. На помощь Строду устремились отряды Курашева и Байкалова. «Дружине» пришлось сначала уйти

от Сасыл-Сысы, а затем оставить Амгу и начать отступление к побережью Охотского моря.

17 июня 1923 года разместившиеся в порту Аян остатки «дружины» были атакованы красным десантом под командованием Вострещова. Сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, Анатолий Николаевич предпочел сдаться.

ЧТО БЫЛО ПОТОМ. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке завершилась. С легкой руки писателя Алдан-Семенова операция по уничтожению «дружины» Пепеляева получила в советской историографии название «похода за последним тигром».

Военный трибунал 5-й армии приговорил Анатолия Николаевича к расстрелу, замененному на 10-летнее заключение в ярославском политизоляторе. После двух лет одиночки бывшему генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. Кроме того, он имел возможность получать письма из Харбина от жены и сыновей. В 1936 году Пепеляев вышел на свободу и устроился на работу на воронежскую мебельную фабрику. Впрочем, свободой ему довелось наслаждаться недолго.

20 августа 1937 года Анатолий Николаевич был арестован по обвинению в «руководстве крупной контрреволюционной кадетско-монархической организацией на территории Западно-Сибирского края». При полном отсутствии каких-либо доказательств Пепеляев был приговорен к смертной казни и 13 января 1938 года расстрелян в подвале Новосибирского Управления НКВД.

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Можно ли обвинять Колчака в том, что это он развязал гражданскую войну в Сибири?

Нет. Когда он вступил в нее, она уже год как полыхала и на юге, и в Предуралье.

Виноват ли он в том, что обладал таким нравственным авторитетом, что все остальные лидеры Белого движения — генералы Деникин, Юденич, Миллер — безоговорочно признали его Верховным правителем России?

Это з а с л у г а его, а не вина.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ. Омск. 1919 год. В толпе офицеров командующий войсками Антанты в Сибири французский генерал Жанен держит за плечи Колчака. То ли встреча на вокзале, то ли прощание

перед отъездом. Из-под раззолоченного кепи — серебро седины, черные усики. Умудренный войной, политикой, жизнью муж. Перед ним — его русский коллега, союзник, имя которого в контексте газетных сообщений о победах на Балтике и Черноморье не раз приводило в восторг французов. Адмиралу — сорок пять. Фото пленка как застывшее зеркало — навсегда схватила этот взгляд, полный горечи и надежды.

Генерал тоже растроган. Вот-вот поцелует. Может быть, и поцеловал. Но то был поцелуй Иуды.

Еще одно, не снятое с Колчака до сих пор обвинение — «марионетка интервентов».

Да, он принял военную помощь от англичан (сто тысяч винтовок и триста тысяч гранат) и французов (советник — генерал Жанен). Но с таким же успехом можно объявить «марионеткой» Сталина, принявшего от союзников куда более крупную военную помощь по ленд-лизу. Или генерала де Голля, антигитлеровские формирования которого вооружали и Англия, и Америка, и Советский Союз.

Впрочем, обратимся к документам. А они говорят, что отношения с союзниками-интервентами у Колчака были самые натянутые.

Все началось с визита французского генерала Жанена в Омск. Генерал предъявил Колчаку инструкцию, подписанную министрами Клемансо и Ллойд Джорджем, которая предписывала ему, генералу Жанену, вступить в командование всеми русскими и союзными войсками в Сибири и Восточной Сибири для создания объединенного фронта. Один из пунктов инструкции гласил, что если русские откажутся выполнять настоящие требования, то никакой помощи от союзников они не получают. На что адмирал Колчак заявил довольно резко, что он скорее откажется от помощи извне, чем пойдет на подчинение русских войск на русской территории иностранному генералу. Тон инструкции, считал Колчак, весьма обиден для русских людей. Позиция его была столь тверда, что союзники вынуждены были издать официальное сообщение: адмирал Колчак признается Верховным правителем и Верховным Главнокомандующим русскими вооруженными силами. Генерал Жанен становился главнокомандующим войсками союзных с Россией держав, действовавших в Сибири.

Когда же союзники потребовали от командующего войсками Приамурского военного округа генерала Розанова удалить русские части из Владивостока и тот сообщил об этом ультиматуме своему Главковерху, то получил в ответ такую телеграмму:

«12 ч. 45 мин. 19 сентября 1919 года. Владивосток. Генералу Розанову.

Повелеваю вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда никуда не выводить. Требования об их выводе есть посягательство на суверенные права России. Сообщите союзному командованию, что Владивосток не союзная, а русская крепость, в которой русские войска подчинены одному русскому командованию. Повелеваю вам никаких распоряжений, кроме моих, не выполнять и оградить суверенные права России на территории Владивостокской крепости от всяких посягательств, не останавливаясь в крайнем случае ни перед чем. Об этом моем повелении уведомьте и союзное командование.

Подписал: адмирал Колчак».

Такая вот странная «марионетка».

Союзники не простят ему этой твердости, самостоятельности. Они начнут искать более сговорчивого и более удачливого правителя. Не без их интриг чехословацкий корпус вдруг в самый отчаянный момент перекроет железнодорожную магистраль от Новониколаевска до Иркутска — единственную артерию, связывавшую фронт с тылом. В их руках окажется весь подвижной состав железной дороги, все паровозы, все вагоны, телеграфные станции на огромном — тысячеверстном — пути. Железнодорожная армада, груженная награбленным русским добром — мехами, медью, резиной, мебелью, станками, бензином (чехи и словаки считали это своими военными трофеями), — медленно, но верно двигалась на восток, к океану, к пароходам.

По этому поводу еще в Омске адмирал Колчак сделал заявление, которое и предопределило его судьбу. Он предупредил Чехословацкий национальный комитет, что все захваченные ценности есть достояние России и, пока жив, он не допустит вывоза русского имущества за границу.

Надо ли говорить, как встретили это заявление в штабе чехословацкого корпуса? Из полусоюзников-полунейтралов чехи сразу же превратились во врагов, которым помешало начать активные боевые действия против Сибирской армии, отступавшей за ними следом, лишь стремление побыстрее достичь владивостокского порта. Но и без выстрелов они губили восточный фронт Колчака, который теперь уже не перегораживал пол-Сибири, а вытянулся в линию тифозных эшелонов, спешивших в Иркутск на перегруппировку, лечение и отдых. Гигантская пробка из чешских составов преграждала им путь.

Глава третья

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД»

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, но 1919-й был его страшней.

Михаил Булгаков. «Белая гвардия».

Фронт к концу 1919 года вытянулся вдоль Транссибирской железной дороги, оборотившись к противнику торцом последнего — хвостового — вагона... Сотни тысяч людей пытались выкарабкаться по этой железной лестнице, сброшенной словно шторм-трап — к Великому океану.

Генерал-лейтенант Филатьев:

«Поход, двинувшийся через всю Сибирь, больше всего напоминал похоронную процессию, в которой мы, как по кладбищу, несли к Великому океану наши несбывшиеся чаяния и упования».

ПЕРОМ ИСТОРИКА: «Из 3200 паровозов 1200 находились в ремонте, — констатирует Василий Цветков. — И если в течение весны — лета 1919 года графики движения поездов и режим перевозки грузов соблюдались, то после эвакуации Омска и особенно зимой 1919/20 года с началом отступления Белой армии через всю Сибирь в Забайкалье (легендарный Сибирский «Ледяной поход») вереницы остановившихся «мертвых» паровозов и вагонов полностью парализовали движение. Транссиб стал кладбищем Российской армии, и в трагическом водовороте последних дней белой Сибири погиб и эшелон самого Верховного правителя».

Их никто не фотографировал — на жгучем морозе застывали орудия, не то что фотокамеры. И на кинопленку никто не снимал. Но если бы кто-то все же рискнул это сделать, то снимки эти потрясали не меньше бы, чем фотодокументы из Освенцима, Майданека, Маутхаузена... На путях стояли длинные эшелоны без единого дымка, без единого парка человеческого дыхания, все они

были покрыты, словно сединой ужаса, густым махровым инеем. От лютого сибирского мороза побелело все, даже то, что не должно белеть: черные трубы паровозов, солдатские шинели. В вагонах сидели и лежали окоченевшие люди-статуи. Их были тысячи и тысячи. То была воистину белая армия. Уснули вечным сном раненые солдаты и отменявшиеся в тифозной горячке больные, заledenевшие женщины прижимали к себе заledenевших детей...

Бинты примерзали к ранам, соски примерзали к губам младенцев, пряди женских волос — к вискам. Пальцы бородатого стрелка навсегда примерзли к затвору винтовки. Чайники примерзали к печуркам. Колеса — к рельсам, а солнечные лучи — к мохнатым белым оконным стеклам...

Ни стопа, ни вздоха, ни скрипа... Спящее царство без малейших надежд на пробуждение.

Они приняли, наверное, самую легкую смерть, которая только может быть — во сне. Оставшиеся до поры в живых еще не раз им потом позавидуют.

Бывали в древности города мертвых. Но это были поезда мертвых, прибывшие на конечную станцию — ВЕЧНОСТЬ.

Подобная же участь постигла и 5-ю польскую дивизию. Оставшийся в живых капитан Ясинский-Стахурек написал генералу Сыровому гневное открытое письмо:

«Как капитан польских войск, славянофил, давно посвятивший свою жизнь идее единения славян, обращаюсь лично к Вам, генерал, с тяжелым для меня, как славянина, словом обвинения.

Я, официальное лицо, участник переговоров с Вами по прямому проводу со ст. Ключвенной, требую от Вас ответа и довожу до сведения Ваших солдат и всего мира о том позорном предательстве, которое несмываемым пятном ляжет на Вашу совесть и на Ваш «новенький» чехословацкий мундир. Но Вы жестоко ошибаетесь, генерал, если думаете, что Вы, палач славян, своими собственными руками похоронивший в снегах и тюрьмах Сибири возрождающуюся русско-славянскую армию с многострадальным русским офицерством, Пятую польскую дивизию и полк сербов и позорно предавший адмирала Колчака, безнаказанно уйдете из Сибири. Нет, генерал, армии погибли, но славянская Россия, Польша и Сербия будут вечно жить и проклинать убийцу возрождения славянского дела. Я приведу только один факт, где Вы были главным участником предательства, и его одного будет достаточно для характеристики Иуды славянства, Вашей характеристики, генерал Сыровой!

9 января сего года от нашего высшего польского командования с ведома представителей иностранных держав, всецело присоединившихся к нашей телеграмме, было передано следующее:

«5-я польская дивизия, измученная непрерывными боями с красными, дезорганизованная беспримерно трудным передвижением по железной дороге, лишенной воды, угля и дров и находящейся на краю гибели, во имя гуманности и человечности, просит Вас о пропуске на восток пяти наших эшелонов (из числа 56) с семьями воинов, женщинами, детьми, ранеными, больными, обязуясь предоставить Вам в Ваше распоряжение все остальные паровозы, двигаться дальше боевым порядком в арьергарде, защищая, как и раньше, Ваш тыл.

После долгого пятичасового, томительного перерыва, мы получили, генерал, Ваш ответ, ответ нашего доблестного брата-славянина: «Удивляюсь тону Вашей телеграммы. Согласно последнему приказанию генерала Жанена, Вы обязаны идти последними. Ни один польский эшелон не может быть мною пропущен на восток. Только после ухода последнего чешского эшелона со ст. Клюквенная Вы можете двинуться вперед. Дальнейшие переговоры по сему вопросу и просьбы считаю законченными, ибо вопрос исчерпан». Так звучал ответ Ваш, генерал, добивший нашу многострадальную пятую дивизию. Конечно, я знаю, что Вы можете сказать мне и другим, что технически было невозможно выполнить наше предложение; поэтому заранее говорю Вам, генерал, что те объяснения, которые Вы представили и представляете другим, не только не убедительны, но и преступно лживы. Мне, члену комиссии, живому свидетелю всего происходящего, лично исследовавшему состояние ст. Клюквенной, Громодской и Заозерной, Вы не будете в состоянии лгать, доказывать то, что Вы доказывали господину Жанену. Если бы Вы, не как беглый трус, скрывающийся в тылу, а как настоящий военачальник, были бы среди Ваших войск, то Вы бы увидели, сами, что главный путь был свободен до самого Нижне-Удинска.

Капитан Ясинский-Стахурек.

5-я польская дивизия.

5 февраля 1920 г.»

Негодовали не только польские офицеры, но и высшие чины Сибирской армии. Генерал Каппель послал из Ачинска главе французской миссии Жанену, которому подчинялся Чехословацкий корпус, телеграмму в ультимативном тоне.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Телеграмма эта проходила через мои руки... — утверждает бывший начальник канцелярии Верховного правителя генерал Филатьев, — в ней значилось дословно следующее: «...Доведенные до отчаяния, мы будем вынуждены на крайние меры...» По-видимому, телеграмма дошла по назначению и понята правильно, то есть если нам суждено погибать из-за чехов, то пусть и они погибнут вместе с нами. Желание и решение законные в стране, где мы были хозяева, а Жанен и чехи — незваные нами гости.

Чтобы сложить с себя вину, чешский командующий генерал Сыровой выпустил обращение «К братьям», в котором объявлял, что эвакуация чехов была решена еще 28 августа совершенно независимо от положения на Сибирском фронте. Десяток русских эшелонов, по его словам, отходящих в паническом страхе из Омска по обоим путям, грозил прервать не только планомерное проведение чешской эвакуации, но и завлечь их в арьергардные бои с большевиками. Поэтому, говорит Сыровой, я распорядился остановить отправку эшелонов на линии Николаевска на восток, пока не пройдут наши эшелоны в первую очередь. Только таким образом мы выбрались оттуда. Это нисколько не повредило движению поездов по отправке на фронт и для снабжения. Между задержанными очутился и адмирал Колчак со своими семьей поездами и стал жаловаться союзникам и Семенову на наше войско.

В этом обращении «брата» Сырового столько же лжи, сколько и наивности. Во-первых, русских эшелонов было не десяток, а тысячи. Во-вторых, отходить по железной дороге «панически», вообще говоря, нельзя до тех пор, пока движение совершается согласно железнодорожным правилам. Но как только чехи взяли движение в свои руки, то их переезд, должно быть, получил вид панического бегства по железной дороге. Каждый эшелон овладевал паровозом как собственностью, ставили на него часовых и заставляли машиниста ехать до тех пор, пока паровоз без осмотров и продувания не приходил в негодность. Тогда он бросался и брался другой от всякого нечешского эшелона. Ясно, что о кругообороте паровозов при таких условиях думать не приходилось.

...Сознательная ложь, будто чехам грозила опасность быть вовлеченными в арьергардные бои с большевиками. От этой опасности они гарантировали себя тем, что в задние эшелоны назначались поляки и румыны. Ни одного чеха там не было, и даже железнодорожные коменданты-чехи заменялись польскими, как только проходил последний польский эшелон.

Вопрос о предательстве адмирала Колчака чехами нельзя затушевать никакими обращениями «К Сибири» и «К братьям». Братья выдали потому, что иркутские революционеры грозили чинить препятствия движению до взрывов полотна включительно. Перед этой угрозой «братская совесть» спасовала.

Было бы крайней недобросовестностью и явно неумным думать плохо про весь чешский народ, представленный в Сибири малой горсточкой этого народа, именуемой «чешскими legionами», заброшенной в далекую нашу окраину и развращенной нашей же революцией. Но столь же неумно и мало порядочно было бы замалчивать содеянное чехами и особенно их старшими начальниками, которые обязаны были поддерживать порядок среди них и не позволять им вести себя бандитами в дружеской и союзной стране, встретившей чехов с распростертыми объятиями».

После весьма резких переговоров чехи согласились лишь на то, чтобы правительственный поезд адмирала с находившимся при нем золотым запасом шел к Иркутску, не обгоняя чехословацкие эшелоны. Это была самая настоящая ловушка, так как командовавший чешским корпусом генерал Сыровой знал к тому времени, что Иркутску уже не бывать новой столицей омского правительства. Чехословацкий комитет заключил соглашение с тамошними эсерами о создании в Иркутске при поддержке чешских штыков Политического социалистического центра. Разумеется, это самостоятельное правительство ни в чем не будет препятствовать чехам и словакам, и их поезда пойдут на восток со всем своим добром. Эсеры тешили себя надеждой, что, образовав (в Сибири) независимое от Москвы, но социалистическое по строю государство, они получают признание большевистских лидеров. Те же ждали своего часа и делали вид, что восточносибирская буферная республика их устраивает. Власти Политцентра в Иркутске большевики разрешили просуществовать не больше трех недель... Но этого времени эсерам хватило на то, чтобы поднять мятеж в Иркутске и утвердить в нем свое эфемерное господство.

Союзники, как и большевики, надели маски нейтралов, хотя уже и сделали новую ставку. Колчак интересовал их теперь постольку, поскольку четыреста восемь миллионов золотых рублей все еще находились под его личной охраной. Маску нейтрала генерал Жанен сбросил сразу же, как только верный Колчаку начальник Иркутского гарнизона генерал Сычев вознамерился выступить против мятежников.

«Если вы это сделаете, — телеграфировал Жанен Колчаку, — я брошу в бой против Сычева чехословацкие полки».

Колчак все еще не мог поверить, что на нем и на Сибирском правительстве союзники поставили крест и вся политическая игра, а точнее — возня, шла вокруг его «золотого эшелона». Поезд адмирала безнадежно застрял в пяти часах ходу от Иркутска — в Нижнеудинске.

В Нижнеудинске Колчаку пришлось провести около двух недель. Не было более томительных и страшных своей неизвестностью дней в его жизни. По сути он уже был в чешском плену, поскольку чехи полностью прервали его связь с тылом и фронтом, и даже с союзным командованием. Оттуда только приходили убийственные распоряжения: «...если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне. Вывоз конвоя невозможен. Поезд с золотым запасом должен быть задержан».

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Адмирал глубоко потрясен новым ударом со стороны союзного командования, его телеграмма союзному штабу передана не была... — свидетельствует капитан В. Орехов. — Видевшие адмирала на другое утро заметили, что за одну ночь он совершенно поседел».

На все требования адмирала связать его с востоком чехословацкий комендант станции отвечал, что телеграф прерван повстанцами.

— Ну что ж, — сказал адмирал, — у меня хватит сил расчистить дорогу самому.

В его эшелоне следовали полторы тысячи самых надежных бойцов. Но едва он заговорил о своем замысле, как чехи категорически воспротивились, угрожая поддержать повстанцев огнем.

Выход из тупиковой ситуации подсказала телеграмма генерала Жанена. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири настаивал на том, чтобы Колчак передал вагоны с золотым запасом под охрану чехам, а сам следовал в эшелоне 8-го чехословацкого полка в пульмане, над которым в знак его дипломатической неприкосновенности были подняты флаги Англии, Франции, США, Японии и Чехословакии. Колчак принял предложение, хотя и предчувствовал недоброе. Он говорил об этом своим спутникам, и начальник охраны предлагал ему бежать в Монголию, благо монгольские степи не за горами. Но начальник охраны забыл, что имеет дело с моряком. Командир последним сходит с тонущего корабля. А иногда и вовсе погружается с ним в пучину навсегда, вцепившись в поручни мостика.

Адмирал Колчак выбрал последний исход.

Последнее Рождество в своей жизни, последний Новый год он встретил в вагоне.

Перед самым Иркутском на станции Иннокентьевская в «дипвагон» вошел чехословацкий комендант.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА (вдова полковника Удинцева): «Чешский офицер объявил:

— Господин адмирал, вы передаетесь местным властям...

— Предайтесь... — поправил его Колчак.

Генерал Мартьянов, начальник канцелярии, посоветовал надеть романовский полушубок; его широкий мерлушковый воротник почти совершенно закрывал адмиральские погоны.

— Это не будет раздражать толпу, — пояснил генерал.

— Ничего... С погонами родились, с погонами и умрем! — ответил ему Колчак и обратился к ординарцу: — Владимиров, шинель!

Выходя из вагона он обронил:

→ Значит, союзники меня предают!»

Откуда было знать ему, что его выдача была предрешена еще тогда, когда доктор Благош, представитель Чехословацкого комитета, договаривался с новыми властями Иркутска о беспрошльном пропуске составов с «трофеями». Это предательство аукнулось чехам полвека спустя, когда в Прагу вломились танки с красными звездами на башнях...

Торг за голову адмирала чехи и генерал Жанен вели и с красными партизанами, которые в случае отказа выдать Колчака пригрозили взорвать кругобайкальские тоннели. Торг был успешный, все стороны соблюли свои интересы.

Адмирала вместе с членами Сибирского правительства под чешским конвоем препроводили на вокзал...

С февраля семнадцатого года история России стала вершиться на вокзалах. Сначала на псковском, где император подписал отречение, потом на бронепоездах, белых и красных, наконец, на вокзале Иркутска...

«КОНЕЧНО ЖЕ, МЕНЯ УБЬЮТ...»

Следствие началось 21 января 1920 года, однако через четыре дня власть Политцентра перешла в руки большевиков, и чехам и словакам пришлось передоговариваться с новыми правителями. На сей раз платой за пропуск к океану выговаривались чехословацкие

штыки, направленные против остатков Сибирской армии, шедших на штурм Иркутска и вызволение Колчака.

«В итоге этих переговоров, — отмечает эмигрантский историк, — по заключенному чехословаками с красными коммунистами-большевиками соглашению, золотой запас Верховного правителя, находившийся на станции Нижнеудинск под охраной чехословацких войск, передавался коммунистам-большевикам, взамен чего последние гарантировали чехословакам беспрепятственный выезд из России. Однако, по опубликованным Советами сведениям, они получили от чехословаков всего 366 миллионов золотых рублей вместо 408. Спрашивается, куда же девались недостающие 42 миллиона? Вследствие довольно странного и так на них не похожего отсутствия со стороны Советов какого бы то ни было протеста по поводу этой нехватки можно только предполагать, что эти 42 миллиона были выговорены нашими братьями-славянами как добавочная цена за их иудино предательство. Это была цена цененного, его же оцениша от сынов израилевых».

Потом на его имени воздвигнут горы разносортной лжи. Лжи грубой, плакатно-частушечной, и лжи тонкой, академической выделки: «махровый монархист», «ярый контрреволюционер», «кровавый палач», «марионетка интервентов». Но пирамида лжи, хулы, клеветы, фальсификаций сама по себе стала курганом его памяти.

В чем, собственно, можно обвинить Колчака? В том, что он «ярый монархист и контрреволюционер»? Но это не так.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Колчак: «Я первый признал Временное правительство, считал, что как временная форма оно является при данных условиях желательным, его надо поддержать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают...»

Из воззвания к народам России: «...Я не пойду по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной целью ставлю... победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».

Глава четвертая

ПОД ЛЕДЯНЫМ САРКОФАГОМ

Довольно неумно порицать Колчака.

В. И. Ленин

Иркутск... В обширной плеяде его городов Иркутску выпало особое предназначение. Здесь он дважды был венчан: с одной женщиной — на жизнь, с другой — на смерть.

Анна Тимирева потребовала, чтобы ее казнили вместе с ним... Но об этом пусть скажут поэты.

Почему он не застрелился в вагоне, а отдал себя в руки врагов? Ведь ему бы хватило мужества нажать на спуск...

Почему он не бежал в бурятскую степь, как ему предлагали? Адмирал прекрасно держался в седле. Ведь бросил же Наполеон свою разгромленную армию в России и умчался в Париж. Никто не поставил ему это в вину.

Не посмел так поступить, бросив на произвол судьбы возлюбленную?!

Надеялся на честный суд, перед которым он не знал за собой вины?

Не хотел ставить последнюю точку для тех, кто еще шел за ним и верил в продолжение Белого дела?

Верил в свою счастливую звезду?

Она закатилась ранним утром 7 февраля 1920 года на берегу ангарского притока — Ушаковки...

Гибель Колчака и разгром его армии — это отнюдь не личная трагедия Колчака как политика и полководца, не частная беда тех, кто шел под его знаменем, — это боль и кровь всего народа. Любая победа в гражданской, внутриотечественной, кровнородственной войне — это пиррова победа.

Те мерзости и зверства, какими бурлила гражданская война по ОБЕ стороны баррикад, были названы победителями лишь его именем — колчаковщиной. Да, белогвардейцы вырезали на спинах плен-

ных совдеповцев красные звезды. Но и красноармейские командиры с не меньшей жестокостью забивали офицерам гвозди в плечи — по числу звездочек на погонах, или вспарывали красные лампасы вдоль бедер. С тем же основанием красный террор и кровавые «перегибы» ЧК можно было окрестить дзержинщиной, буденновщиной или свердловщиной. Во всяком случае, сталинщина оказалась жесточе и бесчеловечнее любой колчаковщины, деникинщины, врангелевщины вместе взятых.

Я думаю, что ни один честный, прямой человек, не искушенный в политике, будь он и семи пядей во лбу, не смог бы обуздать, подчинить стихию, охватившую страну в девятнадцатом году.

Да, адмирал не был новичком в Сибири. Он хорошо знал ее стужи, льды и ветры. Но мог ли он знать (да и кто мог?) многоплеменный народ этого полуcontinента? Мог ли он разобраться в том политическом циклоне, который вихрился вокруг него: рвавшиеся домой и готовые заплатить за это любую цену чехословацкие полки, дальневосточная партизанщина в тылу, интриги японцев, своекорыстие англичан, бунты в собственных рядах, спровоцированные эсерами, бессилие, чванство, предательство ближайших помощников...

«Несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, — характеризует мемуарист-современник, — в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего...

...Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспышивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет; то закипает и грозит всех расстрелять, то никнет и жалуется на отсутствие дельных людей, честных помощников...»

СТАРОЕ ФОТО. Первого мая 1919 года. Как не похож этот вице-адмирал в защитном френче на самого себя всего лишь семнадцатилетней давности. Лицо, иссеченное резкими складками. Если нанести их на бумагу — прочтется иероглиф безмерной душевной и физической усталости, но готовности нести свой крест до конца.

Все, все в этом тонком, остром лице, все, кроме отчаяния. Сквозь горечь, скорбь и омерзение от всего увиденного и услышанного за два послереволюционных года, сквозь маску ужаса — человека, заглянувшего в бездну, — твердый, трезвый, пристальный взгляд,

неотвратно нацеленный в душу всякого, кто дерзнул встретиться с ним глазами, пусть даже и на фотографии.

Не сверхгерой, не аскет, не фанатик. Человек, который вдруг увидел в стеклянном окё фотообъектива черный зрачок так скоро наставленного дула. Горестно ужаснулся судьбе, но не отвел глаз, не склонил головы.

Впрочем, если верить Анне Васильевне Тимиревой, «ни одна фотография не передает его характера. Его лицо отражало все оттенки мысли и чувства, в хорошие минуты оно словно светилось внутренним светом и тогда было прекрасно. Прекрасна была и его улыбка...

...Он был человеком очень сильного личного обаяния. Я не говорю о себе, но его любили и офицеры, и матросы, которые говорили: «Ох и строгий у нас адмирал! Нам-то еще ничего, а вот бедные офицеры!»

Что бы там ни говорили о причинах краха Белого движения, но корень зла уходит в старинную русскую беду — распрю. Междоусобная рознь, удельная гордыня вождей, генералов, атаманов, несогласие партий и партиек — все это, помноженное на интриги и коварство союзников, весьма и весьма поспособствовало военному поражению.

И еще одна наша застарелая беда: равнодушие русского человека к тому, кто там на престоле: варяг ли, эллин, иудей. До Бога высоко, до царя — далеко, и каждая сосна своему бору шумит.

Вековая отстраненность от учреждений власти, заведомая подневольность любой власти (ибо всякая власть от Бога) рано или поздно заставляют доведенного до отчаяния мужика взяться за топор и вилы. Его политическая активность вспышечна и потому разрушительна, ибо культура политического созидания, как и контроль за властями, где не привита, а где жестоко вытравлена. Вот и в семнадцатом, и в восемнадцатом российскому крестьянству — главному телу народа — все равно было, кто там правил бал в Питере — «большаки» ли, эсеры, кадеты... «Нам один пес, лишь бы яйца нес, а мы бы ели да похваливали!»

Потом спохватятся, когда на двор придут и хлеб отнимут, да так почистят, как и Мамай не грабил. Поднимутся то тут, то там — да поздно, да не вместе, да безоружно, да с той же распрей, да не далее околицы...

«Красный кнут» оказался жестче и больнее белого, а посулы «красного пряника» — слаше белого, обыденного, хоть и насущного, как корка хлеба.

Одних новизна наобещанной жизни поманила — беловодье наяву, рай земной, даром что коммунизмом назван... Эх, русский человек, только помани на небывалое, на удале — на Марс, так на Марс в огуречной бочке полетит...

Других за шиворот поволокли, железной палкой погнали. Мобилизация. Ревтрибунал. Расстрел. ЧК... ЧОН...

В своем прекрасном романе об адмирале Владимир Максимов попытался взглянуть на гражданскую войну глазами Колчака:

«Случившееся теперь в России представлялось ему ненароком сдвинутой с места лавиной, что устремляется сейчас во все стороны, движимая лишь силой собственной тяжести, сметая все попадающееся на пути. В таких обстоятельствах обычно не имеет значения ни ум, ни опыт, ни уровень противоборствующих сторон: искусством маневрирования и точного расчета стихию можно смягчить или даже чуть придержать, но остановить, укротить, преодолеть ее было невозможно.

Казалось, каким это сверхъестественным способом бывшие подпрапорщики, ученики аптекарей из черты оседлости, сельские ветеринары, недоучившиеся фельдшеры и недавние семинаристы выигрывают бои и сражения у вышколенных в академиях и на войне прославленных боевых генералов?

Ответ здесь напрашивается сам по себе: к счастью для новоиспеченных полководцев, они должны были обладать одним-единственным качеством — умением бежать впереди этой лавины не оглядываясь, чтобы не быть раздавленным или поглощенным ею».

Еще надо в расчет взять и то, что все эти аптекарские ученики и недоучившиеся фельдшеры охотно и твердо усвоили подловатые нравы «мастеров эксa» (ухарей «скока»), лихо «грабивших награбленное» в казенных банках, почтовых каретах, а позже — на обысках, конфискациях, реквизициях, разверстках...

Нравы эти, объявленные «революционной твердостью», отменяли и тень благородства по отношению к противнику, именуя внеклассовую (на самом деле — внеплановую) справедливость, совесть, честь «слюняйством гнилой интеллигенции», «буржуазными предрассудками».

И если в белом стане последнюю черту человеческого озверения мешали переступить остатки офицерской чести, православной веры или дворянского приличия, то в красном без колебаний приняли «игру без правил», смердяковский постулат воинствующего безбожия — «Все дозволено! Все!».

И не символично ли, что против адмирала Колчака выступил большевик, назвавший себя именем героя, рванувшего к своему благу с топором по трупам — Родиона Раскольникова. Юный большевик Ильин, уверовавший, как и его кумир, что именно ему дозволено в с е, поступил в гардемаринские классы вовсе не из-за любви к морям или ради мечты достичь полюса, а для того лишь, чтобы спасти себя от фронта, тогда как миллионы его ровесников рвались в самое пекло.

На революционной мутной волне мичман Ильин-Раскольников достиг в иерархии своего клана адмиральского ранга, даже превзойдя по служебной лестнице будущего противника — адмирала Колчака. И если Колчаку в семнадцатом не хватило «революционной гибкости», чтобы расстаться с почетным оружием, ставя на одну чашу весов честь, на другую — жизнь, то «первый морской лорд советского адмиралтейства», свободный от «буржуазных предрассудков», в девятнадцатом, спасая свою жизнь, велел спустить свой красный флаг перед английскими шлюпками, окружившими его севший на камни флагманский корабль. И кто потом из соратников поставил в упрек «морскому лорду», что ему выпала печальная слава первым в советском флоте спустить красный флаг перед неприятелем?

Честь флота, доблесть флагмана — право, какое смешное донкихотство перед всесветным пожаром «мировой революции»!

И ещё — о терминах. Если в феврале была революция, то в октябре — контрреволюция. Колчак боролся не с советской властью, а с большевиками, сделавшими из Советов свой послушный инструмент. Он и его соратники — антибольшевики, а не контрреволюционеры.

Едва ли не самое главное обвинение Колчаку, которое предъявляли ему советские историки, это то, что он был «военным диктатором», стыдливо забывая о военном вожде большевиков Льве Троцком, который направо и налево сыпал расстрельными приказами из-под брони своего личного бронепоезда.

Ленин и Троцкий охотно (в обмен на штыки «интернационалистов» — китайцев, латышей, мадьяр и прочих наемников) признавали независимость той или иной «окраины» России, з н а я, что независимость эта до поры, что это лишь временный тактический ход. Колчак т а к н е у м е л. И когда генерал Маннергейм предложил ему военную помощь в обмен на признание Верховным правителем независимости Финляндии, адмирал ответил: «Я целостностью России не торгую». Замечательный ответ. Но потерять столь

необходимую помощь в дни, когда решалась судьба Белого движения, было едва ли не роковым шагом.

Ленин, когда год назад решалась судьба его власти, отдал немцам всю Украину и пол-России, лишь бы удержаться в кресле предсовнаркома, подписал чудовищно унижительный мир, невзирая на протесты многих своих соратников, объясняя им, что «такова правда момента». Ленин был политиком, если обозначать этим словом высшую степень человеческой изворотливости и хитроумия. Колчак так и не был политиком.

Если бы адмирал ставил своей главной целью личную диктатуру, он бы, как всякий властолюбец, шел бы к ней по головам и трупам и несомненно добился бы много большего, чем достиг. Однако ему напрасно приписывали бонапартизм. Его вела, им повелевала прекрасная, но абстрактная для большинства «идея спасения России». Многочисленным Санчо Пансам, которые окружали «диктатора печального образа», гораздо понятнее была идея личного спасения и собственного благосостояния, нежели идея спасения необъятного и неосязаемого ими далее своей губернии государства.

Беспощадный в своих откровениях, колкий, порой желчный барон Будберг нашел в своих мемуарах для Колчака слова, вырвавшиеся из глубины души.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России. На свой пост адмирал смотрит как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и... едва ли есть на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренне, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой, великой и неделимой России».

Будберг вовсе не одинок в подобном своем убеждении. Вне всякого сговора с ним другой генерал — К. Сахаров — в другом месте и в другом времени отмечал:

«Личность Верховного правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования... Как человек, отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем»...

«Железного Феликса» бы ему в помощники или генерала бы Слащева... Но не было в штабе Верховного ни того, ни другого...

«Адмирал был лишен свойств неограниченного властителя, — отмечает для себя в своем дневнике член «Омского правительства»

Г. Гинс. — Войскам он сказал так: «Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдат, как и вы».

Он хотел быть более адмиралом Нахимовым, выведшим флот на оборону Севастополя, нежели адмиралом Дубасовым, твердой рукой задушившим московскую смуту пятнадцать лет тому назад.

Он всегда ставил перед собой невыполнимые сверхчеловеческие задачи: достичь Южного полюса, найти Землю Санникова, отыскать затерявшихся в тысячеверстной арктической пустыне пропавших людей, взять Константинополь с проливами, освободить Россию от большевизма.

Ни личное бесстрашие, ни бескорыстие, ни верность канонам чести, ни флотоводческий дар не только не помогли Колчаку как политическому деятелю и государственному мужу, но даже мешали там, где его противники отнюдь не гнушались быть демагогами и интриганам, уверяя себя и других, что «революцию в белых перчатках не делают», что справедливость, честь, совесть — предрассудки буржуазной морали, а нравственно лишь то, что помогает удержать власть в ежовых рукавицах.

И это ему-то вменяли в вину военное диктаторство. Но большевики сами пришли к этому способу правления под словесной завесой сначала о военном коммунизме и диктатуре пролетариата, потом о народоправстве и социалистическом демократическом централизме...

Наркомвоенмор Троцкий «оздоравливал» Восточный фронт привычными ему методами: расстреливал каждого десятого в полках из мобилизованных казанских татар.

Лариса Рейснер не без основания писала об устроенной Троцким резне в Свияжске: «Простых красноармейцев расстреливали, как собак...»

Наркомвоенмор Троцкий расстреливал своих бойцов за малейшую провинность. Ибо для него это был чужой народ. Как и для Сталина, впрочем, тоже. Колчак не мог расстреливать даже своих политических конкурентов, ибо это был не чужой, а его народ.

Как изумил он всех, отпустив с миром тех, кого сместил с высот власти пепеляевско-казачий переворот в Омске.

Позволили бы такое Ленин, Троцкий, Сталин?

Заметим еще и вот что: у большевиков была партия, созданная не в один год, иерархически разветвленная, связанная мафиозной дисциплиной групп энергичных, хищно умных, беспощадных бое-

виков, идеологов, вобравших, втянувших в себя в том числе и людей высоких нравственных качеств. У Ленина с Троцким были сотни деловитых и дельных помощников, прошедших огни и воды подпольной работы, ссылок, каторг.

Колчак был один. Сибирь не смогла собрать столько умных и деятельных голов, сколько стяжали их обе российские столицы. Можно было по пальцам пересчитать тех, на кого Верховный правитель мог всерьез опереться, но и они были одиночками. Группа одиночек, рассеянных в массе эгоистично настроенных, продажных, трусливых провинциальных чинуш — вот то окружение, которое на время сбилось вокруг адмирала в ожидании его военных успехов.

ПЕРОМ ИСТОРИКА: «О причинах неудачи Белого движения написано много — в первую очередь его вождями, Деникиным и Врангелем, — заключает С.Г. Пушкарев. — Белые наступали разрозненно, с периферии — с Дона и Кубани, из Сибири, из Прибалтики, из Архангельска... У Троцкого же было преимущество центральной позиции, царских военных складов, центральных железнодорожных узлов, жестко централизованного командования, беспощадного и безоглядного. Но это, отчасти, только метафора. Не менее серьезной была раздробленность политическая и социальная, наследие тех терзавших общество разрывов, которые привели к крушению империи в февральской революции. Крайне правые монархисты, во главе с депутатом Думы Марковым, не хотели иметь дела с Белым движением, видя в нем «февралистов». Левая же «революционная демократия», видя в лице белых генералов только «реакцию» и «диктатуру», выдвинула якобы принципиальный, но на самом деле гибельный лозунг «Ни Ленин — ни Колчак». Крестьянская масса в большинстве своем хотела только одного: чтобы ее оставили в покое и не втягивали в гражданскую войну. В условиях полной политической разногласности в стране генерал А.И. Деникин полагал, что во имя единства армии последняя должна оставаться вне политики. То есть большевиков надо победить военной силой, а потом уже любое свободно избранное законодательное собрание будет решать политические вопросы.

Но гражданская война — война политическая. От политики зависит, на чью сторону человек станет, на твою или на сторону противника. Потому в ней армию от политики отделить невозможно. Армия Деникина наступала, ее встречали как освободительницу, цветами и благодарственными молебнами. Потом армия шла даль-

ше, а в ее тылу начинался хаос, спекуляция, реквизиции, самоуправство. Ни административных кадров, ни органов самоуправления, как следует, подготовлено не было. В теории, все белые правительства и в Сибири, и на Юге, и в особенности Северо-Западное и Северное, в разной мере признавали захват крестьянами помещичьих земель, происшедший в 1917—1918 годах. Ни одно из них не ставило себе задачу возвращения помещикам их имений. Но соответствующее законодательство разрабатывалось слишком медленно, чтобы иметь практическое значение в быстротекущих военных событиях. Тем временем на местах порой процветало самоуправство, идущее наперекор официальной политике. Так что крестьянам эта политика вовсе не была ясна, они не знали, чего ожидать от белых. Закон Врангеля от 25 мая 1920 года закреплял за крестьянами в их личную собственность все земли, фактически находившиеся в их «распоряжении», при условии ежегодной выплаты государству 1/5 части урожая зерновых. Крестьяне, закрепившие землю в собственность, освобождались от власти общины. Увы, закон Врангеля был принят в то время, когда у Врангеля было слишком мало территории, и крестьяне уже не могли быть уверены в прочности белого правительства».

Сибирь не могла спасти Россию в 1920-м, ибо спасти ее приходилось от себя самой. Сибирь спасла Россию в 1941-м, когда иноземный захватчик рвался к Москве.

В ночь перед расстрелом Александр Васильевич Колчак не спал. У него было время подвести итоговую черту. Сорок шесть лет... Год его жизни вполне мог считаться и за два... Было все, что только может пожелать себе человек: и подвиги, и слава, и прекрасные женщины, диковинные города и экзотические страны, военное счастье и отцовские радости. Право, у него не было причин цепляться за жизнь. Но разве может человек бестрепетно расстаться с такой жизнью, какой осенила его счастливая звезда?!

Все, что его мучило перед смертью, — это вина перед Софией, перед сыном. Что-то ему понараскажут об отце. Он не боялся казни. Знал, что заслужил ее, потому что совершил смертный грех — при живой жене нашел новую. За то Господь и решил покарать его именно в том городе, где принял он брачный венец. Теперь предстояло принять венец мученического искупления. Воистину, за все приходится платить.

— Господи, ты знаешь мой грех... Но перед Россией я чист... Пошли мне кончину безболезную, мирную, не стыдную...

Председатель Иркутского ЧК Семен Чудновский: «Председатель ревкома товарищ Ширямов принял мое предложение расстрелять Колчака без суда. Я проверил, что караул тюрьмы состоит из верных и надежных товарищей, и рано утром 7 февраля вошел в камеру Колчака. Он не спал. Я прочел ему постановление ревкома, и Колчак меня спросил: «Таким образом, надо мною не будет суда?» Должен сознаться, что этот вопрос застал меня врасплох. Я ничего не ответил и спросил его только, не имеет ли он какую-нибудь последнюю просьбу. Колчак сказал: «Да, передайте моей жене, которая живет с сыном в Париже, мое благословение».

...Колчак и находившийся тут же, в тюрьме, министр Пепеляев были выведены на холм на окраине города на берегу Ангары. Колчак стоял спокойный, стройный, прямо смотрел на нас. Он пожелал выкурить последнюю папиросу и бросил свой портсигар в подарок правофланговому нашего взвода. Рядом с ним Пепеляев, короткий, тучный, смертельно бледный, стоял с закрытыми глазами и имел вид живого трупа. Наши товарищи выпустили два залпа, и все было кончено...»

Один из исполнителей приговора — иркутский большевик И. Бурсак — уточнял: «Перед расстрелом Колчак спокойно выкурил папиросу, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке «смирно». После первого залпа сделали еще два по лежащим — для верности.

Напротив Знаменского монастыря была большая прорубь. Оттуда монахини брали воду. Вот в эту прорубь и протолкнули вначале Пепеляева, а затем Колчака — вперед головой. Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать и народ бы повалил на могилу. А так концы в воду».

Тело Колчака, как и подобает моряку, приняла вода. Сибирь, которой он отдал лучшие годы молодости, отвагу и жар души, заключила его могилу в ледяной саркофаг, Полярная Прикол-звезда, как и заклинал он под гитарные струны, горит, сияет над его безвестной могилой.

В 1903 году лейтенант Колчак, обследуя остров Беннетта, провалился под лед. Он потерял сознание от ледового шока и был вытащен боцманом Бегичевым.

В 1920 году адмирал Колчак, точнее — его тело с расстрельной пулей в сердце, — ушел под лед Ушаковки.

Трагический парафраз судьбы?

Большевики оправдывали потом скоропалительный расстрел «приближением к Иркутску войск генерала Каппеля».

Да, армия генерала Каппеля и в самом деле совершала 90-верстный переход по замерзшей реке Кан. Под тяжестью колонн и обозов лед проседал, и выступала черная, дымящаяся на морозе вода. Сани, простоявшие минут пять, тут же примерзали ко льду, и их полозья приходилось вырубать топорами. Впереди всех ехал на сером коне генерал Каппель.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА. Службу свою Владимир Оскарович Каппель начинал малозаметным строевым офицером в 17-м уланском Новомиргородском полку. Его скромная карьера увенчалась печальной должностью — Главнокомандующий остатками Сибирской армии. Армии обреченной и никому уже не нужной. Его войскам приходилось отходить в жестокую зиму. Это был воистину ледяной поход.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Генерал Каппель, двигаясь со своим походным штабом, дни и ночи проводил на коне, появляясь в самых опасных местах. Во время одной из рекогносцировок, когда колонны шли по реке, он вместе с конем провалился под лед, весь измок, схватил простуду и отморозил себе ноги. Несмотря на уговоры ближайших сотрудников как можно скорее эвакуироваться, генерал Каппель не захотел покинуть свои войска и продолжал вместе с ними боевой путь. Стояли жестокие январские морозы...

На одном из переходов генерал Каппель, сохраняя до конца величавое спокойствие духа, скончался. Тело его погребено в Чите.

Есть люди, которые в обыкновенной обстановке мало чем выделяются из общего житейского уровня, но в годы потрясений и военных бурь обнаруживают исключительное величие души».

Журнал «Часовой» — к 30-летию гибели генерал В.О. Каппеля:

«Могила генерала в Чите уничтожена. Но имя оказалось прочнее надгробного креста. Имя его приняли на себя солдаты и офицеры, потрясенные его самопожертвованием. «Мы — каппелевцы» — называли они себя с гордостью. С гибелью своего военного вождя они не разбежались, не рассеялись. Каппель смертью своей подал пример стойкости, и пример был принят к исполнению. Организовано ушли из Забайкалья в Приморье и продолжали борьбу с большевиками вплоть до падения Владивостока, что случилось в конце 1922 года».

Глава пятая

«КНЯЖНА»

Там, в Иркутской тюрьме, она была преисполнена такого достоинства и благородства, готовая не на словах, а на деле умереть рядом с возлюбленным, и оттого была так величава и красива, что убийцы ее гражданского мужа невольно признали и прозвали ее Княжной. И даже в мемуарах своих писали — княжна Тимирева. А она была казачка, казачьего роду. Не станичная — из интеллигентной семьи превосходного музыканта — Василия Ильича Сафонова, директора Московской, а затем Нью-Йоркской консерватории.

Январь 1970 года. Москва

Не могу простить себе, что не догадался разыскать эту женщину. Ведь жили в одном городе, по одним улицам ходили, быть может, в одном метровагоне рядом сидели. Но...

Радуюсь за тех, кто посмел прийти к ней, расспросить, записать. Пожалуй, в большей мере это удалось сделать алтайскому (!) энтузиасту-исследователю Георгию Васильевичу Егорову.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «Я приехал к ней на Плющиху ранее условного часа. Долго ходил около ее дома, заглянул во все близрасположенные магазины, чтобы скоротать время. Я волновался...

Ровно — минута в минуту — в условленное время я надавил кнопку звонка у двери на первом этаже.

Дверь открыла старуха. Нет, не немощная, не дряхлая. Но седая. Вся седая. Я представился. Она отступила от двери вглубь прихожей на один шаг. Не больше. Этим самым приглашая меня пройти. Тоже на один шаг. Не больше — лишь переступить порог. И тут она меня предупредила (голос у нее прокуренный, хриплый):

— Имейте в виду, я советскую власть не люблю...

Сейчас, когда всем все дозволено, трудно представить мое состояние, услышавшего такие слова, произнесенные вслух. Я пробормотал что-то невнятное, что-то наподобие того, что, дескать, дело ваше личное, вы можете то или другое... Словом, сам не совсем понял, что сказал.

Анна Васильевна молча показала, куда повесить пальто. Провела меня в довольно большую комнату, сплошь заставленную старой мебелью, старыми вещами — чем-то старым, массивным. И сама она села в старое массивное кресло из темного дерева с высокой спинкой. Достала длинный, с кабинетную авторучку, мундштук, вставила в него дешевую (типа «Астры» или «Примы») сигарету. Закурила. Мундштук держала всей пятерней в ладони, устремив дымящую сигарету вперед.

Она не была, как принято говорить, подчеркнуто любезной. Если не сказать больше. Мелькнула мысль: ничего, стерплю. Не каждый день соприкасаюсь с историей, тем более с живой историей. Не стесняясь, рассматривал я комнату, спрашивал, с кем она живет и как вообще у нее прошла жизнь после гражданской войны. Она отвечала отрывисто, не вдаваясь в подробности: после гражданской войны тридцать семь лет провела в советских лагерях. За что — не знает. При Дзержинском, говорит, ее время от времени выпускали, потом снова забирали, а при Ежове и при Берии уже не выпускали; сидела, что называется, безвылазно.

Эта первая наша встреча была непродолжительной и беспредметной — говорили обо всем и ни о чем конкретно. Уходя, я испросил разрешения зайти к ней еще и еще — в общем, заходить к ней, пока буду в Москве. Она не очень охотно, но все-таки согласилась, дала разрешение посещать ее. Меня это устраивало, тем более что жила она совсем недалеко от архивов, в которых я тогда копался, изучая материалы гражданской войны.

Я захаживал к Анне Васильевне время от времени. Мы теперь уж беседовали как старые добрые знакомые.

Иногда она угощала меня чаем. Говорила гораздо охотнее о своем детстве, об отце, который был другом великого Бородина. Однажды я спросил, что это за бюст стоит под потолком на шифоньере. Не Колчак ли? (Бюст был черный, наполовину чем-то прикрыт.) Нет, говорит, это не Александр Васильевич (за все наши встречи в ту зиму при разговорах она, по-моему, ни разу не назвала Колчака по фамилии, называла только по имени и отчеству), это, говорит, не Александр Васильевич, а бюст моего отца. Он был в течение пятнадцати лет директором Московской консерватории, там, говорит, до сих пор в вестибюле (или в фойе) висит мемориальная доска, на которой отец назван «известным русским музыковедом и музыкальным просветителем».

— За него я и получаю сейчас пенсию. На нее и живу...

Был ее отец довольно долго и директором Нью-Йоркской консерватории.

А однажды — кажется, на следующий год, в очередной свой приезд в Москву, — я увидел у нее в простенке фотопортрет мужчины средних лет с шотландской бородой.

— У вас раньше его не было. Кто это? — спросил я.

— Это Солженицын!.. — она произнесла с гордостью и даже торжеством.

А Солженицына тогда только что (так писали в то время) «выдворили» за пределы страны, лишив гражданства, и хранить его портреты было, конечно, небезопасно. Но ей, как видно, терять было нечего, она шла на конфронтацию открыто.

Полжизни она провела в советских лагерях, в том числе и среди уголовников. И тем не менее за тридцать семь лет к ней не пристало ни одного лагерного словца — речь ее интеллигентна, во всех манерах ее чувствовалось блестящее дворянское воспитание. Единственное, что омрачало общее впечатление, — она курила дешевые сигареты. Курила беспрестанно и через очень длинный, примитивно-простого изготовления мундштук. И вообще она одета была бедно. Очень бедно. Но рассуждала самобытно. Рассуждала по-сегодняшнему, по-перестроечному — критически. И очень смело. Казалось, просидев тридцать семь лет, можно потерять не только смелость, — потерять личность. А она сохранила себя. Она была в курсе культурной жизни если уж не страны, то, во всяком случае, столицы, — это точно. Голова у нее была светлая. Еще в начале нашего знакомства она мне заявила, что о политике говорить не будет — политика ее не касается. Политика — не ее дело. В политику она не вмешивалась и тогда, в Омске, в 1918-м и 1919-м. Мы в основном говорили, если можно так выразиться, о корнях нашей сегодняшней культуры — о людях, ее знакомых, давно покинувших Родину, покинувших Россию, но оставивших по себе хорошую память. Разговоры шли об интеллигенции, эмигрировавшей из России. Она преимущественно говорила о театре, много о театре — она большой театрал. Даже сейчас, говорит, в своем возрасте и в своем положении не пропускает новые спектакли ни во МХАТе, ни у Ермоловой. Еще тогда, за двадцать лет до сегодняшней нашей перестройки, открывшей нам глаза, очень нелестно (как и многие сейчас) отзывалась о М. Горьком. В лагере ее несколько раз навещала Пешкова, первая жена Горького. Они много лет переписывались, дружили...»

РУКОЮ АННЫ: «Как трудно писать то, о чем молчишь всю жизнь, — с кем я могу говорить об Александре Васильевиче? Все меньше людей, знавших его, для которых он был живым человеком, а не абстракцией, лишенной каких бы то ни было человеческих чувств. Но в моем ужасном одиночестве нет уже таких людей, какие любили его, верили ему, испытывали обаяние его личности, и все, что я пишу, — сухо, протокольно и ни в какой мере не отражает тот высокий душевный строй, свойственный ему. Он предъявлял к себе высокие требования и других не унижал снисходительностью к человеческим слабостям. Он не разменивался сам, и с ним нельзя было размениваться на мелочи — это ли не уважение к человеку?»

И мне он был учителем жизни, и основные его пожелания: «Ничто не дается даром, за все надо платить и не уклоняться от уплаты» и «Если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно» были мне поддержкой в трудные часы, дни, годы.

И вот, может быть, самое страшное мое воспоминание: мы в тюремном дворе вдвоем на прогулке — нам давали каждый день это свидание, — и он говорит:

— Я думаю — за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за Вас — я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

Что из того, что полвека прошло, никогда я не смогу примириться с тем, что произошло потом. О Господи, и это пережить, и сердце на куски не разорвалось.

И ему, и мне трудно было — и черной тучей стояло это ужасное время, иначе он его не называл. Но это была настоящая жизнь, ничем не заменимая, ничем не замененная. Разве я не понимаю, что, даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого; не такой это был человек, чтобы писать мемуары где-то в эмиграции, в то время как люди, шедшие за ним, гибли за это и поэтому.

Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Каппеля, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось — только бы нам не расставаться».

И я слышала, как его уводят, и видела в «волчок» его серую папаху среди черных людей, которые его уводили.

И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот

час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверное, спали в Гефсиманском саду ученики. А наутро — тюремщики, прятывшие глаза, когда переводили меня в общую камеру. Я отозвала коменданта и спросила его:

— Скажите, он расстрелян?

И он не посмел сказать мне «да».

— Его увезли, даю Вам честное слово.

Не знаю, зачем он это сделал, зачем не сразу было узнать мне правду. Я была ко всему готова, это только лишняя жестокость, комендант ничего не понимал».

СТАРОЕ ФОТО. Анна Васильевна Тимирева. 1916 год. Мягкий взгляд влюбленной женщины. Уже влюблена. В него. Еще все впереди. Грустна и красива. Мила и добра. Скорее всего, именно эта карточка уже подарена ему, уже стоит в рамочке на его рабочем столе во флагманской каюте «География Победоносца».

Борис Георгиевич Старк прав: Анна Каренина! И Анна Тимирева была тоже обречена на колесование паровозом, летящим в коммуны по людским телам, как по шпалам. А пока — чемодан замерзших ландышей, рояльные аккорды Чайковского. Володин смех из детской. Толстой предсказал эту женщину в своем романе. Но не хватило бы и десяти классиков, чтобы придумать все, что ей выпадет уже через год...

Фото 1969 года. Она? Да, это она. Открываешь — и тебя отбрасывает ее взгляд... Неженская твердь в глазах и жестких складках. Печально, но твердо сжатые губы. Как схож их горестный рисунок — у Анны и Александра. Как будто в последнем, предсмертном поцелуе впечатал он в ее уста абрис своих губ. Навсегда.

Горькая мудрость в изломе бровей. Нет ни укора, ни жалобы в ее очах. Она не видит фотографа. Она смотрит в себя. Взгляд человека, который вдруг обернулся — и ему открылась вся его жизнь, разом. И какая жизнь!

Галоп по степи на любимом коне и салоны музыкального Олимпа России, балы в морских собраниях и тревоги военной Балтики, лепестки сакуры в фонтанах города храмов — Киото, лазаретные вши под бинтами раненых, теплушки и бараки, коммуналки и камеры, чужие углы и снова бараки, бараки, бараки — на тридцать семь лет общего счета.

Расстрелян любимый, расстрелян сын, развеяно в лагерную пыль полжизни. В конце пути полунищенское одиночество в ком-

муналке. Слышать из репродуктора корявые речи бровастого недогенералиссимуса, зная, что на его месте, на капитанском мостике страны, стоял когда-то человек духа и чести — ее возлюбленный. Сравнивала ли она их? Скорее всего, ей и в голову не приходило сопоставить эти имена: Колчак и Брежнев, Верховный правитель и Генеральный секретарь... Но она ушла из этой юдоли под косноязычное бормотание о светлом коммунистическом будущем. Бог не привел ей увидеть и услышать в конце ничего иного.

Старое фото — как застывшее зеркало. Разве посмеет кто назвать эту семидесятипятилетнюю женщину старухой?

Красиво взвихренные волосы. Эдакие седые протуберанцы, раскинутые током мощной энергии, излучаемой ее лбом. А может, разбросаны ледяными ветрами века, от которых она не прятала лица.

Анна Васильевна Тимирева — островок достоинства и веры в архипелаге ей подобных островков, которые не смог размыть и поглотить кровавый ГУЛАГ.

После самоареста в 1920 году Анна Тимирева была арестована иркутским ГубЧК в мае 1921-го. Отпустили. Через год арестовали снова и приговорили к двум годам заключения. В 1925 году новый арест по обвинению в шпионской деятельности в пользу Англии. После тюрьмы — ссылка в Калужскую область.

В 1935-м — четвертый арест — за «прошлые прогрешения» и в порядке чистки Москвы от «социально опасных элементов».

1938 год. За ней снова пришли.

1949 год. Арестована органами МГБ.

В общей сложности в тюрьмах, лагерях и ссылках Анна Васильевна Тимирева провела 37 лет.

Судьба пометила ее последний дом — на Плющихе — вывеской кафе «Ассоль»... Да, Анна Тимирева встретила своего капитана Грея и пережила его на полвека. Старая седая Ассоль. Впрочем, нынешний хозяин квартиры, в которой она жила, не согласен с таким сравнением.

Единственная вещь, которая хранит память о той любви, — янтарная брошь, обрамленная в серебро. Александр привез ее Анне из Дании.

А что же Софья Федоровна?

Глава шестая

ВДОВА КОЛЧАКА

В Париж она въехала как некоронованная особа: вдова Верховного правителя России. Но очень скоро узнала нужду.

Да, за границей вдова и сын Колчака были уважены за имя отца и мужа. Белая эмиграция в массе своей влачила полунищее существование. При всем уважении самых разнородных ее деятелей к памяти казненного адмирала никто не мог толком помочь обезглавленной русской семье. Проблема выживания целиком легла на плечи Софьи Федоровны. Благо она не была барыней-белоручкой; многодетная семья, смольнинский институт, кочевая военная жизнь научили ее многое делать своими руками. И она перешивала, перелицовывала старые вещи, вязала, огородничала.

Всю жизнь ее преследовал страх, что у Ростика не будет хорошего добротного пальто. Так было в двенадцатом году: «Третьего дня ездили в Гостиный двор, купили Славушке весеннее пальто, башмачки, калоши и шляпы». Так было и в 1939-м: «Слава носит пальто, которому 7 лет...»

Купить новое, ему, начинающему карьеру банковскому служащему, не по карману.

Помогает чудо: сын адмирала Макарова, воевавший под знаменами Колчака в Сибири, присылает бедствующей вдове из Америки 50 долларов — все, что смог наскрести из своих доходов. В ее полунищенской жизни это было грандиозным событием.

«Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович! Получила через барона Бориса Эммануиловича Нольде (тоже бывший офицер ее мужа по ледокольному судну «Вайгач». — *Н. Ч.*) чек на 50 долларов, то есть 1.888 франков, 5 сантимов, была поражена так, что обалдела от изумления, и как неисправимая мечтательница дала волю своему воображению».

У кого-то из российских белоэмигрантов были счета в швейцарских и прочих банках. Ее банком был ломбард. Она сдавала туда золотую медаль мужа, полученную им от Географического общества за полярные экспедиции, и серебряные чайные ложки, которые удалось вывезти из Севастополя себе и сыну во спасение.

Гримаса судьбы: когда Колчак вез за собой в эшелоне вагон с золотыми слитками, его жена перебивалась на выручку от заложенного семейного серебра. И как разительно отличается список личного имущества арестованного адмирала, «защитника власти капиталистов и помещиков», от перечня бриллиантов, золотых монет и загранпаспортов, изъятых из личного сейфа одного из «вождей пролетариата», Якова Свердлова, после смерти.

Два документа, которые не требуют комментариев...

После смерти председателя ВЦИК Якова Свердлова из его сейфа извлекли (опись составлена наркомом внутренних дел Союза ССР Генрихом Ягодой):

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича,

б) Гуревич Цецилии-Ольги,

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

д) Ползикова Сергея Константиновича,

е) Романюк Анны Павловны,

ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Опись вещей, бывших при адмирале Колчаке в иркутской тюрьме: «Шуба, шапка, подушечка, 2 носовых платка, 2 щетки, электрический фонарь, банка вазелина, 1 платок носовой, чемодан с мелкими вещами, расческа, машинка для стрижки волос, портсигар серебряный, кольцо золотое, 4 куска мыла, именная печать, часы с футляром, бритва с футляром, кружка, чайная ложка, губка, помазок, мыльница, одеяло, чай, табак, дорожная бутылка, френч, полотенце, простыня, Георгиевский офицерский крест, зубная щетка, чайная серебряная ложка, банка консервов, банка сахара, кожаные перчатки, белье: 3 пары носок (так в тексте вместо носков), 2 простыни, 2 рубахи, 3 носовых платка, платок черный, 2 пары кальсон, стаканчик для бритвы, ножницы.

Февраля 7-го дня 1920 года».

Примечание: «Изъятые из поезда Верховного правителя вещи усиленно охраняются в иркутской гостинице «Модерн» в номерах 37 и 47. Создается комиссия по разбору имущества. В марте 1920 года И.И. Сатрапинский доставляет в отдел народного образования библиотеку адмирала (где она ныне?! — *Н.Ч.*), а 10-го числа А.Н. Топорнин передает в музей его личные вещи: Морской штандарт, черное шелковое знамя (коммунистическое), английский флаг, 3 Андреевских флага, полотенце с вышитой надписью, грелка для чайника, палитра с красками, Св. Евангелие с собственной надписью, 2 кошелька вышитых, японский подсвечник деревянный лакированный, чайный сервиз деревянный лакированный из 16 предметов, серебряный кинжал, модель из кости куса хлеба с двумя мышами (нэцке. — *Н.Ч.*), 4 штуки вееров, маленький резной ножик слоновой кости, костяные бусы, брошь костяная, 1 каменная коробка, 1 карандаш, альбом для стихов, 3 штуки спиц с клубком, японская шпилька головная, печать, кубики китайские, 7 штук яиц пасхальных, стеклянная чашка, коробка с 7 орденами (в каких коллекциях и антикварных лавках они? — *Н.Ч.*), открытки 228 штук, 4 штуки часов поломанных, 1 часовая цепочка, 3 рюмки, 2 бокала, 27 серебряных монет, 21 медная монета, чехол для ручки, вышит бисером, пенсне, печать медная, звезда наградная, футляр для мундштука, мелочь (запонки, булавки и т.п.) в коробке, 7 штук разных альбомов, выжженная коробочка, лакированная яйцом, деревянная коробка с рисунком большая, портрет неизвестной женщины, каталог автомобильный и картины, микроскоп и физический прибор, 29 икон и 1 лампадка, 2 портрета, седло, 8 картин разных».

Говорят, мир вещей, окружающих человека, это овеществленная психология. Не нужно быть психоаналитиком, чтобы по этому перечню составить портреты двух людей, один из которых подписал смертный приговор другому.

Вдова Колчака Софья Федоровна, несмотря на хроническое безденежье, все-таки сумела и одеть сына, и дать ему неплохое образование — Славушка, Ростислав Александрович Колчак закончил в Париже Высшую школу дипломатических и коммерческих наук и поступил в 1931 года на службу в Алжирский банк. Женился на Катеньке — дочери адмирала А.В. Развозова, загубленного, как и его отец, большевиками в Петрограде.

Спустя два года Софья Федоровна стала бабушкой: родился внук Сашенька.

Пережив смерть двух малолеток, она с ужасом восприняла весть, что ребенок заболел в Алжире дизентерией.

«...Я страшно переволновалась... Врачи сказали моей невестке, что ребенок не выживет, если его не увезти от страшной жары, свирепствовавшей в этом году на севере Африки.

Г-жа О.Н. Рейценштейн, двоюродная сестра незабвенного адмирала А.В. Развозова, крестная мать его старшей дочери, пожалела бедную молодую женщину, убивавшуюся над погибающим мальчиком, и по телеграфу прислала ей денег на дорогу до Парижа, где я увидела своего внука — бедного малютку, обратившегося в «скелетик».

Она выходила внука. Александр Ростиславович Колчак здоровствует и поныне в Париже.

Она выполнила свой природный женский долг сполна — спасла обезглавленное семейство, продлила славный род, сколько смогла, не дала ему угаснуть.

Сама же тихо и многолетно угасала в Русском приюте в Лонжюмо, где большевики, о, ирония судьбы, учились когда-то брать власть в свои руки.

Сашеньке, как всегда, простила все.

«...Мой бедный муж. Недобрые люди его погубили, бедного моего Александра Васильевича, который погиб Отечества ради».

Жила вестями из Парижа от сына, да своими маленькими заботами, редкими радостями.

Больше всего боялась, что коммунисты возьмут верх во Франции и реквизируют заложенное в ломбард ее фамильное серебро. Странно устроена душа человеческая: потеряны дом, друзья, Отечество, все... Но жалко серебряную ложечку, которую подарила крестная мать.

Софья Федоровна пережила немецкую оккупацию Парижа, пленение сына, невзгоды Второй мировой, а для нее третьей, если не четвертой войны. Она скончалась в 1956 году. Ее похоронили на самом главном кладбище русского зарубежья — в лесу Святой Женеьевы (Сен-Женеьев де Буа). На кресте надпись: «Колчак Софья Федоровна вдова адмирала, Верховного правителя России, 1876—1956».

Неподалеку, на одной из плит братского памятника воинам Белых армий (копия Галиполийского каменного шатра), выбито имя адмирала Колчака, ее Сашеньки. И пусть это символическая могила. Они все же встретились.

ПЯТЬ АЛЖИРСКИХ МАРОК

Киевские чекисты, просматривавшие письма из-за кордона, адресованные советским гражданам, не обратили особого внимания на переписку гражданки Екатерины Федоровны Ткаченко из Каменец-Подольска со своей сестрой из Парижа Соней. Ну, сообщают две пожилые женщины друг другу свои семейные новости, и все тут. Никакой антисоветчины, никакой политики. Тем не менее у перлюстраторов был шанс отличиться, если бы они доложили своему начальству, что установили «канал связи» вдовы Колчака со своими невыявленными и не поставленными на учет «членов семьи врага народа» родственниками. И какого врага народа — самого Колчака!

Спустя лет двадцать подобную же близорукость проявили и архангелогородские эмгэбэшники. В это трудно поверить, но письма от вдовы Колчака и даже его сына приходили в Архангельск еще и в середине пятидесятых годов. Почтальоны приносили их в престижный «дом специалистов», где среди прочих квартировал депутат горсовета инженер Александр Николаевич Ткаченко, на поверку не кто иной, как племянник Верховного правителя! Да на нем, бывшем царском, а затем белом офицере, и без того можно было сделать карьеру «в органах». Однако же проморгали «сотрудники» в штатском свою удачу. Ну, да шут с ними!

Переписка со старшей сестрой была для Софьи Федоровны единственной живой ниточкой, которая связывала ее с Россией, с малой и большой Родиной. Разумеется, она не ставила на конвертах ни свою девичью, ни мужнину фамилию. Подписывалась Развозовой, фамилией невестки. Но даже это было небезопасно, потому что адмирал Развозов был обвинен чекистами в тайномговоре с Юденичем и скончался в лазарете «Крестов» после операции.

Сын старшей сестры — Александр Ткаченко — был любимым племянником Софьи Федоровны. В свое время она хлопотала за него перед своим мужем, командующим Черноморским флотом. Она просила Александра Васильевича Колчака, чтобы тот помог прапорщику военного времени попасть из тылового Новониколаевска (ныне Новосибирска) в действующую армию, и тот отозвал молодого офицера в десантную дивизию своего флота, которая готовилась к штурму Константинополя в летнюю кампанию семнадцатого года. Колчак протекционировал своих родственников только в одном направлении — туда, где свистят пули. Февральская революция спутала все

оперативно-стратегические планы, и прапорщик Ткаченко оказался на Румынском фронте, где получил и первые свои ордена, и первые ранения. Любящая тетушка, влиятельная адмиралыша, при всем желании уже не могла оградить племянника от тех испытаний, навстречу которым тот шел с безоглядностью своих двадцати лет.

После октябрьского переворота и окончательного развала армии молодой офицер уехал к матери в Рыбинск. Там его застал антибольшевистский ярославский мятеж. И понеслось... Мобилизация в Красную Армию. Отправка взводным на Северный фронт. Переход к белым. Тюрьма у белых за красное командирство. Вызволила из камеры родственная связь с Колчаком. Снова фронт среди болот и озер. Плен. Тюрьма у красных. Расстрельный приговор за переход к белым. 70 суток в ожидании расстрела. Мать хлопотала за сына в Москве. Дошла до Калинина. «Таких и надо расстреливать!» — молвил всесоюзный староста. Материнские молитвы донеслись до Бога. Наверное, только они и спасли Шурку, как звали его домашние, и после двухлетней отсидки в вологодском лагере он вышел на волю. Устроился дорожным техником. Женился на дочери морского офицера Мигаловского. Вскоре он перебрался в Архангельск, где никто ничего не знал о его крутом прошлом. Там бывший студент петербургской техноложки проявил себя незаурядным инженером, отличился на грунтоосушительных работах и стал в городе весьма заметной личностью. И хотя он состоял на учете бывших белых офицеров, его ни разу не тронули и позволили умереть своей смертью в возрасте 56 лет от туберкулеза.

...В детстве Шурка собирал марки. Его коллекцию весьма пополнил дядя Саша — Колчак — который на своем недолгом веку объездил, обплавал, обходил едва ли не полмира.

Сын архангелогородского инженера — Андрей — унаследовал отцовскую страсть к филателии. В конце тридцатых годов в его коллекции появилось пять алжирских марок...

...Как ни отрезана была Софья Федоровна от сродственников, а все же знала в своем далеком Париже об увлечении внука старшей сестры. Она и попросила сына, служившего в Алжире, прислать несколько экзотических марок. Так небольшая архитектурная серия попала сначала в Каменец-Подольск, а затем была переправлена в Архангельск. Эти марки, купленные сыном Колчака в Северной Африке, и поныне хранятся в альбоме кандидата технических наук Андрея Александровича Ткаченко, живущего ныне в Твери. Благодаря ему и свершилось это маленькое чудо. Какое? Да вот какое.

Если тебе позарез необходимо взглянуть в лицо человека, которого уже полвека как нет на белом свете и ты, как заклинание, повторяешь есенинские строчки «Я хочу видеть этого человека!», то рано или поздно ты его увидишь. И не в спиритическом сеансе, а хотя бы на фотографии.

— В июне 1941 года, — вспоминает Андрей Александрович, — бабушка приехала в Архангельск погостить у сына, то есть у моего отца. И как будто почувствовала, что в Каменец ей уже не вернуться, захватила с собой самое дорогое — семейные фото. Она умерла в жестокую пору. Сорок второй год в Архангельске по лютости голода был сравним разве что с ленинградской блокадой. Дом Омировых в Каменец-Подольске война не пощадила... Сохранились только эти снимки... Так что не надо вам больше ездить в Париж и уговаривать моего троюродного братца показать портреты Софьи Федоровны. Вот они...

И Ткаченко разложил пасьянс из фотографий на тисненых старинных паспарту. Вот она — девчонка, гимназистка, смолянка, невеста, жена, беженка-эмигрантка...

В 1956 году в Архангельск пришло из Парижа письмо с траурной каймой. Ростислав Колчак сообщал о смерти матери:

«Дорогой Шура. С глубокой грустью извещаю тебя о кончине моей матушки, твоей тети Сони 4 марта около Парижа. Матушке шел 80-й год. Она была перевезена в госпиталь за 10 дней — думали, что у нее плеврит. Его не оказалось, и она поправлялась. Когда я должен был взять ее из госпиталя, она была без сознания и скончалась, не приходя в себя, в воскресенье 4-го, в 11.30 утра, по-видимому, от удара.

Уже многие годы матушка была инвалидом — маленькой сгорбленной старушкой, но до последнего дня сохраняла свой замечательный ум и редкую память. Она жила у нас периодами и много рассказывала о своей семье. Я ее очень любил и вижу теперь, насколько мне ее не хватает.

Моему сыну Александру теперь 23 года — он оканчивает свою военную повинность. Сейчас он в Северной Африке (в Алжире. — Н.Ч.), не мог приехать к положению в гроб и похороны бабушки. Он славный и хороший мальчик. Говорят, что он исключительно красив. Отбывает повинность в кавалерии...

Поцелуй от меня всю твою семью. Сердечно любящий тебя Слава».

Словно в подтверждение этих слов, насчет сына, — фраза из дневника Ивана Бунина: «4/17 авг. 24 г.

У Пилкиных. Вдова Колчака, его сын. Большое впечатление — какие у него темные, грозные глаза».

Гость из Твери открыл мне и то, что неведомо нашим историкам. Принято было считать, что род адмирала пресекается на престарелом его внуке — Александре Ростиславовиче. Ан нет!

— В Америке живет Александр Колчак и две его сестры. Это правнуки Верховного правителя России. Они наполовину французы. Когда-то Александр Ростиславович переехал в Штаты со своей женой Франсуазой. Но после развода он вернулся в Париж. Так что род Александра Васильевича продолжился на другом континенте — в Новом Свете.

В семнадцатом году главнокомандующий флотом США предложил известному русскому адмиралу перейти на службу Америке. Колчак отказался. Волею судеб его правнуки стали гражданами этой страны. Войдут ли они в ее историю так, как вошел их прадед в историю России?

Софья Федоровна оставила свой след на карте России. В далеком Восточно-Сибирском море вмерзает в льды остров Беннетта. Юго-Восточный мыс его носит имя Софьи — невесты отчаянного лейтенанта. Есть в том же нелюдом море и остров Софьи, на который не ступала ни одна женская нога.

Мемуары Софьи Андреевны хранятся у внука в Париже. Прочтем ли мы их когда-нибудь? Александр Ростиславович человек своенравный и для россиян почти недоступный. Сколько ни звонил ему в Париже, сколько ни посылал ему писем — ни разу не откликнулся. Не многим повезло и другим моим соотечественникам, пытавшимся достучаться до сердца этого человека. На все попытки встретиться с ним Александр Ростиславович отвечает категорическим отказом. То ли и в самом деле был с детства запуган агентами НКВД (особенно после похищения в Париже генералов Кутепова и Миллера), то ли, как объяснили его представители, Александр Ростиславович не верит ни в какую российскую перестройку («все вы были большевиками, ими же и остались»), считает себя стопроцентным французом, и о стране, где убили его деда, знать ничего не желает. Еще ему очень обидно, что все российские литераторы и историки воспевают разрушительницу их семьи — Анну Тимиреву, а о Софье Федоровне, законной жене адмирала Колчака, не сказали ни единого доброго слова. Тут он совершенно прав, и автор этих строк в какой-то мере исправил эту досадную несуразность. Однако и это не меняет отношения внука Колчака к своей исторической родине. Тем не менее кое-какие сведения о его жизни к нам приходят. Известно, что он

прекрасный художник-карикатурист, работал в одной из парижских газет, активно участвовал в работе парижской кают-компании офицеров российского императорского флота. Внучка адмирала Старка — Вера, учившаяся с Сашей Колчаком в одном классе, поведала об одном замечательном факте из его детства.

...Внуку двух русских адмиралов (Колчака и Развозова) было семь лет, когда в Париж вошли немцы. Отец попал в плен. Мама и бабушка жили в постоянном страхе за неугомонного мальчика-пострела. А он вместе с другими парижскими гаврошами по своему боролся с оккупантами. В Париже было немало людей, которых надо было вывести из города, минуя гестаповские облавы и жандармские посты: сбитые английские летчики, партизанские боевики и связные, потерявшие «крышу» подпольщики. В этом опасном деле маленький Колчак, превосходно владея тремя языками — французским, немецким и русским, — был бесценным помощником. Под видом сына глухонемого «отца» он сопровождал английского пилота или беглого русского пленного на окраину Парижа.

ОТЦЫ И ДЕТИ «РУССКОЙ ВАНДЕИ»

Эти два письма сошлись на моем рабочем столе случайно. Первое передал мне питерский историк Александр Смирнов. Второе — сотрудница Центрального государственного архива ВМФ Людмила Ивановна Спиридонова. Написали их отцы своим сыновьям — как своего рода завещания. Адмирал Макаров и адмирал Колчак.

Степан Осипович писал свое первое и последнее письмо Вадиму в Порт-Артуре — на борту эскадренного броненосца «Петропавловск», писал, словно предчувствуя свою скорую гибель. Колчак писал Ростиславу из Иркутской тюрьмы, зная почти наверняка, что скоро погибнет. Нет нужды комментировать эти письма, достаточно внимательно их прочитать...

Степан Макаров — Вадиму Макарову, из Порт-Артура в Санкт-Петербург:

«Порт-Артур. 31 марта 1904 года
Дорогой мой сыночек!

Это мое первое письмо, посланное именно тебе, а не в отрывках в письмах к маме, как бывало ранее. Ты уже подросток, почти юноша, но я обращаюсь к тебе с другого конца России уже как к взрослому мужчине.

Вадим, тут идет жестокая война, очень опасная для Родины, хоть и за пределами ее границ. Нет, не временный перевес неприятеля в силах тревожит меня. Русский флот, ты знаешь, творил и не такие чудеса. Но я чувствую (о чем ты пока никому не скажешь!), что нам — и мне в том числе — словно бы мешают. Не адмирал Того, нет, а как бы сбоку подталкивают, как бы подкрадываются сзади. Кто? Не знаю. Душа моя в смятении, чего я никогда не испытывал. Начинаю уже чего-то улавливать, но смутно пока. Вот Верещагин Василий Васильевич что-то мне пытается объяснить, но сбивчиво, как все эти художники и поэты (ты им не очень верь, публика эта шальная! Доверяй только людям основательным!). Вот такое у меня настроение, сынок. Но знаешь пока об этом ты один. Молчи, как положено мужчине, но запомни.

И еще. Объясню уж тебе, почему адресуюсь помимо нашей любимой мамы. Запомни на всю жизнь: на женщин никогда нельзя перекладывать тяготы нашей мужской доли. Иной болван и трус может заявиться домой чуть ли не в слезах и супруге своей с порога: вот на войну посылают вроде... стоит ли... Что скажет тут любящая мать, жена, сестра? «Ни за что, погибнешь, ты у нас один, уклонись уж как-нибудь!» Ну, по-женски понятно, что с них взять. Но настоящий мужчина должен явиться домой бодрым и сказать: ну, дорогая, собирай меня в дорогу, тут на границе веселое дело предстоит! Она поплачет, соберет тебя и успокоится, положившись на волю Божию.

Обнимаю тебя, сынок. Учись старательно, помогай маме и сестре. Бога бойтесь. Царю служите.

Твой Макаров-старший».

Александр Колчак — Ростиславу Колчаку, из Иркутска в Париж:

«Дорогой милый мой Славушок.

Давно я не имею от тебя писем, пиши мне, хотя бы открытки по несколько слов.

Я очень скучаю по тебе, мой родной Славушок. Когда то мы с тобой увидимся.

Тяжело мне и трудно нести такую огромную работу перед Родиной, но я буду выносить ее до конца, до победы над большевиками. Я хотел, чтоб и ты пошел бы, когда вырастешь, по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения ей.

Господь Бог благословит Тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок. Целую крепко тебя.

Твой папа».

О сыновьях Макарова и Колчака советские историки никогда не упоминали. Питерский публицист Александр Смирнов популярно объяснил, почему это произошло:

ПЕРОМ ИСТОРИКА: «Имя единственного сына известнейшего русского флотоводца надолго было вычеркнуто из истории России. Словно его и не было в природе. Причина такой «забывчивости» становится ясна, если узнать, что капитан 2-го ранга Вадим Макаров служил в Белой армии адмирала Колчака, бил большевиков в составе Камской и Волжской Белых речных боевых флотилий. А потом эмигрировал в США и там весьма критически оценивал руководителей покинутой им родины. Такого в СССР не прощали. И плохо «прощают» до сих пор. Так, в 2000 году, при редактировании «Морского биографического словаря», московский флотоводец вице-адмирал Ю. Квятковский вычеркнул биографию Вадима. (Россия и ее флот должны знать имя принципиального редактора. — А.С.)

Впрочем, надолго «вычеркнули» из истории страны не только сына создателя ледокола «Ермак». «Бездетными» советские историки сделали и Нобелевского лауреата академика И. Павлова, черноморского революционера — лейтенанта П. Шмидта Известнейшего русского историка С.М. Соловьева «лишили» внуков. Отчего? Причина одна — офицеры, воевали в Белой армии.

В составе Вооруженных сил Юга России, под командованием генерала Деникина, а потом в Русской армии барона Врангеля в Крыму сражался с «красными» офицер русской императорской армии Николай Шмидт, пройдя перед этим фронты первой мировой войны. Скончался в эмиграции, в США, не приняв большевизма, несмотря и на «революционность» своего родного отца.

В «белом» Черноморском флоте служили и с ним ушли во французские порты в 1920-м капитан 2-го ранга Борис Всеволодович Соловьев и старший лейтенант флота — Юрий Всеволодович Соловьев. Борис — выпускник Морского корпуса — «царский выпуск» 1904 года, участник Цусимского сражения. Крейсер эскадры адмирала Небогатова — «Изумруд», на котором служил внук русского историка, был единственным кораблем, который не сдался в японский плен. В мировую войну он командир подводной лодки Сибирской флотилии, затем на Черноморском флоте. Новый ко-

мандующий черноморцев адмирал Колчак назначил его начальником офицерской школы подводного плавания в Балаклаве. В годы гражданской войны Соловьев-старший — офицер связи с французским командованием, награжденный им орденом Почетного легиона. В эмиграции в Париже — активный член Союза морских офицеров и Военно-морского исторического кружка. Несмотря на трудности эмигрантской жизни, по воспоминаниям многих товарищей, «был безупречен в своем благородстве при всех обстоятельствах жизни».

Юрий Всеволодович, его младший брат, окончил Морской корпус в 1911 году. В мировую войну — офицер-подводник Черноморского флота. В гражданскую — офицер штаба «белого» флота на Черном море. В эмиграции — Председатель Общества офицеров русского флота в США.

Дети, носившие фамилии, известные в России и за рубежом, они после ноября 1917 года без колебаний встали на «белую» сторону «русской Вандеи». Почему? Да иначе они и не могли бы поступить. Иначе их и не воспитывали прославленные отцы и деды. Русский философ Иван Ильин дал психологический портрет их и таких, как они, сыновей русской интеллектуальной элиты. Ставших «белыми».

«...Белая идея — есть идея волевая. Пассивный мечтатель, колеблющийся, сентиментальный, робкий — не шли и не пойдут в белые ряды. Белый — человек решения и поступка... Белый живет чем-то таким, чем поистине стоит жить, стоит потому, что за это стоит и умереть... Люди слабохарактерные и бесхарактерные, ни в чем насмерть не убежденные, с двоящимися мыслями и нецельными желаниями — или не шли в ряды белых, или скоро уходили из них. Напротив, человек с характером всегда находил себе здесь братьев по духу. Характер белого состоит в том, что он предан своей святыне, из нее вырастает его жизненное слово, а за словом его следует его дело». Характер сына адмирала Макарова выковывался именно по такому «рецепту».

СТАРОЕ ФОТО. Три молодых и явно не советских человека, хотя снимок явно 40-х годов. Это сыновья трех русских адмиралов: Колчака, Старка и Развозова — Ростислав, Борис и Александр. В центре — недавно рукоположенный православный священник Борис Старк, справа — разительно похожий на своего отца Ростислав, в идеально отглаженном костюме, новомодном парижском галстуке, с небольшими залысинами и внимательным взгля-

дом грустных умных глаз; слева — в форме французского офицера — Александр. Все трое оказались в родственных отношениях: сестра Александра Развозова Екатерина, она же двоюродная тетка Бориса Старка, вышла замуж за Ростислава Колчака. Жаль, на снимке нет Вадима Макарова — он в США. Три молодых человека, трое ровесников, на лицах их — дворянское достоинство и тень трагедии отцов. Все трое до последних дней жизни пронесли эту горделивую и скорбную память, все трое прожили так, что и отцы могли бы ими гордиться.

Глава седьмая

«КРАСНЫЕ КОЛЧАКИ»

Санкт-Петербург. Май 2001 года.

Прохожие с удивлением оборачивались: на набережной лейтенанта Шмидта, прямо против парадного входа в Морской корпус Петра Великого, стояла гранитная доска с барельефом адмирала Колчака. На доске было выбито: «В 1894 году Морской корпус окончил адмирал Александр Васильевич Колчак, выдающийся флотоводец, полярный исследователь». Мемориальную плиту собирались вот-вот внести в Корпус, но входные двери были заперты. Напрасно перед ними стояли приглашенные накануне и прибывшие из Москвы депутаты Госдумы, журналисты, телерепортеры, гости, оповещенные газетой «Известия», что «первый в России памятник адмиралу Колчаку будет установлен 17 мая на территории Военно-морского института Морского корпуса Петра Великого. В торжественной церемонии примут участие депутаты Госдумы, представители командования ВМФ России, а также депутаты ЗакС'а и представители городской администрации...»

Однако за несколько часов до назначенного срока торжественная церемония была отменена. Ее запретили. Кто? Как? Почему? Об этом наверняка знал заместитель начальника Морского корпуса по воспитательной работе капитан 1-го ранга Николай Рыжих. Однако главный воспитатель моряков старейшего морского учебного заведения России даже не потрудился выйти к собравшимся, объяс-

ниться, принести свои извинения. Хотя именно он отвечал за проведение подобных «воспитательных мероприятий». Вот и воспитнули курсантов, преподнеся им очередной ленинский урок — долой Колчака!

Понятно, что адмирал Колчак фигура для большевиков, для коммунистов совершенно неприемлемая. Но при чем здесь Морской корпус? Он что — филиал ВПШ? Прошло более десяти лет, как было провозглашено отделение Вооруженных Сил России от партийного контроля и выведение их вне поля политической деятельности. Однако то тут, то там являются примеры партийного влияния на войска в духе сусловско-брежневского Главпура.

Наверное, товарищу капитану 1-го ранга Рыжих было бы небесполезно знать мнение о Колчаке ведущего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации Валерия Краснова:

«Ничто и нигде не напоминает о его существовании. Словно и не было. Жил человек, служил России, не имея никаких богатств, кроме орденов и оружия. Служил, как понимал, как считал нужным. И один год перечеркнул его жизнь.

И забыто, что этот человек в свое время немало сделал для России. Забыто, что он возрождал российский флот после поражения в русско-японской войне. В том, что во время первой мировой войны вражеские корабли не могли приблизиться к русским берегам и в Балтийском, и в Черном морях, огромная заслуга адмирала Колчака.

Забыто то, что его научные разработки широко использовались во всем мире. Даже остров, названный его именем, переименовали».

Но речь сейчас не о заслугах полярника и флотоводца Колчака перед Россией. Она бесспорно воздаст ему должное не только в виде памятной доски, изготовленной, кстати говоря, безвозмездно, скульптором Александром Добровольским.

То, что произошло в Санкт-Петербурге 17 мая, это вовсе не административный «прокол» Морского корпуса. Это идейный рецидив гражданской войны, который произошел несмотря на все президентские указы о примирении «красных» и «белых» и гражданском согласии. Как не было его, так и нет, хотя для этого и немало было сделано. Примирились даже с крестами на восстановленных могилах солдат вермахта. С копией иерусалимской Стены плача в сердце Москвы. С незахороненным Ильичом на Красной площади. С чем только не примирились. Вот только адмирал Колчак по-прежнему «враг народа».

Как тут не вспомнить строки Бориса Галкина:

*Что теперь с нами стало?..
Как Россия устала!
И какая еще ждет Россию война?
И не хочется крови, и не надо нам славы.
Нас так мало осталось.
А Россия — одна!*

РЕАБИЛИТАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ?

Нынешние власти, вышедшие из-под портретов Дзержинского на стенах служебных кабинетов, впечатленные образом Чапаева, сыгранного обаятельнейшим актером Борисом Бабочкиным, впитавшие с пионерских, комсомольских, партийных времен ненависть к одному только имени — Колчак, конечно же, не в состоянии ни признать за русским адмиралом его бесспорные заслуги перед Россией, ни простить его ошибки.

Комментируя очередной отказ в реабилитации адмирала Колчака, «Российская газета» справедливо замечает: «Нельзя не отметить, что Александр Васильевич Колчак не был осужден судом, ни военным, ни гражданским. К смерти его «за организацию военных действий против Советской России и массовые репрессии в отношении мирного населения и красноармейцев» приговорил Иркутский военно-революционный комитет, следуя телеграмме Ленина с указанием о ликвидации адмирала ввиду «опасности белогвардейских заговоров в Иркутске».

Руководитель инициативной группы по реабилитации адмирала А.В. Колчака питерский юрист Александр Смирнов с полным основанием утверждает: «Следственная комиссия, допрашивавшая Александра Васильевича в Иркутске зимой 1920 года, и Революционный трибунал, заседавший в мае в Омске и осудивший адмирала Колчака посмертно, так и не смогли доказать личную причастность его к расправам над мирным населением. В борьбе с красными партизанами военно-полевые суды белой Сибирской армии нередко были быстрыми на расстрелы, но по масштабам и жестокости им было далеко до исполнителей доктрины «красного террора» — чекистов и чоновцев. До репрессий по сословному происхождению ни в одной из белогвардейских контрразведок не опускались».

Военный суд Забайкальского военного округа в составе трех подполковников юстиции в своем «Определении № 312-Н» от 26 января 1999 года сказал новое слово в юриспруденции, определив: «Хотя уголовное дело непосредственно в отношении Колчака А.В. не возбуждалось и специальная следственная комиссия в связи с резким осложнением в г. Иркутске военной и политической обстановки не успела в полном объеме допросить его лично о конкретной деятельности в период пребывания Верховным правителем, в имеющихся архивных материалах содержатся достаточные доказательства, подтверждающие выдвинутые против него обвинения». И это пишут профессиональные юристы, и не в разгар классовой борьбы с ее революционным пониманием права, а в конце двадцатого века в стране, которая настолько гуманизировалась и усвоила «общечеловеческие ценности», что отменила смертную казнь. Вдумался ли кто-нибудь из авторов этого юридического шедевра, как дико звучит это «определение» в переводе на нормальный язык? Получается так: хотя вина и не доказана следственными органами и суда не было, но человека расстреляли, и это правильно, потому что потом где-то в каких-то архивах (где и в каких именно, они и сами не знают) обнаружили документы (кто их составлял, эти документы?), в которых «содержатся достаточные доказательства». Это значит, с точки зрения современных военных юристов России, вполне допустимо расстреливать обвиняемого исходя из «осложнения политической обстановки», чтобы потом, когда-нибудь, задним числом найти в архивах документы, «подтверждающие выдвинутые обвинения».

И вот таким судьям, с таким уровнем правосознания, московские коллеги доверили решать посмертную судьбу одного из лучших сынов России.

Да и в Москве военные прокуроры шарахаются от «дела Колчака», как лукавый от ладана. Ладно бы прокуроры, лишённые чувства историзма, но ответственный секретарь Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий сотворил такую отписку: «...По вопросу о реабилитации адмирала А.В. Колчака сообщаем, что порядок индивидуальной реабилитации лиц, подвергшихся политическим репрессиям на территории России с 25 октября (7 ноября) 1917 года, определен Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». На лиц, подвергнутых уголовным репрессиям по решениям внесудебных органов, заявления рассматриваются органами прокуратуры. Комиссия не наделена правом рассматривать вопросы индивидуальной реабилитации, поэтому не может принять решение о

реабилитации адмирала А.В. Колчака». Что же получается: существует Комиссия при Президенте по реабилитации жертв политических репрессий, существует специальный Закон по этому поводу, а Комиссия по реабилитации «не наделена правом рассматривать вопросы индивидуальной реабилитации». Она что — рассматривает вопросы только «коллективной реабилитации»? Зачем она вообще существует, такая Комиссия, если она не то что решать, а даже «рассматривать вопросы» не наделена правом?

Вот еще один образчик понимания проблемы: ответ Русскому Географическому обществу на ходатайство разрешить установку мемориальной доски в Санкт-Петербурге подписал В. Яковлев в бытность заместителем губернатора: «...Мы не можем поддержать Ваше предложение в связи с противоречивой исторической оценкой его (т.е. Колчака. — Н.Ч.) политической деятельности в период гражданской войны». Позвольте спросить, а деятельность какого вождя или политического лидера в «период гражданской войны» оценивается однозначно, «непротиворечиво» положительно: Тухачевского? Троцкого? Сталина? Буденного? Ленина? На наши головы обрушилось за последние десять лет столько закрытых доселе архивных материалов, свидетельств и прочих документов, что давно пора понять: нельзя судить деятелей гражданской, братоубийственной войны только по праву победившей стороны.

«Реабилитация Верховного правителя России, — утверждает Александр Смирнов, — это акт исторического примирения между потомками участников гражданской войны, как это сделано в США, во Франции, в Испании. Это доказательство того, что личные заслуги человека перед Отечеством теперь для потомков важнее его политических убеждений. Это доказательство того, что нынешняя власть в России не является духовным наследием большевиков».

Под этими словами, облеченными в форму «Открытого письма России и Флоту», о том, что «пришла пора гражданского согласия и примирения между нами — политическими наследниками участников гражданской войны, пришла пора воздать почести павшим по их заслугам перед Отечеством», подписались и академик Дмитрий Лихачев, и первый вице-губернатор Санкт-Петербурга контр-адмирал Вячеслав Щербаков, и писатель Виктор Конецкий, и директор Музея Арктики и Антарктики Николай Ягодницын, и начальник Пушкинского военно-морского училища контр-адмирал Юрий Халиулин, и множество других видных деятелей культуры, науки, флота. С тех пор прошло шесть лет, но ничего в сознании чиновников обеих столиц не изменилось. «Противоречивая оценка» прочно засела в их мозгах.

Успокойтесь, господа! Адмирал Колчак не нуждается в вашей реабилитации! Не нуждается потому, что он никогда не был гражданином Российской Федерации, потому что он легитимный Правитель российского государства, избранный членами законного Учредительного Собрания, незаконно разогнанного теми, кто пытался его осудить и продолжает делать это до сих пор, он не нуждается в вашей реабилитации, потому что он не совершил ни одного военного преступления или, как сейчас принято говорить, преступления против человечности, несмотря на весь бесчеловечный характер любой гражданской войны.

Почему высокое начальство так боится имени Колчака? Да потому, что честность адмирала многим колет глаза, особенно бывшим партократам-казнокрадам, которые так ловко умудрились поменять свои партийные билеты на кредитные карточки элитных банков.

Когда-то именно адмирал Колчак повелел перенести прах лейтенанта Шмидта с острова Березань в Севастополь и торжественно перезахоронить черноморского бунтаря. Теперь, по иронии истории, памятному знаку адмирала Колчака было отказано в «прописке» на набережной лейтенанта Шмидта.

...Постыдно то, что корпусное начальство укрылось от журналистов и депутатов за спинами дежурных курсантов, несших вахту у входных дверей. Тем более что «торжественная церемония» вовсе не была неожиданностью: в Минном дворе Корпуса был давно подготовлен постамент для памятной доски. Теперь другая доска — та, что висит у парадного подъезда с названием учебного заведения, — красна в прямом и фигуральном смысле, красна от стыда за свое начальство. Гранитную плиту уложили в багажник попутной машины и увезли на Лиговку — в мастерскую, где ее и изготовили.

Но нет худа без добра. Пока доска стояла близ памятника Крузенштерну, я познакомился с пожилым человеком, который назвался... племянником Колчака... Я не сразу в это поверил, и Михаил Владимирович пригласил меня к себе на Дачный проспект. А там за скромным, но хлебосольно накрытым столом пошли альбомы, документы, старые фотографии...

БОЦМАН ПАРОВОЙ ШАЛАНДЫ

Как бы удивилось начальство Ленинградского торгового порта, узнав, что боцманом на борту паровой землеотвозной шаланды служит блестящий выпускник старейшего в России Морского корпуса, дипломированный крейсерский штурман, более того — троюродный брат Верховного правителя. А впрочем, не удивилось бы;

тогда, в двадцатые годы, подобные метаморфозы встречались на каждом шагу... Пилит же по дворам дрова бывший морской министр адмирал Григорович...

Все политические штормы — от февральской революции до октябрьского переворота — мичман Владимир Колчак-1-й пережил вместе со своим кораблем — крейсером Гвардейского экипажа «Олег». Далекий от каких бы то ни было политических партий, он признавал только одну партию — экипаж родного корабля. Но в 1919 году крейсер «Олег» был потоплен на Кронштадтском рейде торпедой с английского катера, и молодой моряк (23 года) сошел на берег, став флагманским штурманом Кронштадтской морской базы. Многим не нравилось, что оперативные документы Красного флота подписывались Колчаком. Пусть и не Верховным правителем, но все же... Глаз резало. Поэтому в октябре 1919 года флагманский штурман Владимир Колчак-1-й был вызван в реввоенсовет Морских Сил Балтийского моря, где ему предложили сменить фамилию на любую другую.

Предложение шло противу всех дворянских понятий о чести, да и не только дворянских. Шутка ли — отречься от тех, кто вызвал тебя к жизни сквозь череду веков, кто прославил твой род в военной истории Отчизны, да и само понятие Отчизны шло от отчичей, которые отсекались именем-псевдонимом. То была казнь фамилии. Но деваться некуда. И стал Владимир Александрович Колчак-1-й гражданином Александровым, дабы затеряться в огромном сонмище однофамильцев.

Однако же не затерялся... И военмор РККФ Александров, честно служивший на кораблях новому правительству, вынужден был раз в две недели отмечаться в Большом доме, как называли в Питере здание ВЧК на Шпалерной; если б только отмечаться, но при том надо было отвечать на всевозможные вопросы с подковыркой — не имели ли вы все-таки каких-либо контактов с адмиралом Колчаком? А в бытность вашей общей службы на Балтике в 1915—1916 годы? А с членами его семьи? А где скрывается его родная сестра Екатерина Васильевна Крыжановская? А не пишет ли вам кто-нибудь из его родственников из Франции?

С этих расспросов-допросов Владимир Александрович возвращался белее снега, мрачнее тучи.

Не давала питерским чекистам покоя мысль, что по «городу Ленина» разгуливает брат Верховного правителя (даром что троюродный) — мало того, так он еще и затесался в кадры Рабоче-Крестьянского Красного Флота под прикрытием чужой фамилии. Уж очень кому-то хотелось заработать орден на таком легком и громком деле, как

выявление вражеской деятельности родственника самого Колчака. Так легко было упечь его в лагерь — ну просто руки чесались. Сейчас только диву даешься — как он уцелел и после «красной мести за товарища Урицкого», и после «кировского дела», и в 1937 году...

Конечно же, на морской карьере Владимира Колчака-1-го был поставлен крест. Не веря в столь жесткий перст своей судьбы, он все же отчаянно пытался стать командиром корабля — в том был смысл избранной им профессии, в том был и смысл его офицерской жизни. Порой казалось, что вот-вот и он поднимется на заветный мостик. И он дважды поднимался, пусть не надолго, пусть это были небольшие корабли — тральщик «Кубань» в 1921-м да посыльное судно «Коршун» в 1922-м. Но в том же 1922 году его, 25-летнего военмора, уволили с флота якобы «по расстроенному здоровью». Могли бы и вовсе «волчью» статью подобрать — «как классово чуждый элемент», например.

Так Колчак-Александров оказался на осушке жизни. Все же подался он поближе к морю — в контору дноуглубительных работ, что в Петроградском торговом порту. И стал бывший штурман крейсера, бывший командир боевого корабля боцманом паровой шаланды. Потом вырос до помощника капитана и даже стал ее капитаном. Грустная это была карьера для бывшего боевого офицера, но все же он делал работу весьма нужную не только торговому, но и военному флоту: мелководье Маркизовой лужи надо было углублять по всем необходимым для обороны и торговли фарватерам. Разве о должности техника по промерам или помощника багермейстера мечтал он под парусами учебного гардемаринского корабля? Разве каютка техника по земле-черпальному каравану грезилась ему на мостике крейсера «Олег»?

Старший техник по промерам и бурению, зав. производственной группой... Он карабкался по этим непрезентабельным должностям, как по перекладинкам шторм-трапа, надеясь выбраться к настоящему флотскому делу, в большие моря, на большие корабли. У его фортуны был ведьминский оскал: она жестоко била по рукам, и именно в тот момент, когда цель была так близка...

Так, после десяти лет дноуглубительных работ его снова призывают на военный флот и назначают флагманским штурманом сначала дивизиона эскадренных миноносцев, а потом отряда учебных кораблей Балтийского флота. Это случилось в апреле 1932-го. Казалось, жизнь снова стала улыбаться моряку. Тем более что после специальных курсов ему светила должность командира новейшего эсминца. Но в роковом 1937 году его неожиданно увольняют в запас. Не нужен советскому флоту бывший Колчак. И отправляется Владимир Александров начинать жизнь заново в новую контору —

в трест «Ленводпуть», прозванную смелыми остряками «Ленвоньмуть». Но именно этой непрезентабельной конторе он обязан жизнью своей жены и своего сына. Тогда, в августе 1941-го, когда над Ленинградом уже сгустились черные тучи подступающей блокады, Вера Николаевна с сыном Мишей вместе с другими семьями работников треста была отправлена на барже «Ленводпути» (какое счастье, что у треста был свой ведомственный транспорт, даром что простая баржа!) на большую землю. Из-за густой завесы дождя немецкие летчики не заметили баржу, которую тянул буксирчик, и не разбомбили ее, как пускали до того на дно многие подобные «плавсредства». Баржа эта доплзла аж до города Горького.

Там, на «большой» земле, в медвежьих углах Удмуртии и Поволжья бывшая адмиральская дочь самоотверженно боролась за выживание своей маленькой семьи: бралась за любую работу, преподавала в сельских школах, печатала на машинке...

От мужа еще приходили поначалу письма. Всего их хранится в семейном архиве 18. О том, каково пришлось Владимиру Александровичу в блокадном Ленинграде, они узнали вовсе не из его нарочито бодрых строк. Много лет спустя — от уцелевших соседей и сослуживцев. А пришлось ему худо. С первым же днем войны он пришел в военкомат и попросил призвать его на флот как командира РККФ. Но ему отказали. Бросили капитан-лейтенанта запаса на «оборонные работы» — рыть противотанковые рвы. Поначалу подкармливала «рабочая карточка». Но в самое голодное время — в ноябре — его уволили из треста. Пришлось идти в ученики токаря на завод. Но тут его, наконец, призвали. Прослужил он несколько дней и свалился от истощения с тяжелейшим воспалением легких. Капитан-лейтенант Владимир Александров (Колчак) скончался 16 декабря 1941 года в военном госпитале. И где он погребен, не скажет ни камень, ни крест.

Сын его, Михаил, дерзнул продолжить морскую стезю отца, стезю старинного рода...

«Я ДАВАЛ ИМЕНА ОСТРОВАМ И ЗЕМЛЯМ...»

Могу представить этот никогда не звучавший диалог. 1946 год. Ленинград. Он — Михаил Александров, 19-летний паренек, выбирающий свой жизненный путь. Она — судьба, фортуна, в общем, та сила, которая ведет нас, повелевает нами.

Он: Мой отец, мой дед, большинство моих предков и родичей были военными моряками, офицерами флота... И я хочу быть, как они!

Она: Ты никогда не будешь морским офицером. Прошу не забывать, что ты живешь в советской стране, а дед твой был царским адмиралом, отец — офицером царского флота, все твои родичи служили тоже в российском императорском флоте, а дядя твой был ни много ни мало — Верховным правителем России — адмиралом Колчаком. И сам ты природный Колчак, даром что фамилию сменил на Александров. Тебе никогда не носить погоны офицера советского флота. Это невозможно. Забудь об этой красивой, но нереальной мечте, найди себе другое занятие!

А он не забыл. А он наперекор судьбе надел черную флотскую фуражку и черную офицерскую шинель, а он получил-таки морской кортик, почти такой же — черно-золотой, какой носили его отец, дед и его дядя — адмирал Колчак. Знать бы нам всем, чего это стоило Михаилу Владимировичу Александрову, по первой — истинной — фамилии Колчаку-1-му.

А куда же глядели кадровые органы, наши бдительные чекисты?

О, сколько раз приходилось отвечать на этот коварный вопрос моему собеседнику!

Да, он — Колчак, троюродный племянник Верховного правителя, расстрелянного большевиками, он не только сумел выжить в стране, где существовали лагеря даже для членов семей врагов народа (Колчак — едва ли не враг № 1), но и посмел пойти по стопам своих предков. А предки у него были древние и именитые. Объяснить непростое родословие Колчаков лучше всех, на мой взгляд, удалось питерскому историку и юристу Александру Смирнову, главному инициатору сооружения мемориальной доски:

«По семейным преданиям, род Колчаков имеет сербские или хорватские корни. Возможно, так и есть, но в России Колчаки оказались в связи с очередной русско-турецкой войной.

В 1711 году в сражении с войсками Петра I отличился болюбаша (турецкий эквивалент полковника) Колчак, за что султан пожаловал его чином трехбунчужного паши. В 1736 году Колчак-паша становится визирем (министром), а спустя год на короткое время — Главнокомандующим турецкими войсками на русском фронте, после чего назначается комендантом крепости Хотин, держащей под прицелом своих 183 орудий междуречье Днестра и Прута.

В августе 1739 года русский фельдмаршал Миних в Ставучанском сражении разбивает турок и подступает к Хотину, в котором оставалось всего 990 человек, чего было явно недостаточно для обороны. Миних поступает разумно: предлагает капитуляцию на весьма почетных условиях. Илиас-паша-Колчак соглашается и вместе со старшим

сыном Махмет-беем с почетом препровождается в Петербург. «Коль скоро Толь тебя, Колчак, учит российской сдаться власти, ключи вручить в подданства знак и большей избежать напасти», писал по сему поводу Михайло Ломоносов в оде на взятие Хотина.

Известно, что императрица Анна Иоанновна была человеком непредсказуемым: могла казнить, могла и миловать. Колчакам повезло, они были обласканы, а Махмет-бей даже пожалован шубой с царского плеча. Тем не менее после подписания мирного договора между Россией и Турцией престарелый паша решил вернуться на родину. Ему снова повезло: весть о том, что в Стамбуле его ждет смертная казнь, настигла в дороге. Илиас-паша-Колчак в Турцию не поехал, а остался в Польше у своего старинного знакомого графа Потоцкого, где мирно скончался в 1743 году, сын же паши перешел на русскую службу.

В годы царствования Елизаветы Петровны Колчаки получили русское дворянство, подданство и герб. Род Колчаков служил своей новой Родине не за страх, а за совесть. Известно, что в годы правления Павла I и Александра I Лукьян Колчак в чине сотника Бугского казачьего войска участвовал в войнах с турками и был за доблесть награжден земельным наделом в Ананьевском уезде Херсонской губернии. У Лукьяна было два сына: Иван, который предпочел гражданскую службу, и Федор, оставшийся в армии и доросший до чина подполковника. Прямые потомки Ивана сегодня живут в Париже. Потомки Федора — в России, в Петербурге. Но об этом чуть позже.

У Ивана Лукьяновича Колчака было три сына: Василий (отец легендарного адмирала), Александр и Петр. Все служили на флоте. Петр скончался в 1903 году в чине капитана 1-го ранга. Василий участвовал в обороне Севастополя, о чем впоследствии написал мемуары. После войны георгиевский кавалер Василий Колчак окончил Горный институт и дослужился до генерал-майора флота, став известным специалистом в области металлургии и крупнокалиберной артиллерии, даже написал «Историю Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники»... Кстати, именно на Обуховском заводе и родился его сын Александр, будущий Верховный правитель России. Супруга Василия Ивановича Ольга Ильинична также происходила из военной семьи. Ее ближайшие родственники контр-адмирал Сергей Андреевич Посохов и генерал-майор Андрей Андреевич Посохов после революции сумеют эмигрировать. К ним во Францию и приедет впоследствии семья Александра Васильевича Колчака...

Средний брат Василия, Александр, также был генерал-майором флота и специалистом по корабельной артиллерии. Биография его заслуживает целого романа: в Крымскую войну находился на Балтике, на редуте генерала Дена, совершал дальние плавания по Амуру, на клипере «Всадник» крейсировал у берегов США в 1868—1871 годах, вновь служил на Балтике на плавбатареях «Не тронь меня» и «Кремль». Сын контр-адмирала, Александр Александрович пошел по стопам отца: окончил Морской кадетский корпус, защищал Порт-Артур, был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». (Любопытно, что через японский плен прошло двое Колчаков: лейтенант Александр Васильевич и мичман Александр Александрович.)

24 мая 1915 года старший лейтенант русского флота Александр Александрович Колчак-1-й погибнет на минном заградителе «Енисей», торпедированном немецкой подлодкой в десяти милях от острова Оденсхольм; жениться он не успеет. Его дядя Аркадий, подполковник жандармерии, будет убит в 1907 году революционером-террористом, а двоюродный брат Петр Аркадьевич погибнет в 1918 году в Киеве в чине штабс-капитана Белой армии. История любит парадоксы: в адской круговерти войн и революций из всей «старшей ветви» Колчаков судьба сохранит именно сына Верховного правителя».

Чекисты, конечно же, не дремали и бдительно следили за всеми шагами родственника Колчака.

Ох, как трудно было шагать по жизни, зная, что за каждым твоим новым знакомством, за каждой поездкой, встречей следят люди, не знающие ни сантиментов, ни истории твоей страны. Что им с того, что все сыновья, внуки и правнуки Лукьяна Колчака, сотника Бугского казачьего войска, верой, правдой и кровью служили России, рубились за нее в боях, заслоняли ее грудью под Севастополем и Порт-Артуром, глотали смерть вместе с соленой морской водой на Балтике и в Черном море.

Не знали на Руси такой ветхозаветной жестокой мести, когда преследованию подвергался весь род послушника.

Итак, в 1946 году Михаил Александров поступил в Ленинградское Военно-топографическое училище и успешно закончил его спустя три года. Почему военно-топографическое?

— Папа был штурманом, — отвечает на этот вопрос Михаил Владимирович, — в нашем доме всегда были морские карты, и я читал их, как книги — запоем... Поэтому, когда на распределение приехали люди во флотской форме и спросили, есть ли желающие служить в Морском картографическом институте, я, конечно же, вызвался первым.

Так он стал флотским офицером, увы — ненадолго. В 1951 году на лейтенанта Михаила Александрова поступил донос в парторганизацию института. Сосед по коммунальной квартире некий подполковник Иванников уведомлял парторганы, что в режимном институте служит под чужой фамилией близкий родственник «кровавого адмирала Колчака».

Открылась ему эта «страшная тайна» так: бабушка Валентина Яковлевна, вдова отставного контр-адмирала Александра Федоровича Колчака (двоюродного брата отца легендарного адмирала) решила перед уходом в лучший мир почистить свой архив. Письма, дневники и прочие бумаги она жгла в печи на общей кухне. Вот тут на глаза бдительному соседу и попались дореволюционные открытки, адресованные Колчакам... Подполковнику очень хотелось улучшить свои жилищные условия за счет семьи Александровых, и он проявил завидную настойчивость — бомбардировал своими «сигналами» и командование училища, и «органы», и Картографический институт. Комсомольца Александрова вызвали на парткомиссию. Напрасно он объяснял, что фамилию менял не он, а отец «по рекомендации реввоенсовета», что отец сложил голову в блокадном Ленинграде... Исключили из комсомола, уволили из рядов Вооруженных Сил. Еще бы чуть-чуть, и на радость соседу арестовали. Однако Михаил Александров написал письмо Сталину с подробным объяснением всех биографических околичностей. Письмо попало «куда следует», и вскоре бывшего лейтенанта вызвали в Москву на парткомиссию военно-морского министерства (было тогда такое). На счастье, один из адмиралов, разбиравший персональное дело, узнав, что Колчаки родом из казаков, заметил во всеуслышание: «Да у нас полстаницы Колчаков!» Похоже, что его реплика все и решила (даром что в той станице жили не Колчаки, а Кольчаки, но никто не стал вдаваться в орфографические детали). Лейтенанта Александрова восстановили в кадрах ВМФ, но вместо Картографического института, где открылась тайна фамилии, ему предложили найти новое место службы. Он выбрал Север, гидрографию.

Так, спустя ровно полвека, в тех же самых местах, где зимовал, штормовал и хаживал то на шхуне, то на лыжах лейтенант Александр Колчак, объявился его сродственник — лейтенант Михаил Александров (Колчак). Вот и не поверь после этого в переселение душ, если на одних и тех же Новосибирских островах почти след в след прошли они по белому безмолвию Арктики. По одним и тем же картам сверяли они свои курсы — один на шхуне «Заря», другой на гидрографическом судне «Мурман», ходили в одни и те же высокие

широты. Именно ему, Михаилу, выпало исполнение несбывшейся мечты своего знаменитого сородича: побывать на берегах шестого континента — Антарктиды. И не просто побывать, а дважды зимовать, работать, исследовать эту самую загадочную часть планеты, перенести там хирургическую операцию. Правда, все это было потом, после того как в ходе «хрущевского сокращения» Вооруженных Сил ему пришлось в 1955 году все же расстаться с военным флотом и в звании старшего лейтенанта запаса начинать жизнь заново, точь-в-точь как пришлось начинать ее отцу его в двадцать втором. Снова кадровики пугались его бывлой фамилии, снова бесконечное обивание порогов различных ленинградских контор. Только летом 1956 года повезло — приняли старшим техником в отдел географии Арктического НИИ. Оттуда открылись ему пути и на Северную Землю, и на Новосибирские острова, и на остров Шмидта, и в Антарктиду.

По итогам той воистину героической работы была написана кандидатская диссертация — «Ландшафтная структура земли Эндерби». Наверное, не случайно именно ему доверили давать названия новооткрытым в Антарктике горам, бухтам, мысам, островам. За труды на шестом континенте Михаил Владимирович был награжден орденом Знак Почета.

Есть у него заветное «географическое» желание — восстановить на карте Арктики остров Колчака в Ледовитом океане, тот самый, что командор Русской полярной экспедиции барон Толль нарек в честь своего сподвижника, открывшего и описавшего этот дикий клочок суши, окруженный льдами. А пока он бьется за восстановление своей родовой фамилии, принесенной в жертву гражданской войне.

Живет кандидат географических наук, капитан в отставке Михаил Владимирович Александров (Колчак), как и большинство питейских пенсионеров, за чертой бедности. Растит внучку, пишет научные статьи, перебивается дачным огородиком. Старенький, купленный в лучшие времена «Запорожец» — на вечном приколе. Делит с мужем все былые и нынешние невзгоды верная подруга Вера Александровна. Она тоже из старого морского рода. В ноябре отметят свою «золотую свадьбу».

Неожиданно помог им в их нелегкой пенсионерской юдоли иркутский пивной комбинат, выпускающий пиво «Адмирал Колчак». Странно, что это сделали пивовары, а не российские моряки...

А вот первый в России музей адмирала Колчака, как ни странно, открылся не в Омске, не в Иркутске и даже не в морской

столице России Санкт-Петербурге, откуда он родом, а в курортном городе Кисловодске, где адмирал, изъездивший всю Россию, никогда не бывал...

И все-таки в том нет случайности. В Кисловодске родилась Анна Тимирева. Она и после смерти своей приютила память о самом любимом человеке — Александре Васильевиче, Сашеньке, в своем родном городе. Получилось так, что сначала именно ей, Анне Тимиревой, решили посвятить уголок в музыкальной гостиной кисловодского театра «Благодать» его руководители — В. Интосими и Э. Стадниченко. Однако «уголок» очень скоро перерос в обширную экспозицию, теперь уже постоянно действующую на правах народного музея, где представлены уникальные документы и фотографии, рассказывающие не только об истории любви Тимиревой и Колчака, но и о жизни, военной, научной и политической деятельности адмирала. Большинство из них совершенно не известны россиянам, поскольку лишь совсем недавно были переданы в дар фонду культуры обществом русских эмигрантов «Родина» из американского города Лейквуда.

Поскольку театр «Благодать» существует при военном санатории, то первыми посетителями нового музея стали офицеры российской армии, для которых служение адмирала России, его верность воинскому долгу, его научные и ратные подвиги в Арктике, Порт-Артуре и в годы первой мировой войны станут вдохновляющим примером. Кисловодский музей — первая в своем роде попытка сказать правду о том, каким на самом деле был адмирал Александр Васильевич Колчак.

А в восьмидесятую годовщину гибели Колчака омичи почтили память адмирала: в Казачьем соборе отслужили панихиду по «болярину Александру», потом члены военно-исторического клуба «Белая гвардия» пронесли портрет Верховного правителя по улицам его бывшей столицы, положили цветы к решетке особнячка на набережной, где размещалась резиденция Колчака. Эти цветы дороже всяких бумажных реабилитаций.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Я вдруг открыл для себя — в который раз! — как недавно было все, что на стыке веков кажется замшелой древностью. Мой отец родился в Иркутске в 1919 году — при Колчаке! Наверное, какой-нибудь супербдительный кадровик в иные времена мог засчитать ему это как компрометирующий материал. А вот дед — Андрей Иванович Черкашин, красноярский казак, неспроста сгинул на каких-то принудительных работах в якутском краю. Да и семеро красноярских Черкашиных проходят по расстрельным чекистским спискам. Колчаковцы?

Много раз собирался съездить на отцовскую родину, отыскать место, откуда взмыла в небо душа адмирала. За меня это сделал мой коллега по «Комсомольской правде» Н. Савельев.

РУКОЮ ОЧЕВИДЦА: «На месте расстрела Верховного правителя сейчас валяются пустые разбитые ящики, какие-то грязные свертки и банки. Проруби, как и льда на Ангаре, теперь нет. Уже давно из-за ГЭС река лишена своей естественной жизни. Было холодно, зябко, а от реки валил густой пар. И ничто и нигде не напоминало об этом человеке. Словно и не было».

Сегодня место гибели Колчака привели в должный вид. Поставлен поминальный крест, приходят иркутяне, чтобы постоять на берегу Ушаковки и помянуть адмирала.

Вечером 6 февраля 1998 года, в годовщину гибели Колчака, в Иркутском драмтеатре состоялась премьера спектакля «Звезда адмирала».

В процессе работы над пьесой «во время долгого, кропотливого поиска и сбора исторических фактов Сергей Остроумов и режиссер спектакля Вячеслав Кокорин нашли документы о тайном захоронении адмирала на берегу Ангары. Из них следует, что весной 1920 года тело Александра Васильевича было найдено местным жителем в двух десятках километров ниже устья Ушаковки. Приехавшие на место

представители следственных органов провели опознание, зафиксировав этот факт в официальном акте, затем тайно похоронили неподалеку. На поверхности земли могилу, разумеется, не отметили, но составили официальный акт и приложили к нему карту-схему, на которой захоронение отмечено крестиком. Все найденные документы имеют гриф «секретно». В настоящее время определяется их подлинность, в которой Сергей Остроумов совершенно не сомневается».

Нет ничего невероятного в сообщении журналиста Георгия Дробина. Дождаться бы официального подтверждения.

Летом 2004 года стало известно, что сибирские казаки собираются поставить в Иркутске на месте гибели адмирала памятник Александру Колчаку. Известный скульптор Вячеслав Клыков изваял адмирала в бронзе. Правда, местные большевики тут же заявили, что памятник взорвут, как взорвали памятник Николаю II в Тайнинском. Адмирал Колчак даже бронзовый по-прежнему страшит тех, кто чувствует свою историческую вину перед Россией.

Ленин ненадолго пережил своего поверженного противника... Победители не знали ни скромности, ни милосердия, ни великодушия. Первородное имя его города было заменено на партийный псевдоним «вождя всех рабочих», не знавшего, в отличие от Колчака, с какой стороны подходят к токарному станку. Идеи адмирала об освоении Севера и арктических морей были вложены в уста и декреты «основоположника всех великих начинаний». И первый атомный ледокол, конечно же, был назван именем политика, не бывавшего нигде севернее Гельсингфорса.

Имени Колчака, разумеется, не было в той «Капсуле памяти», которую опустили под лед на Северном полюсе во время арктического шоу в августе 1977 года. Поход атомного ледокола «Арктика» был приурочен к шестидесятилетию Октября, и с борта его, из географической точки Северного полюса, как и предусматривал сценарий, был отправлен торжественный рапорт Генеральному секретарю ЦК КПСС Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу о выдающейся победе советской науки и техники. По этому поводу на дно океана ушла капсула, туго набитая «документами века»: проект Конституции СССР, текст перелицованного гимна, номера газеты «Правда» с обсуждением Основного закона... «Утопили Конституцию», — шутили потом остряки.

Не было там только имен первопроходцев этого пути. Они остались лишь на карте, по которой штурман «Арктики» прокладывал свой «исторический» маршрут. Да и то не все...

Семьдесят лет и три года над именем Колчака довлело заклятье. Если его и упоминали в статьях и книгах, то не иначе как с клеймами ярого контрреволюционера, монархиста, кровавого диктатора...

Дозволялось печатать фотографии Гитлера и Геринга, Геббельса и Гиммлера, но нигде нельзя было увидеть портрета Колчака. На лик его также был наложен запрет. И вот заклятье спало.

Вышла добрая дюжина книг о Колчаке — роман, монографии, сборники документов, иллюстрированная биография, фильмы, документальные и художественные.

Кто-то твердит по старой памяти — «дань моде». Нет. Воздаяние по заслугам. Ибо вслед за графом Столыпиным адмирал Колчак мог повторить слово в слово: «...Ответственны мы в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, не стыдящейся быть русской, и эта ответственность — высочайшее счастье моей жизни».

*Санкт-Петербург — Севастополь — Омск — Иркутск — Полярный
1987—2004 годы*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Один из лучших писателей двадцатого века, лауреат нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин нашел для адмирала Колчака едва ли не самые проникновенные слова.

ПЕРОМ ПИСАТЕЛЯ: «...Думая о нем и о той беспросветной тьме, что заступила уже все пути наши, развернул Библию — делаю это теперь особенно часто — и взгляд упал на 79-й псалом:

«Боже, пришли язычники в наследие Твое, осквернили храм Твой, превратили Иерусалим в развалины, отдали труды рабов Твоих в пищу птицам небесным, тела святых Твоих — зверям земным... Боже, мы сделались посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас... Пусть скорее встретит нас милосердие Твое, ибо мы весьма измучены... Пусть придут перед лицо Твое вздохи узников, силою мышцы Твоей сохрани обреченных на смерть...»

...Ничего не могу прибавить к этим изумительным ветхозаветным строкам. В них все сказано. И потому — воистину «мы весьма изнурены» и уже не хватает сил и желания говорить среди «окружающих нас». Одни из них мечут жребий о ризах наших, другие ви-тийствуют о «светлом будущем», а ТАМ — ТАМ только «вздохи узников», муки «обреченных на смерть», *защиты* и спасения себе теперь уже ниоткуда не чающих.

Молча склоняю голову и перед Его могилою.

Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее.

Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано Его имя в летописи Русской земли.

(«Общее дело». Париж. 1921 год, 7 февраля)

НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ПАМЯТИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Сергей Бонгарт

Он защищал страну от смуты, Как только мог.
Но дьявол карты перепутал.
Оставил Бог.
Смерть лихорадочно косила
Со всех сторон,
Тонула, как корабль, РОССИЯ,
А с нею — Он.
Его вели между вагонов,
Как черти в ад.
Разило водкой, самогоном —
От всех солдат.
Худой чекист, лицо нахмура,
Отдал приказ...
А Он курил, — как люди курят, —
В последний раз...
Шел снег. Медлительно и косо,
Синела мгла...
Уже кончалась папироза
И пальцы жгла...
— Повязку? — Нет, со смертью в жмурки
Играет трус.
Он видел силуэт тужурки,
Скулу и ус.
И портсигар отдал солдату:
«Берите, что ж,
Не думаю, чтоб мне когда-то
Еще пришлось...»
Ночная тьма уже редела,
Чернел перрон,
И как всегда после расстрела,
Не счесть ворон.
Они, взметнувшись, к далям рвутся,
Летят, летят...
И виснут тучи над Иркутском,
И люди спят.

ЗВЕЗДА

*Порошу, превращая
в грязь,
Толпа безликая мешала —
Вели, безбожно матерясь,
Красноармейцы Адмирала,
А он — спокоен,
как всегда,
И тихо с тонких губ
срывался
Мотив любимого романса:
«Гори, гори моя звезда...»
— Огонь! —
И приняла вода
Обезображенное тело,
И адмиральская звезда,
Как свет
в глазницах потемнела...
Красноармеец наклонился,
Пытаясь зачерпнуть воды:
В ней красный силуэт
звезды
С его фуражки отразился.
За эти долгие года,
Казалось, навсегда затмила
Пятиконечная звезда
Кровавым блеском все светила.
И все ж настанет день, когда
Над бездной пошлости вселенской
Затмится красная звезда
Звездой чистой Вифлеемской!*

Библиография

сочинений А.В. Колчака — научные труды, отчеты, рукописи и докладные записки, посвященные вопросам океанологии, исследованию Арктики и ледокольному судостроению

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

Мичман Колчак А.В. Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г. // Зап. по гидрографии. 1899. Вып. XX. С. 95—113. *Колчак А.В.* Отчет о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 г. Прил. 3 // Изв. Имп. АН. Сер. V. 1901. Т. XV, № 4. С. 361—364.

Колчак А.В. Отчет по гидрологическим работам, произведенным в течение первой зимовки и навигации 1901г. Прил. 4 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 221—223. *Колчак А.В.* Отчет по съемочным работам на месте первой зимовки. Прил. 5 // Там же. 1902. Т. XVI, № 5. С. 224—225.

Колчак А.В. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю (VII) // Там же. 1904. Т. XX, № 5. С. 149—157. *Колчак А.В.* Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Изв. Имп. РГО. 1906. Т. 42, вып. 2/3. С. 487—519.

Колчак А.В. (перевод). Таблица точек замерзания морской воды Мартина Кнудсена // Зап. по гидрографии. СПб., 1907. Вып. XXVIII. С. 25—29. *Колчак А.В.* Плавание до Берингова пролива (9 февр. 1907, статья в газете) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1227. Л. 24. Хранится в архиве.

Колчак А.В. Лед Карского и Сибирского морей // Зап. Имп. АН. Физ.-мат. отд. Сер. VIII. 1909. Т. 26, № 1. С. 1-У, 1—169, 11 табл., 60 рис., 24 фот.

Колчак А.В. Карта, Таймырский пролив. С частью берега лейтенанта Харитона Лаптева. По карте северо-восточной части Карского

моря, составленной лейтенантом Колчаком в 1908 г. // Там же. 1909. Т. 26, № 1. Прил.: карта

Колчак А.В. Карта № 679. Планы якорных стоянок на северо-западном (ЖУ) берегу Таймырского полуострова. Залив Миддендорфа, Коломейцева, рейда «Заря» и южная часть Таймырского залива составлены лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 681. Карта северо-восточной (N0) части Карского моря от острова Вилькицкого до мыса Михайлова. Составлена лейтенантом Колчаком. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 687. План губы Нерпичьей и лагуны Нерпалах на западном (XV) берегу острова Котельного. Съёмка и промер выполнены лейтенантом Колчаком в 1901—1902 гг. Издана Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1906 г. СПб., 1906.

Колчак А.В. Карта № 712. Карта северо-восточной (NO) части Карского моря от мыса Михайлова до устья реки Таймыры (Берег Харитона Лаптева, архипелаг Норденшёльда и Таймырский залив). Составлена лейтенантом Колчаком при участии подпоручика Прокофьева. Издан Главным гидрографическим управлением Морского министерства в 1908 г. СПб., 1908.

Колчак А.В. Какой нужен России флот // Морской сборник. 1908. Т. 346, № 6. С. 31—67; 1908. Т. 347, № 7. С. 1—25.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

Колчак А.В. Лекция: О современном положении Русской полярной экспедиции (чтение в Иркутском географическом обществе 21.11.1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 3об.—4об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Письмо — отчет Председателю Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции академику Ф.Б. Шмидту (от 14 марта 1903 г.). Автограф в Приложении // ПФА. РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 159. Л. 6—8, 5об.—7об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Дневник о работе в Русской полярной экспедиции в 1900—1903 гг. // РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—16, 1об.—16об. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Памятная записка (от 25.IX.1906): О плавании северо-восточным проходом вдоль берегов Сибири от устья р. Енисей до Берингова пролива. (Записку поручил подготовить председатель Ко-

миссии по исследованию Северного Ледовитого океана член Адмиралтейств-Совета адмирал В.П. Верховский для начальника Главного гидрографического управления ген.-лейт. А.И. Вилькицкого 23. VIII.1906 г.). Автограф в Приложении // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 3—8 и 3. об.—8 об. Рукопись.

Колчак А.В. Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России (11 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 43—45. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Материалы к вопросу об исследовании берегов Сибири (15 января 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 45—93. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Об экспедиции в Карское и Сибирское моря (9 апреля 1907 г.) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 104—111. Хранится в архиве, рукопись.

Колчак А.В. Докладная записка от 26 сентября 1907 г. в Главное гидрографическое управление и в Главный морской штаб. (Анализ проектов ледоколов для исследования СЛО, соавтор Ф.А. Матисен) // РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 243—245 и 243 об.—244 об. Рукопись, см. Приложение.

Колчак А.В. Замерзание Балтийского моря и заливов (1909) // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 127. Л. 103—104, 103 об. 104 об. Хранится в архиве, рукопись. Над маш.п. текстом рукой Колчака сделана надпись: «Составил капитан 2-го ранга Колчак в 1909 г. для Комиссии по Командующих флотами и Комендантов крепостей».

ЛИТЕРАТУРА О КОЛЧАКЕ:

Богданов К. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб.: Судостроение, 1993.

Егоров Г. (составитель). Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул: Алтайское книжное изд., 1991.

Кларов Ю. Арестант пятой камеры. М.: Политиздат, 1990.

Краснов В. Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету. М.: Авиар. М.: 1992.

Краснов В. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М.: Олма-пресс. 2000. В двух томах.

Максимов В. Звезда адмирала Колчака. Роман. Минск: Эридан, 1991.

Синюков В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука. 2000.

Плотников И. Колчак. Ростов-на-Дону: Изд. Феникс. 1998.

Поваляев В. «Верховный правитель» М.: АСТ, 2000.

«Прости, великий адмирал!..». Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992.

Рябов Г. Конь белый. М.: БИНОМ, Крим-Пресс, 1994.

Филимонов Б. Белая армия Колчака. М.: Рейтар, 1999.

Черкашин Н. «Звезда Колчака». М.: Андреевский флаг. 1993.

Черкашин Н. Адмиралы мятежных флотов. М.: Совершенно секретно, 2003.

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». Сборник. Составители Т.Ф. Павлова. Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М.: Прогресс, Традиция, Русский путь. 1996.

Содержание

ОТ АВТОРА.....	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛАЯ КАРТА.....	9
Вместо пролога. Ленинград. Май 1990 года	9
Глава первая	
СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ	10
Глава вторая	
«НАДО КОЛЧАКА СПРОСИТЬ»	25
Глава третья	
«НА ВАХТУ НАРЯЖЕН МИЧМАН КОЛЧАК!»	36
Глава четвертая	
К ЗЕМЛЕ САННИКОВА!	55
Глава пятая	
«ЗАРЯ» ПЛЕНИТЕЛЬНОГО... СЧАСТЬЯ?	65
Глава шестая	
«ГРАНИЦЫ РОДИНЫ С ГРАНИЦАМИ ТВОРЕНИЯ...»	79
Глава седьмая	
«ТАМ, ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ, ЕСТЬ БЛАЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ...»	85
Глава восьмая	
«ПРИЗРАЧНО ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ БУШУЮЩЕМ...»	95
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БЕЛЫЙ КРЕСТИК	111
Глава первая	
«ИДУ НА ВОЙНУ ИЗ ИРКУТСКА...»	111
Глава вторая	
КОМАНДИР БАТАРЕИ СКАЛИСТЫХ ГОР	114

Глава третья	
«РЮМКА НЕМЕЦКОЙ КРОВИ» ДЛЯ... КОЛЧАКА	127
Глава четвертая	
САМЫЙ МОЛОДОЙ АДМИРАЛ РУССКОГО ФЛОТА	155
Глава пятая	
ЛУЧШИЙ КОРАБЛЬ ФЛОТА	175
Глава шестая	
КОЛЧАК И ЧЕРЧИЛЛЬ	202
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БЕЛАЯ НОЧЬ. Год 1917	211
Глава первая	
ФЛОТОКРУШЕНИЕ	213
Глава вторая	
ПОСЛЕДНЯЯ КРУГОСВЕТКА...	240
Глава третья	
ОТ «ОБАЛДУМЫ» К ДИРЕКТОРИИ	260
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БЕЛАЯ АРМИЯ	268
Глава первая	
ЧЕТВЕРТАЯ СТОЛИЦА	268
Глава вторая	
ПАРАД	279
Глава третья	
ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД»	304
Глава четвертая	
ПОД ЛЕДЯНЫМ САРКОФАГОМ	312
Глава пятая	
«КНЯЖНА»	323
Глава шестая	
ВДОВА КОЛЧАКА	329
Глава седьмая	
«КРАСНЫЕ КОЛЧАКИ»	341
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	356
ПРИЛОЖЕНИЯ	359
БИБЛИОГРАФИЯ	362

Черкашин Н.А.

Ч 48 Адмирал Колчак: диктатор поневоле. — М.: Вече, 2005. — 376 с., илл. (16 с.) (Досье без ретуши)

ISBN 5-9533-0518-4

Книга писателя-мариниста и историка флота Н.А. Черкашина рассказывает об адмирале А.В. Колчаке. Александр Колчак — это прежде всего выдающийся путешественник, занимавшийся вопросами океанологии, гидрологии, исследования Арктики и ледокольного судостроения. В годы Первой мировой войны Колчак — виднейший русский флотоводец, а в последний период своей жизни, в лихолетье Гражданской войны, взвалил на себя тяжкий крест власти, став Верховным правителем России. Как отмечает автор, до сих пор официальные власти страшатся имени Колчака, то ли по преемственности от большевистских правителей, то ли от нежелания брать на себя еще одну заботу — увековечивать память «весьма спорного деятеля Гражданской войны». Однако среди самых выдающихся десяти полководцев России XX века россияне третьим после маршала Жукова назвали адмирала Колчака.

ЧЕРКАШИН Николай Андреевич

**АДМИРАЛ КОЛЧАК
ДИКТАТОР ПОНЕВОЛЕ**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *П.И. Руднев*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *М.А. Виноградов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
Д.В. Грушин

Гигиенический сертификат
№77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательский дом «Вече»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательство «Вече 2000»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>,

www.100top.ru

Подписано в печать 10.11.2004. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 23,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 0415470.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

